А. В. Казаков

Аналой

Братск, 2014 г.

«Аналой». – г. Братск: тип. «Полиграф», 2014 – 480 с.
Проза, публицистика, сказки.

Книга издана с благословения священнослужителей отца Андрея Чеснокова и отца Георгия Малого. Низкий поклон им.

Кланяюсь также Сергею Максимовичу Маслакову, ибо без него эта книга не состоялась и дело не в деньгах, а в душе.

© А. В. Казаков, 2014 г.

© Оформление ООО «Полиграф»

БЛАЖЕН УВЕРОВАВШИЙ!

Преподобный Антоний в ранние века христианства говорил: «Приходит время, когда люди будут безумствовать, и если увидят кого не безумствующим, восстанут на него и будут говорить: «Ты безумствуешь, — потому что он не подобен им».

Да. Он не подобен большинству из нас. Не однажды слышал я о Толе Казакове: «Да он юродивый просто». И это ещё говорилось по-доброму. А то и со злобой шипели: «Притворяется! Строит из себя святошу, а на самом-то деле тот ещё фрукт!» И тут же опровергали себя: «ЛОХ!»

Я Анатолия знаю довольно продолжительное время и являюсь его другом. Поэтому считаю вполне возможным дать этому замечательному человеку свою, как мне кажется, объективную оценку ему и его творчеству. Вера, настоящая вера в Бога – не та, что оканчивается крещением лба, а заставляющая жить по божески, отличает Анатолия Казакова от многих, и особенно от пытающихся вымарать его в наветах. Но кто бы что ни говорил, а это он каждый год ездит на могилу нашего земляка, сказочника и мечтателя, Геннадия Павловича Михасенко. И ездит не просто так, а ухаживает за ней: вырезает кустарник, убирается в оградке, следит за надгробием. Это он, чему я был свидетелем не раз, старается помочь тем, кто действительно нуждается в помощи. Пусть не материально, но и сбегает по всем инстанциям, и поручения любые выполнит, и морально поддержит. Да, сам он далеко не богат. На свою небольшую зарплату охранника приходится ему вместе с супругой Ириной поднимать двух сыновей. А ещё необходимо выкроить из семейного бюджета на небольшие тиражи собственных книжек. Ведь как иначе поделиться с миром тем, что видят глаза и чувствует душа. Ведь кто-то может и просмотреть и не обратить внимания. Значит надо поделиться увиденным чудом с другими. А надо сказать, что Анатолий наделён редким даром – видеть чудеса. Впрочем,

прочитавший эту книгу запросто убедится в этом сам. Его чудесные рассказы завораживают своей простотой и русскостью. И пропитаны они добротой и православной верой. Толя сам является человеком добрым и глубоко верующим. Именно в вере, в молитве, в беседах со священниками и посещении церкви находит он силы противостоять всему злому на своём жизненном пути. А ещё он способен любить людей и уважать их. Рассказы Анатолия Казакова нашли своего читателя во многих печатных и интернет-журналах: «Истоки», «Живое слово» и других. Хотелось бы сделать ещё один штрих к портрету автора этой книги. Толя замечательно поёт. Он давно солирует в народном хоре «Русское поле» и принимает участие в культурных мероприятиях города. Желание приобщиться к настоящему искусству часто толкает его в дорогу. Со своим другом, журналистом Сергеем Маслаковым, Казаков не раз посещал родные места наших великих земляков Шукшина, Евдокимова, отправлялся в заброшенные деревеньки области, общался с мудрыми стариками, там живущими.

Много ещё можно рассказать об Анатолии. Но гораздо лучше меня это сделает его книга, которую вам, читатель, предстоит сейчас прочитать. Приятного прочтения!

Юрий Розовский – член Союза писателей России.

Переписка с женой великого русского писателя Василия Ивановича Белова, Ольгой Сергеевной

«Будьте человечны в одну из самых бесчеловечных эпох мировой истории, храните образ человека, он есть образ Божий.»
Николай Бердяев.

Каждый, кого сподобил Господь прикоснуться к пониманию, что же такое исконно русская литература, приходит к многозначительным выводам и довольно ясным определениям. Одним из них является то, что русская литература святая. Именно она после 1917 года продолжала воистину труднейший путь к восстановлению нашей, слава Богу, многовековой Православной Веры…

Перечитав почти все труды великого русского писателя Василия Ивановича Белова, решил написать письмо в Вологодскую писательскую организацию. Конечно не верилось, что получу хоть какой-то ответ, да и прошло с тех пор довольно много времени…

Как-то зимним утром, придя с работы, обнаружил в почтовом ящике конверт. Прочитав, обомлел: «Василий Иванович Белов»!.. Дрожащими руками открыв дверь своей квартиры, подошёл к иконе и бухнулся на колени. Крестился и плакал. Господи, ведь сам Великий русский писатель, лучший друг Василия Макаровича Шукшина, прислал мне, простому сторожу, письмо… Я продолжал плакать, боясь открыть конверт. Как сейчас помню красочную тройку лошадей на конверте и надпись: «С Новым годом и Рождеством». С большим волнением аккуратно открыл конверт. И вот ещё одно чудо в моей жизни… Оказалось, что письмо писала супруга Василия Ивановича Ольга Сергеевна на мой день рождения. Случилось так, что из Вологодской писательской организации мою весточку принесли Беловым прямо домой.

Из письма Ольги Сергеевны я с огорчением узнал, что Василий Иванович давно не работает творчески по причине

тяжёлой болезни и ещё она благодарила меня за глубокое понимание его произведений. Посетовала Белова и на то, что нынешние книжные полки магазинов завалены бездуховными и абсолютно безнравственными материалами.

Вот так просто и незатейливо началась наша переписка. Я стал высылать им свои деревенские рассказы и стихи. Они же в ответ слали мне своё мнение…

Однажды в разговоре с главным редактором газеты «Сибирский характер» Сергеем Маслаковым, который родом с Алтая, упомянул о переписке с Беловыми. Его удивление было настолько велико, что он закричал: «Ты понимаешь, Толя, ты же всё равно, что от Василия Макаровича Шукшина письмо получил!»… Поведал мне Сергей и о том, что, когда он женился на молодой журналистке Ирине Лагуновой, то в их семейной библиотеке было всего лишь две книги, одна из которых была Василия Ивановича.

Именно благодаря Сергею и Ирине несколько писем от Ольги Сергеевны были напечатаны в областной газете «Наш Сибирский характер», и эти публикации затем были отправлены мной Беловым. Ольга Сергеевна на это ответила так: «Разумеется, на публикацию моих писем я не рассчитывала. Была удивлена, где-то недоумевала, хотя, признаться, чуть-чуть было приятно». Писала она и о 75-летии поэта Владимира Кострова, и о «Рубцовской осени», на которой многие композиторы и певцы исполняли песни на стихи великого русского поэта Николая Михайловича Рубцова. Я был очень рад это узнать – вот уж где действительно настоящее искусство, вот где истинный русский, соборный народ.

О, Боже, как же я радовался, читая эти прекрасные строки, радовался, что состояние здоровья Василия Ивановича, слава Богу, стабильно.

Уже в следующем письме узнаю, что Ольга Сергеевна свезла его в родную деревню Тимониху. «Родину повидал из окошечка своего дома», пишет она. Оказалось, что в это самое время проходил праздник сенокоса. Было соревнование по от-

биванию кос, затем косили, смётывали стога. Перед глазами Василия Ивановича и Ольги Сергеевны предстала огромная народная ярмарка. Исполнялись песни, читались замечательные стихи…

Узнал из писем и то, что ежегодно в Вологде среди старшеклассников проводятся «Беловские чтения», и что мои работы Ольга Сергеевна отдала в центр Белова с надеждой на то, что я возражать не буду.

…Именно благодаря Василию Ивановичу я стал писать стихи и рассказы о деревне, названия которых возникали в голове молниеносно. Так родились у меня: «Русское знамение», «Блаженный Толька» и «Ванька Баум».

…Многострадальная, но вместе с тем и добрая деревенская проза во многом перевернула моё мировоззрение. В своих рассказах я отчётливо вижу родную деревню Леметь. Каждой клеточкой своего нутра ощущаю тяжелейший труд крестьян и искреннюю любовь их к Богу. В каждом доме бережно хранятся и передаются по наследству иконы и православные книги. Деревня же наша испокон веков плела лапти и успешно торговала ими. Лишь в XX веке это ремесло сменилось на другое. Стали плести корзины, но и это очень выручало деревенских жителей, ибо пенсию в деревнях в то время не платили. Только благодаря торговле и товарообмену выживали наши предки… Эти воспоминания и размышления о своих рассказах словно бурлили во мне. Сама жизнь указывала мне, какое великое наследие оставили нам писатели-деревенщики, и я с огромной радостью вновь и вновь повторяю их имена: В. И. Белов, В. П. Астафьев, Ф. А. Абрамов, В. М. Шукшин, В. Г. Распутин и т.д…

В ожидании долгожданного письма прошло много месяцев. Я понимал, что Ольге Сергеевне не до этого, что ухаживать за больным мужем очень непросто, но всё же терпеливо ждал…

Ожидание это передать невозможно… В этой жизни, где-то в далёкой Вологде живут дорогие для моего сердца Бело-

вы и я надеялся, что Ольга Сергеевна всё же напишет мне письмо... Хотя присутствовало и чувство вины, что беспокою пожилых людей.

Жена встретила улыбкой: «Дождался, письмо пришло!». Дрожащими руками открываю конверт. Привожу здесь начало того письма дословно: «Василий Иванович чувствует себя хуже, потому и не успеваю всё делать. Быт совсем заел. Василий Иванович плох, но, слава Богу, стабилен».

Нервы разбередились не на шутку. Иду в храм, ставлю свечи за здоровье Василия Ивановича и молюсь, молюсь, молюсь…

Сколько же ответственности лежит на тех, кто пишет сейчас! Боже, помоги нам, грешным, не подвести наших великих писателей-деревенщиков, ибо они, смею утверждать, лучшие в мире…

…В жизни каждого из нас есть такие божественные моменты, когда требуется от человека только заметить их, но и обнаружить эти самые моменты бывает чрезвычайно трудно. Знаю это по себе, ибо думаю, что пропустил много хорошего и не заметил, но эти письма… Как же я безмерно благодарен Создателю за такое чудо в моей жизни. Слава Богу, есть семья, дети, и это тоже воистину Божье чудо. Но ведь есть и исконно русская литература…

Сколько в ней всего… бери, напитывай себя. Высокая духовность русских писателей врождённая. Именно Её Величество святая русская деревня сыграла в этом становлении наивысшую глубинно-нравственную роль…

Недавно получил очередное письмо от Беловых, из которого узнал, что у них «всё по-прежнему. Василий Иванович в том же состоянии, но есть какие-то надежды на возрождение: чувствует себя бодрее и радостнее»…

Письма от Беловых я буду бережно хранить или передам в городскую центральную библиотеку…

21 августа 2012 г.

Светлой памяти великого русского писателя Василия Ивановича Белова

«Никогда корневая система не рвалась так необратимо, как сейчас, и никогда вместе с этим не была так остра тяга к возвращению утраченного родства».
В.Я. Курбатов

5 декабря, в 6 часов утра, я, как обычно, заполнял рабочие журналы. Включил радио, в короткой сводке последних новостей было объявлено о том, что умер писатель Василий Белов.… Внутри всё похолодело. Уже в восемь утра мною была отправлена телеграмма в Вологду: «Плачу и скорблю». Ольга Сергеевна все последние годы оберегала нашего великого русского писателя от тяжелого недуга, но болезнь есть болезнь. И тут трудно что-либо добавить.

Ровно за неделю до этого в нашей городской библиотеке взял книгу «Лад». Умер же мой любимый писатель четвертого декабря. Так вот, именно этого числа поздним вечером я читал слова из замечательной его книги: «Старики, до конца исчерпавшие свои физические силы, не теряли сил духовных; одни призывали смерть, другие терпеливо ждали её. У северного русского крестьянина смерть не вызывала ни ужаса, ни отчаяния, тайна её была равносильна тайне рождения. Смерть, поскольку ты уже родился, была также необходима, как и жизнь».

Вот такие рассуждения автора я прочитал, как оказалось, в день его смерти. Я терзал себя: «Ну почему это всё со мной происходит?» И вдруг понял, что Господь, зная мое отношение к Василию Иванычу и его замечательной жене Ольге Сергеевне, просто пожалел меня и мои не на шутку разбе-

редившиеся нервы. Перечитав несколько раз эти слова уже немного позже, я уверовал в то, что душа дорогого для меня человека Василия Ивановича сделала так, чтобы я прочитал это именно тогда, когда его самого не станет. Все трое суток я, то и дело переключая каналы телевизора, ждал, как откликнутся на смерть великого русского писателя телевидение, общественность, но первым делом с интересом прочитал «Литературную газету». Спасибо авторам огромное за материал о Белове. Канал «Россия» не подвёл и дал обстоятельную и правильную оценку о действительно невосполнимой потере праведно жившего и оставившего после своего ухода семь томов русской деревенской прозы. По каналу «Культура» был показан документальный фильм о Василии Ивановиче. Потрясающе искренние слова об этом фильме были произнесены замечательным русским писателем и критиком Валентином Яковлевичем Курбатовым. Во время фильма я плакал и слушал самого Василия Ивановича. Конечно, по-русски выпил за помин его души. А он говорил, что не надо его снимать, лучше жену снимите. Разве такая любовь не встрепенёт душу? Но саднит в душе лишь у того, кто по-настоящему любит свою родину. Саднило, ох, как саднило у Шукшина, Астафьева, Абрамова, Распутина, и эта боль вполне объяснима. Почитайте их великие труды, не поленитесь… Первый же канал дал скупую информацию, и от этого было грустно. Выразили свое соболезнование президент Владимир Путин и премьер-министр Дмитрий Медведев. Думалось о том, как тяжело сейчас Ольге Сергеевне. Перед глазами стояли строки её письма ко мне: «Роман «Час шестый» выслать не можем, отдельной книгой у нас нет. А вот трилогию высылаем. Это вам подарок от нас». 23 октября 2012 года Василию Ивановичу исполнялось 80 лет, а в сентябре, придя случайно на почту, я узнал, что на мое имя есть бандероль от Беловых. До этого ранешним письмом я попросил Ольгу Сергеевну, чтобы она прислала мне роман «Час шестый». Посетовал на то, что в Братске его просто нет. И вот я уже дрожащими руками беру

тяжелую бандероль и знаю, что держу в руках. Путь до своей дачи я не шёл, я просто летел по дороге, читая молитвы, думая о том, что я счастливый человек. И вот на даче, открыв бандероль, читаю надпись моих дорогих людей. На глаза опять наворачиваются слезы. Книга почти в тысячу страниц, куда вошли «Кануны», «Год великого перелома» и «Час шестый». Когда я читал эту золотую, воистину золотую для меня книгу, то думал и жалел о том, чтобы она подольше не кончалась. Эти тысячи страниц исцеляли мою душу… Конечно, мне бы очень хотелось, чтобы 80-летие великого писателя отметилось показом всех художественных фильмов, снятых по его произведениям, но этого, к великому сожалению, не произошло. Была очень скромная информация по телевидению, был издан семитомник, но тираж-то маленький. И он вряд ли попадёт в провинциальные библиотеки. Вот ещё от чего горько на душе. Ведь это наша история, наша святая Русь. И так, как доносил её, родимую, наш русский писатель, мало кто способен, донести до читателя.

Перечитываю три письма, пришедшие в 2012 году. Опечалены искренне были Беловы, когда узнали, что у Валентина Григорьевича Распутина умерла жена. Сохранить нравственно-духовную потребность в своей душе, конечно же понимая при этом, что в родимой Отчизне, как всегда, беспокойно – это есть в наивысшей степени человеческий подвиг. Но в том-то и заключается величие писателя Белова, что он никогда не считал это за подвиг. В своих, слава Богу, многочисленных произведениях он показал тяжелейшие испытания, выпавшие на долю русского крестьянства, геноцид властей против собственного народа. Признавался в любви к своей деревне Тимонихе. Как же красочны, по-богатырски сильны описания его земляков. Привожу начало романа «Час шестый». Выпускают из тюрьмы замечательного крестьянина-хлебороба Евграфа Миронова. Всё было у мужика и всё отнято. Стоял отсидевший ни за что Ефграф и дивился. Вот как описывает это Василий Иванович: «Правой рукой он летучим крестом

Василий Иванович Белов с супругой Ольгой Сергеевной Беловой

ещё раз осенил широкую грудь и окинул взглядом белёную извёсткой тюремную стену. Мужик тут же опустил глаза на свои ноги, обутые в непонятную обувь, и в конец устыдился. Не сапоги, не валенки, не шоптаники, а какое-то дикое содружество опорок и тряпок, похожее на обувку украинских выселенцев, – вот, что осталось от прежних яловых сапог!»

Но показывая весь трагизм того, что случилось в 20-30 годах с нашей отчизной, Василий Иванович находит место и для веселых минут, ибо всем нутром понимал, что это жизнь… В любом произведении писателя Белова нет фальши, и ты ловишь себя на мысли, что это всё и есть подлинные документы нашего прошлого.

…В эти три дня я не отходил от телевизора, жадно смотрел канал «Культура» и чего-то ждал. И вот, слава Богу, опять информация о Белове, но безрадостная. Василий Иванович восстановил в Тимонихе Православный храм на свои собственные деньги, а кто-то его осквернил. Это и послужило началом тяжёлого недуга. Наверное, каждый русский человек задавал себе вопрос: «Почему же с нами всё это происходит?» И я действительно не понимаю тех, кто выступает против православной веры. Это всё равно, что идти против своей Отчизны. А прочитав все литературные труды Василия Ивановича и полюбив Вологодчину как родную, содрогнулся от услышанного. Василия Ивановича похоронили в его родной Тимонихе, как истинного сына своей России. Именно так, в своей деревне, были похоронены великие писатели-деревенщики Астафьев и Солоухин. Потому как они и были от земли-матушки. Написал очередное письмо Ольге Сергеевне:

«Поклон из Братска

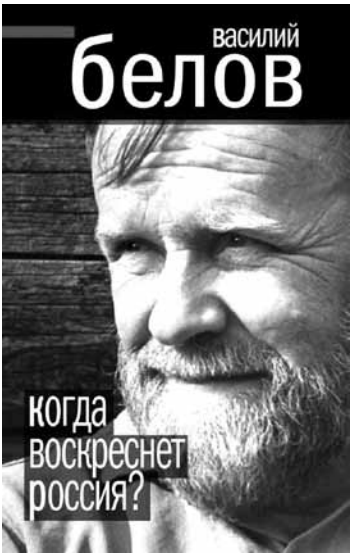
Дорогая Ольга Сергеевна!!!

Примите мои соболезнования, Вы прекрасно знаете, что для меня есть Василий Иванович, я не случайно пишу. Христианская Православная Вера на том и основана. Что вам сейчас трудно, знаю и буду за Вас молиться. Вы знаете, что я простой сторож, поднимаю двоих сыновей, но мечтать мне никто не сможет запретить, и я буду молить Бога о том, чтобы побывать в Тимонихе и поклониться маме писателя Анфисе Ивановне и, конечно же, Василию Ивановичу, да и всем деревенским, ибо это всегда свято. В Братске многие выражают мне соболезнования, зная мое отношение к вашему мужу. Дорогая Ольга Сергеевна, я вас очень очень-очень люблю. Храни Вас Создатель! Вечная память великому русскому писателю Василию Ивановичу Белову!»

За время нашей переписки у меня накопилось десять писем, и теперь я воочию понимаю, что письма эти для меня являются нравственным примером любви русской женщины Ольги Сергеевны. Часть писем была опубликована в книге «Святодавнишняя Русь», но тираж у нее всего 110 экземпляров. О Боже, как же я радовался, когда Василий Иванович и Ольга Сергеевна одобрили мою книгу. Это было истинное литературное счастье. Как бы дальше ни сложилась жизнь, я буду знать, что в моей жизни была переписка с Беловыми. Это для меня останется, пока жив буду, Божьим чудом. И детям своим накажу, чтобы помнили, ибо Белов – это кондовая, зачастую трагичная, временами весёлая, но, по Божьему праву, Великая матушка Русь…

3.01.2013.

Последняя книга Василия Белова



Прошёл ровно год, как не стало великого русского писателя Василия Ивановича Белова. Говорить об этом тяжело, но молчать ещё труднее…

Несколько лет назад, когда Василий Иванович тяжело болел, у меня завязалась переписка с его женой Ольгой Сергеевной, и теперь мне очень дороги несколько скупых строчек в конце писем, где она пишет, что Василий Иванович слушал мои рассказы, положительно отзывался о них и передаёт мне наилучшие пожелания. Господи, было это совсем недавно, почти вчера, а сегодня остается лишь раз за разом перечитывать эти письма и благодарить судьбу за то, что дала мне возможность хоть косвенно, опосредованно, но говорить с этим человеком.

После смерти Василия Ивановича мы редко переписывались; видно, нелегко это давалось Ольге Сергеевне, но тем дороже мне её письма. «Спасибо вам за память о Василии Ивановиче, – пишет Ольга Сергеевна в одном из писем. - Да, уже полгода нет его с нами. Мы с дочкой ездим на деревенское кладбище. Местные власти внимательно относятся к памяти о нём. Мы этим очень тронуты».

Благодарила Ольга Сергеевна в письме моего друга, журналиста газеты «Сибирский характер» Сергея Маслакова за публикации о муже. Сетовала на безжалостное время, хотя и понимала, что это бессмысленно, и я будто видел её грустную улыбку.

Но боевой беловский дух в ней не угас. Ольга Сергеевна нет-нет да помянет недобрым словом то чиновников, то пи-

сателей-бюрократов. В одном из писем она советует не обращать внимания на нападки некоторых писателей, обвиняющих меня в том, что я пытаюсь реанимировать то, чего, по их мнению, уже давно нет, - деревенскую прозу: «Не обращайте внимания на мнение тех писателей (быть может, они и замечательные люди), которые говорят, что писать о деревне неактуально. Хоть и опустели наши сёла, но выживет ли без них страна? Кто-то из крупных писателей сказал: «Не будет деревни – не будет России». В деревне всегда таилось корневое, русское. Сеятель и хранитель – русский мужик, столько раз спасал страну. Да и нравственность русского человека запрятана в генах дальних предков…».

Благодарила Ольга Сергеевна за присланные мною сказки, ибо, по её мнению, они близки по духу и настроению Василию Ивановичу. Я чувствовал, что наша переписка важна ей, и радовался…

Несколько дней назад мне посчастливилось прочитать новую книгу Василия Ивановича «Когда воскреснет Россия» (Издательство «Алгоритм», 2013 год). Предисловие к этой нужной, на мой взгляд, всем русским людям книге написал Валентин Григорьевич Распутин. И названо оно так: «Служба Василия Белова». Службу, служение своему народу – вот что имел в виду Распутин.

Книга составлена из последних бесед, интервью, выступлений Белова. Здесь на лицо хлёсткая, горькая правда о гибели русской деревни, но важно и другое – великий русский писатель верил в возрождение нашего Отечества и национального самосознания. Окунувшись с головой в эту книгу, я вдруг почувствовал: Белов жив и по-прежнему говорит с нами.

Письма Ольги Сергеевны Беловой

2 июня.

Дорогой Анатолий Владимирович!

Благодарим Вас за письмо, за газеты, из которых мы узнали о судьбе потрясающей своим героизмом и постоянством горе русской женщины М. Ковалевой. Хорошо и статья о Вашем творчестве Эльмы Зачиняевой. Вы ещё молодой — и это замечательно! Всё у Вас впереди. Желаем Вам новых творческих удач.

У нас всё по-прежнему. Василий Ив. в том же состоянии, но есть какие-то надежды на возрождение: чувствует себя бодрее и радостнее.

Живём довольно однообразно и уныло. Иногда приезжает дочь из Москвы, привозя с собой в нашу квартиру что-то бодрое и свежее. (Она работает в музее „Московский Кремль", по

Спешу. Наш искусствовед, живет одиноко, но радостно — и слава Богу, не оттого, что одиноко, а оттого, что радостно.)

С трагическими событиями в жизни Валентина Григорьевича знаем. Всё это ужасно! ~~Телеграмму ему послали, а письмо до сих пор не решусь написать. Не представлено, как можно его утешить...~~

А какой он порядочный, славный человек, и такое испытание выпало на его долю! Дай Бог ему сил вынести всё это.

~~У нас холодное дождливое лето.~~

Всего вам наилучшего. Привет от Василия Ивановича.

Будьте счастливы!
Привет Вашим близким.

Ольга Сергеевна

17. 4

Уважаемый Анатолий Владимирович!

Извините, что надолго задержала с ответом. Василий Иванович чувствует себя хуже, поэтому ничего не успеваю делать. Был совсем болен. Нет времени ни на чтение, ни не прогулки, ни на развлечения. Василий Иванович плох, но, слава богу, стабилен. Оценить Ваши очерки „Серафим Саровский и село Лесень" и „Россия — это русская женщина" ~~от~~ — уже ~~не~~ в состоянии. Думаю, что если бы от не был болен, прочитал бы с интересом. В них он бы увидел своего единомышленника. Написаны они просто, искренне, с чувством любви к России. Мне они понравились.

Радостно и то, что Вы еще сравнительно молоды. У Вас еще всё впереди (сразу вспомнился романс Белова с тем же названием — „Всё впереди"

Желаю Вам творческих успехов и всего самого наилучшего. Привет от Василия Ивановича. Он уже знает, что в Бражске живёт Анатолий Владимирович — человек с творческими способностями, патриот-единомышленник.

К нам наконец пришла настоящая весна, что радует душу.

Всего Вам самого наилучшего!

Извините за плохой почерк (пишу с больным пальцем)

С уважением, Ольга Сергеевна

P.S. Ваши очерки отдаю в центр Белова. Пусть школьники и студенты их читают! (Такой центр создан при городской библиотеке. Это три небольших зальчика. Там собраны богатейшие материалы, связанные с творчеством Василия Ивановича)

24 августа.

Анатолий Владимирович!

День добрый!

Извините, что задержался с ответом на Ваше письмо. За газету спасибо — прочитал с интересом, пересказав содержание Василию Ивановичу.

Отвечаю Вам по поводу конкурса им. Гущина — результаты будущее! „Нет денег!" — обычный ответ на всё, что касается культуры. Чинсцо и рукописи 3-й человек, отвечать не успевают, не в состоянии физически — рукописей пять ли не насчитывается. Не утверждаю, что всё прочитали. Знаю, что кого-то наградили, но награждённые всё еще ждут денег. От этого грустно! Может, я не во всём точна — пишу то, что знаю.

Высылаю Вам подарок от нас — трилогию Василия Ивановича. Дело в том, что отдельной книгой „Час пастыря" вышло очень давно в московском издательстве „Глобус" малым тиражом. Этой книги у нас нет. А вот трилогия, куда вошёл „Час пастыря", обнаружилась. Несколько экземпляров у нас ещё есть. Правда читать надо объёмную книгу трудно.

Мы живём по-прежнему. Здоровье Василия Ивановича очень зависимо от атмосферных явлений. Пока держимся!

23 октября ему исполнится 80.

В честь юбилея хотел в Москве устроить презентацию выходящего 7-томника Белова в издательстве „Классика". (Уже 6 томов в свет вышло). Торжество пройдёт в Доме Пашкова, это здание принадлежит теперь библиотеке им. Ленина (теперь это Российская государственная библиотека). Вероятно, я постараюсь на нём быть.

~~А здесь скуку~~ не хотелось бы. Он болеет, да и возраст не для утех.

Вам желаем всего наилучшего!

Привет от Василия Ивановича,

с уважением, Ольга Сергеевна

19.VI.

Дорогой Анатолий Владимирович!

Спасибо Вам за память о Василии Ивановиче. Да, уже полгода нет его с нами. 5/VI мы с дочкой (она на 4 дня приезжала из Москвы) съездили на деревенское кладбище. Местные власти внимательно относятся к памяти о нём. Кладбище в порядке, за могилкой внимательно следят. Мы были этим очень тронуты. Теперь надо думать о сооружении надгробия. Предлагают найти хорошего московского скульптора. Для этого нужны немалые деньги. Обещали помочь.

На днях при областной Администрации собирается комиссия, которая должна заниматься увековечением памяти писателя Белова.

А я всё ещё не могу разобраться с архивами. Вступление в наследство отнимает много сил и времени. Бумаги, чиновники... В конце следующей недели наконец всё это должно закончиться.

Спасибо Вам за Вашу газету, за

Ваши очерки — о ложечнике Погорелове и о добрейшей Анне Ивановне (Царствие ей Небесное!) Хорошо, что Вы обращаетесь к таким людям. На них и держится Россия. Кажется, страну будет спасать провинция.

Не обращайте внимания на мнение тех писателей (быть может, они и замечательные люди), которые говорят, что писать о деревне неактуально. Хоть и опустели наши сёла, но выживем ли без них страна? Кто-то из крупных писателей (к сожалению, забыла, кто) сказал: „Не будет деревни — не будет России." В деревне всегда таилось корневое, русское. „Сеятель и хранитель" — русский мужик, столько раз спасал страну. Да и нравственность русского человека запрятана в генах дальних предков (Россия была крестьянской страной).

Желаю Вам всего наилучшего и больших творческих успехов.

С уважением, Ольга Сергеева

4/VIII.

Добрый день, Анатолий Владимирович!

Извините, что задержалась с ответом: снова уезжала к дочери в Москву.

У меня такая долгая возня с документами по наследству. Плохо иметь дело с чиновниками.

Спасибо Вам за „Сказку о маленьком мальчике". Плохо, что дочка не наградила нас внуками. Читала бы я им Ваши тёплые и добрые сказки. И как хорошо и очень точно дала отзыв о Вашей книжке Эмма Зачиняева. Видно, что это талантливый человек. Лучше — уже не скажешь. Вероятно, она не только журналист, но и писатель. А вам хочется пожелать дальнейшего творчества. Вероятно, кто-то помог издать Вам эту книгу? Ведь здесь нужны немалые финансовые затраты. Думаю, что здесь Вы столкнулись

с проблемами. И, как говорят, всё хорошо, что хорошо кончается.

Желаю Вам успехов!

А я жду, когда наши добрые чиновники выйдут из отпусков. Тогда соберётся комиссия по наследию Василия Ивановича. Впереди много работы.

И так быстро проходит лето. У нас оно дождливое, с пасмурностью.

Всего Вам наилучшего.

Ольге Сергеевне

Ещё раз — спасибо за трогательные строки. Читала с интересом. По настроению они близки к детским книжкам Василия Ивановича. Думаю, что ему они бы понравились.

2/XII

Дорогой Анатолий Владимирович!

Спасибо за очерк „Привычное дело" — об Африкане Филипповиче Осипове.

На таких людях, высоконравственных и скромных тружениках, и держится Россия.

Вы делаете большое дело, описывая великие деяния таких удивительных людей. Наши СМИ обходят своим вниманием самоотверженных и честных...

С интересом прочитала и Ваш очерк о путешествии на родину Михаила Евдокимова.

Благодарна Вам за память о Василии Ивановиче.

4/XII — здесь в Вологде, в Главном кафедральном соборе, состоится служба (панихида), потом поедем в Тимонину к могиле Василия Ивановича. Помянем его.

В районном центре состоится вечер, посвящённый памяти писателя. Для меня это будет очень грустный день.

С его уходом как-то всё сразу изменилось, хотя вниманием людей я не обделена. Но как его не хватает! Что делать?! „Все мы, все уходим понемногу..." — помните, писал Есенин.

Будем же радоваться каждому мгновению жизни, данной нам Господом.

А Вам желаю здоровья и новых творческих удач!

Будьте счастливы.

С уважением, Ольга Сергеевна

ПРОЩАНИЕ С АНГАРОЙ.
О фильме Сергея Мирошниченко «Река жизни»

«В «Матёре» мы, кажется, последний раз были русскими людьми, какими нас задумал Бог, почему так прощально и старались наглядеться на свою правду и задуматься о ней».

В.Я. Курбатов

Два вечера подряд по каналу «Культура» показывали фильм Сергея Мирошниченко «Река жизни» о Валентине Григорьевиче Распутине. Смотрел и невольно вспоминал ранние работы этого замечательного режиссера о великом русском писателе Викторе Петровиче Астафьеве и всенародно любимом артисте Георгии Жжёнове. Кстати, Жжёнов, как я позже узнал, писал добротную прозу, основанную на реалиях собственной многострадальной жизни.

Первое знакомство с ним у меня случилось именно благодаря фильму Мирошниченко «Русский крест». Разве мог я предположить, что этот с виду благополучный человек много лет сидел в сталинских лагерях и испытал столько, что хватило бы не на одну жизнь. После фильма почему-то вспомнились слова В.П. Астафьева: «Надо вставать рано, много трудиться и не врать». Именно этими словами, видно, и руководствовался Мирошниченко, потому как по-другому и не получаются такие фильмы. Ни в одном кадре, ни в одном слове не чувствуется фальши. Ловлю себя на мысли, что с нетерпением жду новых его работ.

Но вернусь к «Реке жизни». Уже в начале фильма Распутин говорит: «И без слов ясно, мы едем прощаться с Ангарой» - и это, наверное, главная мысль картины, но она, эта мысль, настолько сложна и многогранна, что кажется в рамках одного

«турне» её и не понять. Сюжет фильма, казалось бы, донельзя прост – известный писатель едет по Ангаре, или по тому, что с нею случилось, - по Братскому и Усть-Илимскому водохранилищу, комментирует то, что видит, вспоминает, общается с местными жителями. «Плач по реке жизни» - это было бы, наверное, более точное название для фильма Мирошниченко. Но удивительное дело: несмотря на заупокойные мотивы, в фильме нет ни сентиментальности, ни похоронной приторности, ни рабских вздохов. И объяснить это можно только присутствием в фильме личностей. Само собой разумеется –Распутина, Мирошниченко, Курбатова. Но и те люди, которые встречаются на их пути, настолько нравственно и духовно сильны, что всё мелкое и случайное уходит на второй план.

«Мы едем прощаться с Ангарой». Что означают эти слова? После Богучан, как утверждают специалисты, от Ангары останется лишь сто двадцать километров между Иркутском и Свирском, всё остальное – моря: Братское, Усть-Илимкое, Богучанское. Наверное, именно это имел в виду Валентин Распутин? Ну и, конечно, личное прощание. Доведется ли ещё побывать на Ангаре?

Богучанская ГЭС. Опять затопление плодородных земель, нетронутых реликтовых лесов, миграция зверя и его гибель. Уход под воду деревень с их многовековым укладом жизни, затопление погостов. Готовится очередное «Прощание с Матерой». Об этом, конечно, тоже говорится в короткой реплике Распутина. Через всё его творчество проходит ярко выраженная боль за своих земляков, наших предков, кости которых покоятся на дне этих совсем не природных морей. Писатель говорит, что тем, кто здесь не живёт, не понять этой боли. И, тем не менее, москвичу Мирошниченко это удалось. Как и многие братчане, сижу у телевизора и едва сдерживаю волнение. Мы-то здесь живем, мы-то понимаем. Но взгляд через экран, как сквозь увеличительное стекло, всё делает более значимым и нервным. Я все понимаю, дорогой Валентин Григорьевич. Утонет не Ангара, а устоявшаяся в веках нравственность и

культура сибирской русской деревни. Рассеется её прах над тремя морями. Вот вы и ратуете: не нужна нам Богучанская ГЭС! Вся прибыль от неё уйдёт в тугие московские кошельки, а простые люди ничего, кроме загубленных природы и здоровья, не получат. Как в Братском и Усть-Илимском водохранилищах, в Богучанах также исчезнут ценные породы рыб (таймень, осетр, пелядь, омуль, хариус), а в затхлых водах теперешней Ангары будет главенствовать любящий застойную воду карась.

Юдоль этой поездки вместе с Распутиным и Валентином Курбатовым разделил иркутский издатель Геннадий Сапронов. В фильме он говорит, что у него убили сына. Просто шла пьяная компания, не понравился нормальный парень - вот и нет у отца сына. Спустя сорок дней после похорон на кладбище рядом с могилкой сына появилось ещё более сорока могил. Издатель горестно вздыхает: «Какая война». Лишь изданием книг Астафьева, Распутина, Курбатова и ещё многих других замечательных писателей жил этот человек последние годы. Вскоре после съемок Геннадия Сапронова не стало. Вот так – от горечи, от непонимания, что происходит с родной землёй, не стало хорошего человека. Но остались изданные им книги.

Всерьёз и до боли затронули слова этого замечательного человека, для которого «хождение за три моря» стало последним событием жизни: «Оставлять родные могилы и знать, что все будет затоплено, – этого я не понимаю». В унисон ему в течение всего фильма звучат горестные слова местных жителей: «Варвары… Это ж такую красавицу губите, она родная течёт, у неё всё естественное. Зачем строить ГЭС, когда Усть-Илимская не на полную мощь работает»? Особенно трогает сцена прощания с Кежмой, которой вот-вот предстоит уйти под воду. Местная жительница, чуть ли не причитая, говорит: «Более трёхсот лет кормила нас кежемская земля, родилось на ней сто тысяч человек, веками здесь возделывали землю, но пришла беда – здесь решили построить ГЭС. И страшно подумать, что никогда наши дети и внуки не придут на могилки

своих предков». И снова: «Как они не могут понять, насколько божественна природа, могилы, рождение человека? Когда здесь всё затопят, я поставлю памятник в виде глобуса, а на нём напишу: «Здесь затоплено человечество».

Вновь и вновь звучат слова Валентина Яковлевича Курбатова: «Пока жива память, когда мы приезжаем на могилы, мы имеем право называть себя людьми. Нужно перестать предавать историю, ведь за звездой-то наши отцы лежат. Когда-нибудь вернёмся и заплачем: матушка моя, что же мы делаем. Хочется заплакать от всей этой народной жизни».

Во время поездки Валентин Григорьевич Распутин показал Валентину Курбатову словарь местной речи, и известный всей стране критик горестно сокрушался, что не знает многих слов, и о том, что мы теряем не только деревни, но и национальную память, доставшуюся нам из глубин веков.

В сцене встречи Распутина и Курбатова с директором Братской ГЭС Рудых есть один показательный момент. Валентин Курбатов спрашивает, почему на родине великого писателя в Аталанке до сих пор нет света. Директор отвечает, что это политика. И это не так-то просто понять. А может, действительно, ни Распутин, ни Курбатов, ни многочисленные жители ангарских деревень не понимают тех масштабных замыслов, которые в очередной раз будут претворены на Ангаре? Ну неужели они, простые люди и выразители их дум, мудрее тех, кто все это задумал? Нет, тут что-то другое, и понять это «другое» зрителю предстоит самому. Ещё раз послушаем героев Мирошниченко. Старая-старая бабушка, речь сбивчива, но понять её можно даже без слов:

- Всё развалилось… Что у нас, своя картошка что ли не родится? А Россия-то безработная, всё дорого, нашего отечественного-то ничего не осталось. Мы люди - все родня. Только судьбы у нас разные… Четыре класса кончила, ничего не заработала, кроме болезней. Живём мы с дедушкой Колей, да рыбаки приезжают. Я тут свободна сама для себя… Пенсия моя тысяч шесть, а сын у меня всего четыре тысячи

получает. Четверо детей, попробуй проживи. С этой мыслью встаю, с этой мыслью ложусь. Тяжёлая, очень тяжёлая жизнь. Слышите, надо хорошего руководителя взять из простого крестьянина - кто работал, кто всего этого повидал. И зачем нас подтоплять-то? Всё уже и так затопили. Энергия-то не нам пойдёт, а китайцам… Раньше-то не запирали двери. Начинаю прясть с утра. Пока ночь, я не отступлюсь, пряду, пряду. Руки устали, сажусь опять вязать, дранки драть. Целый день в работе, а без работы скукота давит… Зачем ехать в Канары, вокруг глянешь, какая красота! Я люблю жизнь! Сама жизнь по себе красивая… Раньше у нас тут было много заключённых, поэтому много грустных песен….»

После этой сбивчивой, невнятной речи бабушка вместе с Валентином Курбатовым поет народные песни. И когда нежданная делегация, тепло прощаясь, садится в катер, бабушка говорит: «Простите меня, если что не так». И машет по старинке своим стареньким платком. Да разве после этого не встрепенется душа? И не хочется верить, что еще есть какая-то правда, кроме этой.

По словам Распутина, еще в 90-х годах прошлого века было уничтожено крестьянство. Но, видно, что-то осталось от него. И не всем ещё правят деньги. Но все меньше и меньше остаётся истинных ценностей. И неужели они когда-нибудь иссякнут совсем?

Закончилась передача. Вновь и вновь достаю запись фильма, слушаю голоса людей, глухие, надрывные, будто из-под воды, и не могу понять, почему всё это случилось с ними. Приходит мама и говорит: «Значит, так надо, сынок». Но надо ли, мама?

г. Братск 2011 г.

Пьяный хозяин тайги

Да, время бежит, но вот за что спасибо Создателю, что не перестаёшь удивляться жизни. Ещё совсем недавно не было сотовых телефонов. Теперь же без них, как без рук и ног, никуда…

Дорогой моему сердцу друг Вадим приехал из командировки, и вот мы сидим за столом, пьём чай из смородиновых листьев. Он достаёт свой сотовый телефон, включает его и показывает мне снятый им видеофрагмент…

Работа у Вадима очень интересная, потому как трудится он в Братском аэропорту техником по обслуживанию самолётов и вертолётов. Вот и летает мой друг по необъятным просторам Иркутской области и Якутии, обслуживая наш «славный русский» нефтепровод…

Я смотрю на экран сотового телефона и вижу мертвецки пьяного «хозяина тайги»…

Русские люди всегда на выдумку были горазды. Вот и решили поставить вблизи стоянки флягу с брагой в надежде, что через две-три недели, когда вновь прилетят, будет у них небольшой праздник для мозговой разгрузки. Порыбачив и наловив ленков, мужики возвращались к месту стоянки, конечно же, предвкушая запашистую уху и выстоянную наидревнейшую выпивку. На месте предполагаемой стоянки пред их взором предстала картина: открытая сорокалитровая фляга, наполовину опорожнённая, и валяющийся рядом молодой медведь, который, прямо как человек, облевал всё вокруг себя. Ребята вначале несмело дотрагивались ногами до «хозяина тайги», но он был настолько пьян, что не подавал никаких признаков жизни. Как говорит Вадим, ему действительно было очень плохо. По мнению мужиков, медведю было не более года, и они почему-то опасались, что недалеко

могла находиться его мама. Запечатлев на сотовые телефоны молодого медведя, экипаж решил улететь в другое место…

По словам великого русского писателя Антона Павловича Чехова, «Сибирь – это смесь Швейцарии, Дона и Финляндии. Сила, очарование тайги в том, что разве только птицы знают, где она кончается». Поэтому для того, чтобы найти другое место, вертолёту потребовалось совсем немного времени, и они, наконец, отведали долгожданную ушицу, но уже без выпивки…

Дмитрий Соколенко, с которым мы работали в радиаторном цехе легендарного завода отопительного оборудования, однажды рассказал мне такую историю: переплыли на остров Зуй, что расположен недалеко от нашего посёлка Гидростроитель, три медведя, и тут же к ним кинулись охотники на расправу. Двоих застрелили, а третий ушёл. Лишь по весне на берегу Ангары нашли тело этого бедолаги…

Я не понимаю, что происходит на земле. Медведи пьют брагу, люди над ними издеваются и убивают, лес вырубают со страшной силой, вовсе не думая о подрастающем поколении. Большинство людей зациклены на деньгах и только… Поэтому и кричу с листа бумаги: «Люди, остановитесь! Еды на земле всем хватит. Не убивайте природу, ибо она наша самая последняя надежда».

Медвежье лихолетье 2012

Мне, прожившему в своём родном Братске 47 лет, такого, что творилось летом 2012 года, и не припомнить. В эту годину, аккурат после весны, начала гореть красноярская тайга. Летавшие на вертолётах лётчики, друзья моего друга Вадима, рассказывали, что медведи идут из красноярской тайги в Иркутскую область, идут партиями, по несколько зверей сразу.

Тогда не было дождей, пожар и голод стронули зверей с места. И именно в этом году затоплялось Богучанское водохранилище. И это тоже послужило мощным толчком для миграции зверя. Ему попросту некуда было деваться.

«Богучаны» начинается словом Бог. Но это не остановило хищного и жадного человека. Распутинская Матёра повторилась уже в который раз, и на Богучанах, как и у нас в Братске, неминуемо исчезнут ценные породы рыб, такие, как таймень, омуль, сиг, хариус, пелядь и даже елец. Мой сын в нынешнем году поймал несколько крупных хариусов и радовался очень редкой удаче. Ох, сынок-сынок, раньше эту рыбу ели все желающие, живущие в Братске. Ныне же это величайшая редкость. Деревни, погосты с прахом прадедов, в который раз ушли под воду.

Моя знакомая Клавдия Петрова жила до затопления в деревне Антоново. Сама она 1939 года рождения, и попросила земляков свозить её на место родной деревни. Остров остался, но возле берега валяются человеческие останки. Погосты размыло водой, и вот как всё вышло. И каково было на это глядеть Клавдии, трудно даже представить, а она пережила.

Это у нас в Братске. То же ждёт и Богучаны. Людям из деревень, подлежащих затоплению, дали квартиры. И пройдёт время, и они так же, как и Клавдия, отправятся на свой и только свой остров.

Огромный пожар в красноярской тайге и пуск искусственного водохранилища образовали медвежье лихолетье. В черте города Братска и его окрестностях люди видели десятки медведей. В Братске, как и в любом городе России, много разных дачных кооперативов и всевозможных свалок. А голодному зверю люди не оставили другого выбора. У моего сына есть друг Миша. Он удивлённо рассказывал нам, что его мама на своём дачном участке увидела, как, ломая ограду, к ним пришли два медведя. Мама же в это время сидела в кирпичном домике и дрожала. Медведи тем временем переломали все деревья, особенно им полюбилась ирга. В посёлке Сухой, рассказал мне мой сменщик Володя Шаронов, у одного мужика медведь задрал двух коров, тот обиделся и пристрелил зверя. Понаехала милиция с вопросами, откуда пришёл медведь, и что не надо было в него стрелять. Мужик же в ответ только и сказал: « Мне надоели ваши глупые вопросы». В посёлке Прибрежный дома у всех, как в деревне. Сидит один мужик, обедает, смотрит в окно, а на него медведь любуется. Заорал детина, заметался, потом за ружьём побежал, но миша ушёл в лес. В дачном кооперативе «Сибиряк» дед с бабкой кашу себе на улице варили. Пришёл косолапый, увидел, что возле теплицы лежат кабачки, не спеша поел их, а затем подождал, пока остынет каша, и её тоже съел, а потом ушёл, почему–то надев большую кастрюлю себе на голову. Бабка с дедом сидели на втором этаже дачи и дрожали, понятно от чего. Говорят, медведь этот был молодой. Приехали охотоведы, усыпили его и отвезли в лес. Очевидно боялись, как бы мама молодого медведя не обиделась.

Были и такие, которые подкармливали медвежью армию. Разумеется, шёл и отстрел зверя. Повторяю, медведя было не-

бывало много. Зимой, как известно, медведь спит. Что будет весной и летом, остаётся только предполагать. Несомненным остаётся то, что зверю было некуда податься. Об этом я писал в 2012 году и за суетностью жизни текст завалялся.

Сейчас прошло лето 2013 года, медведя в этом году было значительно меньше. У нас в Братске по-прежнему безжалостно воруют лес, а рассказы о нападении медведя на человека уже давно никого не удивляют, да и человек хорош – сколько его перестрелял…

Расскажу очередной случай. Закинули в тайгу мужика, как там что вышло, мне доподлинно не известно, но он ждал хозяина, а тот про него, как потом выяснилось, забыл. Голодный мужик шёл домой три недели, видел очень много медведей, многие почему-то забирались на деревья. И он не раз прощался с жизнью, но медведи почему-то его не тронули. Может, почуяли собрата. Теперь тот мужик больше на заработки в лес не ходит, его родным потребовалось немало времени, чтобы поставить его на ноги. То, что кругом в России непорядок, и семи пядей во лбу не надо иметь. Молодёжь, закончив учёбу, уезжает из города. Причины известные: низкая зарплата, безработица. Только вот у нас самый крупный в мире алюминиевый завод работает, и, поверьте, жизнь братчан от этого не легче: выбросы, дышать нечем, прибыль, понятное дело, куда уходит...

А до гражданского общества мы видать не дожили ещё. Страна у нас, слава Богу, большая, и люди где-нибудь, да пристроятся, а вот что делать зверю? Горько осознавать, что медвежье лихолетье продолжается.

Шукшинско-Евдокимовский Алтай

«Нет у нас запасной Родины, нет другой жизни, значит, надобно всё вытерпеть и пережить ради того, чтобы обиходить, спасти эту забедованную, ограбленную, почти убитую землю, на которой нам выпало жить, наладить жизнь, которой наградил нас Создатель, – второй жизни не будет, сохранить в себе душу, ради того, чтобы во всём и во всех она была веки вечные жива…»

Виктор Петрович Астафьев

У памятника В. М. Шукшина

После светлого праздника Пасхи мой друг и главный редактор газеты «Сибирский характер» Сергей Маслаков, зная моё душевное отношение к творчеству Василия Макаровича Шукшина и Михаила Сергеевича Евдокимова, совсем неожиданно для меня предложил съездить на Алтай, на родину этих великих русских самородков.

У Сергея в поселке Санниково живёт мама Вера Платонов-

на и это, конечно же, многое облегчало. От Братска до Новосибирска сутки ехали поездом. На огромном Новосибирском вокзале взяли такси. Можно было, конечно, подождать утреннюю электричку до Барнаула, но Сергея было не удержать. Все четыре часа пути он душевно беседовал с водителем, который поведал нам о том, что приходилось и ему однажды подвозить Михаила Евдокимова.

«Весёлый был человек» – говорил таксист. Неожиданно Сергей закричал:

– Толик, вот он, Алтай!

Оказалось, что мы переехали границу Новосибирской области и попали в Алтайский край.

Я же, жадно вглядываясь в местную природу, вижу, что здесь и впрямь как-то всё необычно. У нас, например, в Братске сосны гладкоствольные, на Алтае же они очень кустистые, словно ёлки. От Сергея я узнал, что здесь нет гидро-

электростанций, и местные речки Бия и Катунь сохранили свою первородную красоту и рыбу. У нас же в Братске, когда построили ГЭС, исчезли многие ценные породы рыб. За цивилизацию мы заплатили ещё и своим здоровьем по полной программе, но, слава Богу, нет худа без добра. Преодолевая сотни километров, электричество Братской ГЭС поступает и на Алтай.

Подумать только: на земле, по которой я сейчас еду, родились и жили Иван Пырьев, Василий Шукшин, Михаил Евдокимов, Валерий Золотухин, Нина Усатова, Александр Панкратов-Чёрный, Алексей Булдаков, Герман Титов, Геннадий Михасенко и ещё очень многие талантливейшие люди этого волшебного края.

По прибытии в Алтайскую вотчину и немного отдышавшись после дороги, мы с Сергеем и его мамой Верой Платоновной отправились на местное поселковое кладбище. Оказалось, что приезд наш выпал на родительский день. На погосте растут одни берёзы, которым нет конца и края. Суетятся люди возле могилок, бегают вокруг малые дети. Взрослые их, конечно же, немного поругивают, а те и не понимают за что, ведь кругом первозданная природа… Помянувши бабушку Сергея, отправляемся в посёлок. Чудесные супы Веры Платоновны быстро приводят наши организмы в полный порядок.

Сергей ещё с вечера заказал на утро такси. И вот мы уже едем в село Сростки, на малую родину Василия Макаровича Шукшина… Господи, ведь я умом понимаю, что это всё сейчас со мною происходит, но не верится ещё и потому, что душевное состояние порой и объяснить-то невозможно. Мы едем вчетвером: Сергей, я, Вера Платоновна и её давняя подруга. Проезжая одну из деревень, замечаю название «Полковниково» и памятник в виде ракеты, устремлённой в небо. Вера Платоновна непринуждённо и ласково сообщает мне, что это малая родина космонавта Германа Титова, а вокруг бескрайние алтайские поля, леса, реки. Всё это, как по-волшебству, навевает слова из песни, которую исполнял

Михаил Евдокимов, «что вскормлен алтайскою пашнею и вечно пред нею в долгу». В этой замечательной песне есть и такие слова: «Пылай по забокам, смородина, росистое утро, пылай…» Так вот, что такое «забока» я узнал именно здесь. Оказалось, что весною, когда речки разливаются, по бокам их растёт смородина – это и есть «забока». Об этом мне рассказал друг Сергея Виктор. Говорил он с огромной любовью к родному краю. Великое людское счастье, что есть на земле родственные души, потому как отчаяние зачастую доводит до полного исступления, и когда приходит нечаянная радость, вдруг понимаешь простую, а вместе с тем и сложную истину, что плохого и хорошего в человеке всего по половине. Вот только какую половину каждый в себе разовьёт? И помоги нам, Господь, постигнуть, что такое добро…

Место гибели Михаила Евдокимова

Спустя некоторое время водитель говорит, что вскоре будем проезжать то место, где погиб Михаил Евдокимов. Звали таксиста Григорием и он без слов понял, что на этом месте

будет привал. Совсем близко от трассы растёт средних размеров берёза, принявшая на себя удар автомобиля, на котором ехал народный губернатор Алтайского края. Дерево это до половины обвешано разными цветами, где и прикреплён портрет Михаила Евдокимова со словами: «Помним, любим». Рядом лежит большой камень. На этом самом месте и погиб всенародно признанный артист, любимый Богом и простыми людьми Михаил Сергеевич Евдокимов. Неподалёку выстроена часовня с ликом Пресвятой Богородицы. По многочисленным свечам понимаю, что место это, слава Богу, не пустует, а проезжающие по трассе водители протяжно сигналят, словно подтверждая, что мы помним тебя, дорогой наш человечище. Зайдя в часовню и опустившись на колени, читаю молитву «Отче наш». Народную память не купишь за деньги. Василий Макарович Шукшин говорил: «Только народ знает правду». И вспоминая, что оставил этот удивительный человек после себя, каждой клеточкой своего организма вновь и вновь про-

никаешься чудотворной любовью к родному Отечеству, к нашей многострадальной, но по праву великой Родине – матушке России.

Быстро миновав старинный город Бийск, оказываемся на знаменитом Чуйском тракте. Вот и село Сростки. Сергей про-

сит водителя остановиться возле библиотеки, где когда-то была школа, в которой преподавал молодой учитель Василий Шукшин.

Подхожу к старинному одноэтажному дому, целую его брёвнышки, захожу вовнутрь. Очень приветливо встретила нас библиотекарь. Не удержавшись от нахлынувших на меня чувств, прочитал ей и стоявшей рядом девушке своё стихотворение, посвящённое памяти Василия Макаровича Шукшина.

История жизни – такая судьба.
Жила вот в деревне простая семья,
Сажала картошку, а яблони свет -
Как радовал взгляд лепестков белый цвет.

Деревня и люди, живите в ладу,
И тёплого хлеба подайте к столу,
И русская печка едой угостит,
А песня нас всех от невзгод защитит.

За всех стариков, за детей и за мать,
Гармошечка сладко нам будет играть
Про край наш российский, берёзовый край.
Почаще встречаться, судьба, позволяй.

Вы, дети, хранители тех берегов,
Россия одна, берегите сынов,
И так же, как деды, любите страну.
Завет стариков не забыть никому

После этого подарил им в библиотеку свою книгу «Святодавнишняя Русь», в которой имеется моя переписка с женой Василия Ивановича Белова, Ольгой Сергеевной.

В письмах Ольга Сергеевна сообщала, что, к великому сожалению, Василий Иванович очень болен и не работает творчески. Эти два великих русских писателя - Василий Макарович Шукшин и Василий Иванович Белов, помимо того, что

были настоящими, верными друзьями, сделали на литературном поприще столько, что, тут уж дай бы, Господь, осмыслить всё это исконно русское литературное наследие.

Попрощавшись с добродушной хранительницей библиотеки, мы отправились к дому, где жила мама В. М. Шукшина, Мария Сергеевна. Строение, слава Богу, находится в хорошем состоянии и это, несомненно, радует душу. Внутри стоит выбеленная русская печь, рядом старинный самовар, дореволюционный утюг, чугуны, ухваты. Подумать только – ведь деревенская утварь до боли проста, но как она притягивает человеческую душу и сердце. Это всё очень и очень нужно каждому из нас, ибо без памяти мы не имеем права называть себя людьми. Я знаю, что это высказывание не ново, но оно потрясающе точное.

Отпустив нашего водителя Григория пообедать, поднимаемся на прославленную в рассказах В. М. Шукшина гору «Пикет». Любуюсь Сростками, ведь с этой природной возвышенности они так хорошо видны. Я, конечно же, знал, что наверху стоит памятник и с нетерпением ждал встречи с ним. И вот ещё издали показались сначала голова, потом могучие плечи, а затем и весь Василий Макарович Шукшин. Огромный монумент предстал пред нашим взором. Писатель сидит на большом камне в солдатском одеянии с босыми ногами. Внизу на памятнике надпись: «С любовью от русских людей». Высотою всё это изваяние, пожалуй, более семи метров, а шириною более трёх. Вдумчивый взгляд великого русского писателя, режиссёра, актёра и сценариста устремлён на родные Сростки. Эта очень выразительная печаль деревенского человека будоражит душу. Мой друг Сергей, подойдя к памятнику, не смог удержать мужских слёз. Я же тем временем становлюсь на колени и, достав из кармана икону с образом Серафима Саровского, читаю молитвы…

Неподалёку, чуть ниже, на горе располагаются лавочки и уличная сцена. Спустившись туда, мама Сергея, Вера Платоновна, неожиданно для меня просит спеть что-нибудь. Под-

нимаюсь на деревянные подмостки, где в разные времена выступали и выступают по сей день известные деятели культуры, такие как Никита Михалков, Валентин Курбатов, Валентин Распутин и многие другие. Это всё каким-то образом повысило мою личную ответственность за всё происходящее вокруг. Для меня было большой честью исполнить там песню Михаила Евдокимова «На горе, на горушке». Две бывшие там колхозницы и подошедший Григорий аплодируют, а мне в это время хочется почему-то помолчать, полюбоваться просторами, бескрайностью отцовской земли.

Видел я и то, как поднимается в гору к Василию Макаровичу простой народ. Без всякой рекламы идут и едут сюда люди отовсюду. Об этом наше современное телевидение, к великому сожалению, умалчивает.

В который раз восхищаюсь людской мудростью. Это понимание идёт из глубины русской души от тех, кто любит Святую Русь по-настоящему – непоколебимо, твёрдо и глубоко.

Спасибо тебе, дорогой Сергей, за то, что свозил меня на Алтай, да ещё и за свой счёт, ибо ты знаешь, что деньги все я потратил на свою книгу, чтобы раздать её людям, чтобы по таким крохотным колоскам, как могу, как умею, передавать память о таких писателях, как Михаил Александрович Шолохов, Василий Макарович Шукшин, Василий Иванович Белов, Виктор Петрович Астафьев, Валентин Григорьевич Распутин, Валентин Яковлевич Курбатов…

Когда мы спускались с горы «Пикет», у меня было такое ощущение, что Василий Макарович провожает нас своим притягательным взглядом. Вот вроде бы и отошли на довольно приличное расстояние, но памятник виден почти отовсюду. Как же всё-таки поразительно и тонко сделана эта великая работа скульпторов. Низкий поклон вам, дорогие создатели этого народного образа.

Спустившись с «Пикета», словно вдобавок ко всем впечатлениям, повстречались мы с огромным, но показавшимся нам добродушным псом. Одновременно встречая и провожая нас,

он вилял своим хвостом, проникая в душу доверчивым взглядом...

Побывали мы и в музее любимого нашего человека. Всероссийский мемориальный музей-заповедник В. М. Шукшина был открыт более тридцати лет назад. За эти годы его посетило более пятисот тысяч человек. После смерти Василия Макаровича в 1974 году многие писатели и деятели культуры загорелись идеей провести на горе «Пикет» Шукшинские чтения. И, начиная с 1976 года по сей день, ближе к 25 июля, в субботу и воскресенье в Сростки приезжают многие известные люди и простые почитатели таланта Василия Макаровича. И как же замечательно, что это всё есть в нашей жизни, ведь приезжают сюда и из зарубежных стран, а это, несомненно, говорит о величии русской литературы, её безусловной святости. Вот только бы нам, живущим ныне, почаще задумываться о том, какую великую роль в жизни нашей страны сыграло её Величество Деревня. Слава Богу, что большая часть народных писателей, актёров, режиссеров являются выходцами из деревни. Именно оттуда их нравственная сила, простота изложения.

И вот мы уже едем обратно в Санниково. Все пятеро молчим, переосмысливая увиденное. Снова смотрю на поля. В памяти всплывают строчки стихов Сергея Есенина, Николая Рубцова, Виктора Бокова, Владимира Кострова, песни Людмилы Зыкиной.

Ох, не прост ты, край родной! Мудрее тебя вряд ли сыщешь на белом свете, да и не нужно искать. Надо жить на родимой сторонушке, растить детей, внуков, но, главное, рассказывать им о деревне, ибо это свято. Ведь в душах человеческих много чего бродит, но Господь наш Иисус Христос простил даже отпетого разбойника. Вот где величие. Этому надо учиться, чтобы постигать жизнь. Господи, какое же всё-таки счастье, что я русский, но это и огромная ответственность перед Богом, людьми и самим собою. Что ты оставишь после себя, что сделаешь, а главное – постигнешь ли добро?

О, мысли, держитесь в моей голове, не расплескайтесь, ибо уже хочу об этом написать…

Сергей приболел и остался пожить у мамы. Провожала меня Вера Платоновна. На прощание обнимаю и целую этого замечательного человека.

За окном электрички мелькает алтайский пейзаж. В мыслях вновь и вновь звучит песня Михаила Евдокимова:

Горами, лугами, озёрами
Встаёт предо мною Алтай.
Лесами, степными просторами
Богат и красив этот край…

Пылай по забокам смородина,
Росистое утро пылай.
Мой край для меня - это Родина,
А родина - это Алтай.

Бывает порой бездорожье,
Распутье на талой земле,
Но встретят меня по-хорошему
И в городе, и на селе.

Я памятью полон вчерашнею,
И помню на каждом шагу,
Что вскормлен алтайскою пашнею,
И вечно пред нею в долгу

Я плачу, но совсем не стыжусь слёз, ибо они очищают душу и говорю: «До свидания, великий русский Алтай…»

24 июня 2011 г. г. Братск

Братск - Верх-Обское.
Путешествие на родину Михаила Евдокимова

Подъезжая к Верх-Обскому, Сергей включил магнитолу, и я услышал хорошо знакомую песню: «Верх-Обское, Верх-Обское…». Это было как чудо: только что проехали место гибели Евдокимова, поклонились часовенке в память о нём, и вот он будто живой, во всю свою мощь повторяет: «Верх-Обское, Верх-Обское…». Сергей, конечно, специально включил эту песню, всё рассчитал, но это было так естественно, так сочеталось с тем пейзажем и дорогой, что мелькали за окном… Евдокимов, спеша на работу, проезжал здесь сотни раз, и в одну из таких поездок, возможно, и родилась эта песня. При мысли об этом запершило в горле…

- Ты что плачешь? – спросила Вера Платоновна, мама Сергея, и я не знал, к кому обращён этот вопрос.

Михаил Сергеевич между тем продолжал петь: «Мы порой не дома, а у речки жили, старой рукавицей мелюзгу ловили». От слёз здесь не спрячешься, ежели душа имеется. Я полез в карман за платком, но тут песня неожиданно прервалась.

- Всё, больше не могу, - объяснил Сергей и добавил. - Добро пожаловать в Верх-Обское…

В дороге

Назвать наше путешествие неожиданным было бы неправдой. Два года назад Сергей, корреспондент газеты «Сибирский характер», возил меня в «гости к Шукшину». Он родом из этих мест. На этот раз наш путь лежал к Евдокимову, точнее, в небольшой село в 20 километрах от Бийска, где прошли детство и юность народного артиста и губернатора. «Что за место такое? - думал я. – Евдокимова и Шукшина разделяли всего-то пятьдесят километров. Евдокимова и Валерия Золотухина – тридцать. По пути мы проехали село Полковниково, где родился космонавт Герман Титов, следом ещё одно село, где родился поэт Роберт Рождественский…

– Здесь знаменитостей, как грибов, - походя заметил Сергей. – В моей деревне, к примеру, родились два писателя – Иван Кудинов и Афанасий Коптелов. Последнего, если учился в советской школе, ты должен знать, - изучали его лениниану: «Из искры возгорится пламя», «Точка опоры» и что-то там ещё…

Эти слова напомнили мне наш вчерашний разговор, когда мы проезжали мимо Нижнеудинска.

– Ты знаешь писателя Сартакова? – спросил тогда Сергей. – Он родом из этих мест и писал об этих краях в трилогии «Вершины Саянские»…

В тот же день вечером мы остановились на ночлег в поселке Нижний Ингаш у издателя, поэта и музыканта Сергея Прохорова, охотно публикующего в своем журнале «Истоки» братских авторов, и разговор о привязанности русских талантов к «малой родине» продолжился. Что за сила заставляет человека, давно снискавшего славу в столичных городах, возвращаться снова и снова в глухомань, где когда-то появился на свет? Для меня этот вопрос риторический, на него не нужно ответа – нужно чувствовать, но спроси об этом любого встречного, и тебе мало что скажут. Может, потому и рвался я так давно на Алтай - нет в России другого места, которое бы так самозабвенно любили его сыновья. Несколько патетично, но это так.

Слева – главный редактор журнала «Истоки»
Сергей Тимофеевич Прохоров с Анатолием Казаковым

Сергей Тимофеевич оказался человеком с чувством юмора. Когда в комнату вошла его 99-летняя мама, сказал: «А вот и мой Кащей Бессмертный», и ласково обнял её. Я потом долго разговаривал с этим удивительным человеком, бережно хранящим старинную православную икону, и совершенно уверовал, что Господь хранит её, сердешную, за эту святыню и те простые песенки («Терлинь, терлинь»), что доносились из её спальни далеко за полночь.

Встретиться с Евдокимовым и не улыбнуться – это, наверное, невероятно, и всё, что предшествовало этому, словно настраивало на определенную волну. Ещё до Нижнего Ингаша нам попалось несколько машин цирка Олега Попова. Переночевав у Тимофеевича, мы догнали эти машины, и знаменитый артист, словно желая счастливого пути, опять улыбнулся нам с портрета на кузове.

Поля, реки, степи, города… Проезжая Мариинск, Сергей

С мамой Сергея Тимофеевича

предложил остановиться у мемориала жертвам Сиблага. Зайдя в храм и помолившись, узнал я у монахини, что Богу здесь молятся и за то, что руководит в их землях Оман Гумирович Тулеев. Почему-то вспомнилось его выступление по радио: «Хлеба мы собрали много, и если я узнаю, что кто-то продаёт хлеб дороже указанного мною, торговать он больше не будет». Кстати сказать, хлеб там и сейчас стоит двенадцать рублей…

Место гибели

Вот и Алтай. Сергей хоть и говорит, что не видит особых отличий в сибирских ландшафтах, но свой край, по глазам вижу, узнаёт без придорожных надписей. Поля, поля, и все засажены подсолнечником, гречихой, пшеницей, кукурузой. Едем к месту гибели Евдокимова. Два года назад я уже здесь бывал, и, следуя в часовенку, которая была возведена в память о Михаиле, молюсь и думаю: «Вот и сподобил Господь побы-

вать здесь ещё раз, видно, в прошлый раз чего-то недопонял я… Мы ведь так и живём всю жизнь, недопонимая».

В прошлый раз здесь было безлюдно, а сегодня машина за машиной. Накрапывает дождик, но какие-то люди в униформе скребут и машут метлами.

- Сегодня, в семь вечера, губернатор приедет, венок возлагать, - поясняет один из уборщиков.

До Бийска ехали молча. Чтобы говорить, силы нужны, а они будто иссякли.

Просто Миша

По дороге на каждом шагу продают мёд и белые грибы, огромных размеров помидоры, картошку. Не китайская отрава - всё доморощенное, здоровое, вкусное. В голове вертятся рифмы. У Валентина Пикуля в романе «Каторга» говорится, что в тюрьме многие писали несовершенные стихи, но интересны они были не правилами написания, а правдой жизни. Отнеситесь так и к этим стихам: «Парнишка деревенский вырос. Прославился на всю страну. Мальцом водил телят на выпас. Душой болел за старину. Он юмором своим открыл сердца. И полюбился людям неслучайно. Ведь искренность и доброта жила в неутомимом сердце постоянно. Он верил в облачную синеву. О бане русской пел счастливо. Но грустные глаза глядели в высоту, Где птицы пели в такт ему игриво. Артист от Бога, что там говорить. Но простотой и мудростью влекомый, он шёл в народ любить, творить …Земли Алтайской сыну поклонюсь. Народ таких людей не забывает…. ».

И вот Верх-Обское. Подвезли одну девушку до деревни, и почему-то запомнилось её удивлённое лицо: видно, не так часто подвозят. Люди везде люди. Накануне, подъезжая к Тайшету, заметил стоящего на обочине человека с самоваром. Сергей тормознул. Подхожу к здоровому мужику, знакомлюсь - назвался он Сашей. На столе у него ящик с большими кедровыми шишками и кедровая вытяжка. Осведомился о стоимости чая.

Главный редактор газеты «Сибирский характер» Сергей Маслаков у мемориала в Кемерово

– Десять рублей. Вам с сахаром или вытяжкой?

– А что так дешево? – спрашиваю. – В столовых – как минимум двадцать…

– Так не богатства ради, а для души, – смеется Саша, чем-то напоминающий мне снежного человека…

Вместо обычного стакана налил мне большую кружку, положив два пакетика чая, и залил кедровой вытяжкой. Пока я пил лесное угощение, Саша всё подкидывал лучину в самовар, разглядывал меня, беспокоясь, что чай не горячий и просил подождать, пока согреется до кипятка. Прощаясь, протянул свою руку, и я невольно вспомнил монолог Евдокимова: «Пальцы, как микрофоны, - наш человек».

Вот и жители Верх-Обского напомнили чем-то мне этого Сашу – приветливостью, что ли, и простотой. Такие же, как и те глиняные скульптуры, что установлены в парке перед Верхнеобским Домом культуры, - вполне узнаваемые персонажи:

мужик с веслом, мужик с красной мордой: «У меня морда красная, а у отца нет… Когда из бани иду, далеко видать»…

Верхнеобский Дом культуры чем-то напомнил мне Братский ДК «Транспортный строитель». Несколько месяцев назад в ДК открыли музей Евдокимова. Само слово «музей» настраивает на торжественный лад, но в музее Евдокимова нет ничего, что бы наводило на мысль о величии того, кому он посвящен. Впрочем, так же и в шукшинском музее, - обычная деревенская утварь, собраны концертные костюмы, письма на родину, редкие фото. Почти всем посетителям музея показывают «эксклюзивный» фильм - последнее интервью с Евдокимовым. Михаил Сергеевич в фильме очень грустный, и если, слушая его интервью, вспомнить ещё и песни «На горе, на горушке» или «Алтай», то тут и сердце может не выдержать. Работник музея рассказала, что жили Евдокимовы небогато и показала ботинки с каблуками, сделанными руками Михаила, заверив при этом, что он умел делать всё. Ей можно

У часовенки Михаила Евдокимова

верить: «Мишу я хорошо знала. Он в клубе у нас работал».

Во время беседы подошёл местный мужик и поведал (не рассказал, а именно поведал, словно былинный герой) о приезжавших недавно артистах, среди которых был Александр Маршал: «Концерт длился до двух ночи, и было много народу». Вторя ему, работница музея Надежда рассказала: «Он ведь поначалу артистов из Москвы за свои деньги возил. Теперь они в память о Мише каждый год приезжают, на этот раз были третьего августа».

Выступают приезжие артисты в ДК и на стадионе, который, кстати, тоже построен на деньги Евдокимова.

– У нас в Верх-Обском находится самый большой флаг в России, – с гордостью продолжил местный, намекая на ограду евдокимовского стадиона, выкрашенную в триколор.

Зашла речь и о гибели Евдокимова. В Верх-Обское каждый день приезжают люди из разных мест России, и когда кто-

нибудь говорит, что погиб Евдокимов в результате случайной аварии, местные обижаются, – здесь все на 100 процентов уверены: «Мишу убили».

«Странное отношение к Евдокимову, – подумал я, – с одной стороны, он для них свой в доску «Миша», с другой – символ нашей демократии, наглядное пособие – что можно, что нельзя…»

Когда в ДК не осталось ни одного человека, я попросил зажечь свет в концертном зале, и живо представил Евдокимова на этой сцене. Надежда рассказывала, что именно здесь и выступал много раз Миша, и зал всегда был битком набит.

- Раньше у нас было большое племенное хозяйство, потом всё порушилось, и Миша от этого страдал, - продолжала она. - Он, когда уезжал хоть на день, плакал, а когда возвращался, собирал всех и был безудержно весел. Я не знаю, кто бы ещё так мог радоваться встрече с земляками. Он не воспринимался нами как губернатор. Он был для нас просто Миша…

Сразу же за ДК находится особняк Евдокимова. Несмотря на красный кирпич, выглядит он уныло, будто склеп.

- Сейчас там никого нет, - поясняет гид, - наши девочки (из ДК и музея) ходят, за порядком следят, но иногда из Москвы приезжает вдова Евдокимова. Сестра Миши живёт в другом доме…

Тот же мужик показал нам погост, где покоится Михаил Сергеевич. На кладбище построена часовенка в память о нём, перед входом на камне высечена молитва, а по другую его сторону – слова Владимира Высоцкого и о. Скобля: «...Почему в тоске?... Ты рисуешь волю кровью на песке. Ты идёшь туда, где тебя не ждут. Ты один всегда и Король и Шут...».

Вот и сбылась моя давняя мечта поведать этому удивительно любившему свою малую родину человеку сокровенное. То, что никому и никогда не скажешь. Говорить с живыми о добром и вечном, что воду в ступе толочь, и, тем не менее, живу с верою в добрых людей, пишу, пою об этом и понимаю, что есть в мире такое, чего словами не вышептать. Сергей

говорит, что впервые по-настоящему евдокимовские песни услышал у меня дома. Долго этому удивлялся и сказал, что видно не зря в Братск приехал.

Вокруг погоста растут берёзы, напоминая чем-то подкову, и с одной стороны открыт путь на могилку Михаила по центру. Рядом похоронены его родители. Вот и поклонился могилке дорогого мне человека, вот и сподобил Господь. Посмотрел в небо, и берёзы подковой зашумели, словно говоря Михаилу: опять к тебе гости…

Горноалтайская мозаика

Мужик, наш «гид», поведал, что когда к Евдокимову приезжали московские друзья, то в неформальной обстановке, не для съемок, он возил их в горный Алтай.

- А куда конкретно? – полюбопытствовал Сергей.

- В Чемал, на Усть-Семёновский перевал…

И вот, миновав Бийск, мы уже мчимся по Чуйскому тракту.

- Есть по Чуйскому тракту дорога, много ездит по ней шофёров, - речитативом проговаривает Сергей. – С детства помню эту нескладуху про Кольку Снегирева…

Проезжая мимо Сросток, хочется перекреститься. Здесь я уже бывал, и, завидев с дороги знакомый силуэт школы (библиотеки), в которой когда-то работал молодой Шукшин, почувствовал, как заныло под сердцем.

- Заедем на обратной дороге, - заметив мое волнение, говорит Сергей.

В Сростах, наверное, самый дорогой бензин на Алтае. Мы проехали много вёрст – нигде больше 30 рублей за литр 95-го не просили, было и двадцать шесть, а в Сростках – аж 32!

- На Шукшине зарабатывают, - не удержался от комментария, с нажимом на великий и могучий, мой друг. – Вишь, сколько народу тормозит, завидев надпись «Родина Шукшина». Остановился - тут его и надо ободрать как липку. В другом бы месте этот номер не прошёл…

Верх-Обское

Неожиданно на смену относительно равнинной местности пришли горы. В один момент. Будто по мановению волшебной палочки. Такого калейдоскопа пейзажей не было за всю дорогу от Братска до Барнаула. Оказавшись в теснине зелёных гор, чувствуешь небывалый подъем духа, радуешься, как ребёнок, но проходит час-другой, и ты, житель равнинных мест, быстро угасаешь. Горы словно давят на тебя…

Манжерок – один из первых больших поселков на нашем пути – напоминает восточный базар: всюду торгуют. В основном сувенирами и мёдом. Останавливаемся в одном месте – «Мёд от Петровича».

- Вы не знаете Петровича? - удивляется торговец с интонациями одессита-еврея. - Его здесь все знают, отменный мед…

Горный мёд в два раза дороже степного, но, говорят, намного полезнее. Поверим на слово. Тут же продают медовуху – говорят, без дрожжей. Покупаю бутылку медовухи с добавлением перги, совсем забыв, что у меня на это стойкая

Могила Михаила Евдокимова

аллергия. Дышится здесь легко, напрочь забываешь о своих болячках, и красота – какой не видывал. Теперь я знаю, как ответить на вопрос, заданный мне с виниловой пластинки ещё в детстве: «Что такое Манжерок?».

Вправо поворот на Усть-Семёновский перевал, а нам прямо – в Чемал, на остров Патмос, где находится православный храм Иоанна Богослова...

Величественные горы, уникальная река Катунь, кругом мелькают аккуратные домики, и рекламные щиты с призывами к конному туризму и просто погостить, к примеру, в усадьбе некоего толстяка Го. Но отчего-то грустно. Где-то здесь, среди гор, казалось мне, бродит тень Евдокимова, весёлого и грустного, сильного и слабого одновременно…

Встреча с губернатором

На обратной дороге, проезжая место гибели Евдокимова, заметили губернатора, возлагавшего цветы. Этот, казалось бы, христианский жест, сопровождался антуражем, напоминающим войсковые учения: то тут, то там стояли люди в погонах и мигающие машины. Не проехали и десяти километров, как эти машины настигли нас.

- На обочину! – инфернально заорал мегафон. - Сделал остановку!

И тут же скользкой чёрной змеёй, быстро и плавно, промчался мимо губернаторский кортеж.

Какой-то водитель, свернув на обочину, разразился тирадой:

- Как при царе шапку ломали, так и сейчас!.. Как думаешь, при Евдокимове так же орали?

- Он без конвоя ездил…

- Ну, не всегда же… Да черт с ним!.. Ты от кого едешь – от губернатора или артиста?

- От Евдокимова.

Через несколько километров, завидев грибников, снова сворачиваем на обочину и слышим торг:

- Белые есть?

- Последнее ведро.

- Губернатор скупил?

- Сказал, в следующий раз заедет. Жалел, что деньги дома оставил…

Язвительные, однако, ребята, подумал я. Ох, и трудно ж, наверно, к ним в милость попасть, а Евдокимову удалось. Потому что свой был, от сохи. Нынешний губернатор Алтая это, конечно, понимает, и его жест с подношением цветов поневоле вызывает уважение…

Назад в Братск возвращался поездом. Попутчиками оказались молодые ребята, ехавшие сначала до Красноярска, а потом на север, в Туруханск на заработки. Говорили, что по-

лучают по сто тысяч, а в Новосибирске больше двадцатки не платят. Вот и едут, чтобы прокормить семьи. Хорошие парни, родом из новосибирских деревень. Рассказал им, куда ездил, показал фото, и печаль вдруг исчезла: эти ребята любили Евдокимова, как и я, как и вся Расея...

Остаётся в наших душах навсегда

«Так что мой вам совет: кроме вашей любви, уходя, ничего не берите из прошлого…», – пела великая русская певица Валентина Толкунова. Этот один из последних её дисков я обнаружил совершенно случайно и спросил у продавца, покупают ли. В ответ услышал, что он один всего и есть. Купил и слушаю уже несколько лет. Примечательным было то, что ни одной песни я не слышал ранее. Хотя и был хорошо знаком с её репертуаром. Благодарю Господа, что зашёл именно в этот магазин и в эту минуту. Слова этой, не известной мне ранее песни, разбередили мою наивную душу. Вспомнилось, как однажды меня везли на пост, и мой начальник вдруг стал рассуждать о том, что не надо было Михаилу Евдокимову лезть в политику. Я помню, на это ответил, что не мог он иначе поступить, ведь его алтайский народ выбрал. Начальник мой меня не понял и накричал на меня, дескать, я ничего не понимаю. Но человек, как бы это банально ни звучало, заметен своими поступками.

Все художественные фильмы с участием Евдокимова просматриваются нашим народом по многу раз. И будут смотреть их всегда. Ибо в творческих работах Михаила Сергеевича очень зримо чувствуется живое нутро почти каждого из нас. Да, у кого-то может возникнуть вопрос, как вот, например, у моего начальника: «Ну, дескать, что он там особенного делает: куражится, пьёт водку, спирт». Отвечаю таким, слава Богу, немногочисленным людям: «А вы попробуйте так попить спирт из пойманной в реке бочки, чтобы вас полюбила вся наша Русь-матушка?» И я знаю, что говорю, ибо был на Алтае. Когда водители проезжают то место, где погиб Михаил Сергеевич Евдокимов, они сигналят. Ибо за внешней простотой Евдокимов доносил до нашего сознания наше исконно русское точное емкое слово.

«Мне б с Рубцовым винца понемножку, мне бы с глазу на глаз с Шукшиным…», - пел наш алтайский самородок.

Недавно в одном из журналов прочитал об удивительно тёплом отношении Михаила Сергеевича к великому русскому писателю Василию Ивановичу Белову. Одно это чего стоит! И тут уж у самого отъявленного скептика сами собой отпадут сомнительные вопросы. Отыскал снятый не так давно фильм «Я вернусь». С немалым интересом послушал воспоминания Александра Михайлова. Теперь, где бы ни приходилось ему выступать, он поёт песню своего друга «На горе на горушке» и горько сожалеет о том, что не все поддерживаю самобытную коренную русскую песню, наш фольклор. А ещё Александр Яковлевич сказал, что, если бы Михаил пожил хотя бы несколько лет, он ещё больше бы отдал себя национальной русской культуре, и, немного помолчав, любимый всей страной артист добавил: «Я знаю, что говорю». Двумя реанимациями и комой заплатил великий русский артист Александр Яковлевич Михайлов за истинное отстаивание очага русской национальной культуры. И наша Россия, её сердобольный русский народ действительно верят этому человеку. Достаточно долго изучая наследие Михаила Евдокимова и жадно ловя каждое слово в этом фильме, в который раз убеждаюсь, что засухи на истинные таланты на Руси никогда не было. Как только стал губернатором, он сделал так, что полностью был обновлён автопарк машин скорой помощи. А ведь это наиглавнейшее дело, ибо на новом автомобиле помощь к больному человеку придёт значительно быстрее. И даже за этот, казалось бы святой шаг, находились те, кто ругал и завидовал. Не оправдал Михаил Сергеевич надежды всегда и во все времена вороватых чиновников. Имея высшее торговое образование, он, сердешный, и вправду решил изменить жизнь дорогих его сердцу алтайцев к лучшему. Вспомнились слова ещё одной его песни «Как живёт мой отчий край алтайский? Как друзья, как родичи живут?..». Или: «А я на место лобное себя сам приведу. Прости, страна голодная, скажу я, как в бреду. Прости, за что, не ведаю, но всё-таки прости». Разве бы смог спеть так вороватый чиновник? Нет, нет и нет. А как он

делал земной поклон хлеборобам! На это мало кто из власть имущих способен.

У нас в Братске жил замечательный деревенский писатель-фронтовик Иннокентий Захарович Черемных. Он писал: «Насколько же мы, русские, незлопамятные люди!»

И опять, казалось бы, сколько уже об этом сказано. Но говорить об этом нужно, пока мы живы. Не помнил ни на кого зла и Михаил Сергеевич и, конечно же, видя недовольные взгляды окружающих его чиновников, с добром в сердце, а когда, как земной человек, и прикрикнув, заставлял работать «слуг народа». Снова вспоминаются слова из песни Валентины Толкуновой.

Но уйдя из земной жизни, этот человек остаётся в наших душах навсегда. И тут уж чиновничья вороватая братия ничего поделать не сможет. Просто потому, что не умеют они так любить, не дано им это…

Памяти детского писателя Геннадия Павловича Михасенко

В моей жизни, как и у всякого человека, жизненной разности происходит великое множество. Часто отчаиваюсь, ибо кругом столько безнравственности, но спасают книги. Ведь с верою в нравственность людскую и жили русские писатели. В нашем городе Братске жил детский писатель Геннадий Павлович Михасенко. Его произведения, такие как «Милый Эп», «Кандаурские мальчишки», «Класс дурацких фамилий» и многие другие издавались большими тиражами. По его произведениям снимали художественные фильмы. И с полной уверенностью можно утверждать, что на его замечательных героях воспитывалось младое поколение России.

К своему стыду, я познакомился с творчеством писателя в тридцать с лишним лет. А прочитав «Милого Эпа», вдруг понял, что Геннадий Павлович ответил на многие мои вопросы. Ведь у меня растут сыновья, и как же жизненно необходимо понимать их. А писатель талантливо и доступно писал о детях. И если читать книги Михасенко, то действительно многое поможет в их воспитании. Знаю, что пишу наивные слова, но мы, взрослые, такие «незамечайки».

Спустя годы, в родительский день, втемяшилось мне в голову найти могилу Геннадия Павловича. Ныне покойный братский баснописец Геннадий Обухов помог мне в этом. Оказалось, это недалеко от дороги, и молодые сосенки прикрывали её. Памятник сделан в виде книги с изображением писателя и надписью братской поэтессы Женни Ивановны Ковалёвой: «Он не умер, он ушёл в зарю». Рядом с очень низенькой оградкой растёт замечательная красавица берёза. До

этого я уже знал, что троих сыновей писателя раскидало по нашей необъятной стране. Покинула Братск и жена Галина Васильевна. Прочитав молитву «Отче наш», положил цветы на могилку и подумал: «Осенью, наверное, тут всё завалено листвой, надо бы наведаться».

И вот в один из осенних пасмурных дней, вооружившись нехитрым инструментом, пешком отправился на погост. По дороге чуть не покусали большие собаки но, слава Богу, обошлось. Все мои предчувствия сбылись, всё было обильно засыпано листвой. После того, как прибрал на могилке, совершенно неожиданно, среди казавшейся такой суровой пасмури, на совсем крохотное мгновение выглянуло солнышко. И я совершенно уверовал в то, что Геннадий Павлович с небес видит меня, грешного человека. Хорошо помню, что обратный путь я прошёл, не замечая никакой усталости. Так, с Божией помощью, весной и осенью стал ухаживать за могилкой. Терзал себя, конечно, что и женский догляд необходим. И вот Господь услышал, теперь помогает моя жена Ирина с сестрой Татьяной. Татьяна всё удивлялась: « В детстве зачитывалась книгами Михасенко. И вот как жизнь устроила».

Как-то летом с молодым журналистом Николаем Полехиным мы поехали к Геннадию Павловичу. Берёза поразительно красиво опускала свои зелёные ветви на могилу писателя и нам всерьёз показалось, что она плачет. Однажды, 9 Мая, зазвонил телефон. Звонила жена писателя Галина Васильевна и благодарила меня за догляд за могилкой. Оказалось, что мой телефон ей дала Женни Ивановна Ковалёва, ведь они были подругами. Большей радости для своей грешной души я и представить не мог.

Рядом с могилкой писателя расположены две могилки: их убирают две бабушки, обеим за семьдесят. И однажды они предложили веник поновее моего, я не отказался. Удивительным было то, что они почему-то подумали, что я сын писателя. Потом они напоили меня облепиховым киселём. Оказалось, что и им приходилось прибираться на могилке писателя. Гля-

Журналист Николай Полехин с автором на могиле Г. П. Михасенко

дя на этих пожилых женщин, я заплакал и шептал про себя: «Вот он, наш сердобольный русский народ».

Однажды позвонила дочь Виктора Соломоновича Сербского, Екатерина: «Толик, а берёзка и вправду плачет». Я как-то говорил ей о чудной берёзке, вот и она приобщилась к удивительной тайне.

В этом году я приболел, и незадолго до родительского дня жена Ирина с Татьяной пошли прибираться у своих родителей, но они без слов поняли, о чём я их хочу попросить.

Весной нынешнего 2013 года было необычно много подснежников. Проходя наши правобережные погосты и глядя на их цвет, мы с женой лечили свои души от грусти. Зайдя на могилку, увидели, что кто-то принёс Геннадию Павловичу цветы. От этого настроение, конечно же, улучшилось...

Памяти Александра Барыкина

Господь создал человека по своему образу и подобию. Он, наш Создатель, дал людям все, что нам необходимо. Каждый божий день я удивляюсь мудрости Творца. Проходит жизнь, мы стареем, много думаем о разном, так уж мы устроены. И сегодня вспомнился мне вдруг Александр Барыкин.

Когда-то, будучи 17-летними и учась в училище на сварщиков, зарабатывали на производственной практике на магнитофоны, и переписывали друг у друга разную музыку. Вот тогда-то я, как и миллионы русских людей, и познакомился с группой «Карнавал» и Александром Александровичем Барыкиным, с его божьим дарованием. Промысел Божий нам, простым смертным, неведом. Но когда тебе переваливает за сорок, то хочешь ты этого или нет, думаешь о том, что придется умирать. Да оно и быть по-другому не может. Потому как к этому моменту похоронил немало близких людей. Как-то набрал в поисковике имя любимого артиста. Нашел песни на православную тему. Весь вечер слушал и плакал, ибо шло очищение от душевной окалины. Я, к моему великому огорчению, ничего не знал о том, что у Александра Барыкина записан целый альбом песен, посвященных именно православию. Вот они названия песен «Молись, дитя», «Каюсь», «Любовь без Бога счастья не имеет». И этот альбом, по словам самого поэта, музыканта, он считал лучшим, что он сделал за всю жизнь.

Я, простой сторож, на протяжении многих лет молюсь в храме, спасаю там свою душу. И именно благодаря вере так близки и понятны мне слова Александра Александровича. А

для тех, кто не слышал этих песен, сообщаю, что в поисковике нужно набрать такие слова: «Александр Барыкин. Альбом «Молись, дитя».

Несколько лет назад я ездил к своей тете в Нижегородскую область. Пробыл целый день в Дивееве. И когда монахиня приложила мою икону с образом Серафима Саровского к гробу светильника земли русской, то по приезде домой подарил ее нашему Храму. Священник Георгий повесил эту икону в Храме, и теперь люди молятся перед ней. А моя тетя даже заплакала. Другие, говорит, вещи разные с отпуска везут, а ты большую корзину икон привез да раздал людям. Но я почему-то чую своим грешным нутром, что Александр Барыкин одобрил бы все это. Великое таинство нашей православной веры заключается в том, что после смерти верующие христиане не умирают. Поэтому, конечно же, плача шепчу: царствие тебе небесное, раб Божий Александр…

Размышление о книге В.А. Солоухина «Время собирать камни»

О каждом широко известном русском писателе написано, разумеется, много всевозможных повествований. Повторяться и говорить с листа бумаги, что издано большими тиражами, – это, наверное, и есть обыкновенная глупость. Тем более, если ты не профессиональный литератор, да и литератор ли вообще… Но когда встрепенется твоя душа, когда все нутро твое озарится светом русской истории, которую ты не изучил достаточно в школе, то очень хочется поделиться с русскими людьми своими размышлениями. О писателе Владимире Алексеевиче Солоухине написано немало, но изданные его книги будут жить и проникать в отцовские глубины России: И я как читатель, воочию прикоснувшийся к исконно русской литературе, вольно или невольно начинаю анализировать и стараться понять ее, всегда первозданно загадочную матушку Россию. Но это и прекрасно, что все так устроено Создателем. В книге «Время собирать камни» писателем помещено огромное количество чиновничьих отписок, заведомо ложных постановлений, и мне, простому наивному человеку, до прочтения этой праведной книги казалось, что положение с историческими памятниками у нас лучше. Увы, увы, увы… Места рождения, где творили и жили великие русские поэты и прозаики, порушены и заросли травой. О, Боже, какие имена! С. Т. Аксаков, А. Блок, Г.Р. Державин… Пройдя и проехав великое множество исконно русских деревень, Владимир Солоухин создает уникальное по своей сути произведение «Черные доски». Какое великое для меня было открытие, что с «Черной доски» с помощью современных препаратов можно попасть из 19-го века в 12-й. Это ли не чудо? Это ли не подтверждение нашей многовековой православной старины?

Владимир Солоухин исследует множество церквей, спасая уцелевшие древнерусские иконы, горестно понимая, что уничтожено и утрачено великое богатство древнейшей нашей

живописи. Сейчас, когда на дворе стоит 2012 год от рождества Христова, по всей России строятся и восстанавливаются православные приходы и храмы, и это вроде бы на первый взгляд никого не удивляет. Но в те годы издать такую книгу было божьим чудом и величайшим подвигом писателя. Выступая в народном хоре «Русское поле», я пел про старца Амвросия, но ничего не знал о нем. Конечно, можно меня упрекнуть в недостаточной образованности, но я учусь и не стыжусь этого. Из книги Солоухина я поподробнее узнал и об «Оптиной пустыни», о знаменитом подвижнике Паисии Величковском, о великих старцах Леониде, Макарии и Амвросии, сыне сельского священника, о замечательных братьях Петре и Иване Киреевских, сделавших для духовно-песенного развития Руси-матушки столько, что я плачу. Но не от слабости своей, а от божьего величия наших праведных предков от их праведного труда…

Интересны мысли Владимира Алексеевича о великом русском писателе Льве Николаевиче Толстом. Да, издано немало книг о последних днях знаменитого русского мыслителя, но многое я узнал впервые.

Он сроднился с обстановкой сельской
Полюбив тех мест простор и ширь,
Где стоит под городом Козельском
Знаменитый Оптин монастырь.

Целым рядом русских поколений
Та земля считалася святой,
Шли сюда для высших откровений
Гоголь, Достоевский и Толстой.

В этом стихотворении, предположительно написанном Татьяной Александровной Аксаковой, очень многое как бы заново открывается для многих русских людей, интересующихся своей историей.

Во время чтения меня все время теребила нехорошая мысль: почему же мы так плохо бережем памятники старины?

Писатель доподлинно перечисляет названия уничтоженных и заброшенных церквей. Все без исключения названия эти божественны. В книге, которая насчитывает 685 страниц, Владимиру Алексеевичу удалось чудесным образом перечислить столько памятных исторических мест, что дух захватывает и саднит в душе от того, что, к великому огорчению, места эти прекратили свое существование, и невольно приходит понимание и истинное удивление, как вообще писателю в то атеистическое время удавалось бороться и отстаивать наследие исконной русской старины. Да он и жизнь свою отдал во имя этого праведного дела.

Каждый писатель, конечно же, по-своему пишет о родине. Привожу слова Владимира Алексеевича: «Если каждый из нас попытается присмотреться внимательно к своему собственному чувству к родной земле, то он обнаружит, что это чувство в нем не стихийно, но что оно организованно и культурно, ибо оно питалось не только стихийным созерцанием природы, как таковой, но воспитывалось всем предыдущим искусством, всей предыдущей культурой». Много, очень много узнаем мы о малоизвестных сторонах жизни Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Фета, Тургенева, А.К. Толстого, Некрасова, Льва Толстого, Блока, Есенина, Левитана, Поленова, Саврасова, Нестерова, Куинджи, Шишкина, Аксакова. И это, думается, для многих читающих людей послужит еще большим постижением величия родной Отчизны. Поражает писатель не только великими своими литературными исследованиями, а я бы сказал – чудодейственным кругозором.

Якутский поэт Семен Петрович Данилов обратился к Владимиру Алексеевичу с просьбой, чтобы тот перевел на русский язык якутского поэта Алексея Кулаковского. Хотя бы на мгновение представьте, сколько трудов пришлось проделать писателю для того, чтобы понять якутскую поэзию. Солоухин не только перевел, но сделал все для того, чтобы была издана книга Алексея Кулаковского, умершего в годы гонений и революции. Но огромным праведным делом Владимира

Алексеевича стало то, что после всех этих тяжелейших литературных испытаний малоизвестный до этого Алексей Кулаковский был признан большим поэтом и классиком Якутии. Это ли не чудо! Чудо оно и есть!

В книге «Время собирать камни» большое место уделено памяти Марии Клавдиевны Тенишевой. Дела этой великой русской женщины просто уникальны. Это действительно подвиг во спасение русской старины. В конце книги писатель горестно вспоминает в том, что не выпросил купель из их деревенской церкви, когда ее уничтожали. Вот такие слова говорит Владимир Алексеевич: «Да, среди церковной утвари, сваленной в груду, в кузове грузовика была и наша, пусть тоже латунная, луженая, простенькая и дешевая купель. Мой прадед и дед, мой отец, мои браться и сестры, все люди нашего прихода, то есть нашего села и окрестных пятнадцати деревенек, все перебывали в ней, и сам я в ней побывал». По мнению писателя, именно купель говорила всем нам о связи времен. А история забвения автора песни «В лесу родилась елочка, в лесу она росла»... Нет, дальше писать трудно, нервы сдают. О, Господи, что же мы творим-то…

На мой взгляд, прочитать эту книгу нужно всем русским людям, это воистину великое повествование Владимира Алексеевича Солоухина о памятниках нашей старины, это и напоминание всем нам, живущим ныне. Это только правда и ничего больше, к чему всегда и призывала исконно русская культура, наш соборный православный народ. Ведь с верою в нравственность людскую и жили наши праведные русские святые. И очень горестно осознавать, что в современном мире многое из русской православной старины утрачено совсем... Очень хочется, чтобы Россия ответила своей всегдашней непредсказуемостью, и чтобы эта непредсказуемость была направлена на сохранение и величие наших исторических памятников и христианских истоков глубокой и всегда во все века праведной православной старины…

17.11.2012

Памяти Виктора Соломоновича Сербского

В.С. Сербский с писателем В.П. Астафьевым

В ту пору, а было это в 2002-м, работал я дворником. Так уж случилось, что территория моей работы находилась рядышком с «Библиотекой Сербского». Я, конечно, слышал о ней, но толком ничего не знал. Каждый человек, если он задумал идти в библиотеку, идёт туда за чем-то конкретным. Кто-то много читает, пишет прозу или стихи; словом, как это и бывает в жизни, в кладовую знаний влекут человека разные обстоятельства.

Я же к тому времени пробовал писать стихи. И в один из осенних дней пошёл именно в эту библиотеку. Меня встретил седой, небольшого роста человек. Это и был Виктор Соломонович Сербский. На всех, кто приходил к нему, он заводил карточку. Вот так незатейливо и просто я стал читателем этой удивительной библиотеки. В первый день нашей встречи я, как и многие, читал ему свои неумелые стихи. Он внимательно выслушал и подарил мне свою книгу «Заросли Судьбы». Когда Виктор Соломонович подписывал её, мне вдруг стало его очень жалко. Ибо писатель был болен...

Будучи человеком наивным, выпустил сборник стихов, посвященный шестидесятилетию Победы. В этом моём неумелом сборнике есть и стихотворение, посвященное Виктору Соломоновичу. Приведу две строчки из него:

...Карателям приказ был свыше.
Они его исполнили, увы.

Расстрел родителей писателя – это ужасная трагедия семьи

В. С. Сербский с писателем В.Г. Распутиным и издателем Г. К. Сапроновым

Сербских. Именно поэтому и было написано это стихотворение. В библиотеке собираются поэты города, и на одной из встреч ко мне подошел Виктор Соломонович и хорошо отозвался о моей прозе. Потом оказалось, что проза у меня получалась лучше, чем стихи. Опытный писатель сумел это разглядеть, будучи очень больным человеком. Мы, начинающие писать что-либо, всегда похожи на маленьких детей. Низкий поклон вам, Виктор Соломонович, за всё...

На похороны Виктора Соломоновича Сербского мы поехали с писателем Василием Александровичем Скроботом. Пока ехали, он вспоминал, что завод отопительного оборудования, где они славно трудились, называли литературным. На похороны пришло очень много братчан. Но речь, которую говорил Василий Александрович, мне не забыть, ибо она была проникновенной. Человеческая жизнь коротка, но Виктор Соломонович успел создать для города одну из самых лучших библиотек в мире, и это есть нравственный подвиг писателя. Теперь я пишу прозу и иногда, когда становится тепло на сердце, вспоминаю слова Виктора Соломоновича Сербского: «У тебя получается, парень...»

Собаки ждут

(О Братском писателе Василии Александровиче Скроботе)

Скробот В.А. – писатель Братска

Часто ловлю себя на мысли о том, что пути Господни не исповедимы…

Много лет проработав с поэтом и писателем Василием Александровичем Скроботом на заводе отопительного оборудования, не имел чести быть с ним знаком, и это не было чем-то удивительным, ведь в нашем коллективе трудилось около восьми тысяч человек. Познакомился же я с ним, когда и сам стал делать очень робкие литературные шаги. А произошло это так: однажды, он присутствовал на выступлении народного хора «Русское поле» в музее «Ангарстроя». Хорошо помню, что после нашего выступления я подарил ему две свои брошюрки, а Василий Александрович, в свою очередь, предложил меня подвезти до дома. Оказалось что мы живём недалеко друг от друга. Расстояние между нашими домами всего лишь пять небольших дворов.

Из того нашего с ним разговора во время первого знакомства я узнал, что он ещё является председателем Совета ветеранов Правобережного округа города Братска.

Удивительная человеческая простота и душевность поразили меня сразу. Да и вообще потрясает в этом человек буквально всё, ибо какой чиновник напишет про себя такие строки:

Мне не нужен такой кабинет,
Не нужна мне дешевая слава…

Кабинет был и есть и вправду шикарный. Тут уж администрация города расстаралась, а Василий Александрович всё время твердил, что лучше бы эти деньги отдали старикам или

Автограф к книге «Повиниться хочу»

помогли ветеранам войны, которые подчас находятся в жутких условиях.

Я, как на исповеди, утверждаю, что как чиновник Василий Александрович совсем не держался за своё кресло. На всех ветеранских пленумах и собраниях его выступления были самыми яркими и правдивыми. Скробота боялись и боятся поныне вышестоящие чиновники. От этого, наверное, и любит его простой народ. Он всегда в своих статьях призывает чиновников к совести и, взвалив такую тяжелейшую человеческую ношу, тащит её на себе…

Никогда не забыть мне тот положительный резонанс в обществе, когда вышла в свет книга Василия Александровича «Повиниться хочу». Перед глазами вновь оживают полные залы в Центральной библиотеке города Братска, в Государственном университете, в школах и т.д. Люди просто подходили к этому человеку и кланялись ему в ноги за его удивительную книгу.

Однажды после работы, зайдя в совет ветеранов, я застал там одного и очень грустного Василия Александровича. Он робко протянул мне документ, свидетельствующий о том, что ему присвоили звание члена академии русской словесности имени Гавриила Романовича Державина именно за книгу «Повиниться хочу». Скробот попросил ещё тогда меня никому об этом не говорить, и поэтому я с полной уверенностью смею утверждать, что таких скромных писателей, как Василий Александрович, мне ещё не доводилось видеть никогда. Может быть кто-то удивится и скажет, что это слишком пафосно, но разве истинная народная литература не призывает нас писать правду?..

16 февраля 2011 года Братск отмечал день рождения детского писателя Геннадия Павловича Михасенко. В посёлке Падун в библиотеке его имени открывался музей. Приехала тогда и вдова писателя Галина Васильевна Михасенко. Именно ей поручили разрезать красную ленточку. И вот мы уже наконец видим постаревшие, но такие замечательные фотографии Геннадия Михасенко,Василия Скробота, Владимира Корнилова, Виктора Сербского и многих других братских литераторов.

Еще в Братске… Зима 2011 года

И надо же такому случиться, что в этот замечательный солнечный день мы с Василием Александровичем забирали из типографии мою новую книгу «Святодавнишняя Русь». Он в очередной раз вызвался мне в помощники. И вот мы уже едем с открытия музея домой, на правый берег реки Ангары. Выгружаем книги возле моего дома. Приглашаю Василия Александровича в гости, а он в свою очередь громко так выпалил: «Некогда! Собаки ждут!». Оба смеёмся, и он просит меня записать где-нибудь это выражение. Собак Василий Александрович очень любит, и они его тоже.

Позволю себе немного отступить от основной темы нашего с тобой разговора, дорогой читатель, и скажу, что собаки любят только хороших людей…

А память вновь и вновь одаривает меня приятными эпизодами. Невольно вспомнилось, как все домашние Василия Александровича уехали в Иркутск, а он временно остался один.

Однажды Скробот попросил меня сварить у него дома борщ. Я люблю кухарить, да и хлёбово получилось вполне съедобное. В это самое время прямо с поезда к нам приехал и

главный редактор газеты «Наш Сибирский характер» Сергей Маслаков. Наливаем ему суп, а тот смеётся: «Никогда, — говорит, — супу с брусникой не ел». Оказалось, что в квашеной капусте было немного брусники.

Василий Александрович всегда с огромной радостью принимал гостей. Раньше в его доме часто бывали знаменитые писатели и, наверное, поэтому он написал стихотворение, которое я очень люблю и хочу Вам его здесь привести:

Я дверь не закрываю никому,
От непогоды каждого укрою.
Беду и радость я всегда пойму,
Ну и, конечно, в доме стол накрою.
Что Бог послал, вот тем и угощу.
А что не так, заранее простите.
И я, поверьте, многое прощу,
Но только вы с душою заходите.

…Когда мы ждём какой-то радости – будь то встреча со второй половинкой или с мамой, то каждая секунда нам кажется вечностью, а когда мы знаем, что скоро придёт минута расставания с родным человеком, то замечаем, как время неумолимо быстро набирает скорость. Василий Александрович очень быстро стал для меня родным человеком, и вот настал день его отъезда в Иркутск. Помогая ему перетаскивать вещи в большую машину, я с горечью в душе размышлял и досадовал, что замечательный писатель уезжает из Братска. Господи, сколько для него здесь родного!

Теперь раз в неделю обязательно звоню ему в Иркутск, а он и там не опускает руки. Недалеко от его нового дома вырубают берёзы под постройку коттеджей для «новых русских». Василий Александрович пишет статью «Плачут берёзы», которую публикуют в интернете, и со всех уголков России идут благодарные отклики за его неравнодушие…

Я думаю, что путь совести и нравственности, который он выбрал, будет в его жизни до конца.

Писал я о Шукшине, о Белове, о Распутине, Шолохове, об Астафьеве, Абрамове, а теперь пишу и о Василии Скроботе и желаю ему только здоровья, а остальное, по его же словам, «всё есть суета». И я полностью с ним согласен.

Грустные мысли

Когда я сидел на лавочке, в голове моей, как и у всякого живущего на земле человека, забурлили мысли. Думалось над тем, как всё же поменялась жизнь за последние двадцать лет. Сын мой старший считает меня «лохом». Когда я говорю о совести, справедливости и чести, он ухмыляется и не верит собственному отцу. Да и как поверить-то, когда он видит, что кругом бардак. Отчего же это всё? Вроде бы на первый взгляд всё понятно: повальное равнодушие, деньги, наркотики, водка, проституция…

Как-то меня на работу подвозил мужик. Он очень выстраданно говорил мне: «Что они, эти депутаты, три века себе намерили жить, что ли? Всё воруют и воруют». Человеческой алчности, тупости и жадности предела нет – в этом я убеждался много раз. Даже над библией смеются, а если человек действительно честный приходит на нашу землю-матушку, тут уж и вовсе замордуют. Вот вам свежий пример. Всенародно любимый артист Михаил Евдокимов. Ведь всей душой любил он нашуРассею, и фильм, который после его гибели показали по телевидению, я смотрел и плакал. Даже у Леонида Якубовича, который был ведущим этой передачи, явно прослеживалась щемящая тоска в глазах.«Ну что я Вам плохого сделал?» – обращался Михаил к чиновникам, сидящим с ним за одним столом, а те ядовито молчали и ненавидели, потому как губернатор Алтайского края Михаил Сергеевич Евдокимов был прежде всего простым, честным человеком, а чиновникам это во все времена не нравилось. Только вот не понимают они, что нет и не будет никогда на земле прекраснее чувства в душе, когда ты помогаешь таким людям, как Михаил Евдокимов…

К сожалению, многие люди живут для того, чтобы повкуснее поесть, посмотреть телевизор с абсолютно безнравственными передачами, совсем не благодаря Господа за то, чем он их одарил. Вспомните, как любили нашу Россию классики – писатели, актёры, певцы, такие как: Лев Толстой, Александр Пушкин, Сергей Есенин, Юрий Никулин, Николай Рыбников, Евгений Матвеев, Клавдия Шульженко, Лидия Русланова, Владимир Мигуля и, к великому счастью для души моей, многие и многие другие. Это окрыляет, заставляет утром подниматься с постели и жить, жить, жить…

У нас самая уникальная в мире страна. Нигде вы не найдёте столько искренности ,сколько есть в нас. Все пятнадцать союзных республик между собой породнились. Господи, почему же сейчас это всё в прошлом?..

Вечером пошёл на остановку встречать сына.Вижу, сидят на лавочке девушка и парень, лет по пятнадцать обоим. Девушка вдруг говорит парню: «Вот деда на «бабки» развела. А сейчас совесть вдруг проснулась». Прекрасно понимая, что могут и послать, я говорю, обращаясь к ней: «А это ведь главное в жизни». Она удивлённо заморгала глазами. «Да, вы понимаете,что честному человеку трудно жить». Всё же я был очень рад, что девушка подумала о совести. Часто встречается такое, что мы вспоминаем о совести именно в тот момент, когда случается непоправимое.

Я знаю, что далеко не все забыли о совести, и это даёт большие надежды человечест-ву…

Вдруг осенний листок медленно приземлился на голову, и вроде даже как-то оживил меня. О, Господи, что ж Вы, грустные мысли, не даёте мне покоя…

7 июля 2011 г.

При открытых дверях
директор ДК «Транспортный строитель»
Светлана НОВИКОВА

Прошло уже 14 лет с того дня, как я, проводив маму в деревню, шёл мимо Дома культуры «Транспортный строитель» и невольно обратил внимание на афиши: столько коллективов у нас: хоровые, танцевальные, сольные, цирковая студия… Пройдет еще немного времени и я узнаю, что за каждым из этих коллективов стоит большой и порою нервный труд коллектива ДК и его многолетнего руководителя Светланы Ивановны Новиковой.

Хочу петь

К тому времени я уже пробовал писать стихи, выступал в художественной самодеятельности завода отопительного оборудования, но Дом культуры обходил стороной. Думалось: приду, скажу, что пишу стихи – так многие пишут; сочиняю и пою песни – ну и что, это же самое делают прекрасно и без меня. Душевное смятение присуще многим, кто впервые переступает порог Дома культуры. Страшно бывает. Но я все-таки набрался смелости и зашел. На вахте сидела пожилая женщина.

- Вы к кому?

- Хочу петь…

Отправила в девятый кабинет. Захожу, что-то говорю – и меня очень вежливо направляют дальше - к директору ДК Светлане Ивановне.

Поднимаюсь по лестнице (деревянные ступеньки) и раз-

мышляю: «Господи, помоги мне, грешному»…

Двери в директорский кабинет были открыты. Это сейчас я знаю, что они открыты для всех и всегда, а тогда это меня удивило. За столом сидела красивая женщина. Добродушно предложила присесть - и пошёл разговор, непринужденно, легко. Я читал Светлане Ивановне свои стихи, пел песни. Словно был с нею всегда знаком. Она же что-то записывала на листок бумаги, а потом робко протянула его мне. Оказалось, что в ближайшие дни мне предстояло три выступления перед ветеранами Великой Отечественной войны Правого берега…

Сегодня я, как на исповеди в храме, утверждаю, что эта встреча со Светланой Ивановной Новиковой для меня была очень значима. Это потом будут многочисленные концерты по городам и весям, народный хор «Русское поле», но тогда, 14 лет назад, поверить в свои силы помогла мне именно Светлана Ивановна. Коллективы ДК много раз завоёвывали грамоты, дипломы (и не только в Иркутской области), но любят директора не столько за целеустремленность и умение добиваться своего, сколько за человечность и простоту в общении.

Я не знаю, как удается ей отстаивать интересы Правого берега в коридорах власти, и чего это ей стоит, но, видит Бог, у нее это получается. За последние годы по нескольку раз сшиты новые костюмы на два правобережных народных хора – «Русское поле» и «Во лузьях». Танцевальные коллективы в обновках. Этим летом в ДК проведен большой ремонт (крыльцо, зал), отмеченный министром культуры области.

Теплый Дед Мороз

Однажды Светлана Ивановна с Ольгой Петровной Гололобовой предложили мне быть Дедом Морозом Правого берега. Мы выучили тексты и на Новый год, когда все люди безмятежно его празднуют, под руководством Светланы Ивановны отправились на площадку давать новогоднее представление. В стоящем возле сцены автобусе постоянно открыты двери,

артисты, то и дело сменяя друг друга, как на боевом посту, выходят на сцену, а на улице между тем – минус 30-40. Хотелось бросить всё, и только бодрящее, теплое слово Светланы Ивановна сдерживало этот порыв. Она и сама много раз была в роли Деда Мороза, а потому, как никто другой, понимала своих артистов.

На каждом городском празднике должен быть ведущий. И когда назначают вести городское представление Правому берегу, тут уж Светлане Ивановне не позавидуешь. Транспорт, коллективы, пироги - всё так переплетено, что голова кругом идёт. Но меня всегда трогают за душу встречи с ветеранами Великой Отечественной, которые проходят в ДК «Транспортный строитель». Ветераны уходят, словно согретые душевным теплом директора и её боевого коллектива…

Двенадцать лет назад Светлана Ивановна предложила мне войти в состав хора «Русское поле». На ту пору руководил им Александр Васильевич Корсанов. Слушая музыку и обучаясь пению у этого удивительного, талантливого человека, я узнал о его нелегкой судьбе: у него погибли жена и дочь. Знала об этом и Светлана Ивановна и нередко помогала ему и материально, и просто добрым словом. Теперь, когда Корсанов уехал из Братска, она, вздыхая, спрашивает у меня: «Как там Александр Васильевич?». Были и сокращения штатов, и слезы, и обиды, и многие прошли мимо, не задев души, но вот память о настоящем художнике дорога.

…В один из летних дней, на праздник Троицы (представление вели работники культуры Правого берега), Светлана Ивановна предложила мне возглавить шествие по Ангарской деревне с березкой в руках. Прошло несколько лет, а по Братскому телевидению, когда наступает праздник Троицы, я всё еще несу эту берёзку. Теперь уже как букет своему директору.

Россия – это русская женщина

Россия - это русская женщина. Всё именно в ней: и зачатие младенца, и святая любовь материнства. Вот я вижу васильковое поле, ощущаю пьянящий запах ромашек, клевера, медуницы, и все очень по-хорошему тревожит душу. На поле сидит маленький ребенок и трогает своими рученьками эти самые васильки. Так начинается один из фильмов Василия Макаровича Шукшина. У каждого русского писателя, у всех тех, кто писал, пишет и будет писать деревенскую прозу, во главе всего стояли, стоят и будут стоять бабушки и женщины.

Ибо здесь ярко обозначена вся суть человеческой жизни. И как же понятны становятся слова известного писателя и критика Валентина Яковлевича Курбатова, говорившего, что без бабушек не было бы, может быть, и великого русского писателя Виктора Петровича Астафьева, Василия Ивановича Белова, Валентина Григорьевича Распутина и многих других истинных литераторов матушки Руси. Очень дивлюсь я гигантскому литературному труду Михаила Александровича Шолохова. На протяжении нескольких десятков лет снятые по его произведениям художественные фильмы, такие как: «Тихий Дон», «Донская повесть», «Судьба человека», «Они сражались за Родину», «Поднятая целина», – транслируются по телевидению. И ты невольно ловишь себя на мысли, что показывать их будут продолжать. Глубоко смотрел великий наш русский писатель. Огромный камень взвалив прежде всего на себя, Михаил Александрович думал о нас и жил на земле ради этого. Показывая разные жизненные ситуации, писатель оберегал всех нас от жизненных ошибок. Великолепна игра Евгения Леонова в «Донской повести». От его разговорной речи, совсем не засоренного русского языка, от гениальной драмы, которую играет всенародно любимый артист, перехватывает горло. И с полной уверенностью можно утверждать, что такие фильмы воспитали миллионы хороших людей, прежде всего, у нас в России, а также за рубежом. Воспитание чело-

века - наиважнейшее дело нашей жизни. Мы всю жизнь идем именно к этой цели. В 1974 году не стало великого русского писателя, режиссера, актера Василя Макаровича Шукшина. Прошло много лет, и на радио «Россия» появилась передача «Калина Красная» – о заключенных, о людях, попавших в трудную жизненную колею. В начале этой замечательной передачи звучат слова Василия Макаровича: «Не грусти, Любушка, не надо, глянь, сколько хороших людей вокруг. Надо жить, надо бы только умно жить»… Вот оно, истинно народное слово, которое лечит искалеченные судьбы, и многие люди, придя из тюрьмы, начинают новую жизнь и живут нормальной человеческой жизнью. А фильм Василия Макаровича Шукшина «Калина красная» по-прежнему будет спасать и вытаскивать из трясины многие женские и мужские, молодые и немолодые людские судьбы. Наш Алтайский самородок сгорел в этой работе, как свеча, для того, чтобы этой свече загореться и больше не гаснуть. И тепло это, такое нужное для всех нас, слава Богу, живет в нашей многострадальной Отчизне. Известно, что в круговерти времени многие перестают читать книги. Люди работают на двух, а то и на трех работах, чтобы накормить и одеть своих детей. И конечно же проще, придя с работы, посмотреть какой-нибудь фильм. Что ж, и это тоже надо.

Но читая нашу классическую литературу, невольно соглашаешься, что она лучшая в мире. Прекрасно понимая, что то, что пишу, не ново, но все же кричу с листа бумаги: «Читайте наших классиков, и вы спасетесь, прежде всего, духовно». И опять, зная, что пишу прописные истины, несомненно вызову ухмылку многих, все же скажу, что с верой в нравственность людскую жить на земле интереснее, ибо ты и сам учишься, и потихоньку приближаешься к пониманию, что такое добро, потому как это понятие чрезвычайно сложное. Мы все мужики – в наших матерях. Именно они, наши бабушки и матери, денно и нощно молятся за нас в православных храмах, спасая наши души своей искренной молитвой. Мы, мужики,

порой так мало задумываемся о том, сколько любви, неимоверного труда растрачивают на нас наши дорогие женщины. О, Господи, помоги нам почаще признаваться им в любви. И я неустанно вновь и вновь повторяю: Россия - это русская женщина. Именно она вдохновительница наших писателей, она роженица, она волшебная воспитательница. Как же хочется возвращаться к ней так же трогательно, как Иван в «Вечном зове» возвращается к своей Агате. Ибо мы все, жившие в ранешних временах и живущие поныне, ее дети. Россия – это русская женщина. Да будут благословенны эти имена ныне и присно и во веки веков!

Именно в провинции

Именно в провинции, в святой русской провинции сохранилась высокой нравственной чистоты людская душа. В Москве ее почти не осталось, потому как там, к великому сожалению, у всех меркантильные интересы. А попросту говоря – деньги. Так говорила великая русская певица Валентина Толкунова.

В каждом доме, где бы ни звучал ее сердешный голос, колесики радиоприемников крутились вверх. Да это и было истинное божество – слушать ее песни. Нам всегда казалось, что она будет всегда с нами, как наша Родина, наша Отчизна. О, Пресвятая Богородица! Как же становится плохо на душе от того, когда ты узнаешь о смерти таких дорогих для твоей души великих русских людей. И к простому человеческому счастью не иначе, как по божиему промыслу, спустя какое-то время, ты опять слышишь песни Валентины Толкуновой. И с ее помощью продолжаешь веровать в добро…

Величайшей радостью для меня было узнать, что моя любимая певица была в Дивеево и молилась у мощей великого

молитвенника игумена, Земли русской – Серафима Саровского. И меня вдруг ясно озарила мысль о том, что Валентина Толкунова молилась за Русь нашу святую, чтобы она жила. Недавно я купил диск с последними песнями, спетыми любимой исполнительницей, и был приятно удивлен, что ни одной песни до этого не слышал. И вот теперь, каждый раз после отработанных суток, я включаю этот диск и начинаю готовить для своей семьи борщ. Иногда и всплакну, это со мной бывает. Вот так, и после ухода из жизни Валентина Толкунова по-прежнему со своим сердобольным народом делит горечь и радость. Вот таковы они, наши народные, настоящие русские певицы…

1.11.2012

ТРУДНИК АФРИКАН

Бабушка Параскева, встав на колени перед собственным внуком, умоляла его не менять имени: «Ты наш первый внук, мы тебе имя давали не просто так, а обдуманно». Лишь много позже Африкан Филиппович Осипов узнает, что назван он был в честь великомученика Африкана.

Православная церковь три раза в году празднует этого святого. Верующие его предки словно оберегали Африкана Филипповича всю его жизнь. Сидя в квартире этого человека, я с радостью в душе внимал...

Родился человек с необычным именем 3 октября 1936 года в деревне Чалбучи Устькарского района Читинской области. Деревня была маленькая, дворов двадцать, стояла на правом берегу реки Шилки.

Детство

«Бабушка Параскева рассказывала о моих предках так: «Прадедушка был Давид, дедушка Феофан Давидович. У деда было три сына: Арсений 18-го года рождения, Григорий был с 26-го, а отец Филипп с 11-го года. Маму звали Еликонидой Ионовной, в девичестве носила фамилию Елина. Учился Африкан хорошо, дети трудились на полях с матерями и стариками, а силёнок-то сколько у меня тогда было…» и Африкан Филиппович плачет…

«…Когда закончил четвёртый класс, то за хорошую работу дали путёвку, чтобы я отдохнул в пионерском лагере. А в шестом классе я заболел тяжелейшей болезнью. Лечили от малярии, стало ещё хуже. Оставили на выживание, весь месяц стояла температура под сорок. Мать почернела враз, грамотных врачей не было, так и лежал на одре смерти. Но в конце мая привезли самолётом врача из Читы, определили диагноз: тропическая малярия. Даже врачи были поражены, откуда здесь такая болезнь. Но выжил, из больницы вернулся худой, страшный. Из школы ушёл, мама во время войны с нами чет-

верыми надорвалась, стала сильно болеть, отец вернулся с войны весь больной, одному Богу известно, как он ещё работал в МТС. Мы тогда с сестрой Ларисой бросили школу, но поступили в вечернюю. Мама с папой наточили нам пилу, и мы всю зиму пилили дрова для хлебопекарни. Вечернюю школу, седьмой класс, закончил с отличием. Продолжать учёбу дальше не мог, пошёл работать грузчиком, сил поднимать целые чурки не было, поставили грузить колотые дрова, назывались они тогда «швырок». И пилораму, и строгальный станок пришлось освоить, у обоих ведь у нас с женой грыжи…»… И опять человек с редким для наших краёв именем плакал.

Наводнение

«В деревне прожили с 36 по 46 год, затем переехали семьёй в районный центр Устькарск. В городе Нерчинске учился на водителя. Именно там и находится Нерчинский острог, тюрьма, где у каторжан были большие сроки отсидки. Представляет ой собой огромное каменное здание с высокими заборами. В народе говорили, что сбежать оттуда невозможно. Но, судя по знаменитой песне: «Шилка и Нерчинск не страшны теперь, горная стража меня не догнала», – кому-то всё же удалось. Службу проходил в Улан-Удэ, дивизия именно так и называлась, и было это на станции Дивизионка с 1955 по 1958 год. Но из армии демобилизовали четверых сразу, досрочно. Случилось огромное наводнение, и весь посёлок Устькарск был затоплен. Произошло это днём после сильного ливня. Шилка вышла из берегов, вода мгновенно поднялась метров на десять. Проходит же река в этом месте между двух гор, поток воды был страшен, погиб весь скот, унесло много домов. Люди спаслись лишь потому, что был день и все бежали на гору. По тревоге были вызваны вертолёты из Читы, Улан-Удэ и Сретинска. Снимали с крыш людей, спасли всех. Одна улица посёлка была снесена полностью. Приехав из армии, не отдыхал ни одного дня. Устроился шофёром, чтобы

выполнять все порученные работы по восстановлению деревень к зиме. После наводнения район по причине полного разрушения был расформирован. Нас бросили на вывозку людей в Магойтуйский, Оловяннинский районы – это и есть Даурские степи. Многие после затопления уехали на Дальний Восток, в Братск на строительство ГЭС. После даже те деревни, что стояли наверху, приказали перевозить. Ломали дома, люди плакали, говорили: «Зачем? Ведь здесь не топит». Смотреть на всё это было горестно, а люди потом снова возвращались и отстраивались. Наш же дом от наводнения покосился, с братьями Юрием и Германом поддомкратили, подготовили к зиме».

Учёба

«В 1959 году переезжаю в Читу, чтобы поступить в сельскохозяйственный техникум, вступительные экзамены сдал на отлично, учился заочно, пошёл работать в трест «Забайкалтрансстрой» на базу КМТС водителем. Но приходилось работать одновременно и на дрезине, и на кране. Жил на частной квартире. На базе работала девушка Зоя, мы познакомились и в июле 1959-го сыграли свадьбу. Вскоре вызвали в отдел кадров и предложили поехать учиться в Тулу, в машиностроительный хозяйственный техникум. Вступительные экзамены сдал на отлично, поначалу обучение было за счёт предприятия. Потом вышел закон об общих основаниях. Да и разлука с женой тяготила, а тут Зоя звонит и говорит, что в Чите открыли такой же техникум. Встретил меня ректор-фронтовик, мой однофамилец. Хорошо запомнил, что у него не было руки. Ответил, что мест нет, но зная, как я сдал экзамены, предложил учиться без зачисления. Сказал так: «После новогодней сессии вопрос может решиться положительно». Вернулся к своей работе на базу КМТС водителем…»

…И здесь Африкан Филиппович улыбнулся: « Наивные мы все, молодые. Я ведь уже и новогоднюю, и весеннюю сессию сдал, а всё не знал, зачислен я или нет. Пошёл к директору.

Директор Осипов был крайне удивлён, что меня не известили о зачислении. Закончил техникум на одни пятёрки. После учёбы и непрерывной работы назначили начальником эксплуатации автобазы».

Переезд на правый

«Работал в Чите до 1978 года. Но все родные, – и мама, и братья – были в Братске. Попросил перевод, ведь наша организация Минтрансстрой была по всей России…»

…И в 1978 году Африкан Филиппович стал начальником по эксплуатации автомобильного транспорта автобазы Ангарстроя. И 17 с половиной лет служил родному предприятию. Но настали страшные девяностые, и человек этот с редким именем как-то договаривался с БЛПК и другими организациями, обеспечивая водителей заработком.

«…Коллектив у нас был хороший, дружный, и в эту лихую годину мы всё же держались. Но было всё сложнее и сложнее, сильно переживал за коллектив: у всех же семьи. Вот и случился у меня инсульт. На работу так и не вышел. А вскоре всё растащили, горько об этом вспоминать…»

Храм

«…Я всегда был верующим, и мы ездили на службу в Падун, но ездить многим было тяжело по причине старости. Создали ячейку, ещё её называли двадцаткой. Попову Ирину Николаевну выбрали старостой. Назову несколько имён двадцатки: Чусова Анна Ивановна, Науменко Татьяна Дмитриевна, Ефимова Надежда Сергеевна, Ташлыкова Наталья, Саватеев Сергей, Щеулова Светлана, Чернышова Нина Егоровна, Орищенко Галина Ивановна, Ершова Валентина Александровна, Московских Людмила Семёновна, водитель Наумов и многие, многие другие, наши дорогие православные прихожане. Приметили заброшенное здание детского сада. Оказалось, что оно было списанным и подлежало ликвидации. Съездили в Отдел образования Падунского района. Сна-

чала предлагали платить аренду, затем так отдали, ведь здание шло под снос. Вот и решила наша «двадцатка» с Божьей помощью переоборудовать детский садик под храм. Денег не было, батюшки не было, внутри полный хаос. Приезжал епископ Иркутский и Ангарский Вадим и благословил нас на строительство. Начинать пришлось с потолка, ибо наверху было много шлака, а это, учитывая тонкие доски, грозило обвалом. Потихоньку с Божией помощью убирали маленькие комнатки. Необходимо было много строительного материала, хорошо, что у меня была «Нива», как бы мы обходились без неё – и не знаю. По прежней работе остались связи с ДОКом, другими организациями, где я просил доски, гвозди, цемент. Один только Престол месяц пришлось скоблить. Поставили строгальный станок, его дала староста Ирина Николаевна; на ДОКе помогли, сделали ножи. Меня ведь многие знали, опять же по прежней работе, всё удивлялись насчёт храма. Время-то страшное было. Но я хоть и был начальником, никогда не состоял в партии. Отвечал людям: «Видно, время пришло строить храм». Бабушки приходили рано утром, просили работу. Молодцы они, великие наши бабушки. Без них и храма бы не было, это совершенно точно. Помогали, слава Богу, многие: несли продукты, правобережная администрация хорошо помогала: Бродягин Анатолий Васильевич, Карчебный Анатолий Алексеевич, учитель Анатолий Пуговский и многие-многие другие, спасибо им всем и низкий поклон за богоугодное дело...»

…И опять, в который раз, человек с редким именем плакал. Я же смотрел на него, и к горлу не раз подкатывал ком. А он, немного придя в себя, говорит: «Не пиши обо мне, это я тебе лично захотел рассказать». Тут уж и я не стерпел, слезы сами собой брызнули. Обратился к жене Зое Николаевне, чтобы рассказала хотя бы что-то, но она отказалась. И это вполне объяснимо, когда в доме столько икон. Ни у кого мне ещё не доводилось видеть столько икон с образом Серафима Саровского.

Пока возникла пауза, вспомнились слова хранителя библиотеки Сухоруковой Александры Егоровны: «Помню, уже поздно, вижу Африкана Филипповича, наработавшегося в храме, всего такого уставшего, идущего к своей «Ниве». А он сядет на сиденье машины, откинет голову и отдыхает. А я иду к машине, прислушиваюсь к его дыханию, думаю: жив ли; он ведь так много работал и после инсульта». И дальше эта сильная женщина, глубоко вздохнув, тоже плакала…

…Африкан Филиппович вдруг замолчал, сказав только: «Всё, хватит, пошли пить чай».

Рассказ старосты

Староста Ирина Николаевна Попова рассказала об Африкане Филипповиче так: «Он был моим заместителем и, конечно же, главным строителем. Садик ведь готовили под снос. Африкан Филиппович сначала переустроил фундамент, потом всю коробку здания, где сейчас молятся прихожане, сцепил по всему периметру швеллерами, и всё это приварено «косынками» и привинчено болтами. Даже если случится землетрясение, храм всё равно будет стоять. Работали мы зачастую до часу ночи, не за деньги, конечно, а во славу Божию. Все понимали, что нужен храм. Сколько ни жертвовали люди, а денег всё равно не хватало, а тут кто-то пожертвовал несколько мешков муки. Нам как раз не хватало шпатлёвки, и мы на свой страх и риск добавили в замес и муки, и яиц, сильно переживали, что нашу «шпатлёвку» мыши будут есть. Но до сих пор не тронули. Стягивали всё здание и потолок швеллером потому, что надо было убирать несущую стену и делать алтарь. Специалисты потом подтвердили, что всё сделано правильно, а ведь это он, Африкан Филиппович, придумал. «Я так благодарна Господу, что у нас есть такой человек. Они ведь всей семьёй трудились: и Зоя Николаевна, и сыновья Сергей с Андреем. Младший их сын Александр в это время учился в семинарии. Я как-то ему дала одну церковную книгу,

он её прочитал и сказал: «Мы неправильно живём». И поступил в семинарию. Помню, как Африкан с сыном Андреем и ныне покойным Виктором Щербаковым проводили проводку, и ведь это всё они ночами делали, потому как днём были другие дела. Когда в храме делали Престол, то Андрей получил сильную травму: отрезало палец. И ведь мы об этом не сразу узнали, вот ведь какие дети у него. Наш сердобольный народ, видя, как мы трудимся, нёс нам продукты, но я никогда не видела, чтобы Африкан Филиппович что-то ел. Их семья ведь всем строящимся храмам в Братске помогала. Всегда он вместе со своей венчаной супругой Зоей Николаевной и сыновьями. Падунский храм в то время топили углём, и он договаривался, чтобы возили уголь, а сколько я всего не знаю, он ведь молчит. Только от людей и услышишь...»

Начало службы

«…И вот, наконец, состоялась первая служба в храме Преображения Господня, было это 19 августа 1997 года. Служили отец Павел, отец Александр, отец Андрей Скрынько, в переустроенном им же храме. И, слава Богу, за все труды Господь его поднял. Едва оправившись после болезни, поехали они с Зоей Николаевной в Новую Игирму. Там погиб отец Игнатий, и их сына Александра, к тому времени закончившего семинарию, благословили стать настоятелем храма. Они и там три года всё обустраивали, помогали сыну во всём. Храм этот назван в честь светильника и ходатая пред Божией Матерью Серафима Саровского. Старший сын сына Александра был назван Серафимом, ведь дата его рождения совпала с датой рождения великого святого. А всего у батюшки Александра четыре сына, и все были рождены на день рождения святых людей. Сергей, например, на Сергия Радонежского. Старший сын Африкана Филипповича Сергей возит епископа Братского и Усть- Илимского Максимилиана, средний сын Андрей работает слесарем, дочь Наталья живёт в Чите - работает медсестрой. В общем, четверо детей у них с Зоей Николаевной,

одиннадцать внуков и внучек, один правнук и две правнучки.

Забор, которым храм наш обнесён, беленький, тоже ведь он строил.

Недавно, 18 июля, в посёлке Осиновка открылась молебная комната в честь преподобного Сергия Радонежского. На открытии были отец Михаил, отец Георгий, отец Андрей Чесноков, отец Алексей. Африкан Филиппович с Зоей Николаевной и здесь являются активными участниками…»

Я вдруг спрашиваю: «А если в посёлке Сухой начнут возводить храм?» И Ирина Николаевна, улыбаясь, отвечает: «Они и там будут помогать».

Говорю «спасибо» старосте Ирине Николаевне Поповой и вспоминаю, что как только пришёл к Африкану Филипповичу, он сразу показал мне отписки ЖКК. В их доме все стоки поворовали на металлолом, а ведь без них дом-то разрушается моментально. Но все его обращения ЖЭК игнорирует. И становится совершенно понятно, что будь он помоложе, всё сделал бы сам.

Эпилог

Прошло ещё две недели, и после воскресной службы мы с Африканом Филипповичем, присев на беленькую лавочку, на которой ещё совсем недавно сидела приснопоминаемая Анна Ивановна Чусова, разговорились. Оказалось, что и этой сердешной богомолице Африкан Филиппович помогал ремонтировать её времяночку; они были очень дружны и с Зоей Николаевной очень любили этого человека.

Опять уточняю у него о швеллерах: «Сначала был сделан надёжный фундамент и в него вмонтировали железные столбы, затем всё обвязали швеллерами. За это я не волнуюсь - будет стоять. А вот строящийся храм меня тревожит, дай Бог, чтобы строительство продолжалось, но на это нужно много денег».

На службу они всегда приходят вдвоём с женой. И в этот раз он очень переживал за Зою Николаевну, которая приболе-

ла: «Мы ведь, сынок, столько пережили». К нам подошёл ещё один прихожанин Михаил Тарасов и, улыбаясь, сказал: «Мы, когда здесь было строительство, только Африкана Филипповича и слушали, и делали всё, что он велит». Подошла Зоя Николаевна, и они пошли к машине: за ними кто-то приехал, чтобы отвезти домой в Осиновку. И, уходя из храма, Африкан Филиппович, как это он всегда делает, приложился к распятию. Это же всегда делала Анна Ивановна Чусова, это делают все прихожане правобережного храма Преображения Господня. И как тут не вспомнить бабушку Параскеву, которая, стоя на коленях, просила внука не менять имени...

ОСТРОВИТЯНЕ БЕЗ ОСТРОВА

В середине декабря в библиотеке №6 (Гидростроитель) прошла очередная встреча жителей деревни Антоново, попавшей в свое время в зону затопления Усть-Илимской ГЭС. Деревни нет, а люди остались, жива память о родных местах, и потому в течение вот уже многих лет директор библиотеки Валентина Александровна Петрова, выходец из Антоново, организует встречи своих земляков.

До сих пор не известно, откуда пошло название деревни. Жителей с фамилией Антоновы на острове не было. Жили Чупины, Серышевы и Московских. Почти все, чтобы не путать друг друга, имели неофициальные фамилии-клички, — Гордюшины, Осиповы, Тихоновы, Ганюшкины – на самом деле все Серышевы. В числе их родственников — руководитель повстанческого движения 30-х годов Константин Серышев.

- *Сегодня мы собрались, чтобы еще раз вспомнить о своей деревне*, — сказала Валентина Александровна, обращаясь к пришедшим на встречу землякам. — *По некоторым данным, деревня Антоново основана еще в семнадцатом веке. Основателем деревни считается Степан Чупин. Но мы гораздо больше знаем о её последних днях…*

Бывших островитян как магнитом тянет в места былой жизни, и почти ежегодно кто-нибудь да бывает там. Часть острова сохранилась. Но водой были размыты некоторые могилы, и нередко можно видеть чьи-нибудь кости и гробы. На встрече в который раз говорили об этом, и, может быть, стоило бы организовать специальную экспедицию на остров.

Александр Чупин показывал землякам план деревни и поименный список всех ее жителей. Но собравшиеся, несмотря на возраст и давность событий, и без того помнят, сколько было дворов, и всех жителей по имени-отчеству, кто и когда был рождён, когда похоронен. Все даты назывались безошибочно.

Неожиданностью для некоторых островитян стало сооб-

щение о том, что их землячка Зоя Иванова написала и выпустила две книги о деревне. Зачитывая отрывки из них, она вспоминала свою маму. Какой замечательный человек была она. Земляки кивали головой и говорили: у нас все мамы такие. И вообще, славные люди жили в Антоново. Солистка народного хора Клавдия Николаевна Петрова, родившаяся и жившая в Антоново, рассказала про своего младшего брата Мишу:

- Пришёл он первый раз в жизни получать пенсию, его спрашивают: «Вы ветеран труда?» — «Нет» — «Ну как же? В документах написано – ветеран» — «А я и не знал". Скромный он шибко был у нас…

Валентина Александровна Петрова вспомнила, как её, еще совсем маленькую девчушку, отец брал на рыбалку и приговаривал при этом, что, дескать, для «фарту». И действительно, однажды при ней отец острогой выловил девяносто стерлядей. Впрочем, рыбы на острове всегда было много…

Клавдия Николаевна Петрова, родилась и жила в Антоново.

- Рыба была – у кого мужики были, — говорила еще до встречи Клавдия Николаевна, вспоминая военные годы. — *У кого мужиков не было, то и рыбы было не густо. У меня, например, дед был жив. Вот за счет его и питались: ловил он ельцов, пескарей (у нас их мальчегонами называли), еще и другим помогали. Мама с работы придёт: «Кланя, беги, вот Протасовым отнеси ельчишек, Кланя, беги, вот Михеевым отнеси».*

Мужиков-то на войне покосило. Остались одни бабы с ребятишками. Мы иногда встречаемся с Константиновым, в соседях жил, он и говорит: «Клавдея, почему так было: к вам придешь — всегда поешь? А у нас, если честно, мама, бабка, я, Миша, и никакой еды». Отвечаю: «А мне казалось, вы богато жили». Хохочем.

Всем досталось. Хлеба, помню, совсем не было. Председатель у нас боялся, чтоб на войну не забрали, и всё подчистую сдавал государству. Некоторые, правда, неплохо жили — и

булки, и пироги рыбные на столе лежали. У моей подружки отца на войну не взяли из-за «куриной слепоты» (как вечер, он ничего не видит, до заката домой бежит), мимо нас идет и кричит: «Верша, девчонку отправь по сусекам помести». Он кладовщиком был. Я приду, а у них – пироги! Помню, к ним тетки приехали, пряником меня угостили, и бежала я с ним домой, как с великим богатством…

Жизнь на острове была, конечно, по-своему удивительной, но далеко не сказочной. Одна только мошка чего стоила. Островитяне вспоминали:

- Коров из-за мошки днем не пасли, стояли в конных дворах. Они, бедные, от мошки аж падали и давали всего по 2-3 литра молока. Люди спасались сетками из лошадиных хвостов. Ещё и дегтем намажешься. На острове жил Ваня-китаец – гнал деготь. Сейчас, наверно, такого и не найдешь — любую болячку залечивал. Зимой не лучше. Придешь в коровник в пять утра, а там все снегом занесло, солому или сена привезут — в окошечко натолкаешь, а потом ходишь и раздаешь коровам. Потом почистить надо, потом подоить, напоить. Корова ведра 2-3 выпьет, а их 25 голов, и вода на другом конце двора…

В Братске у многих островитян жизнь не сразу наладилась. Клавдия, к примеру, не чуралась никакой работы – мыла полы, топила печи, нянчилась с детьми, штукатурила, была мотористом-оператором. Одно время подрабатывала даже в доме директора Братскгэсстроя Ивана Ивановича Наймушина. Клавдию, как и большинство островитян, отличала врожденная скромность.

- Жена Наймушина, бывало, посадит меня за стол, чайку нальет: «Ну, ты угощайся». А я ей говорю: «Ой, не хочу, не хочу». Сроду не видела таких угощений, но нам всю жизнь говорили: чужого не бери. Вот и не брала. Полы мою, а под кроватью — коробки с конфетами. Я пыль только протру. Другая бы — в шаровары, а я и за столом боюсь взять. Но, когда ухожу, Клавдия Георгиевна все равно без гостинца не оставит — сунет в карман…

Последние дни своей деревни антоновцы вспоминают с грустью, но каждый по-своему. Клавдии это запомнилось так:

- На острове уже никого не было. Поехали мужики за смородиной — деревня уже догорала, а наш дом только начал тлеть. Брат даже заплакал. У нас баня была, рядом сенник, и как-то, я маленькой еще была, она загорелась. Ветер был с Кодары. Баня горит, а мы бегаем босиком и кричим: «Дедка, дедка, баня горит», а дед: «Залазьте на печку». Пошел к божничке, взял икону, вышел на улицу, два или три раза обошел баню. Огонь все тише, тише и совсем погас.Дед вернулся и говорит: «Где бы вы и сколько бы вы ни жили, никогда не сгорите». Сгорели…

Деревня Антоново

Приложение
Интервью Анатолия Казакова
с Клавдией Николаевной Петровой

К.П.:

- Все было просто…

А.К.:

- Т.е., как пишет Василий Иванович Белов, он говорит, что без разницы, мог бедный прийти к богатому и богатый им не гнушался, мог также его посадить за стол, и накормить и напоить. Не было обезлички? Было такое?

- Было даже так – совсем посторонний человек, он мог быть бродягой, как мы теперь называем – «бич», у него ни хаты, ни родины, ничего нет. Он в деревню заявится и ведь каждый его

может покормить, каждый. Вот ведь говорят про Сибирь, что «ой, какие тут были люди», хорошие здесь люди были. Очень хорошие люди. Потом – почему они стали плохими людьми? Когда ГЭС начали строить, начали люди всякие приезжать, они сами из себя городских строили, а там деревня. Вроде бы мы никто тут, потом грезить начали по деревням, и поэтому люди стали закрываться.

- Что делали? Грезили?

- Грезить, значит лазить

- Грезить – это значит лазить? Я думал грезить, это как во сне грезить. А по-деревенски, грезить, значит лазить?

- Да

- Интересные русские слова.

- Дело в том, что замков ни у кого не было никогда. Пойдешь – эти были клямки, чтобы дверь не открывалась. Или палочку воткнешь – и все.

- Если палочка, то хозяина дома нет? А там и брать особо-то нечего было.

- Да. Нечего. Ни поесть нечего было брать, ни поносить. Ну, в основном, конечно…

- Все трудились с утра до вечера?

- Все трудились и ничего не получали. Ой, как было тяжело. Я все про свою маму думаю. А как же она с нами выжила?

- Вообще, как? Как такое случиться могло?

- Как она нас никого не бросила и выжила? Мы остались: Сане – 8 лет, Тоне – 5 лет, мне – 2.5 и Грише было полтора месяца.

- Это вас четверо?

- Да.

- Это в каком году, ты, Клава, родилась-то?

- Я 1939 года.

- 1939 года…

- Да

- Ну, ты угодила, девчонка, в аккурат с моей мамой. Од-

ногодки вы.

- И вот, нас никто не нянчил, мама уходила на работу, вот со мной нянчились…

- Осень была или весна, когда ты родилась?

- Я вообще-то родилась 1 января. А у нас своего Сельского совета не было, а в Дубынино ездили кто-нибудь да когда-нибудь… Каждый день никто не ездил. Ну там, поехали кума или кум, ему и накажешь – запиши там мою девчончишку-то. Он приедет – и не знает – девка или парень там родился. У меня вот сестра, ее звали Тоня. Ее через полгода записали, и вдруг Валя стала. Так она и умерла – в паспорте и была Валя, а звали мы ее Тоня. И у меня с первым января получилась неувязка.

– А мама меня родила в это время. Ага. А записали меня третьего февраля.

- Так, а там повитухи приходили?

- Бабки, бабки были.

- Как рожали-то?

- Мы про таблетки, никто ничего не знал, у нас травки были. Ну, глухая Сибирь, ничего тут не было. Мы же на острове жили. Вообще глухомань была.

- А остров-то как назывался?

- «Антоново».

- Остров «Антоново» и деревня «Антоново». Как говорит Валентина Александровна, «на угоре стояла».

- Да, там поля у нас были и огороды. У нас большой остров был, мы и посевы там всякие делали, и сено косили, и хлеб жали на этом поле.

- А леса на острове не было?

- Ни леса не было, ни ягоды не было. За ягодами надо было ехать, вот как сейчас, или на правую сторону или на левую.

- А рыба была?

- Рыба была – у кого мужики были. У кого мужиков не было, у того рыбы не было. У меня, например, дед, ему было 75 лет, когда он умер, мне было уже 11-12 лет, наверное. Ну,

вот за счет деда, конечно, и ели рыбу. Дед принесет ельцов, пескарей, у нас их называли мальчегоны. Их в основном на переметы, потому что они мягонькие, их рыба всякая все время ловила, таймень, к примеру. А окуня-то есть не будет – колючий он. Елец немного костлявый. Вот принесет дед ведро, полтора, и сижу чищу, чищу утром. Как не понравится, так в ведро. Все ребятишки бегают, играют, а я тут сижу, рыбу чищу, нужна она мне сто лет. Холодильников не было, а в ямах лед. Вонючую рыбу, говорят, ели. У нас погреба свои были. Вот сейчас свой погреб не проветривай, убери все оттуда, там бревна были. И годами эти бревна были. Во-первых, туда каждую зиму набрасывали льду, чтобы на все лето хватало, потом это все заквашивалось, а труб-то не было, вытяжков-то не было. И это все там затухало… Чтоб специально не было – никому не верьте, не говорите. Сейчас наши погреба, у кого деревянные, туда еще зимой и снега набросают и летом не открой и все там держи это годами. Мне там говорят, неправда, что «с душком». Потом приезжих приучили, кому нравилась, кому не нравилась.

- То есть это неправда, что ели «с душком» обязательно?

- Это неправда. Это так получалось. Так получалось. Жизнь так заставляла. Молоденькая пошла работать. Все работали.

- Ты без родителей-то рано, Клава, осталась?

- Нет, мама-то умерла, мне 40-й год был, но отца-то не видела, не знаю.

- Ты говоришь, мужиков то не было – это на войне погибли?

- Да, они не вернулись, остались одни бабы-то с ребятишками. Мы иногда встретимся с Константиновым, в соседях жили, он все говорит: «Клавдея, вот к вам бывло, мы придем, у вас почему всегда еда была? У нас были: мама, бабка, я и Миша, у нас никогда еды не было». Я говорю: «А мне казалось, вы так богато жили, все от людей прятали». Теперь так хохочем. А еще придем, тетя Вера скажет: «Ребятишки, сади-

тесь, вот тут картошка в мундирах и ельчишки». А жарить не на чем было, на воде с луком делали.

- Просто сварите и все?

- Все в воде, с луком и все. И потом, если надо тебе сушеной, печку большую истопят, наложат на противень. Ну, конечно, начистят, намоют, так как положено. А потом просто как семечки щелкаешь.

- Вот ты, помнишь-то, говорила «как семечки щелкать», когда мы гуляли?

- Сидишь, как семечки щелкаешь.

- Я не понял, как так – окуни жареные как семечки щелкать?

- У нас все девчонки так говорят. Девчонки мои спросят: «Мама, у тебя че-то седня семечек нету?» Я говорю: «Да не успела наростить».

- Деревня большая была «Антоново»?

- Нет, я бы не сказала, что она большая была.

- Просто она на берегу стояла?

- Нет, две улицы было. Как я помню, домов 70-80 было.

- 70-80 – это большая деревня, считалось.

- А потом стали старики умирать.

- В Шибанихе всего 40 домов, так Василий Иванович Белов он про нее трилогию написал, а у вас 70, так это две «Шибанихи». Ну, значит большая деревня-то была.

- Люди все как-то на косогорах селились, там маленькие земли. У нас во время войны были беженцы, с Литвы в основном. У нас вот даже жили. Мы сами жили в такой хате. Еще и она, литовка, жила у нас с двумя девчонками.

- Литовка жила у вас? А как она туда попала-то?

- Ну, я не знаю, и выселили их сюда, потом война кончилась, они все уехали.

- Я помню, помню, потому что, как писал Василий Иванович Белов, высылали в Сибирь украинцев, белорусов и литовцев.

- У нас, наверно, три семьи жило, потом у Безелиных от-

дельно зимовье было, они богатенько жили, это дедушка с бабушкой Валентины. И у них тоже жили, я помню, молоко туда таскала им.

- Они покупали его?

- Наверное, я откуда знаю. Я была тогда совсем ребенком.

- Скота много держали?

- Конечно, только этим и жили. Корову держишь, а на тебе мошка же была, ты уже не застал, наверно?

- Да нет, уже ГЭС построили, я же в 66-ом родился.

- А, ну все. Коровы днем не пасутся, стоят в конных дворах.

- Из-за мошки не паслись?

- Так она задавляла. Они, бедные, аж падали.

- А как они тогда траву ели?

- Они у нас давали всего по 2-3 литра молока, молока-то путем не видели.

- Из-за мошкары?

- Да, конечно. Матеря работали, а мы не понимали, что траву надо. А межи то какие были, можно было эту траву рвать, не обязательно жать. Рвать можно было, да кормить. А нам такого приказа не было, или мы, может, не исполняли его, вот тут я врать не буду.

- Отгонять, может, эту мошку надо было?

- Что ты! И тебя там всего задавят. Ты знаешь, как мы ходили? Сетки были такие тканые, с лошадиных хвостов.

- Сетки с лошадиных хвостов?

- Да, вот эти, волосня-то, специально их ткут, такой труд. Окантуют вот так тряпочками, материалом-то и сверху еще тут сделают. Ещё и намажешься этим – дёгтем, больше же нечем было. У нас Ваня-китаец жил, он такой деготь гнал сам. В России, наверно, такого щас не найдешь, любую болячку залечивал.

- Деготь-то для чего, вообще, гнали-то?

- Мазали, мошку гоняли. Коров всех измажешь, и себя измажешь.

- Коров спасали получается?

- Коров спасали, и себя тоже. Если тут у тебя перетянуто, то придешь домой, в этом месте все опухшее, все объедено. Она туда не попадает, ну какая-то как липучка была. А здесь -то ее потом травили, со специальной машиной ходили по поселку, жгли дуст. Вот тут проедут, час-два пройдет – и она опять летит. Болота были. Она, оказывается, болотная была.

- Так что, эти болота высушили?

- Затопило все.

- Ах, затопило...

- Болота все затопило, мошки не стало. Щас же эти же коровы дают по 7-8-10 литров каждая, а раньше то нет.

- Это в Сибири-то, по 3 литра из-за мошки... Так это вы зиму, наверно, ждали как манну небесную?

- Ну, все ждали, мы-то молока стакан или кружку пили. Кружки были, в основном, алюминиевые.

- Почему алюминиевые?

- Ну, они не бились, и всем хватало. Ребятишек же много было, разбили бы, а купить-то на че? Я вот даже, знаешь, если честно тебе сказать, даже не помню, нам платило государство или не платило ниче, когда отца-то убили. Только помню, что у нас, когда дед умер, мы уже тогда не хотели денег. Дед был, нам уже какие-то, видимо, давали деньги на пятерых. На нас четверых и на деда, рублей 15-20, наверное. А дед умер, нам почему-то потом не стали давать. Они стали давать эти, как сейчас мы говорим, рвачи. А тогда, думаешь, не было этих рвачей? Они и тогда также были. А мы были неграмотные. Ну, отказали, так отказали. Не дают и не дают. Никуда не поедешь.

- А вот атаман-то? Сергей Маслаков, помнишь, писал об атамане-то?

- Не знаю, он был приемыш в этой семье, в которой он жил. Я его не помню и не знаю, это до меня было, в 37-м году может быть. Меня еще не было. По рассказам наших стариков, какая-то банда приезжала, брали всех молодых, заставляли. Говорили: «Не хочешь, мы тебя расстреляем».

- Заставляли работать или что?

- На них. На них. И вот он стал бандитом. Какой он бандит, если он от них потом скрылся и там потом, я точно не знаю – убили его там, или сам он... Разное говорят, но факт в том, что нашли его убитым. Там крестик на горке поставили.

- Ему?

- Наверно, да. Ну, теперь-то, конечно, этого крестика нет. Мы туда сено косить ездили, у нас там зимовье было. И всегда на эту горку глядели, а сами боялись: «Ой, там могилка, ой, там могилка».

- Василий Иванович писал, что всех хлеборобов уничтожали, которые работали, и люди-то были именно те, которые трудяги были.

- Они были кулаки потому, что пахали.

- Они жили только благодаря тому, что они работали?

- А эти откуда-то приезжали, этих людей забирали, чтобы погибали. Как щас все погибают? Опять же находятся такие люди, что все эти поместья уничтожают.

- Хороших людей уничтожают? И смеются над ними.

- Над нами.

- Дураками считают еще.

- Я че и говорю – страна дураков. Я не боюсь этих слов – страна дураков. Ну посмотри вот. Пошла я работать рано, мне было 15 лет, я стала коров доить, наверное с год, а потом стадо дали. Кто-то поит, кто-то кормит, кто-то чистит. А ты только доишь. Все это на тебе лежало. А сейчас-то в 15 лет они только рожать умеют...

- Они понятия-то не имеют, откуда молоко берется с хлебом. Они думают, что это все в магазине.

- Придешь зимой, а там все снегом занесло, солому или сена там тебе дали, ну, привозили специальные люди. Там, во дворе, такое окошечко, соломы или сена натолкаешь в него, а потом ходишь и раздаешь этим коровам. Это в пять часов утра. Пойдешь туда, накормишь, потом почистишь.

- Без будильника всякого вставали?

- Может, и будильники были. Но в основном вставали, нас будили. А меня будила Женя, в третьем поколении мне сестра, тоже молодая, но уже замужем. Вот она идет мимо меня: «Кланя, вставай, Кланя».

- Не Клава, а Кланя?

-Кланя... Нет, нет, так не звала. Это шибко ласково было. «Вставай, вставай, время-то уже, пора коров доить» – вот так звала. Ну пока дойдем, разгуляемся, ходить-то далеко, не рядом было. А потом все раздашь, съедят, потом из-под них чистишь, потом дойка начинается, подоишь. Потом молоко это сдашь и начинаешь поить, таскать ведра. Еще мякину туда добавишь, корова ведра 2-3 выпьет, а их 25 штук.

- Далеко таскать-то было?

Ну, так двор, представляешь, коридор. Этот двор. А там, на другом краю, вода специально…

- Так это больше ста ведер получается надо притащить было.

- Да уж, поишь пока она не уссытся (смех). Жалко же, она пьет.

- Как увидишь, что уже ссать начала, значит, готова (смех).

- Ну, я тогда молоденькой была, не понимала, думала, так и надо было. Старые-то так, наверно, не делали, сказать-то некому было, работали да работали. Потом после этого всего лошадь тебе дают, вот этот навоз слаживаешь и увозишь на улицу. Все сами.

- На огород?

- Нет, тут в кучу где-нибудь ложили, потом все перегорало и увозили. Колхоз увозил.

- Сейчас-то навоз золотой.

- Сейчас то да. Потом за свиньями. У меня подружка была, на два года моложе меня, они богатенько жили, у них тетки в Москве были, в Иркутске, всегда посылки какие-то присылали с тряпками, а у меня все было портяное. Это такие рубашки были, тканые, льняные. Сеяли специально лен, мама его

затем обрабатывала, потом пряла . А я до сих пор не научилась. Она все говорила: «Ты как собираешься жить?»

- Тебя ругала она?

- Нет, Тоня сестра. Она так пряла тоненько, что можно было в ушко иголки вдеть, а я не умела, до сих пор не умею. Как скажу, что я прясть не умею, так все хохочут. И шить умею, и вязать умею, и вышивать умею, ткать красно умею, а прясть не умею. Ну, хоть ты меня убей, не мое это. Дадут мне эту кудельку после льна…

- Кудельку? Что это такое?

- Это как отходы от этой массы… Из нее ткали – половики, мешки, портянки. Вот это меня и заставляли прясть.

- Ну, а корзинки у вас не делали?

У нас дед такие морды плёл, фитили вязал для рыбалки и корзинки плел. Точнее – чумашики из бересты плел.

- Так это что? (она показывает). Так сюда можно и яблоки положить, и все, что хочешь.

- Да, но не такое. Мы же в них и ягоду держали. Варенье-то не с чего было варить. Наберешь ягоду…

- Сахару не было?

- Нет, вот в такие чумашики рассыпишь, потом всю зиму ходишь и гребешь.

- Она замороженная в чумашике стоит? Вы выйдете, загребете и едите…

- Потом в шитике плывешь, ну, это лодки моторные такие, деревянные-то, у нас назывался «шитик». Если он подтекает, вода набегает, один стоит и этим чумашиком черпает. Все было такое подручное и самодельное. Дед у нас был деловой, кожи делал. Вот сейчас дубленки эти. Вон он с сохатины сделает тебе такую, ни один волосок не упадет и она шумит как тряпка.

- Какой опыт у человека был.

- Чирки шил, унты шил, все все умел. Веретешки делал, веретено. Досточка у него была, веревочка привязана. Прядешь потом, так «шир-шир». В деревне веретешками снабжал

всех. Все это он делал дома, возле печки. Потом после него, особенно когда он кожи делал, закваской их мазал, такая вонища была... И мы все это, ребятишки, убирали за ним потом.

- Ну, ясное дело.

- Ну, помню, мыло или там соль покупали, мы отдавали деньги. Все равно ему кто-то что-то платил.

- Он охотником был?

- Ну, как я помню, нет. Мастер на все руки был.

- И в эти морды ельцы ловились?

- Ой, как игрушечки были.

- Большие были?

- Ну вот такие, как со стол. Ты не видел никогда, какие?

- На картинке. А ельцы-то большие были?

- Ельцы-то разные были.

- А еще кого вы там ловили?

- Ну, он и щук ловил, тайменя, осетров.

- И тайменя ловил?

- Не всегда, но иногда попадался. У нас на Ангаре в одном месте рыба лучше ловилась, чем в другом, с разных сторон от острова. Зимой по берегам ставил уды, удочки, начинял мальчигонами, мы их называли пескари.

- И зимой рыбу добывал?

- Конечно. А ондатры сколько в фитили налазило. Знаешь, что такое фитили?

- Нет.

- Это сети такие, все из нитей связано, не знаю где такие нитки брали, не буду врать. Все делал дед. С дырочками они были, туда приманку ложили и туда залазили ондатры. В амбарах все доверху было завешено шкурками ондатры. Их не трогали, раньше же такой не было моды – шапки с ондатры делать.

- А для чего тогда делали шкурки-то?

- Просто добывали.

- И не ели ондатру?

- Вот сколько я сама себя помню маленькой, раза 2 и ели. У

мамы большая жаровня черная была, мама в духовку ее затолкает. Это мясо, как, например, зайца. Вытащит, так это такая вкуснятина! А сейчас я бы, наверно, не ела, вот сейчас говорю, меня тошнит. Я сейчас боюсь их, а раньше ела.

- Мне кажется, мясо да мясо.

- Ну, она водянистая была. Ну, в-общем, пробовала я ее. А что не пробовали в войну? Траву летом всякую соберешь, порой, какие-то калачики на ней росли. Сейчас есть булочки «семейка», вот они похожи на нее.

- А мне рассказывали – прошлогоднюю мерзлую картошку в поле копали и «тошнотики» из нее делали в печи в русской.

- А я так тебе скажу: хоть нам не хватало картошки на лето, прошлогоднюю мы не собирали. А летом как-то перебивались травой. Только помню, хлеба не было, это были самые тяжелые 46-47 и 48 годы... Смутно помню, председатель у нас был Илья, он на войну не пошел, взял себе пальцы отрубил и его на войну не взяли. Он все боялся, чтоб его не забрали в армию, и все государству сдавал. Со всех все собирал и сдавал все в Падун. В других деревнях такого не было, там за людей переживали, а за нас никто не переживал. Мы выращивали все, все там росло, но нам ничего не доставалось. Но у некоторых были и булки хлеба, пироги рыбные на столе лежали. У меня подружка была, у нее отец был в армии, его на войну не взяли, у него была «куриная слепота».

Как вечер, он уже ничего не видит, до заката он уже бежит домой. Потому что потом его уже надо вести за руку. Он мимо нас идет и кричит: «Верша, девчонку отправь, там по сусекам надо помести». Ну, когда-то там была мука, кто-то ее разобрал. Колхозникам-то не давали. Председатель, счетовод, бригадир, кладовщик – у них-то булки были. А мы-то только видели. У моей подруги отец был кладовщиком. Я приду, у них и пироги и булки, она на два года меня младше. Помню, у них тетки приехали, с Москвы или с Иркутска, так меня пряником угостили, и я бежала с этим пряником домой, думала – у меня миллион по-сейчасному.

Бабы на покосе

- А сейчас кого удивишь, да.

- А хлеб был – картошку изотрёшь на самодельной тёрке, всё было самодельное; капусту, мясо, всё рубили как на пельмени… Домой бежала, а хлеб у нас был – картошку вот изотрешь и, может, кто килограмм муки овсяной даст. Мама на решето просеет, мякину эту замочит – будет кисель овсяный, у нас так называли. Я бы щас его пила бы и ела бы с удовольствием, это очень полезно было.

- Так люди-то какие здоровые были.

- И эту муку, сколько ее было, размешивали на ведро картошки. Потом на противень в духовку, и это был хлеб. Достанешь, а там черная картошка, но шипко было вкусно. Щас как скажут «драники», в детстве я их объелася. Умру, не забуду.

- А лук в печке пекли? Говорят, вкусно было.

- Ты знаешь, может у кого-то и было. А у нас мало луку было, мы его еще по осени сьедали. У нас, в основном, батон сушили на зиму, дети лук рвали, сушили, чеснок дети рвали – солили.

- Грибы были?

- Росли грибы и ягоды, все там было, у кого дедки да бабки были… Нам надо было плыть через Ангару, и потом бежать туда в лес.

Молоденькая потом сбежала от поросят.

- А поросята тоже у вас были?

- В деревне-то у нас и коровы, и кони, и овцы, и куры, и свиньи были– все мы держали.

- А мяса, говорят, не было?

- Приходили забойщики и все забирали, или живьем гнали. В Тулун тогда гоняли.

- Колхоз так делал или кто?

- Обязательство.

- А что за обязательство?

- Государственное обязательство – ты должен столько-то сдать мяса, масла, молока.

- А сам голодный сиди?

- Это у нас такой председатель был, он не мог оставить, он все сдавал. Он подписывался на более… Чтобы не покормить никого. Это мои соображения. Не одни мы, все так жили. Там кучка жила только хорошо, а остальные все вот так жили. Люди, правда, хоть плохо жили, но мы траву не ели за счет дедушки. Он ельчиков вот этих нам ловил, а вечером придет, нам принесет. Мама с работы прибежала: «Кланя, беги вот Протасовым рыбки отнеси. Кланя, беги вот Михеевым отнеси. Кланя, беги вон туда отнеси».

- Так у тебя мать такая добрая была. Обо всех думала.

- Вся деревня маму звала Романовной. Даже мое поколение. Она была взрослая со взрослыми, с детьми дитем, до сих пор все ее «Романовна» звали, не тетя Вера, а Вера Романовна. Когда мы здесь уже жили, у нас были Константиновы, у них мать одна была, отца не было, пятеро детей, во времянке жили на 78 кв.м. А мама жила с Мишей на 45 рублей, пенсия была, а Миша еще учился. Вот они там бегают, а она им капусту с маслом сделает, картошки наварит, кричит им: «Ребятишки, есть-то наверно охото?» Так мы все за стол и садимся,

Людка хохочет: «Мне казалось, твоя мать богато жила, что каждый день звала и кормила.

- Просто человек такой был.

- Ну, в это время мы хоть не очень-то тут жили, но маме всегда помогали.

- Когда переехали сюда?

- Конечно, маму-то мы сюда в 64-м году перевезли, а я-то сама еще с 54-го года здесь. Я уехала, когда тут еще ничего не было, и ГЭС не было, я уехала в Братск, работала там в няньках. И жила у тети Кати, нашей далекой родственницы. У них не было детей, они скот держали, были больные и старые. Я у них была как домработница, а днем ходила с дитем нянчилась, по соседству.

- У меня мама тоже так же.

- Потом начали ГЭС строить. Наши деревенские, молодые стали приезжать работать на ГЭС. Им то давали справки, а нас-то заставляли возвращаться. Вот Заверняйка была, около Братска, там заключенные жили, бараки были, там мост был через Ангару.

- Он сейчас затоплен?

- Ну, наверно разрушили. И вот они, наши деревенские, там в бараках, прижилися. И у меня, как свободное время, бегу туда. Была там семья Московских Михаила, я туда прибегу, они меня накормят, потому что я была как беспризорная. Щас в наше время никто не поможет и не накормит беспризорного, что, неправда?

- Правда, правда.

- Михаил Иванович говорит: «Кланя, а ты пойдешь, если я найду тебе работу (а мне был 17-й год)?» Я говорю: «Конечно, с удовольствием пойду». И там УГ было, в одном доме Наймушин жил, а в подвальчике конторка была. И Глебов был. Пошли мы туда, Михаил Иванович написал заявление, грамотный был в те времена. А он был старый, военный, прожженный такой мужик. Он только узнал, что отца убили на войне и ребятишек много, в деревне живут никакие, он мне

говорит: «Оставайся вот здесь, и мой и топи эту комнату», их конторку. И я стала работать. А у меня нет ни паспорта, ни свидетельства о рождении. Потом какими-то путями мне дали свидетельство. Я родилась 1 января, а там стало с 3-го февраля. А спорить нельзя было: какое дали, бери и беги – я в то время так понимала. Потом пошла я получать паспорт, уже после того, как год отработала. В паспортном столе работал наш мужик, деревенский. И когда я приехала на ГЭС, он меня нянчиться звал, но я тогда дура была, надо было понянчиться, все равно бы он мне паспорт достал. И он мне, вместо того, чтобы выдать паспорт, меня за ручонку и – к начальнику милиции. Мол, я с деревни сбежала.

- Так за что же?

- «Вот она из деревни сбежала», – говорит он начальнику милиции. Все они там сидели наши деревенские. Они, значит, не сбежали, а я ребенок сбежала. Так я уже там наработалась, что они не видели. Ну и я ушла ни с чем оттуда. Прихожу со слезами: никто мне не дал паспорт. Потом я там еще поработала, куда деваться. Эту контору уже перенесли в другое место, я там работала. А потом захотелось мне сюда, на Правый берег.

- А как ты к Ивану Ивановичу попала?

- Ну, мало же платили, я была голая, а мне надо было еще в деревню маме послать деньжат. Я там мыла, контору убирала у них и у инженера.

- А инженер Гиндин был?

- Ну, не знаю, меня тетя Дуся устроила, я у нее жила, она у чертежника мыла. Я не каждый день туда ходила, может, в неделю раз. Потом я на Правом берегу искала работу и нашла своего Петрова, молоденькая была. Вот мы с ним зарегистрировались, я получила паспорт и устроилась в ЖЭК, устроилась штукатурить, тогда дома щитовые строились. Потом родила Славу, потом ушла на нижне-бетонный завод в 60-м году. Работала мотористом-оператором.

- Ты рассказывала, там какая-то девушка погибла.

- Клаву Куванову знал с Иваном?

- А как она погибла?

-Сейчас я расскажу. Когда строительство ГЭС закрывалось, меня сократили, на единую базу перевели.

- Мне интересно, как ты рассказывала про жену Наймушина.

- Она посадит меня за стол, а там конфеты и виноград, яблочки, печенья лежат.

- Она молоденькая была жена у Наймушина?

- Ну, в то время она, казалось, нормальная женщина была.

- Симпатичная?

- Конечно, конечно. Посадит меня, чайку нальет: «Ну, ты возьми…, угощайся». А ей говорю: «Ой, не хочу, не хочу». Сроду не видела и не хочу.

Нам всю жизнь говорили – чужого не бери. Но, с другой стороны, я же не ворую, меня угощают. Такие уж дураки мы были. А она мне: «Как ты не хочешь?» А когда мою у них, тогда еще железные кровати были, а под кроватями коробки конфет стояли всяких разных, много. Я пыль только протру. Нет бы в карманы набить, или в штаны, или в шаровары.

- Никто бы ведь не заметил…

- Набить бы да уходить. А я за столом-то даже боялась взять, не то что в коробке. Вдруг бы увидели, что не так лежит конфетка. Будто бы они её замечали.

- И всё равно не брала?

Да, да. Потом пойду, она всё равно мне сунет в карман или куда…

- А ты отказываешься?

- Не говорю, что у нас нет, а говорю, что не хочу. Она мне опять: «Как ты не хочешь?» Она же чувствует, что я сроду не видывала. Не дура же была.

- А потом эта Куванова погибла?

- Вот на нижнем бетонном она и погибла в 60-м году. Так на могилку к ней никто и не ходит. Куванова Клава с Генкой были двойняты. Вот этот Генка женился, а она была с Бело-

руссии девчонка, Алка. Она была такая, что могла обозвать, обсмеять, а сама ну, точно как обезьянка была. Помнишь ее? Потом она Ивана бросила и уехала с каким-то молодым, с отопительного. Не знаю, кто только на нее поглядел, позарился. А здесь вот они жили, там дом стоит, я у них была, лежали ковры. Невестка-то работала в магазине.

- Вот видишь, люди гибли на стройке-то.

- Да, тогда случалось. Так вот, она стелила газетки на эти ковры, чтоб по этим газеткам ходили. Ну, а мы пришли на работу в ночь. А транспортеры-то вот такой ширины, еще шире (показывает). Они же работали день и ночь, не останавливались, а крутизна вон какая была... А камни-то шли вот такие (показывает), с щебенкой…

- Камнедробильный, да?

- Нет, нижнебетонный.

- А где он располагался-то?

- У меня где-то фотокарточка была, но где, не помню. У меня даже эти заводы фотографированы, как мы там столовский пирожок делили, с Зоей Ивановой украли. Делили и хохотали. Это было все детство и молодость. А там все время вылетали ролики и Ленька, он и сейчас живой, он слесарем был. Ну, мы все пришли, тут работали, а Клава там оператором наверху работала. И Алка к ней побежала, родня же, она ее всегда обзывала.

- Ну, как она погибла-то?

- Вот, например, качается транспортер, а там дыры пробивало на железо-то. И надо было ленту постоянно прогонять. Ленька два раза сказал ей – прогони, а в третий раз не сказал. Ленька с этой стороны, она с другой, наклонилась, надо было все везде посмотреть. И она дернула, и ее – в барабан. Раз да и два прокрутило.

- Она сразу умерла, не мучалась?

- Ну, когда ее достали, на телогрейки положили, она еще чуть пошевелилась – и все…

Вот так эта Алка и погибла, молоденькая совсем была девчонка, 18-19 лет.

- А мама-то потом с тобой сюда переехала из деревни? Антоново-то когда под затопление попало.

- Маму-то мы в 64-м году перевезли, там полдеревни уже переехало.

- А еще не затопило к тому времени?

- И щас не затоплено. Деревни только нету, сожгли, мешала она кому-то. Велели сжечь.

- А кто сжег-то, сволочи?

- Спецально жгли. Мы маму перевезли, она у меня жила.

- Так этот остров стоит?

- Да, вот недавно ездили мы туда.

- Как? Ездили? А на чем ездили?

- У меня у брата лодка была, а я че-то затосковала: «Вот так хочу деревню посмотреть. Вот че хошь делай, но вези меня летом». Вот еще с подружкой мы туда и поехали. Сходили на кладбище. Якобы кладбище там вырывали, было на косогорье, теперь это все обваливается и там, в воде, глядим – черепа, и ноги, и руки…

- Видели сами?

- А по телевизору сколько раз показывали.

- Ой ой ой… Вы сами все видели это?

- Видела, видела.

- Это ваши предки, получается?

- Да, наши предки вот так вот лежат. Людей специально выкапывали и увозили на Матеруй, на горе.

- На Матёру? Это где Распутинская родина?

- У нас не Матёра, а Матера. Там эти кладбища, там такие канавы делали, якобы их зарывали, а оказывается, и ничего. На кладбище стоит стол, скамеечки, стол большой такой сделанный, как могилка сделана и памятник. Но это специально сделано. И вот, я уже забыла, наша деревня существует вроде с 1278 года, что ли.

- Так откуда такие данные?

- Я тебе ничего не буду врать. Значится, деревня Антоново существует с этого времени. Все, пожалуйста, поминальный

столик. Мы с подругой тут все прибрали, какие были семена – посеяли. Чтобы цветы, хоть какие многолетние, цвели.

- Правильно сделали.

- Ну, не знаю, что там есть теперь, или нет. В этом году нас туда звали, но никто не собрался, хотели специально брать катер.

- Так где стояли дома, это все не попало под затопление?

- Нет.

- Так сейчас там трава или что?

- Да, конечно, трава.

- А деревья там так и не выросли?

- Нет, там вообще ничего нет.

- Ни кустарника, и ничего? Вот интересно. И раньше не было? И сейчас нету? Вот удивительно.

- И сейчас нету.

- А на самом-то кладбище какие-то крестики сохранились?

- Нет, это все убрали, якобы все выкопано.

- Якобы.

- Якобы. Сколько раз по телевизору показывали, что валяются там черепа, руки, ноги... Все обваливается, даже видны были гробы погнившие. Оно вообще на косогорье стояло, ну раньше как-то там мужики ходили, вкапывали эти бревна, эти столбы и загораживали, и оно так не обваливалось. А сейчас все подмывает и подмывает, уже остров много подмыло. Вода высоко поднялась, туда, где наш магазин был. У меня Валя забрала фотокарточку, ей надо тоже сделать такую.

- А ты знаешь, кто ей про эту фотокарточку сказал? Я ей сказал.

- Она и сама говорила: «Себе сделаю и отдам». Мы сели потом на берегу, Миша рыбку свою достал соленую.

- Волновалась, когда ехала на родину-то?

- Конечно, волновалась. А уже вот здесь-то все течет вода, а там, около нашей деревни, уже кувшинчики, застойная вода.

А по Ангаре, бывало, плывешь, видишь, какой где камушек лежит, кто какой стакан утопил, кружку, все видать было. А щас вода – «перекати поле». Одна зелень и все вот такое.

- В затхлых водах теперешней Ангары водится карась, о чем мы говорим.

- Который за рыбу не считали.

- Ну, кто же все-таки вот этот крест соорудил?

- Это специально, это не кто-то там из наших, кто-то по закону природы есть люди, где-то че-то надо установить.

- У мамы-то твоей как полное имя?

- Серышева Вера Романовна

- Она что, родственник этого?

- У нас вся деревня Серышевы.

- У тебя твоя мама, не мучилась, когда умирала-то? Потому что, говорят, хорошие люди, они не мучаются, умирая.

- У меня мама была как ломовая лошадь. Ей надо было нас как-то спасти, вырастить. Мы никто не выучились. Тоня когда попала в аварию, мы все пошли работать, молоденькие молоденькие. Саня, тот вообще, первый, был уже за мужика, в десять лет на «тройке» ездил. Тоня тоже пошла, вот они жали хлеб, на этой, что косят, а комбайнов-то не было. Потом так сбрасывают, а мы ходили за ними, снопы вязали. У них сломалась машина, они поехали в кузницу, а лошадей самых хороших туда давали. И вот она, не знаю что сделала, и лошадь давай ее трепать. А у нее нога одна была в стремени и лошадь ее таскала, до такой степени таскала, что она головой-то об землю трепалась. И колено до того раздробила, что там даже живого места не было, все в лепешку... Это было 6 сентября, как щас помню, Мише было всего 2 месяца. И вот мама с Саней повезли ее, у нас только была медсестра в Бурнино. Туда привезли, медсестра спряталась, не стала ее принимать. У нас был карбус, и тянули, этот карбус лошадьми до самого порога, по берегу. Потом мы сплавали до дома, дома че надо сделали, а меня, 11-ти летнюю, оставили с Гришей, с Мишей, 2 месяца ему, и все хозяйство на мне. Вот как перед Богом, так

перед тобой. Еще в тот день у нас свинье кто-то сломал ногу, а у нее поросята еще были. Вот с таким горем оставили меня одну. Свету уже не было, все лампочки-горелочки.

- Как ты тогда выкрутилась-то в такой ситуации?

- А потому что сильная. Я сильная, я всю жизнь сильная. И до сих пор уже, 8-й десяток идет, все равно сильная я. Сама считаю – сильная я. Ну потом она, взяли ее с карбуса туда. Арбу сделали, тряпками завязали и повезли в Братск. Они ездили где-то с полмесяца, точно. А у нее уже пошло заражение, а, по-видимому, в то время были добрые люди. Ее даже в Братске лечить, по-моему, сразу не стали. Тогда на самолете ее в Иркутск отправили. Полтора года пролежала. Мы даже не имели возможности ездить туда, потому что не на что было.

- Это какой год-то был?

- 51-й-52-й. Где-то осенью ее оттуда отправили в санаторий или на курорт, все за счет государства. Кто-то ей в больнице халат дал, кто-то тапки, голой-то не отправили. Вот она до Братска доехала, а тут уже наши, деревенские, в шубу ее завернули да привезли домой. Она вот хромала ходила. Может, ты знаешь сестру-то? Она всю жизнь работала в столовой на кассе. Администратором работала, потом на кассе.

- Умерла уже сейчас, да?

- Да, уже 14 лет как.

- Ну сколько прожила-то, до 60-ти то дожила?

- 61-й был год.

- Все фотографии хранишь?

- А как же. Че же я их должна выбрасывать-то. Они у меня че – ись, пить просят?

- Как ты сделала портреты такие?

- Это же так делают.

(рассматривают фото).

- Ну, рассказывай дальше.

- Раньше можно было договориться. Домик, например, за 4 тысячи, в нем можно жить, окна, двери есть, и теплая печка. Нам за 4 тысячи давали. Хозяева домика были в разводе, те у

которых мы покупали, на 78 квартале. А продавал он как хозяин. Он сказал: «Мне все равно. Я вам подпишу, и денег с вас не буду требовать». А жену его не знали. А она, как оказалось, такая добрейшая женщина была, потом у нас с ней вместе рядом дачи были, мы до сих пор с ней дружим. Тогда можно было сразу получше дом купить. А у них ни сарая, ничего не было. А теперь Миша там вставил пластиковые окна, и дом расширил, и все там сделал.

- Так государство тогда какие-то деньги давало? Ведь матери какие-то деньги дали.

- Да. На что не хватили, мы ей добавили. А всем деньги довали, кто был на выселении.

- А мать-то легко померла? Не мучилась сильно-то?

- Ну, как не мучалась? Рак был, терпела, уколы соседка ходила ставила.

- А как брат попал в полынью-то, я не пойму?

- На 9 мая на заимке, на Кадоре.

-Что за заимка?

- Она и сейчас там, там наверно и речка так же называлась. Мужики пошли 9-го мая на остров убить зверя: есть-то нечего было, пахать надо, земля-то силы требует, а картошка то с капустой разве еда для мужика…А раньше, как Ангара встает, там где-то полынья оставалась, кругом льды. Она постепенно замерзает. А весной – заторы, пока они не растают. Полынья иголками делается, на нее встанешь и провалишься. Вот он и провалился.

- А как вылез?

- Кричал. Пока в деревне его услышали, пока туда лодку принесли, так он там часа 3-4 сидел. Он пока в воде сидел, было все нормально, а как вытащили, его до дома не довезли. Пена пошла изо рта, умер.

- Это брат, как его звали? А сестры?

- Гриша. Врачей не было, медсестер не было. Может быть, хлористый или что поставили бы сразу, кровь взыграла бы, это что-то дает. А спиртом поить. Самогонка тоже не всегда

была, только к празднику иногда выгоняли. А в магазине и водка была и спирт был, а кто же нам даст-то, кто же за нее платить-то будет, лучше пусть человек умрет.

- Это в каком году-то было?

- В 56-ом году.

- Погиб в самом рассвете сил, получается. Сколько лет-то ему было?

- 14.

- Ой, матушки. Столько часов трепыхался во льду, организм-то у него крепкий был.

- Еще пахал. А которые спасать его пошли, мужики, один ушел под лед, и по сегодняшний день нету.

- Тоже, все-таки, спасали?

- А как же.

- Ангара, она неприветливая речка, сколько народу погубила. А Астафьев-то говорил: «Погубил Енисей-батюшка». А тут можно сказать – «Ангара-матушка».

- Мужики с острова-то услышали и побежали, и он также упал в полынью. Он хотел выбраться, они за лодкой побежали. Он ушел под лед в полынью и больше не вынырнул. Тоже двое деточек осталось, а жена была учительница Галина Савакеевна, а его Саша звали.

- И в конечном итоге, когда вся семья перебралась в Братск?

- Тоня тоже приехала в 56-м году, вышла замуж, а Саня после армии сюда.

- А когда деревню-то сожгли?

- Я не знаю, неизвестно. Только знаю, что наши мужики поехали за ягодой на остров, за смородиной. И когда подъехали к острову, деревня вся уже тлела, а наш дом только начал гореть.

- Да ты что!

- Да, Санин брат даже плакал. Идем, говорит, и думаем, вся деревня сгорела, может и наш дом сгорел. Подошли, а он только начал гореть. Раньше, когда у нас баня загорелась, ря-

дом был сенник, а дальше деревня пошла. Вот баня горит, а мы бегаем босиком без штанов и кричим: «Дедка, дедка, баня горит!», а дед: «Залазьте на печку». Пошел на божничку, взял Боженьку, вышел на улицу, 2-3 раза обошел эту баню. Огонь все тише, тише, тише. Пришел и сказал: «Где бы вы и сколько бы ни жили – вы никогда не сгорите».

- Вот так вот. Люди веровали, я знаю.

- Он плохого никому не делал, только хорошее. Он людей лечил, всех лечил.

- А потом, Клава, ты кем только не работала, да. И в столовой работала, да? После уже.

- Ну, я на единой базе работала. А потом почему я в столовую ушла – у меня началась экзема от цемента. За выходные у меня немножко руки подживут, а как выхожу на работу, пыль попадет на них и они сразу вздуваются и я там солидолом намажу и сижу. Много испытать пришлось… Горе на горе… Сына и племянницу похоронить пришлось. Умница была, все умела, потом заболела. Куда только ее ни возили, даже в Москву. У нас нет такого в родне, чтобы не помогли, если кто в беду попал.

- А на даче-то у тебя все растет, благоухает? Заготовок-то у тебя сколько?

- Хожу, стараюсь, а сейчас, Толя, я уже дежурю. У меня инсульт был.

- А когда инсульт был?

- Когда сестру похоронила, 14 лет назад. Но я еще работала, а сейчас еще только 3 года, как мешки не таскаю. Когда к мешкам подойду, они мне: «Кыш!».

- А кто тебя в хор-то привел «Русское поле»?

- Катя привела.

- Это когда? Сколько лет-то уж прошло?

- 14. Тоня умерла. Раньше дружно жили, дети не знали у кого какая мама, ее звали мамой и меня звали мамой. Когда мы с ней сойдёмся, они разбирались, где чья мама. Раздерутся, бывало. Вот так мы жили. Мы друг другу помогали всегда,

на пенсию пошли – на даче стали жить вдвоем, она немного больная была, она не могла внаклонку ничего делать. В основном все она делала, но я ей тепличку садила, на грядках помогала. Я везде успевала, все вместе делали. В мае надо было на дачу переезжать, автобус 1 мая ушел, а ее нет, 2-го приезжаю, ее нет. А она еще 30-го уехала на дачу, я думала, как через Москву поехала. Мы ее на 5-й день нашли. Она была очень больна. Накануне вечером она пошла в магазин, на крыльцо села, мужчина ее спросил: «Вам плохо?». «Не, ниче, я таблетку под язык положила». «Может скорую вызвать?». «Нет, щас у меня пройдет». И он ушел, немного постоял и ушел. А потом она до скамейки дошла, легла и умерла. А жена тому мужику сказала: «Она отказалась, а ты ушел, надо было помочь». Он вернулся, а она уже умерла. Вот тогда вызвали скорую и увезли ее, как «безродную».

- А как тогда нашли-то?

- Я-то приехала, а они думают, что она на даче. Я вечером приехала, а время-то уже 2-е число. Вечером ничего не нашли, а утром 3-го я пошла ее искать, все ее видели вчера, а ее уже 5-й день нет. Домой попасть не можем, а свет горит. Она была сердечница. Я потом Марине говорю: «Матери-то нигде нет, надо звонить в милицию, больницу». В милиции говорят, там-то там-то нашли женщину примерно 60 лет, такое-то золото на ней было, такая-то одежка на ней была. Нет, не наша. В милиции два зятя работали, а Сергей говорит, что он эту бумажку 2-3 раза читал. Он же не замечал, в чем баба ходит. А потом-то Марина в третий раз позвонила в милицию, что мы нигде ее найти не можем. Он опять давай читать. А Марина говорит: «Пальто мамино, шапка мамина, серьги мамины». Я до четырех часов не спала, стала какая-то буйная, выпила таблетку, а утром подняться не могла. Пришла ко мне знакомая. Я говорю ей: «Тася, мне совсем плохо», она: «Таблетки пила?» Я говорю: «Пила». А сама глаза не открываю. Еще Шура прибежала, а у нее врачиха – соседка по даче, она посмотрела и сказала, что инсульт. Вот Толик с работы приехал

и увез меня в больницу.

- Сколько ты пролежала?

- Я месяц пролежала. В то время нигде никакого лекарства не достать было хорошего для инсульта.

- И где они доставали-то?

- Ну, Саша начальником милиции был, Сережа тоже в управлении там работал, ходы-то были…

- Куда-то ездили?

- Ездили конечно. Они мне лекарства привозили, а медсестра Женя капельницы мне ставила, вот я и поднялась. У меня и сейчас речь маленько не та.

- А как хор-то потом все-таки?

-Реву тут лежу день и ночь, а Катя тоже же сына похоронила в то время-то, Сизова. Она меня вот так за шкирку и пойдем. «Катя, я не смогу, Катя, я не смогу». Толя, там такие песни все пели… Они поют, а я стою реву.

- Эти песни тебе на память давят?

- Я вспоминаю сразу свою маму, как она жила. Елена Григорьевна потом ко мне подошла и сказала: «Клавдия Николаевна, давайте успокоимся, это все тяжело, забудь и потихонечку восстанавливайся, на это время все забудь. Давай, начинай все сначала». Я начинаю петь, а у меня ничего не получается. Дай Бог ей здоровья.

- Это Катя тебя за шкирку взяла и увела?

- Да, Катя за шкирку взяла и увела. Я все хожу и хожу. В другой раз думаю, уже и старые мы, и морды страшные, на сцену выходить уже не хочется… Тут как-то ехала с Усть-Илима я, молодая женщина спрашивает: «Женщина, вы в хор не ходите?». Я говорю: «Хожу, а что, видно что ли?». «У меня такое впечатление сразу, что вы в хор ходите». Она в Братске живет. Мне сказала, чтобы ходила, а если не буду ходить, то дома две песни пой, долго будешь жить, и нервы будут спокойны.

- Да, это так.

- Раньше-то попоем, веселые были, нахохочемся, это же все нормально.

- А как ты в прошлом году, песню придумала «За тихой рекой», как мы ее выдали-то Корсанову. А вот концовка-то у нее какая?

Молитва святая слезами прольется,
Христовой любовью исполнится грусть,
И в это мгновенье душа прикоснется
К великой вселенной по имени Русь.

- Вот какую ты песню в наш хор дала.

- Эта песня была на кассете, там ее поют, а мы на 3 голоса.

- Корсанов мне с Ленинграда позвонил, Клава. Я так думаю, что он об нас скучает, передавай, говорит, всем поклон.

- И как он там устроился?

- Кто знает, как устроился, но я молю Бога, чтобы все у него было хорошо.

- Я сейчас живу сама для себя, всего мне хватает. Живу нормально, я не жалуюсь сейчас на жизнь. Если бы каждый из нас сейчас так жил, это надо было радоваться бы, но есть и ленивые, не хотят жить.

- Ленивые не хотят жить, это верно. Это верно.

- У них поэтому ничего и нету.

- От лени чего хорошего будет-то? Нет, не будет. «Не позволяй душе лениться, чтоб в ступе воду не толочь. Она обязана трудиться и день и ночь и день и ночь. Гони ее от дома к дому, тащи с этапа на этап по пустырю, по бурелому, через сугроб через ухаб…».

Богомолица АННА

Сколько в тебе жизненной разности, Анна Ивановна Чусова! Впрочем, как и у всех нас. Только когда в воскресный день, к восьми часам прихожу в наш правобережный храм Преображения Господня, душа велит отыскать именно эту богомолицу. Ей уже далеко за восемьдесят, глаза различают лишь белое и чёрное. От этой своей слепой жизни порой и всплакнёт, но быстро берёт себя в руки. Хорошо знает, что и где расположено в храме. И когда Анна Ивановна идёт на исповедь, движения у неё безошибочны, и не знающий её человек ни за что не догадается о её слепоте.

Когда священник во время службы закрывает врата в Алтарь, Анна Ивановна садится на белую лавочку. Проходит время, врата опять отворяются и старожил правобережной церкви снова поднимается. Сколько в нас горестей намешано, наверняка больше, чем радостей. Но именно в такие моменты, когда я смотрю на эту Богом дарованную мне прихожанку, то почему-то радуюсь жизни. После церковной службы подхожу и обнимаю дорогую свою богомолицу. Она тут же меня узнаёт, достаёт из своей старенькой матерчатой сумочки горстку конфет и говорит, чтобы я угостил своих сыновей. Я беру, зная, что ей это приятно. Пока сидим, некоторые прихожане одаривают её гостинцами. Она же либо угощает других, либо несет эти съедобные припасы в трапезную, где и обедает. Знаю и то, что с каждой пенсии эта согбенная молитвенница жертвует на строительство храма. И так продолжается уже много лет. В этом её волевом решении чётко обозначены ста-

ринные русские традиции. Ибо православный человек верует, что после смерти жизнь не заканчивается, вот и Анне Ивановне очень хочется помочь своему родному приходу. Отстояв службу, а было это 24 марта 2013 года, мы сели с ней на нашу белую лавочку и как и всегда немного поговорили о жизни. В этот раз вспомнила Анна Ивановна свою старинную деревню Паутово Петропавловского района на Алтае, свою девичью фамилию, а была она Чинчукова, и многие в их деревне носили эту фамилию. Как сама на лодке переплывала красавицу Обь и с корзиной яиц шла на рынок. Семья, как и у многих в то далекое время, была большой. Поэтому выживали, как могли. «Совсем молоденькой я тогда была, – рассказывает Анна Ивановна, – работали от зари и до темна, но Господь одаривал нас воистину Божественной природой. Красоту эту не забыть мне, пока живу. Затем переехали в Казахстан, потом был Братск и, как оказалось, на всю жизнь. Любила я шибко ельчишек малым посолом делать, вкусно очень. Теперь вот из-за глазонёк-то своих не попробую…

Сижу и думаю о том, что эту-то её мечту про ельцов надо постараться исполнить. Все внутри, – продолжает она, – болит, а в больницу не ложат»…

Вспоминаю, что баба Аня много лет проработала сестрой-хозяйкой в больнице. И когда ей давали квартиру, она отказалась. Сказала, чтобы дали тем, у кого вообще нет жилья. Так и осталась доживать свой век в старенькой времянке. Почему так поступила, понять сложно. Все цепляются за квартиры руками и ногами. И, может быть, ещё и поэтому моя мама называет её святой.

Анна Ивановна в этот день была разговорчива, как никогда, а я, зная её удивительную скромность, с радостью в душе слушал пожилую прихожанку. Вспомнила, как много лет ездила в Падун и там, в храме Успения Божией Матери, выполняла разную чёрную работу: таскала уголь, заготавливала дрова и неустанно просила Божьего благословения. «Мы ведь, Толик, очень грешные все», – выстраданно говорит она.

И от этой, до боли наивной простой речи, у меня к горлу подкатывал ком. Вдруг представил её молодою и в очередной раз подивился тому, как она, пройдя жизненную трёхжильную колею, не расплескала, а достойно пронесла веру. С особым душевным трепетом наш старожил вспоминает, как ездила в Братск центральный на строительство храма Всех Святых, в земле Российской просиявших. Прихожанки, по пояс в снегу, вместе с отцом Анатолием расчищали место под строительство. Таскали тяжёлые валежины, ветви, убирали мусор. С воодушевлением видели, как наравне с ними трудится священнослужитель. Строители воздвигали храм, а баба Аня варила для них, сердешных, суп да кашу. Все это происходило в походных условиях. А ведь расстояние от Правого берега до Братска немалое. Живо представил, как она, покормив своих жучек и заперев крохотную времяночку, отправляется в дальнюю дорогу, и каких сил все это ей стоило. А когда на Правом берегу открыли храм Преображения Господня, то труд бабы Ани, конечно же, пригодился и здесь. «Вот теперь, слава Богу,

близко», – говорила она мне тогда. С чувством большой, присущей ей личной ответственности, выполняла она всё, что ей поручали. И люди это видели, ибо такое не спрячешь. Храм и баба Аня стали для многих прихожан настолько привычными, что если она где-нибудь задержится, то её тут же искали. Да, она была одна из первых тружениц нашего Правобережного прихода. Вспомнила Анна Ивановна сегодня и брата Леонида, который тоже помогал обустраивать обитель, очень жалела, что он умер. За разговором выяснилось, что на послезавтра баба Аня решила помянуть свою маму Татьяну в трапезной. Я вызвался донести сумки и почему-то был рад этому обстоятельству, потому что баба Аня сказала, что Господь запишет за мной доброе дело. А мне, наивному, больше ничего и не надо, ибо часто отчаиваюсь, и как-то надо спасать свою душу от уныния. Слишком уж много горя на родимой сторонушке творится, а это ведь не шутки, это наша Родина...

В понедельник дошёл до её старенькой времянки. В глаза

сразу бросилось, что окна её избушки хоть и застеклены, но к тому же ещё и затянуты плёнкой. Догадываюсь, что сделано это для того, чтобы меньше выдувало её жилище. Больше 10 лет ездила она в Падун, трудилась в церкви, там и венчалась с мужем. Нет теперь мужа, нет и её дитя, похоронила. И теперь доживает свой век. Только с верою в Бога и живет она, этот праведный человек. Стучу в калитку палкой, как и договаривались. Три её собачонки весело, словно свадебные колокольчики, приветствуют меня. Она выносит сумки с продуктами, протягивает мне горячие пирожки с капустой, я любопытствую: «Баба Аня, как ты их спекла-то? Глазоньки же твои не видят». Она в ответ: «Руками всё, Толик, руками». Пироги оказались очень вкусные. Вспомнилось, как она рассказывала мне о том, как чистит картошку: «Почищу наощупь, а глазки потом Зоя выковыривает». Родственники, слава Богу, помогают ей и картошку сажать, да и многое другое.

Путь до трапезной оказался легким, я, в самом деле, со-

всем не ощущал тяжести сумок. Был приятно удивлён, когда после передачи нехитрой поклажи меня усадили отобедать. И мы с прихожанами и работниками храма говорили о бабе Ане. Первого апреля в нашем храме было соборование и после службы я, как обычно, отыскал Анну Ивановну. Она тут же с радостью поведала, что отец Павел с Падуна узнал её и благословил. И попросила, чтобы я отыскал добрейшей души человека - водителя Михаила. Знал я о том, что этот прихожанин постоянно подвозит её до дому.

Каждый воскресный день, какая бы и была погода, баба Аня, заперев калитку своей времянки, идёт в храм на утреннюю службу. Старческие глазоньки её различают лишь белое и чёрное, а до её родного прихода пути, пожалуй, больше километра. И на нём расположены две автомобильные дороги. А движение по ним постоянное, но, слава Богу, народ наш нередко сердобольный, и её переводят через дорогу, а дальше Анна Ивановна идёт по памяти. Идёт по гололедице, шлёпает, как сама говорит, по лужам. На мой вопрос, написать ли о ней, ответила отказом, и я, конечно, буду сильно переживать, что ослушался. Не мог я иначе, нутро не позволило. А, придя из храма, понял, что писать буду. Божий промысел нам, грешным людям, неведом, но верится, что пока такие богомолицы живут на земле, Господь не оставит нас без защиты, ибо, как писал Василий Иванович Белов: «Стихия народной жизни необъятна и ни с чем не соизмерима. Постичь её до конца никому не удавалось, и, будем надеяться, никогда не удастся...»

Братск 02. 04. 13.

Аналой

У каждого во все времена суетной жизни происходит разговор с самим собой. Он частый, повседневный, и сегодня, 15 мая 2013 года, этот разговор с самим собою, конечно же, тревожил мою грешную душу. На работе выдали мой сторожевой аванс, и я отправился на продовольственную Осиновскую базу. И там мне вдруг стало плохо. Хотел вызвать скорую, но сотовый телефон забыл дома. Тащусь потихоньку с тачкой, которую, слава Богу, смастерил на родном заводе отопительного оборудования. В голове мутно, поэтому молюсь, молюсь, молюсь...

Ближе к шести часам иду в храм Преображения Господня. И с отцом Георгием, двумя родственницами, едем сначала за гробом, а затем в Энергетик. Там, в больнице, мы и забрали тело нашей сердешной богомолицы Анны Ивановны Чусовой. Валентина Николаевна и племянница Зоя поведали нам, что Анну Ивановну не анатомировали, и слава Богу. Подвезли её ко времяночке, где она жила долгие годы, подошли две соседки и разрыдались, а собачонки Анны Ивановны даже не лаяли на нас. Отец Георгий, глядя на них, попросил их у Зои для охраны строящегося храма. Глубоко вздохнув, племянница только и вымолвила: «Анна Ивановна, видно, так хочет». Когда мы привезли её в храм и установили гроб на середине, служители церкви, поставив аналой, стали читать молитвы. Я же, взяв табуреточку и присев у гроба, почему-то вспомнил своего деревенского друга Сергея Куванова.

Пять километров он бежал по зелёной траве, встретил у самой деревни мою тётю Дуню, а та, всё понимая, прошептала вслух: «Ждут, ждут». И это была действительно долгожданная для семьи Кувановых встреча. После случайного тюремного срока жизнь Сергея, слава Богу, наладилась. Порукой тому были святые материнские молитвы...

Почему отвлёкся, не знаю, но мысли... Они в тебе, а ты с ними, они как часики тикают и тикают, напоминая, что ты ещё живой.

Почему, почему, почему это всё со мною произошло? Ведь весь 47-дневный пост по воскресеньям после церковной службы мы разговаривали, сидя на беленькой лавочке, о её жизни, и Анна Ивановна была откровенна как никогда. И теперь в храме стоит стенд с описанием её воистину праведной жизни с напечатанными наверху словами известного православного телеведущего Василия Ирзабекова: «Упокой Господи её светлую душу». Днями позже он прислал мне ещё одно послание: «Теперь многие молятся о рабе Божией Анне».

Если тебе дано писать, то обязательно найдутся и критики, но ни одному человеку на земле я не пожелаю того, что творилось со мной все эти дни.

К вере я шёл долго, хоть и был крещён ещё во младенчестве, и почему-то запомнил ту телегу, на которой везли те замечательные образа, которые находятся в храме, и небольшую купель. А теперь на протяжении многих лет, молясь в храме, стоя рядом с этой согбенной богомолицей и ощущая всем своим грешным нутром её набожность, я понял, что полюбил этого человека. Всю ночь в храме у гроба бабы Ани читали Псалтирь. Настал час отпевания и прихожане храма Преображения Господня, стоя с зажжёнными свечами, глядя в открытые врата Алтаря, слушали молитвы отца Георгия. После каждый мирянин, прощаясь с Анной Ивановной Чусовой, подходил и просил прощения. На девятый день поминали усопшую в трапезной нашего храма. И племянница Зоя рассказала нам, что почему-то они обратили внимание на старую матерчатую сумку Анны Ивановны. Богомолица никогда с ней не расставалась, а однажды на базе на неё напали и пытались вырвать сумку из рук, но Господь отвёл беду и спас её, сердешную. Лишь после смерти родственники совершенно случайно обнаружили в ней вшитую маленькую иконочку.

Прошла неделя, и Зоя повела меня во времяночку бабы Ани. Переступив порог намоленного ветхого жилища, я остолбенел: прямо в углу стоял аналой, на котором лежала божественная книга, на обложке которой был изображён лик

Анна Ивановна Чусова

Пресвятой Богородицы. Вокруг же всё было увешано старинными иконами. А совсем рядышком со всем этим убранством стояла крохотная кровать. Вот, значит, где ты молилась за нас, грешных, милая моя бабушка. Перекрестившись на образа и поцеловав книгу и аналой, несколько минут стоял и смотрел на место, где творила молитвы Анна Ивановна. Затем коснулся рукой пола, по которому ходили её ноженьки. Последний раз я видел такое скромное жилище, живя в бараке. И вот теперь Господь опять сподобил насмотреться. Поведала мне Зоя и о том, что отдала большой медный крест, с которым не расставалась баба Аня, отцу Георгию. И священник сказал, что положит его в алтарь. В память о бабушке Анне Зоя и мне подарила икону... Чудны дела твои Господи, ведь 1 июня я был крёстным у мальчика Владислава, внука бабы Аниной племянницы Зои, и отец Михаил водил нас в Алтарь.

На погосте, когда хоронили рабу Божию Анну Ивановну Чусову, родственница Валентина Николаевна рассказала мне, что место её захоронения было сплошь усеяно цветущими подснежниками, и что, когда в молодости потеряла мужа, совсем не хотела жить. Баба Аня помогла, напутствуя: «Ты что хочешь, чтобы после твоей глупой погибели трое твоих детей росли в детдоме?» И эти слова возымели благое действо. Валентина Николаевна восстала и подняла детей.

Прошло сорок дней. Племянница Зоя продала времяночку бабы Ани. Я попросил, чтобы она никуда не девала аналой. Сказал, что заберу его, но вскорости заболел. Прошло ещё какое-то время и, вооружившись тележкой, отправился я в Зоину времянку. Когда забирал аналой, Зоя протянула мне две-

сти рублей и сказала, чтобы я покрасил его. Вечером красил аналой голубой краской, ибо этот цвет любила баба Аня. Ко мне подходили жители двора и спрашивали, что за странную тумбочку я крашу - ведь на неё ничего нельзя поставить, разве что книгу положить. Говорю им, что они молодцы, именно для этого она и предназначена. Купил же я по старинке масляную краску, и она сохла четыре дня. Говорили, что отстал от жизни, что сейчас есть такие краски, которые высыхают за четыре часа. А думалось мне и вправду о том, что отстал. И было отчаялся, но успокоила хранительница библиотеки нашего храма Александра Егоровна Сухорукова: «Ты, Толик, не печалься, они ничего не понимают, потому как масляная краска качественная».

Но вот краска наконец высохла, и, взяв тележку, везу аналой в храм. У нас на правом берегу в посёлке Осиновка образовался новый приход преподобного Сергия Радонежского. Отец Михаил и забрал аналой бабушки Ани себе. Теперь я знаю, что батюшка исповедует прихожан, они целуют Библию и крест. И всё это лежит на аналое.

Памятный день для прихожан Правобережья
Молебен в честь водружения купола

Водружение купола на храме Преображения Господня

28 апреля выдалась замечательная ясная погода. И я, совершенно уверовал в то, что все это действо, которое происходило на нашем Правом берегу, было уготовано самим Создателем. Уже неделю перед входом в Храм Преображения Господня висело очень скромное объявление о том, что в воскресный день будет происходить установка купола.

Сколько многолетних, всегда и во все времена праведных молитв, было произнесено в нашем правобережном Храме, Батюшками и прихожанами. Сколько Богомолиц не дожило до этого торжества. И поэтому, когда отец Георгий после вос-

кресной службы объявил, что через несколько минут состоится молебен в честь водружения купола, у многих, и особенно у тех, кто молится в Храме с самого начала его основания, было выстраданное до боли, но вместе с тем и по-настоящему счастливое настроение.

Вознесение золоченого купола

И вот уже с помощью крана возносится и действительно кажется, что к небу – золоченый купол. И в этот самый трогательный момент у крана вдруг не хватило высоты стрелы. Все прихожане не на шутку были встревожены этим неожиданным препятствием. Солдаты же немного подтянули его на себя, и купол был поставлен на середину кровли Храма.

Я смотрел и видел праведные слезы на глазах этих дорогих для меня мирян. Да и у самого к горлу комок подкатывал

не раз. Одна из замечательных прихожанок, учитель русского языка и литературы Светлана Борисовна Рудых, вытирая платочком слезы, говорила, что пока купол стоял на земле, она несколько раз протерла его тряпочкой.

Александра Егоровна, замечательная хранительница библиотеки при храме, не раз говорила мне, что это хорошо, что наш Храм расположен в здании бывшего детского садика, ибо какие у детей грехи... В этот раз она попросила меня сделать фотографии этого памятного дня. И слава Богу, что это уже сделано.

Завершение установки купола на Храме Преображения Господня

Интересным было и то, что действо нынешнего дня вершилось на Вербное Воскресение, и когда уже многие прихожане с необыкновенной радостью на лицах стали расходится по домам, то я обратил внимание на одну прихожанку. Юлия Григорьевна много лет трудилась, да и по сей день помогает

Храму. И, неотрывно смотря на золоченый купол, в котором зримо отражалось весеннее солнышко, она твердила: – «Господи, даже домой идти не хочется».

Долго еще не расходились прихожане, то и дело внимательно всматриваясь на Богом данный нам, правобережцам, купол. И, глядя на строящийся Храм Преображения Господня, мы, миряне, верим, что он будет конечно же построен. И печаль на сердце лишь от того, что многие богомолицы до этого счастливого дня не доживут.

Примечательным было и то, что одна из самых пожилых прихожанок Анна Ивановна Чусова пришла в этот день в беленьком платочке: именно сегодня она приняла Святое причастие. И со слезами на глазах думается, что новый храм на правом берегу будет. Ибо, как сказано, Святые Божии угодники денно и нощно молятся о спасении матушки Руси.

А светлый праздник Христовой Пасхи мы встречали уже с новыми куполами. Служили всенощную отец Георгий и отец Алексей. Была удивительно теплая Пасхальная ночь. Отстояв праздничную службу и медленно идя по ночному поселку,

я нес домой в настоящей деревенской корзине освященные яички и Пасху. Почему-то думалось в эту Божественную минуту о своих русских корнях и о новых золоченых куполах на Храме Преображения Господня.

06. 05. 2013

О книге архимандрита Тихона (Шевкунова) «Несвятые святые»

После воскресной службы в храме многие прихожане поспешили на выставку книг о православии.

Одна из замечательных прихожанок нашего правобережного Храма Преображения Господня Елена Ильинична Туликова, участница Рождественских чтений 2012 года, уже второй год знакомит мирян с православной литературой.

А побывав на секции у известного православного телеведущего Василия Ирзабекова и многое познав, взялась за действительно сложное дело. Если сказать, что книги раскупаются моментально, то это будет неправдой.

На протяжении всего периода советской власти такая литература сжигалась и уничтожалась варварски. Рушили Божьи храмы, расстреливали священнослужителей. Читателю навязывалась только атеистическая литература.

Остается удивляться промыслу Божиему, как писателям-деревенщикам всё-таки удавалось донести предания нашей православной старины. У моей бабушки, Татьяны Ивановны

Кувановой, на протяжении многих лет хранится Библия. Деревенская Русь читала сызмальства, именно в деревне на русской печи прихожане и читали. И нравственно были от этого чище городских.

Видя, как робко люди разглядывают книги, Елена очень грамотно, с душевной теплотой в голосе всё им объясняла и показывала. Дождавшись, когда все уйдут, я с удовольствием помог этой скромной подвижнице перенести ящики с книгами в маленькую кладовочку. Вот тут-то одна из бабушек и предложила мне непременно прочесть книгу «Несвятые святые». С собою у неё её не оказалось. Но прошло несколько дней, и после таинства соборования бабушка Виктория наконец вручила мне эту книгу. Мое внимание сразу привлекло то, что издание довольно объемно и насчитывает 640 страниц. И, будто читая мои мысли, бабушка, улыбнувшись, сказала: «За два вечера прочтёте». Я опять уже подробнее прямо в храме стал разглядывать таинственную книгу. Это было уже второе издание тиражом 150 тысяч экземпляров. На глянцевой обложке изображен священник, идущий по дорожке на пробивающийся сквозь лес солнечный свет. А вокруг простирается прекрасно изображённый художником божественный пейзаж в зелёных тонах…

Имя Архимандрита Тихона (Шевкунова) широко известно в православном мире, и я, ещё не читая книги, был рад, что автор именно он, так как уже был знаком с его разносторонним творчеством. Увидев, что в книге использованы фотоработы Анатолия Заболоцкого, тут же вспомнил Василия Макаровича Шукшина, Василия Ивановича Белова - ведь этот замечательный человек был их другом. И такое обстоятельство показалось мне добрым знаком. Я действительно, как и сказала бабушка, прочитал Богом посланную мне книгу за два дня. Как же поразительно сложено повествование этого издания! Ведь все описываемые действия, происходившие с отцом Тихоном на протяжении многих лет, написаны им в виде коротких рассказов. Священнослужитель подошёл к своему

читателю просто и со всею душой, на каждой странице этому есть подлинное подтверждение.

Воцерковление человека всегда происходит постепенно. Именно так и происходило с будущим архимандритом Тихоном. Сначала было изучение Библии, затем послушание в Псково-Печерском монастыре. Будущий священник выгребал помойные ямы, убирал за коровами, нёс разные церковные послушания. Но в этом его смирении зримо проявлялась истинная любовь к Богу. И чем больше было в нём смирения, тем больше ощущал отец Тихон и любовь к себе Создателя. Неверующему человеку понять это невозможно, но именно через стяжание Святаго Духа и веру в нашу родную Русь и жили праведные старцы. Именно эта тайна и открылась тогда молодому послушнику Тихону...

Читая о духовных подвигах архимандрита Иоанна (Крестьянкина), незаметно открываешь для себя, что мысли становятся чище. Когда отца Иоанна арестовали, то на очную ставку привели собрата, который его и предал. И что же делает Божий угодник? Он, как истинный христианин, обнимает и радостно встречает своего предателя, который тут же упал в обморок. Всё было совершено отцом Иоанном по Божией заповеди. А сам отец Иоанн отсидел немалый срок. И становятся воистину удивительными слова этого праведного старца: «Только помню: небо отверсто и Ангелы поют в небесах! Сейчас такой молитвы у меня нет»... Именно в тюрьме и был Создатель ближе к своему молитвеннику. Прочитав о жизни архимандрита Иоанна (Крестьянкина), уже совсем не хочу расстраиваться по всяким житейским делам, а иду в храм Господень и молюсь, молюсь, молюсь... Жизнь священников, тем более монахов, простым людям мало знакома. И автор пошёл на огромный риск, описывая свою жизнь. Ведь обязательно, как это всегда и бывает, найдутся злопыхатели. Но в том-то и дело, что поразительным образом автору удаётся исцелять человеческие души.

Читая про «вредного» отца Нафанаила, я уже любил его,

просто любил за его кажущуюся для многих вредность. Труд священнослужителей во многом загадочен, и меня немало удивляло, что многие случаи, описываемые автором, излагаются в шуточной форме. И, задавая себе этот вопрос, тут же на него отвечаю, что всё идёт по заповедям Божиим. Ибо сказано: уныние - тяжкий грех. Но в этом удивительном повествовании описано много и горестных историй, потому как это жизнь...

Особое внимание в книге уделено Дивеевским сёстрам. Жившие возле храма в старенькой избе, прошедшие лагеря, состарившиеся, но не сломленные духом монахини творили молитвы, оберегая вещи великого молитвенника и светильника земли русской преподобного Серафима Саровского. Замечательны рассказы матушки Фроси. Именно она, оставшаяся последней из живых тех монахинь, со старинною свечой встречала в Дивеевской обители долгожданные праведные мощи любимого старца всея Руси.

Тут-то и приходит понимание, что вот она - святая наша Русь, вот он, соборный русский народ.

Есть в книге и описания, как отходили к Богу Сергей Фёдорович Бондарчук, Булат Шалвович Окуджава. Интересно повествование о прихожанке Марии Георгиевне Жуковой, дочери знаменитого маршала.

Во время прочтения не покидает ощущение, что это подлинный документ нашего прошлого. Переосмысливая многое заново, убеждаешься, что это всё очень нужно прежде всего нам, ныне живущим.

Подробно описывается обретение мощей святого Патриарха Тихона, погребенного в 1925 году, и во всём этом автор принимает непосредственное участие. Трогает до слёз мученический подвиг отца Досифея, но об этом лучше читать и молиться. Есть описания и об отце Романе, поэтическое творчество которого во славу Божию теперь известно очень многим. До слёз жаль погибшего отца Рафаила. И тем, кто прочтёт о нём, уже никогда не забыть его «Запорожец».

Автор книги пишет: «Я назвал эту последнюю главу «Несвятые святые». Хотя мои друзья – обычные люди».

Пока читал книгу, на нашем правобережном храме Преображения Господня установили золочёные купола. Теперь их солнечный свет виден отовсюду. Во время этого замечательного события ко мне подошла та самая бабушка Виктория и посетовала о том, что книгу хочет прочесть ещё одна прихожанка. И я несу её в храм...

Не погибай

Нет, это совсем не случайно – написать о родимой сторонке. Где она? Там, где родился или жили родители, прадеды? И только с годами начинаешь глубиннее понимать: это для каждого своё и только своё. Для кого-то это малая родина. А для меня, например, вся Россия. С малых лет копилось во мне что-то. Теперь знаю: любовь к матери, жене, детям, друзьям, к берёзке, что всегда удивляет своей волшебной красотой и, конечно же, любовь к Родине – ни за какое золото мира это не продашь.

Удивительно наблюдать, как русские люди общаются. Жена льёт на шею мужа ковшик с колодезной водой, он молчит, она молчит, но они общаются мыслями. А детей, когда они ложатся спать, укрываешь одеялом, и в душе такое умиротворение, что высказать трудно. Нет, мы всегда были удивительными, и не зря за границей нас не понимают. Да, внешне мы похожи: голова, руки, ноги, а вот души абсолютно разные. За всю историю человечества Россия страдала больше всех, ни одна из стран мира по числу страданий с нами не сравнится.

Часто задаю себе вопрос - отчего же так? Ведь наш народ не хочет войны. В деревнях, сёлах, городах, когда возвращались искалеченные бойцы, бабушки, матери, даже дети проклинали войну. Наша страна великая ещё и потому, что народ у нас удивительно талантливый. Перечитывая Шолохова, Шукшина, Астафьева, Распутина, Белова, Абрамова, Солоухина очень многое начинаешь понимать, ведь эти писатели - наши золотые ручейки, которые несут только чистую и прозрачную воду. И убеждаешься снова и снова, что Виссарион Григорьевич Белинский говорил истину, утверждая, что Россия потому так и страдала, чтобы сказать всему миру слово правды. И это слово укажет всему миру новый путь.

Очень захотелось написать о своем отпуске, ведь это тоже неотделимая часть жизни. А в ней всё значительно. За много лет работы наконец дали отпуск. Шестнадцать лет не был в деревне. Да и не удивительно, ведь просто не было на что ехать. На заводе вороватое начальство процветает, а вот рабочие… А тут вроде наскребли. Мама сказала: «Съезди, помоги тёте Дуне выкопать картошку». В 1991 году последний раз с женой ездили в деревню. Потом появились на свет два сына, так больше и не выбрались никуда. Тем более, что это у нас не жизнь, а выживание.

Вот и еду, не зная, что меня ждёт. В 1991 году деревня жила ещё хорошо и весело, а что сейчас? За трое суток пересекли пять тысяч километров, и вот я в Нижегородской области, бывшей Горьковской. Слез на станции города Арзамаса, на родине известного писателя Аркадия Гайдара. Помог одной девушке с ребёнком добраться до вокзала. И вот первое чудо: мама этой девушки бежит и благодарит меня за помощь, и зовёт в Дивеево поехать по святым местам. Я отвечаю, что мне бы сначала до тёти добраться, может быть, потом…

Всю ночь жду на вокзале, слушаю, как таксисты разговаривают, у них произношение интересное, сразу поднимается настроение. Утром сижу на лавочке, кругом много народу. Подсаживается женщина. У неё в руках металлические стол-

бики, а на них шары стеклянные, и сделано так, что в любую погоду можно зажечь свечку. Спрашиваю, куда едет, говорит: «На кладбище, сынок, везу мужу эти столбики. Сын на зоне сделал, а я привезу их, найму кого-нибудь там, они установят». Поговорив с женщиной, ещё раз удивился хорошей погоде, пошёл, купил мороженое, там оно всего три рубля стоит. И вот, наконец, подъехал мой автобус до районного центра Ардатов, впереди ждало много интересного. Я проехал пять тысяч километров, и здесь все говорят на русском языке. Это приятно – как будто и не уезжал никуда. Еду в автобусе, смотрю на красивейшие храмы, вековые они, а великолепием своим, убранством, покоем восхищают. Вывески магазинов мелькают, вот и выехали из города как-то незаметно. Какие же необъятно красивые хлебные волжские поля! И деревень по дороге много, доживают в них старики, молодежь-то в город стремится. Это видно сразу по брошенным избам, и от этого тоскливо как-то. Автобус подъехал к автостанции Ардатова. И опять накатили воспоминания.

Мама каждый год меня, маленького, а потом и подростка, юношу привозила сюда. И тогда, и сейчас любил смотреть на старушек, они по-прежнему суетливы. В моих сумках осталось с дороги много консервов, даже помидоры не испортились, тяжело, но несу и думаю о том, как же буду добираться до деревни. В центре района большая церковь, рядом памятник погибшим в войнах Отечественной, Афганской, в Чечне. Поклонился ребятам, пошёл дальше. Вон мост через реку, сумки всё же оказались тяжелыми, несколько раз по дороге отдыхал.

Вышел с района, до деревни пять километров. Вот оно, разительное отличие, которое сразу бросилась в глаза. В районе много новых выстроенных домов из белого кирпича и блоков появилось, это хорошо. Но вот поля далеко не везде засеяны, и от этого становилось грустно. И ты, читатель, поймешь меня, ведь у многих из нас есть или была своя деревня, милая сердцу сторонка. Дорога от района до деревни асфальтиро-

вана, это сделали люди при Советской власти. Проезжают легковушки, машу рукой, чтобы подвезли, никто не останавливается. Раньше, когда мы с мамой выходили на эту дорогу, любой водитель остановится сам и подвезёт, да и денег не возьмет – как такое забудешь? Первые километр-два отмахал пешком. И деньги были, но никто так и не остановился. Возле дороги увидел могилку, остановился. Поклонился – и в путь.

У читателя может возникнуть вопрос, что же это ты все кланяешься? Отвечу: православный я человек, верю, как верила моя бабушка, ожидавшая деда с войны и растившая своих четверых детей, как верит моя мама. Это всё очень серьёзно. Я, конечно, разный: бывает, и выпиваю, и песни разные люблю, но всё одно - верю в Православие. Это надо прочувствовать, чтобы до мозга костей дошло.

Вот я прошёл 5 километров по дороге, так никто и не остановился, но я как-то не в обиде. Далеко ещё с Ардатова видна деревенская церковь, хоть и не действует она очень давно, но красоту свою необыкновенную хранит и много лет радует глаз, и тем спасает людей от бед. А я уверенно иду и знаю, что иду в правильном направлении. Село Леметь состоит из трёх деревень. Нашу просто деревня звали, вторую, самую большую, Новая. Мне в деревню надо было. Ландшафт там такой, что только диву даёшься. Свернув с дороги, иду по высокой траве, это прямо как в популярной песне «Любэ». Хорошая группа, народная, ей-Богу, народная. Вот она, красивая речка метров пять-шесть шириной и глубиной с полметра. Выбираю место, раздеваюсь, переношу в два этапа вещи на другой берег. И опять высокая трава. Вижу порушенные дома, начало деревни, но никак не попаду на дорогу, бывшую когда-то центральной. И, наконец, замечаю две узкие тропочки, это она и есть. Пока пробрался до дороги, весь взмок: жарко, да и приустал, конечно. Да, невесело встречаешь, деревенька, невесело. Идя мимо брошенных домов, думал (и это даже пугало): «Господи, а есть ли здесь вообще-то жизнь?» И увидев наконец один жилой дом, немного успокоился. Дрова возле дома

были аккуратно сложены. Трава выкошена, гуляют куры. По памяти догадался, что это дом дяди Миши Чёрного. Иду дальше, ещё два дома прибранные стоят, ухоженные и старинный колодец. Господи, в груди что-то кольнуло. Да ведь это тот самый колодец, ведро висит на цепи барабана. Колодец сделан уже не из брёвен, как в детстве, а из бетонной трубы, вмонтированной глубоко в землю. Я узнал тебя, колодец, здравствуй! Сколько деревенских собиралось возле тебя. Там обсуждались новости, это целый ритуал. Бабушки, мальцы, старушки - все мы становились в очередь за водой. Вода там чудесная, на коромысле воду приносили домой.

И вот подхожу к дому тёти Дуни. Чувство такое, что кажется, и грудь-то сейчас всю разорвёт. И поверить боюсь, что увижу сейчас. Вот они, милые сердцу брёвнышки, один к одному, ставенки. Захожу на старенькое крылечко... Сколько же ты видело и помнишь, милое крылечко! Кругом такая тишина и совсем не верится, что кто-то есть живой, и этот кто-то твоя тётя. Стучу и слышу, дверь избы отворилась, шаги по коридору. А я, чтобы не напугать пожилого человека, очень спокойным внешне голосом говорю: «Это я, тётя Дуня, приехал, Толик».

Дверь открылась, и я увидел сильно постаревшую женщину, это и была моя тётя Евдокия Андреевна Куванова. Мы обнялись, она плачет и тихонько причитает: «Слава Богу, доехал, я ведь, Толик, болею очень». И опять плачет. Мне, как человеку впечатлительному, тоже тяжело на сердце, но я мужик, и потому бодро говорю: «Я приехал, тётя, теперь повеселее будет!»

Зашли в дом, перекрестившись, сели на лавки – всё те же, старинные, много видавшие. Ох, сколько людей на вас сидело, дорогие лавочки! Немного отдышавшись, говорю: «В городе все наши сродники, слава Богу, живые, тебя все вспоминают, и зовём тебя уж сколько лет к нам». А сам любуюсь на русскую печь, на ухваты, чугунки да иконы. Сколько всего связывает русского человека и связывает такой силой, что ка-

жется это в нас во веки веков. Да, порой мы торопимся, бежим куда-то, дела, заботы, хлопоты. И вдруг – чугунок, а в нём борщ, сваренный в русской печи. Ведь нет и не будет ничего вкуснее этой пищи. Замечаю, что тётя немного начинает успокаиваться. Достаю помидоры, привезённые из Братска, они отлично сохранились. Говорю, попробуй, это твоя сестра выращивает, достаю бутылочку водки. Тётя, увидев её, сказала: «Зря покупал, у меня самогонка есть, на варенье сделанная, она лучше магазинной». Ну и ладно, думаю, и самогонка сгодится. Выпили немного с устатку, тёте понравились помидоры из Братска, а мне самогонка да суп из чугунка. «Вот, Толик, посадила я усад и ругаю себя – зачем одной? Думала и копать не буду, вырою огород картошки, мне и курам хватит, а усад пусть остаётся». Мне понятно, почему тётя Дуня так поступила. Весной, глядя на соседей, посадила усад, так как привыкла всю жизнь работать, а вот здоровье совсем никудышное стало. Картофель-то продать всегда можно, это и прибавка к нищей сельской пенсии. Но годы дают о себе знать. «Последний, видно, раз я усад посадила, Толик». «Ничего, тётя, может потихоньку выроем картофан». Успокаиваю тетю, а сам думаю: в августе у меня аллергия страшная на полынь после армии привязалась, но расклеиваться нельзя ни в коем случае, деревня, она работу уважает. Зашёл во вторую комнату, сразу бросилась в глаза большая икона с лампадкой. На стене фотографии в рамке: деда Андрея, погибшего на войне в 1941 году, бабушки Татьяны, Дуни молодой, красивая такая, дядя Сережа с женой Зиной. Большие две рамы под стеклом, а в них много маленьких фотографий. Там и мама моя маленькая, и дядя Сережа в армейской форме, молодой совсем, тётя Маша с дядей Геной, я маленький, двоюродная сестра Лена, двоюродный братик Володя, сестрёнка Галя; Володя с Галей, дяди Сережины дети, и Лена, тёти Машина дочь. Рассматриваю внимательно фотографии. Интересная и умная всё-таки в деревне традиция – вешать фотографии и портреты родственников на стены. А мы в городе сфотогра-

фируемся и убираем куда-нибудь подальше. Кто знает, может поэтому нарушена связь времён, кто знает. Спал плохо: дорога, перемена климата. Утром совсем рано встал, сходил к колодцу за водой. Позавтракали свежими яичками – это чудо. Пошел поздороваться в соседний дом. Там живут дядя Серёжа и тётя Настя. К ним сын Слава в гости тоже из Братска приехал, только раньше меня. Подарил им несколько кедровых шишек, перед отъездом сын из тайги привёз. Тётя Настя сказала, что внучки приедут, им будет интересно поглядеть. Семья у тети Насти с дядей Сережей большая – четыре сына и две дочери. Два сына – Саша и Слава в Братске живут с семьями. Остальные поблизости. И частенько навещают стариков. Усады наши рядом, мы с Дуней копаем, и соседи копают. У них помощников много: с Ардатова невестка с внучками на велосипедах приехали, Слава, тётя Настя, Сергей, сын из Москвы приехал, там он работает, а живёт в Ардатове, хороший дом выстроил. Приехал помочь родителям картошку копать, это дело святое. Вот мы и вышли – прямо как в бой! Наши соседи лихо выкапывают картофель, а я думал: как всё-таки здорово тёте Насте и дяде Серёже, все дети у них труженики, работают отчаянно. Вот сын Сергей, мой друг с детства, берёт полный куль картошки на плечи и несёт через весь усад, а это довольно далеко. Да и мы с тётей Дуней тоже работали, как говорится, до седьмого пота. Сосед дядя Серёжа дал нам деревянную тележку с одним колесом посередине, лёгкую, специально сделанную для перевозки мешков. И я потихоньку возил мешки с картошкой во двор. Вечером наши добрейшей души соседи позвали нас в баню. Дядя Серёжа, Слава, Сергей и я напарились всласть, вспомнили обо всем понемногу: в такие минуты всегда хочется сказать что-то заветное, искренность как будто вжилась, врослась в нас. После бани стол накрыли, но я выпивать не захотел; то ли перемена климата, то ли усталость, а вот суп тёти Насти отведал. Кудесница тётя Настя, вкусно у неё всё. В общей сложности две недели рыли мы картошку, усад огромный. Мне это напоминало битву за

урожай. Прерывались только, когда дожди шли. С другого конца деревни частенько заходил к нам двоюродный мамин брат, дядя Серёжа Носов. Мы, конечно, с ним немного выпивали. Дядя Сережа всю жизнь отработал в колонии в Ардатове, а жили они с тётей Клавой, воспитали пятерых детей. Все дети стали хорошими людьми. Вот только схоронил он тётю Клаву недавно, и очень её жалеет. Сидит на лавочке плачет и говорит: «Толька, я ведь любил Клаву-то, скучно мне без неё». Сыновья Иван и Валера, как и отец, в колонии работают, отец теперь на пенсии, сыновья оба майоры. Саша в деревне Новой живёт с семьёй, дочь в городе работает, но отца никто не забывает. Был ещё сын Слава, очень хороший и добрый парень, и семья была, вроде всё хорошо, но вот умер. Очень жаль друзей детства. Сидим мы с дядей Серёжей, закуска неплохая, и колбаска и яички – всего понемножку есть. Дядя Серёжа вспомнил, как они с моим родным дядей Серёжей фильмы по деревням ездили показывали. Люди соберутся и говорят: «Вот приехали два красивых Серёжки фильм показывать».

Уже который раз рассказывал он эту историю, а мне всё равно интересно. Пишу я обо всём этом и думаю, что молодёжи это, наверно, неинтересно будет читать, но, видит Бог, видит судьба, видит совесть, честь, правда - всё святое, что есть на земле – об этом писать надо. Описывать деревенскую жизнь чрезвычайно интересно, у большей части населения нашей страны были похожие истории, а я, понимая всё это, хочу и буду писать о деревне, о городе и о той волшебной нити, которая нас всех крепко связывает. За нашими соседями стоит пятистенок, там жила большая семья Молодцовых. Дядя Ваня с тётей Машей воспитали четырёх сыновей и двоих дочерей. Воспоминания, воспоминания – это богатство не отнять, не спрятать, они живут в тебе и напоминают, что ты человек. Моя тётя Дуня говорит, что наша бабушка Татьяна из их дома пришла. Вот попробуй, дорогой читатель, догадайся сразу, о чём говорит тётя. Нет, не сказать чтобы я вообще

ничего не знал, но многое узнал впервые, и поговорка «Иван, не помнящий родства», по-прежнему актуальна. А у меня ещё и характер такой – всё время себя ругаю, нельзя ведь так. Копаем картошку, и вот интересно: у нас в вёдра накладывают картошку, а мы с Дуней - в корзинки. И Дуня потихоньку продолжает свой рассказ.

Бабушка наша Татьяна носила фамилию Сурманова, вышла потом замуж и стала Куванова. А брат её родной женился на Катерине, она и родила Марию. Мария вышла замуж за Ивана Молодцова. Вот и получается, что мы дальние родственники, но в детстве я об этом совсем не задумывался. Дуня рассказывает, а мысли мои улетели в розовое детство. Туда, где течёт чудесная красивейшая речка, рядом на взгорье большое футбольное поле. Народу тогда в трёх деревнях – Новой, Луговке и Деревне – жило очень много, поэтому когда состоялся очередной футбольный матч районного масштаба, все, и старые и малые, собрались на яркое зрелище. Футболисты играли жёстко и отчаянно, и один из футболистов сломал ногу, но терпеливо сносил боль. «Скорая» приехала очень быстро. А потом был такой момент, когда мяч катился в пустые ворота, но немного не докатился, а Володька Молодцов выкрикнул, что за такой момент и 20 копеек не жалко отдать. Для пацанов в то время на эти деньги два раза в кино можно было сходить.

А деревенский сад! В середине его пруд, как же мы любили в нём купаться! И вот теперь через столько лет я вижу, что сад и пруд сохранились. Как же хорошо на душе от этого, жива память, жива. Вечером, после картошки, отправился на Новую, к старшему брату Молодцовых Жене. Нужно было позвонить домой, сообщить, что доехал нормально. Да и Евгения повидать. Переходя небольшой мостик, остановился посередине. Посмотрел на весёлое течение реки, опустил руки – вода была уже прохладной. Подумалось: дай Бог, чтобы у наших потомков было такое детство, какое было у нас, как им этого не пожелать. Ведь оно было по-настоящему счастливое. Вот он, крутой берег. Вспомнилось, как мы ныряли с него. Сразу

ни у кого не было смелости прыгнуть вниз, оно и понятно: метров пять лететь. Впереди меня ждала величественная гора. Какая же она красивая эта гора, ничего красивее и роднее я не встречал в жизни. Вспомнил, как поднимались по ней старушки: на горе стоял магазин; а потом спускались, разговаривали, неся очень много хлеба, сахарного песка. Хлеб стоил копейки, вот и покупали его вдоволь, ибо хлеб – всему голова, да и семей больших хватало. Народу, пережившему такую страшную войну, это было очень понятно. Поднявшись и немного пройдя, подхожу к красивому, обложенному кирпичом дому. На крыльцо выходит Евгений, обнимаемся, проходим в дом. Здесь всё обихожено, красиво. Вышла жена Нина, очень приветливая женщина. На столе сразу появилось много всякой снеди. Позвонив домой и успокоив родных, сажусь за стол, немного выпили. Многое, конечно, вспомнилось: как дядя Ваня Молодцов, отец Жени, дружил с моим дядей Сережей, и такая дружба меж ними была, что каждому человеку на земле можно пожелать такого. Вечером, возвращаясь к тёте Дуне, в очередной раз понимаю, что нет, не сломлено в нашем народе бескорыстие, добросердечность, и очень этому радуюсь.

Однажды в Братске иду на работу, смотрю – возле мусорных баков мужик копается. Не знаю почему, но подхожу и спрашиваю, как зовут. Говорит – Петром. Приглядевшись, вижу, что он одет неплохо, это и привлекло мое внимание. Занимался он тем, что аккуратно складывал выброшенные книги в коробку. «Я, - говорит Пётр, - работаю трактористом в тайге. Вчера из леса приехал, пошёл мусорное ведро выносить, вижу книги выброшенные. Вы, наверное, подумали, что я бомж, раз возле баков мусорных копаюсь». И вдруг с отчаяньем в голосе говорит: «Это же книги, как же можно их выбрасывать? Лучше пять минут позора, но всё разберу. Сам читать буду, и дети пускай читают».

Хорошие слова ты сказал, Пётр, и, посочувствовав, заторопился, иду и думаю: может, мою книжку так же выбросят на помойку и, дай Бог, чтобы нашёлся вот такой Петр. Я много

повидал людей разных, и видя, как Петр обращается с книгами, понимал, что он говорит правду. Сегодня утром, увидев горящую лампадку, вспомнил, что говорила вечером Дуня. Был большой православный праздник Вознесение Господне. В этот день мы пошли на погост. Как и положено ему, находился он у церкви. Подойдя поближе к стенам старинного храма, поразился ровной кладке кирпичей, словно не было для них времени. Перекрестившись перед входом, начал потихоньку обходить могилки. Бабушка Татьяна наказывала поближе к Господней обители ее схоронить. И действительно, всего в нескольких метрах от храма стоит железный небольшой крестик. Вот и довелось побывать на бабушкиной могилке, вот и слава Богу. В одной оградке двух сестёр и схоронили. Потом Дуня показала и дяди Ванину с тётей Машей могилки, Молодцовых и многих ещё деревенских, которых я знал и любил. А знал я многих, и эти воспоминания, думаю, для каждого человека на земле очень дороги. Но жизнь есть жизнь, и она продолжается, течёт как речка, золотится, идёт, как снежок пушистый, укутывая белым одеяльцем землицу-кормилицу, матушку нашу славную. После погоста зашли к Евгению. Нина опять наставила целый стол угощения. Потом поехали с Женей в Ардатов, ему надо было заправить машину, а заодно и показать окрестности. «Когда закрыли крахмальный завод, вода в речке стала намного чище, даже рыбы больше стало», - говорит Женя и улыбается. А мне сразу вспомнилось, как в детстве мы её ловили корзинками, а потом с яйцами жарили. Вкуснотища!

Пятнадцать лет назад жил у нас в Братске хороший деревенский парень Сергей Козлов, мы вместе с ним работали в радиаторном цехе, он – бригадиром на линии по выпуску радиаторов, а я – сварщиком. Замечательное было время, завод гремел на всю страну, заработки высокие, а главное, люди вокруг по-настоящему добрые. На огромном здании вверху каждое утро появлялась бегущая строка, вот и Серёгина фамилия там встречалась, я очень радовался за земляка.

Потом Сергей с женой уехали из Братска в Ардатов. К нему-то мы и заехали с Женей. Обнялись и как–то быстро это у нашего русского человека получается, вот уже и стол накрыт. Вспомнили один забавный случай: я на перекур приходил к Сергею и Жене Фомину анекдоты рассказывать, да и так поболтать. Вдруг спрашиваю: «Вы откуда родом?» «Из Горьковской области», - говорят. У меня ведь бабушка с тётей там живут в Ардатовском районе, в Лемети. И мы, не сговариваясь, громко закричали: «Земляки!» Такое не забудешь. Сергей с Женей из Луговки были, я их не знал, а вот в Братске познакомились. Сейчас у Сергея просторный дом, двое детей, живёт хорошо, даже продукция нашего завода у него в доме работает – котёл «Жарок». Я песню свою спел «Березка белая, ты всё качаешься», вдохновленный такой встречей. Какая-то вселенская доброта живёт в наших людях и, что самое важное, это несказанное, это настоящее...

Возвращаемся с Женей в деревню, его новенькие «Жигули» несут нас как-то легко, и вот Женя вспоминает, что Нину-то мы не предупредили, что задержимся. А жена не на шутку была обеспокоена. Когда подъехали к дому, вышла Нина, на лице была видна печаль. Я извинился, всё объяснил. Женя улыбнулся – и нет её, печали-то. Нина настоящая русская женщина, которая всё понимает. Читателю может показаться, что складывается слишком благоприятная картинка, но это, к великому сожалению, не так.

Однажды перед отъездом Женя повёз меня в Дивеево. Вот по дороге и видел я много деревень, где колхозы все развалены, а о былой мощи напоминают лишь разрушенные коровники, разбитая, да разграбленная техника, точнее, её останки. Помня о том, какие мощные были колхозы, которые обеспечивали нас, горожан, замечательными продуктами, становилось худо на душе. Не стало великого Советского Союза – это по-настоящему большое горе для всех нас, но что помогает нам не сломаться, это, конечно же, наши вечные ценности: семья, любовь, дружба, нравственность, слава Богу. Вот и при-

вёз меня Женя на святые места, где покоятся мощи Серафима Саровского. Я впервые за сорок лет видел такое убранство: храмы с золочеными куполами радовали глаз, церкви, одна краше другой. Люди, по словам Евгения, отовсюду едут сюда помолиться батюшке Серафиму и прикоснуться к великой тайне Святых мест. И мне вспомнилось, как меня маленького привезли в небольшой храм и окрестили, помню купель, расписные стены, даже телегу, на которой везли. Заходим в храм, подходим с Женей к мощам Серафима Саровского, преклоняемся. Возле гроба стояла монашка. Вдохновленный всем увиденным, я тихонечко сказал: «Слава Богу, жива православная Русь». Монашка вдруг посмотрела на меня и говорит: «А вы по мостику ходили?» Я ответил: «Нет, а где он»? Спокойный взгляд женщины, её степенность, умиротворение поразили меня, и она очень тихо сказала: «Идите, вам всё покажут».

Оказывается, вокруг этих величественных храмов был сделан мостик, а называлось всё это «канавка Богородицы». Идя по ней, я видел много молящихся людей, и не чаял, что случится всё это увидеть. А Женя между тем говорит: «Хорошо, что среди недели приехали, а в выходные дни совсем не пробиться». Потом Женя повёз меня на святой «Ключик». Это водоём, со дна которого бьют очень холодные ключи, специально оборудованное место, всё сделано аккуратно, отделано новыми досочками. Человек становился на лестницу и потихонечку спускался в воду. Я окунулся, вода, как у нас в Ангаре, ледяная и надо сказать, тонизирует капитально. Женя тем временем набирал в ёмкости воды. Многие люди её там набирают: пьют, больным везут, детям дают. Стоит там крест, а на нём икона Серафима Саровского. Люди, искупавшись в ледяной воде, молились, и видеть всё это было величайшей радостью. Я тоже подошёл к кресту и попросил: «Господи, сохрани и сбереги нашу матушку Россию, здоровья всем людям и веры в добро».

У нас в Братске в училище № 63 работает директором заслуженный педагог Росси Пернай Н.В., в его книге я прочи-

тал, что добрым жить гораздо труднее, чем злым. Да, это мудрость, и я всецело согласен с этим замечательным учителем. Потому-то, побывав на святых местах, и попросил у иконы Серафима Саровского веры в добро, прекрасно понимая, что путь этот будет очень трудным.

Недалеко от Ардатова стоит село Надёжино. Название-то какое! Там живут дядя Боря и тётя Шура. Как я уже писал раньше, у моего дяди Серёжи есть жена, тётя Зина, вот дядя Боря её родной брат. Детские воспоминания и много ещё чего влекло меня в те края, да и когда ещё-то приеду? Утром пошли с Дуней на Новую. Там утром и вечером автобус ходит до Ардатова. Дуня за мной как за маленьким ухаживала, но я не препятствовал этому, понимая, что это ей приятно. Доехав до Ардатова, я тут же сел в автобус до Надёжино. По дороге вновь видел множество пустующих полей. Вот и Надёжино. Если мне сейчас 41 год, то я примерно 30 лет здесь не был, и немудрено, что местонахождение дома дяди Бори вспомнить было трудно. Но Дуня, провожая в дорогу, напутствовала так: «Спросишь – всё покажут». Вот так просто – и никаких гвоздей. Вижу: идёт мужик внешне чем-то на легендарного Мулявина из «Песняров» похожий, и усы такие же. Спрашиваю: «Вы не знаете, где дядя Боря живёт?» Оказалось, он здешний председатель колхоза, решил проводить меня до дома дяди Бори. Мы шли и как-то сразу поняли друг друга. Он сожалел очень глубоко, что колхоз развалился, горючка, говорит, безумно дорогая, никаких денег не хватит, чтобы поле засеять. Вот раньше бывало... А я слушал этого человека и размышлял: сейчас по телевизору очень многие говорят, что раньше было всё плохо. А молодежь-то слушает и верит, вот что страшно. А тут идёт председатель колхоза, некогда очень крупного хозяйства, вот у кого надо спрашивать, как было раньше, а не у продажных телевизионщиков, для многих из которых слово совесть вообще ничего не значит. А когда нашего заслуженного артиста Михаила Ульянова спросили: «Что самое главное в жизни? Он ответил: «Совесть». Вот об этом шёл и думал я, разговаривая с председателем.

Вот и дом дяди Бори, и я, попрощавшись и поблагодарив за помощь хорошего человека, направился к домику. Домик был красивый, ухоженный. Думаю, узнают ли, да и не напугать бы, около девяти утра было на часах. Стучусь в окно, открывается занавеска, и вижу тётю Шуру, жену дяди Бори. Хоть прошло много лет, я её узнал, выглядела она для своих лет очень даже неплохо. «Вам кого?» – спрашивает. – «Я Толик, Настин сын. Из Братска приехал». Тётя Шура очень приятно сердцу заголосила: «Боря, Боря, вставай, погляди, кто к нам приехал». Вышел дядя Боря - хоть и постаревший, но строго державший свою марку:

- Да и не сплю я, чего ты.

Обнялись, расцеловались… Когда я был маленький, мы шли по картофельному полю, и дядя Боря наступил на ботву. А я ему и говорю: «Дядя Боря, ты сдурел, что ли, на свёклину становишься?» Много было тогда смеху из-за моей детской наивности. Вот и сейчас, сидя за столом, с большой теплотой вспоминали этот случай. Выпив немного и сытно перекусив, говорю: «Пойдём, дядя Боря, по селу пройдёмся». «И вправду, пройдитесь, - вторила мне баба Шура, - а я ещё чего-нибудь сготовлю». С детства хорошо запомнились надёжинские пруды, славились они на всю округу карасями знатными. И сразу вспомнилось, как мы с мамой дяди Бори полведра за утро поймали. Ловила бабушка их интересно: на палку метра в два привязывала сеть метр в длину, а внизу грузы и колокольчик наверху. Как только он зазвенит – попалась рыбка. Так вот, таких установок у неё было много, а местные мальчишки по-настоящему завидовали смекалистой бабушке, она их всех перелавливала. Сейчас, спустя много лет, увидел другую картину и очень огорчился - пруды заросли, превратились в болото. «Раньше, - говорит дядя Боря, - колхоз их чистил, теперь некому, молодежь поразъехалась по городам, а мы состарились». Пошли дальше, дядя Боря рассказывал, как хорошо было у них в колхозе, и очень жалел, что всё разрушилось. Я, конечно, вспомнил про колхозы, как люди в них

трудились, как было много ребятишек в деревнях. Да что там, деревня – это святыня! Подходим к памятнику, который сельчане поставили павшим в Великую Отечественную войну. Я был приятно удивлён, как хорошо всё-таки сельчане всё сделали. Стоит большой солдат – победитель метров пять в высоту с солдатской накидкой, без головного убора, смотрящий куда-то вдаль. Вечный огонь, гранитная доска с именами погибших надёжинцев. Даже не в каждом районном центре есть такой памятник. Дядя Боря говорит: «Старый председатель постарался». И старинной надёжинской церкви поклонились. Даже во время войны службы там не прекращались. Вот она наша народная сила, не понятная никому на Западе, но такая близкая и родная нам, русским людям.

Вечером попили козьего молока: дядя Боря и тётя Шура держали козу. А дядя Боря ещё и пасеку небольшую имел, давно он этим делом увлечён. Но пришла пора возвращаться к тёте Дуне. Утром позавтракали, и я вдруг решил им немного попеть. Участие в народном хоре «Русское поле» давало о себе знать, но пел в основном свои песни. Дядя Боря с тётей Шурой уговаривали ещё погостить, но отпуск короткий. Полюбовавшись на сад с яблоками, засобирался в дорогу. Тётя Шура дала мёда своего в дорогу, да и родных угостить, когда приеду домой. И вот мы идём по центральной улице; рядом со мной дядя Боря и тётя Шура, прожившие вместе более пятидесяти лет, воспитавшие сына Сашу. У Саши две дочери замужем. «Вот, - говорит дядя Боря, - помрём, и никто сюда жить не приедет, все ближе к городу хотят». И горестно вздыхает. И вдруг, нахмурившись, громко говорит: «Скажи, Толик, сестре Зине, что я Шуру бросил, на другой женился». Все на автобусной остановке дружно засмеялись. Вот он всегда такой, дядя Боря, веселый человек. Расставание всегда трогательно. Мы обнялись, я сел в автобус и последние минуточки всё ненасытно смотрел и смотрел на дорогих моему сердцу старичков. Хорошо, что навестил тёти Зининых родственников, будет что дома поведать. Господи, как порой грустна жизнь...

Кажется, не выдержишь, сломаешься, и тут же, немного погодя, приходит радость. А я знал, что ещё долго в Надёжино будут рассказывать старички друг другу: «Иди-ко, кто-то приезжал к Новиковым». До отъезда оставалось совсем немного, и Женя, как будто чувствуя, что у меня на душе, свозил меня к другу детства Володе Молодцову. Володя жил в двухэтажном доме, занимался продажей сухого молока и масла.

Весь день до вечера разговаривали, выпивали, закусывали, и было о чём поговорить. У Володи замечательная добрая жена, двое сыновей. Я искренне порадовался за Володю, что у него всё в порядке. А ещё от того было хорошо на душе, что довелось всех увидеть. Молодцовы, Носовы, Кувановы, Новиковы, Козловы, как же вы все дороги моему сердцу...

Вечером заехал младший брат Молодцовых Лёша, и мы вернулись в деревню. Утром зашёл дядя Сережа Носов, и сразу с порога громко так заявил: «Толька, а я тебя в баню ждал. Выпивал, что ли?» «Да, было немного», - отвечаю. Соседи дядя Серёжа и Слава Кувановы пригласили в баню, к ним приехал ещё один брат Валера, красивый, высокий, спортивный парень. Вечером деревенская улица услышала долгожданные песни. Слава с дядей Серёжей громко поют. Да и мне захотелось попеть. Как хорошо, что люди поют, ведь в этот момент они искреннее, добрее становятся. И когда льётся песня, совсем неважно, какие у человека голосовые данные, просто становится по-настоящему здорово – так глубоко в нас сидят наши песни. Долго в этот вечер не гас свет в доме Кувановых.

У дяди Серёжи и тёти Насти, наших дорогих соседей, есть сын Сергей, я о нём писал, жена у него в школе директором работает. Я и попросил её разрешения, чтобы почитать детям стихи. Шёл в деревенскую школу с большим волнением, все гадал, как примут ребята, нужны ли мои стихи. Школа была девятилеткой, навстречу пришли все двадцать учеников с первого по девятый класс, и даже из детского сада сюда детей привели. Как же я был тронут! Ведь в деревне бывает всего один ученик в классе. Но отступать нельзя. Читал много

стихов на разные темы, но первое посвятил шестидесятилетию Великой Победы. В конце прочитал стихотворение про Леметь. Одна учительница попросила потом переписать его на листочек. Самое главное, ребятам было интересно слушать стихи о нашей великой стране и о деревне. Провожать меня из школы вышла директор, я очень рад был за них с Сергеем, у них растут две дочки, дай Бог им счастья. И было хорошо на душе от того, что удалось выступить в деревенской школе.

Как-то утром встал, пошёл к колодцу набрать воды. Я знал о том, что на деревне всего несколько стариков и старушек осталось, и не чаял кого-то встретить. В Новой, там жизнь веселей идёт, а тут, в деревне, только воспоминаниями и живёшь. Вдруг смотрю – на покосившемся крылечке очень старого дома сидит старушка. Подхожу поближе – и вправду живой человек глазами моргает. «Я, – говорит, – сынок, ничего не слышу.» И поведала мне, что дети её в Ардатов забирают, а она всё равно в Леметь возвращается. «Мне, - говорит, - дома лучше». «Возле колодца, - говорит Дуня, - живут четыре старухи, одна ходячая за тремя неходячими ухаживает. Она их по очереди на руках в баню носит. А чё, лёгкие они, давно уж высохли».

В Луговке тоже мало народу, да и в Новой много домов покинутых. А всё равно до глубины души хочется, чтобы деревня жила. Хорошо, что Молодцовы, Кувановы, Носовы много детей в своё время нарожали. Вот теперь кто-то уехал, а кто-то остался. Вот как всё просто и сложно одновременно: рожай детей - и будет твоё продолжение в них. Дядя Ваня, тётя Маша Молодцовы умерли, так дети теперь, внуки их живут; дядя Сережа с тётей Настей Кувановы живы, слава Богу, и к ним много внучек в дом приезжают. Они этому несказанно рады. Не погибай, деревня Леметь, не погибай, деревня Луговка, не погибай, Новая – на коленях молю, живите! Не погибай, русский наш народ, много ты перенёс, больше всех, пожалуй, на тебя свалилось горя, но всё равно живи, Святая Русь, живи, живи...

Вот и настал день перед отъездом, мучительный он. Отыскал книгу погибших нижегородцев, нашёл там деда и отметил про себя: «Да, много леметских молодцов голову сложило в Великой Отечественной, много». Передо мной мелькали фамилии, и возле многих местом жительства значилось село Леметь. Дуня набрала целую корзину яблок: «Вези, - говорит, - Женя прямо до поезда довезёт, а там встретят». Вечером пришёл дядя Серёжа Носов, выпили с ним, он захмелел сильно, посетовал опять, что жену Клавдю жалко. «Дети у меня хорошие, - говорит, - одному скучно». Моя мама, когда приезжала в деревню, – я знал это давно, – всегда угощала дядю Серёжу, вот и я продолжил мамину традицию. Вышел проводить дядю Серёжу, беспокоюсь за него, а он по-молодецки: «Дойду, Толька, дойду!» Мамин двоюродный брат всё удалялся… его могучая некогда спина была сгорбленная, но я знал и чувствовал, что настоящее в людях живо.

С утра Дуняша наварила мяса в дорогу. Сели на лавочку перед отъездом, она заплакала. Хуже всего это для меня, когда женщина плачет. Опять одна, родной ты мой человек, остаёшься, но сколько я ни звал с собой, не поехала. Говорит, что здесь будет помирать. Вот я, родившись в Братске, вроде городской житель, но мама, возившая меня каждый год в деревню, столько воспоминаний и любви в меня вложившая, сейчас ждала меня в Братске, где семья, друзья, работа. И не разорвёшься на две части. Это суровая правда жизни. С двумя сумками и корзиной яблок пошли на Новую. Посидели немного у Жени. Нина предложила выпить, но в дорогу не хотелось, всё внутри ходуном ходило. Пообедав, вышел на улицу. Я смотрел на церковь, а Дуня, видя мой восхищенный взгляд, говорила, что название ее – Пресвятая Троица. И название, и церковь были величественны. Нина достала фотоаппарат, сфотографировались на память. Обнял Дуню, она, конечно, заплакала, а Нина говорит: «Не расстраивай парня в дорогу». А как тут не расстроиться? И вот мелькают деревни нижегородские, до Арзамаса 60 километров. А я всё спрашиваю, как

эта деревня называется, как эта. Вот и вокзал города Арзамаса, стоянка поезда «Москва – Тында» всего 2 минуты. Женя провожал меня со своим зятем. И вот мы бегом бежим на второй путь через переход. Женя бежит с огромной корзиной яблок, за ним его зять с сумкой. Пробежались, в общем, ничего, оно даже пользительно. Поставив поклажу и отдав билет проводнице, спустился к Жене, пожал его большую крестьянскую ладонь. Спасибо тебе, дорогой Евгений, за всё. До свидания, деревенька милая!

Сейчас, видя, как развивается современная жизнь: компьютеры, виртуальный мир и прочее, а мы утратили самое главное – свои истоки. И я буду молить Бога, чтобы люди, даже те, кто забыл, вспомнили деревню, вспомнили парное молочко, русскую печь, коровушек-кормилиц. Молодёжи это сейчас трудно понять. Скажут: и о чём это дядька пишет? Только пишу я о нашем, исконно русском, о том, о чём душа болит. Да, меня многие не понимают, говорят: то, о чём пишу, давно отошло. Только, может быть, у кого-то и отошло, а вот свербит всё во мне и не забывается то, что было...

Серафим Саровский и село Леметь

«Христиане не отличаются от других людей ни местом происхождения и жительства, ни языком, ни жизнию гражданской. Живут во плоти, но не для плоти, повинуются законам, но жизнью стоят выше законов. Их не знают, но обвиняют; убивают их, но они живы; бедны, но обогащают других, ничего не имеют, но всем довольны».

Из Послания апостола Павла к язычнику Диогену

Билеты взял на 25 мая 2010 года. Поезд «Тында-Москва». Четыре года не был в Лемети, и года эти пронеслись быстро и медленно, в разные дни поразному. За эти четыре года сменил два места работы. Таким как я, дожившим до сорока с лишним лет, трудно привыкнуть к нынешней действительности. Хоть давно бы и пора, но себя не каждый сможет переделать. У большинства получается, потому что некуда деваться.

Раньше, лет 18 назад, на вокзале «Гидростроитель» было не протолкнуться. Теперь же мы сидим с мамой и тётей на железных сиденьях, и никого вокруг. Немного приободрился от того, что приехал на своей старенькой «Ниве» попрощаться с отцом сын Виктор… С попутчиками в поезде повезло. Все пять тысяч километров моего пути по вагонам ходят продавцы, чего только не предлагают - от телевизора до трусов. Я решил купить серы пожевать – детство и память делают своё дело. Полка мне досталась боковая верхняя. Внизу разместился молодой человек, к которому приходил его друг. За

всё время моей поездки, а это более трёх суток, ребята выпили ящиков пять или больше пива. Я решил, чтобы хоть как-то спасти их молодые организмы, немного напугать, сказав, что если они так будут пить и дальше, то у них не будет детей. Они пообещали подумать над моими словами. Хорошо, ребята попались с юмором, никакой злобы, и это почему-то радовало.

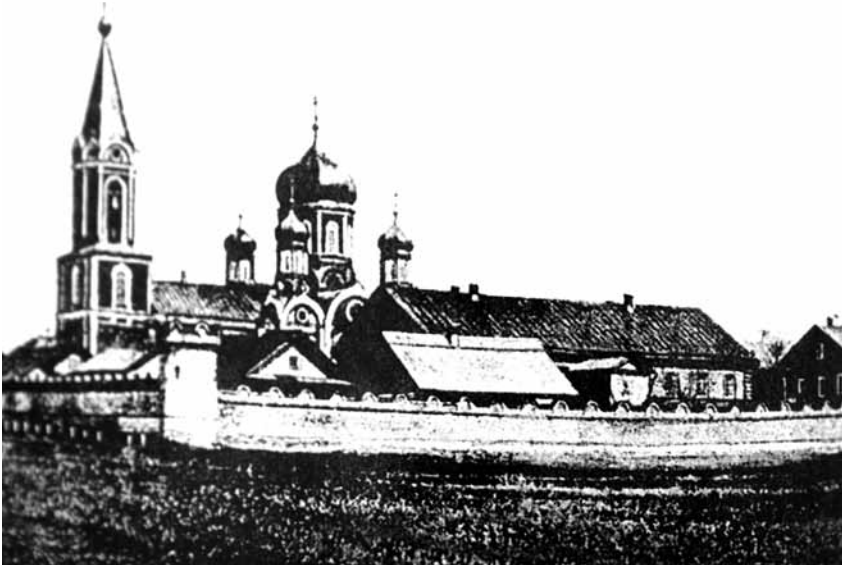
Напротив меня ехала женщина до города Выкса. Она ездила к сёстрам в Братск. Словом, завязался разговор и поговорка: «Хорошо там, где нас нет», как всегда, работала безотказно.

На несколько часов к нам присоединился один дедушка. Он рассказал о том, что едет сложить большую настоящую русскую печь сыну. Зная о том, что многие люди сломали свои печи-кормилицы, очень порадовался за деда, что у него по-русски искренний сын, так как доподлинно знал, что в тех краях Руси-матушки большинство перешло на газ. Этот дед и его сын по теперешним временам были в своём волевом решении действительно редким случаем.

Вскоре в наш вагон подсели молодые парни из Украины, которые говорили, что ездили на заработки, потому как на родине работы нет. Хорошие, простые деревенские парни. И теперь они, так искренно мечтавшие о встрече с родными и поведавшие мне, незнакомому им человеку, о жизни в деревне на Украине, не на шутку разбередили мою наивную душу.

В Новосибирске села женщина по имени Марина. Увидев, что она читает детектив, рискнул дать ей свои деревенские рассказы и был рад, что хоть не закинула их в дальний угол. Уже почти перед самым прибытием в город Арзамас приобрёл у старенькой бабушки пояс из собачьей шерсти для тёти Дуни…

На этот раз заночевал в рабочем посёлке Ардатов у троюродного брата Володи Молодцова, который и встретил меня на вокзале. Утром попили настоящего деревенского молочка. Жена Володи Анжела напекла оладушек. «Вот, - говорит, - То-



лик, и другая еда в доме есть, а дети всё равно непременно будут просить домашнюю выпечку». Сходили в местную школу на последний звонок. Володиному сыну Максиму вручили аж шесть грамот.

Попарились в бане. Вскоре заехали в гости и Женя с Ниной, которые и отвезли меня в село Леметь. Евгений Иванович также является моим троюродным братом, а Нина - его жена.

Вот и опять я, слава Богу, в старом, воистину святом для меня деревенском доме. Здравствуй, моя дорогая тётя Дуня, здравствуй, село Леметь, здравствуй, Заречная 20. Господи, вот и я…

Ещё с вечера успел заметить, как тётя Дуня прямо с крыльца перелезала через ограждение в свой огород и поливала грядки, потому что калитка вросла в землю. С самого утра мы с Евдокией Андреевной приступили к строительству новой калитки. Хотя, конечно, слово «строительство» слишком громко сказано для такого дела, но внешне это выглядело именно так. Из дома напротив за нами наблюдала бабушка

Евдокия Молодцова и с восхитительной добротой в голосе интересовалась: «Вы никак строите чего?» Моя тётя Дуня радостно отвечала: «Да вот, дверцу надо устроить…» Откуда-то из своих закромов тётя моя Евдокия Андреевна принесла довольно хорошие рейки и доски. Я вырываю старые, давно сгнившие столбы. Дуня же никуда не отходит, внимательно следит за каждым моим движением, выбирает из ведра нужные гвозди и подаёт их мне. Получается такая картина, будто она у меня за бригадира… Господи, как же я благодарен Тебе за такие драгоценные минуточки! В городе жизнь кипит. Все как роботы, а не люди, а я тут вот, в Лемети, делаю потихоньку новую калитку, врываю в землю новые столбы, кругом не иначе как Божественная тишина. Ну, чего ещё надо человеку? И вот ужё тётя Дуня весело открывает новую калитку и поливает из вёдер свои драгоценные грядочки, а на них и лучок, и укропчик, и редисочка. Вечером едим окрошку. Ну, разве это не чудо? Оно, оно родимое чудо и есть…

Ранним утром решил пройтись по деревне. В глаза сразу бросился пустующий дом соседей Кувановых. Дядя Серёжа и тётя Настя перебрались на Новую. Иду дальше. Смотрю на промежуток между пустыми домами. Именно здесь раньше стоял дом бабушки по прозвищу Ягода. Вспомнилось и то, что однажды эта самая Ягода, идя с деревенской свадьбы, громко пела какую-то песню.

Живут в каждом из нас воспоминания, без которых, думается, что и не людьми мы были бы. Только её величество Память заставляет нас быть хоть немного мудрее…

Иду потихоньку дальше… Дома все пустые, да и на слом увезённые. Жутко от этого на душе. Смотрю на дом дяди Васи. Давно уж помер бабушкин брат-фронтовик, а дом стоит и нигде не покосился. Подхожу к избе дяди Серёжи Носова. Нет и тебя уже в живых, дорогой, добрейший души человек. И как это я четыре года назад вырвался из города? Затем, видно, чтобы повидаться с тобою, выпить, о жизни поговорить. Эх, дядя Серёжа, дядя Серёжа... Вот и спите вы теперь

с женой Клавой и сыном Славой. Вечная вам память, золотые мои… Смотрю на другую сторону деревни. Вижу покинутый дом Абрамовых. Ваня Абрамов жил в этом доме. Дружили мы с ним. Он попал в аварию, и ему сломало позвоночник. Операции разные делали, но всё тщетно. Помаялся несколько лет и помер. Хороший он был, отчаянный русский парень.

Кругом волшебно поют птицы, растёт, всегда притягивающее взгляд, зелёное полотно земли. Я сижу на лавочке у дома Носовых и греюсь, как старый дед, на солнышке… Возвращаюсь домой и вижу вдалеке двух пожилых женщин. Одна из них моя тётя, другая – ещё один житель деревни – Настя Матвеева. Она успокаивает тётю Дуню: «Ну вот, а ты его потеряла... Куда он тут денется?»

Поздно вечером та же Настя забарабанила нам в окно. Оказалось, что на Новой был пожар. Всем жителям было очень страшно, ведь на улице уже давно стоял суховей. Пожарники с Ардатова приехали быстро, но три дома всё же не успели спасти. Очень грустно от этого на душе. С этим и ложимся спать.

Деревенское утреннее пробуждение. Взгляд ложится на старенькие оконные рамы. Вспоминаю, как любила сидеть у окна моя бабушка Татьяна Ивановна Куванова. Бережно, словно боясь уронить, брала она своими изработанными, с крупными венами руками, письма своих уехавших детей. Совсем не обученная грамоте, каким-то неведомым чувством

моя бабушка словно ведала, о чём пишут её дети, и когда тётя Дуня читала письма от моей мамы, тёти Марии, дяди Серёжи, то бабушкины голубые глаза были сосредоточенно печальны. Лишь изредка она переспрашивала и удивлялась чему-то…

Повоевав на огороде с колорадским жуком, иду к троюродному брату Жене с тем, чтобы договориться на завтра о поездке в Дивеево.

На следующий день, в семь часов утра, Женя с Ниной высадили меня в селе Дивеево. Войдя на территорию Дивеевской обители, дивлюсь высоким храмам и их золочёным куполам. Покупаю иконки с образом Серафима Саровского. Душу уже греет хорошая мысль о том, что по прибытии в Братск раздам эти иконки близким и знакомым мне людям. Возле храма, где покоятся мощи Серафима Саровского, расположено небольшое кладбище, на котором похоронены святые люди Серафимо-Дивеевской обители. Обхожу и молюсь этим, слава Богу, незабытым крестам…

И вот я уже стою на службе в храме, наполненном православным людом. В такие минуты смиренно благодарю Создателя за всё, что есть в моей жизни…

Для того, чтобы поклониться раке с мощами великого Праведника, выхожу из храма и иду к его правому крылу. Поднимаюсь по широкой каменной лестнице и становлюсь в длинную очередь… Здесь тоже приобрёл икону с образами святых людей, по центру которой расположен лик батюшки

Серафима. Подхожу к раке Светильника земли русской, опускаюсь на колени, целую святую твердь (пол). Поднявшись и перекрестившись, прикасаюсь лбом, а затем и губами к раке и молю о помощи моей, часто отчаивающейся, душе. Монахиня, стоящая рядом, прикладывает все мои иконки к раке отца Серафима. Оканчивается служба в храме. Очень медленно ступаю по святому мостику вдоль канавки, которую, по преданию, начинал рыть сам сподвижник Христов, ходатай за нас, грешных, перед Создателем, отец Серафим Саровский. Мостик этот проходит вокруг всех храмов Дивеевской обители. Шагая по этому намоленному месту, видишь и воочию понимаешь, сколько неимоверных подвигов пришлось совершить православному люду, чтобы мы своими очами могли лицезреть эту редчайшую, очищающую от всякой скверны, всамделишную, всегда по-новому удивляющую красоту…

Вдруг внизу, где, очевидно, живут монахини, я увидел очень старую женщину в иноческом одеянии. Поразило то, что она была до такой степени горбата, что, казалось, ещё немного, и касалась бы головой земли. Не удержавшись, громко поздоровался с ней. Старушка ответила и спросила, откуда я родом и как меня зовут. Отвечаю, что из Сибири, из Братска, а зовут Анатолием. Она же вдруг обещает за меня помолиться… Вот так, совсем неожиданно, незнакомый человек желает тебе Божьего блага. Что же это такое? А это, несомненно, именно та твердь нашей православной Родины, которую не сразу и не вдруг хоть немного постигаешь…

Шёл я так, наверное, больше часу…

В конце канавки стоит маленький деревянный домик, в котором сидит служитель церкви и раздаёт людям освящённые сухарики от батюшки Серафима. Взяв сухариков, набираю и святой земли в специально отведённом для этого месте. Совсем рядом в магазине покупаю книгу с «Житием».

Площадь Дивеевской обители довольно обширна, и совсем не зря её называют вторым Афоном... Вокруг храмов посажены яблоневые сады, и вот, проходя мимо цветущих деревьев,

слышу читаемую женским голосом, до боли в сердце проникновенную молитву… Бывая часто в разных храмах, я слышал много замечательных, читающих молитвы голосов, но такой, пронизывающий всего меня с ног до головы женский голос, довелось услышать впервые. Стремительно войдя в сад, я увидел монахиню, которая, обрабатывая деревья, читала молитвы. Набравшись смелости, спрашиваю: «Почему вы так громко читаете молитву?» Монахиня, улыбнувшись, очень спокойным, но уверенным голосом ответила: «Чтобы другие служители церкви слышали». И, немного помолчав, увидев мой удивлённый взгляд, добавила: «Мы ведь здесь весь сад обрабатываем». На меня точно нашло что-то, и я прочитал ей своё стихотворение:

Вдоль равнин, перелесков иду я.
Там дорога старинна лежит.
А душа, словно что-то почуя,
Бирюзовым дурманом манит.

На пригорке виднеются избы,
Храм старинный кирпичный стоит.
Деревенские видятся судьбы.
Взглядом добрым судьба одарит.

Где ж вы, зорьки землицы росистой?
Одиночество, глушь, тишина…
Горемычная наша Россия,
Ты веками тоскуешь сама.

О, живи, наша Русь, возродися.
На коленях всю ночь простою.
Здесь святой Серафим наш молился.
Мысли древние сердцем храню.

Извинившись перед монахиней, выхожу из яблоневого сада, а она провожает меня очень добрым взглядом. Смотрю, совсем неподалёку на лавочке сидит священнослужитель. Замечаю на груди у него большой медный крест. Батюшка

благословляет подходящих к нему взрослых и детей… Присел рядышком, разговорились. Оказалось, что церквушка, в которой он служит, находится неподалёку в одной глухой деревеньке. Поведал батюшка мне и о том, что приход у него - всего три старушки богомолицы, но даже такой малый приход не закрывают…

Испросив благословения, иду дальше и вижу трапезную под открытым небом. Людям наливают суп, дают каши, хлеба и сладкого чая, и на многочисленных длинных столах, помолившись, они вкушают скоромную пищу. Подхожу к раздаче и с налитой до краёв тарелкой супа направляюсь к ближайшему столу. Хлёбово было необыкновенно вкусным, поэтому иду за добавкой. Раздатчица напутствует меня такой речью: «Кушайте на здоровье! Батюшка Серафим хочет, чтобы вы были сыты и угощает вас». Так вот… Оказалось, что прямо при монастыре находится столовая, и кормят там всех желающих во славу Божию. И, как убедился на собственном опыте, очень вкусно, несмотря на то, что пища постная. Стало быть, повара здесь - добрые волшебники.

Видел и то, как простые люди, имеющие в сердце желание помочь храму работой, мыли посуду, чистили картошку…

Выйдя из трапезной, стою и разглядываю суетящихся вокруг людей, наблюдаю за приезжающими отовсюду автобусами, за тем, как служители храма прямо на улице рассказывают о живших здесь святых людях…

Зайдя уже в другой храм, поклонился покоящимся там мощам святых Марфы, Пелагеи и Матроны. В этом же храме мне дали маленькие освящённые кирпичики, потому как я сообщил, что у нас в городе Братске, на Правом берегу реки Ангары, в посёлке Гидростроитель строится Храм Преображения Господня. Эти кирпичики, икону с образом Серафима Саровского, сухарики и святую землю я потом по приезде на родину отдал протоиерею Андрею Чеснокову…

Вокруг летало много голубей, и я почти не удивился, что подошедшая ко мне пожилая женщина попросила немного

денег на кормёжку птиц. Удивило другое. Она вдруг посетовала, что вряд ли после её смерти их кто-то будет кормить. Веря в наш сердобольный народ, знаю, что такие люди всегда отыщутся…

Недалеко от храма, минутах в пятнадцати ходьбы, находится святой ключик отца Серафима и я, набрав в пластиковые бутылки святой воды и помолившись кресту с образом Батюшки Серафима, возвращаюсь вновь к храму.

Немного погодя, подъехали Женя с Ниной. Незаметно пролетели шесть с лишним часов, и я снова на пути к родной Лемети.

Следующие два дня проходили над чтением книги Н.Левитского о батюшке Серафиме. Я вдруг осознанно понял, что совсем мало знаю о Лемети, где жили и живут мои предки. Именно из этой книги я узнал, что в Лемети, на погребении местного помещика Соловцова присутствовали настоятель саровского храма отец Пахомий с тогда ещё юным Серафимом Саровским. Соловцов, живший в Лемети и будучи очень набожным человеком, много помогал Саровской обители. Стало быть, ноженьки великого молитвенника и ходатая пред Божьей Матерью ходили по леметской земле. Не чудо ли, что это всё открывается сейчас для меня.

Из этой книги узнал я и о том, что из Леметского храма давали иконы в Дивеевскую обитель…

В один из дней пошёл на деревенский погост. Опускаюсь на колени, молюсь возле могилки моей бабушки Татьяны Ивановны. Отыскиваю и многих деревенских, которых я знал. Здесь Молодцовы, Носовы, Кувановы, Тузовы, Абрамовы, Козловы, Фомины и т. д. Смотрят на меня подновлённые фотографии, и люди эти деревенские уже будут навсегда в моей душе, пока сам жив буду.

Рядом с погостом, как и положено, находится леметский храм. Захожу внутрь. Смотрю на поразительно ровно выложенную кирпичную кладку. Целую родимые кирпичики. Неустанно молюсь, и даже вороньё в покинутом храме в это

мгновение отчего-то не сильно каркает. После этого тётя Дуня показала мне холм, где предположительно похоронен Соловцов. Возле него кто-то положил цветы. По рассказам местных жителей, именно на этот холм упал один из крестов храма. Крест был металлический, но от старости распался. Так люди сложили его по кусочкам и положили на холм…

Церковь леметская древняя, большая, имела несколько крестов на каждом строении. Рассказывали, что когда пришла советская власть, то церковь порушили. Так крест, который находился на центральной башне, когда упал оземь и развалился на мелкие частички, деревенские жители попрятали по своим домам. Вера в Бога была сильна в людях, и каждый понимал, что, принеся частицу креста домой, он оберегал свой род от разных напастей…

Поклонившись холму и всем деревенским могилкам, пошёл к дяде Серёже Куванову. Застал я его сидящим на крыльце. Он перепутал меня с электриком, что нас обоих немного развеселило. Конечно, выпили. Закусили малосольными огурчиками. Дядя Серёжа вдруг расплакался. «Вот, Натолий, я ведь дочку-то свою, младшенькую Галину, похоронил»… Я уже знал об этом, потому как в Братске проживает много леметских. Как могу, успокаиваю дядю Серёжу. Неожиданно появляется его жена тётя Настя, ходившая куда-то по делам и говорит такую песенно-прекрасную речь: «Эт, цоит вы тут огурцами-то придумали?» (Это она поругивала мужа за плохую закуску).

На следующий же день вечером в наш дом громко забарабанили. Это очень сильно удивило нас с тётей Дуней, ибо знали мы, что в деревне всего несколько стариков осталось, а удары в дверь были основательно крепкими. Оказалось, что пришёл сын дяди Серёжи Валера Куванов и с порога, как это и принято у деревенских жителей, стал звать на свеженину. Случилось так, что они забили поросёнка. «Пошли, Толик! – громко по-молодецки произнёс Валерий и удивлённо воскликнул: – Надо же… Приехал… Ну, Толька!»

Тётя Дуня достаёт из подпола водку тридцатилетней выдержки. С этим и уходим с Валерой к ним домой на Новую. Обнимаюсь с его братом и моим другом детства Сергеем Кувановым. Приветствую их сестру Нину, дядю Серёжу и тетю Настю. На столе аппетитно дымит огромное блюдо свежемины. Выпиваем по одной, и вдруг Валера заявляет: «Толик, ты из блюда не бери. Я сам тебе наложу в тарелку. Ты же городской и не знаешь, какие куски-то самые сладкие…» Все смеются и тут же, как это зачастую бывает у русских людей, плачут – вспоминают Галю. «Пол-Ардатова её хоронило», – сетует тётя Настя и утирает краешком фартука слёзы.

Дядя Серёжа Куванов, вырастивший и воспитавший с тётей Настей двух дочерей и четырёх сыновей, всю жизнь проработал в леметском колхозе механизатором. Ближе к старости получил инвалидность. Ох, и отчаянный он оказался: поехал в Горький (теперь Нижний Новгород) и вытребовал себе автомобиль «Оку». Вот на этой самой «Оке» мы и поехали с Сергеем и Валерой в Ардатов. По дороге машина заглохла. Сергей говорит, что карбюратор пересосал, надо маленько потолкать. Так вот маленькую «Оку» три здоровых мужика еле-еле протолкали метров тридцать. Вдруг Валера спрашивает: «Чего это, Сергей, так тяжело?» Сергей заглянул внутрь и рассмеялся. Мы ж на ручнике её толкали, и потом, как мы её разок толкнули, она сама поехала, даже, можно сказать, понеслась…

Дом у Сергея большой. Две дочери-школьницы, добрая жена Галя – бывший директор леметской школы, теперь учительствует в Ардатове, потому как деревенскую школу закрыли…

Напарившись в просторной бане и поговорив досыта, ложимся спать. Утром поехали с Сергеем на рынок, а затем отправились в Леметь. По дороге отвалился глушитель. Сергей тут же занялся ремонтом…

Проезжая речку, я насторожился, одолеем ли брод. К счастью, переехали удачно…

В памяти воскрешаю, что именно здесь всегда проезжали машины, и жители деревни, рано поутру, переходили именно этот брод, чтобы продать в Ардатове свою сельхозпродукцию.

С Сергеем вошли в их старый, теперь уже заброшенный дом. В каждой из комнат тётя Настя бережно разложила православные книги – это очень трогает. Старый «ИЖак» по-прежнему стоит на дворе.

Перед тем как обняться и попрощаться, Сергей ещё успел сделать тёте Дуне опрыскиватель для уничтожения колорадских жуков…

Заходил ко мне на деревню и мой друг Сергей Козлов. Вспомнили, как в Братске мы работали в радиаторном цехе завода отопительного оборудования. Я поведал Сергею о том, что на заводе сейчас полная разруха и корпуса стоят пустыми. Согревает душу лишь то, что радиаторы, которые мы когда-то с Сергеем делали, по-прежнему греют жителей нашей страны…

Серёга сообщил мне о том, что в его родной Луговке тоже всего несколько стариков осталось. Прошлись по деревне, и, когда попрощались с Сергеем, я немного всплакнул…

На обратном пути присел на лавочку и разговорился с бабушкой Сутыриной. Она тут же напоила меня холодным квасом. Поговорили о леметской церкви. Старинная она, вековые тайны бережно хранящая.

Непостижимо трудно выразить это всё на бумаге. Перед глазами является старинная Леметь, где родилась моя мама. Только здесь, в деревне, и есть божественная истина...

Хорошо запомнилось, как приехал на велосипеде Валера Носов, сын дяди Серёжи Носова, двоюродного брата моей мамы. Немного посидев и поговорив, пошли мы в их дом. «Вот, Толик, живу теперь в Ардатове, а родной дом пустой стоит», - говорит Валера и показывает на выложенный им подтопок из красного кирпича. В доме стоит бережно заправленная кровать для приезжающей сюда сестры Маруси. Старший брат Иван сажает тут картошку, потому как земля здесь

очень добротная, чернозёмная. Смотрим дембельский альбом их брата Славы, которого, к сожалению, уже нет в живых, но радует то, что семя успел пустить. Сын похож на него… Вдруг Валера говорит: «А пойдём на речку, искупаемся…»

Когда мы зашли в воду по пояс, а где и глубже, то Валера закричал: «Толик, мы в детство вернулись!» Нас покусывали шмели, а спасались мы от них нырянием.

Потом обошли все брошенные дома своих близких и знакомых, будто отдавая им свой земной поклон. Обнявшись с Валерой, поём, словно дети малые, разные старинные песни. Пьём и почему-то не пьянеем от водки. «Налопаемся мы с тобой!» - говорит Валера, и будто сглазил – не налопались, хоть и выпили немало. Видно, через слёзы да чудесную речку весь хмель вышел…

…С утра у соседки нашей, бабушки Дуни Молодцовой, большие перемены - многочисленная родня, приехавшая с Ардатова и других мест, всколыхнула её жизнь… Вот уже стоит возле дома новенькая скамейка, пилятся доски, обновляются полы в бане, заготавливаются дрова. Таким массовым приездом более десяти человек послужило то, что приезжала в деревню внучка Татьяна из Братска, которой было уже за пятьдесят. Она, живя с детства в городе, никогда не забывала деревню…

Вот и случился такой нежданный переполох в деревне.

Дуня моя с утра уехала в Ардатов продавать сплетённые ею корзины, и собиралась там заночевать у двоюродной сестры. Ближе к вечеру я засобирался к Жене с Ниной на Новую, чтобы помыться в бане. Выйдя на крыльцо, обмер, и от удивления припал к брёвнышкам дома. В тихой деревеньке я был уже месяц, и вдруг – песни, да ещё столько голосов… К горлу подкатил ком. Господи, жива, стало быть, деревенька милая. Оказалось, что отмечали приезд Татьяны, и меня тут же усадили за стол. Дядя Ваня Молодцов благодарил за то, что помог донести тяжёлую сумку из магазина бабушке. Я с великой радостью смотрел на старое, среднее и молодое по-

коление и думал о том, что попал в добрую сказку…

Съездил и в старинное село Надёжино, чтобы поклониться светлой памяти дяди Бори. С бабушкой Шурой, его женой, сходили на надёжинское кладбище, убрались на могилке. Баба Шура серпом жала траву, а я относил её в лес. Помянули этого весёлого, доброго человека. Пустую мою «чекушку» тётя Шура забрала себе, сказав при этом: «Я её домой отнесу, и каждый раз, глядя на неё, буду вспоминать о твоём приезде». Помолились на старинную надёжинскую церковь.

Тётя Шура оставляла меня ночевать у неё, но я переживал за тётю Дуню, ибо она тоже за меня беспокоилась.

По возвращении моём в Леметь Дуня печально посетовала, что у деревенского колодца прокручивается барабан. Вооружившись инструментами, иду чинить и, вбив хороший клин в середину барабана, наблюдаю, как Дуня достаёт из колодца воду. Возвращаясь радостными, угощаем нашу дорогую соседку Евдокию Молодцову колодезной водой, которая сказала, что в нашем колодце вода самая лучшая.

Пришла пора возвращаться домой в Братск, и через несколько дней, помолившись с тётей Дуней на старенькие образа святых и присев на прощание на лавочку, заметил в глазах моей родной тёти печальную слезу. Мне в этот момент было тоже невесело. Расставаясь с родными, любимыми, близкими, мы зачастую грустим и бесконечно молим Господа нашего, чтобы встреча эта была не последней.

И вновь слышу стук вагонных колёс, но не замечаю его, потому как в воображении моём стоит на горе леметский храм. Спуск с неё довольно крут. По рассказам местных жителей, пьяный тракторист съехал с неё и по всему должен был погибнуть, но остался невредим.

Много чего случалось на этой горе, людей-то в Лемети много проживало. Бывало, и на лыжах ребятишки съезжали, и на саночках катались, но ни с кем ничего плохого не случалось, ибо веровали люди, что гора эта святая.

Живёшь ты, Леметь, со своим древнерусским храмом.

Иногда мне кажется, что рано утром, когда ещё многие спят, батюшка Серафим ступает своими ногами по Лемети и, встречая случайных ночных путников, приветствует их словами: «Христос Воскресе, радость моя!» Но мы его не видим и не слышим, не дано это нам, простым людям.

Это он – великий молитвенник и Светильник земли русской – преподобный Серафим Саровский, искренне любя, оберегает нас, грешных…

23 февраля 2011 г. – 26 января 2012 г.

Евдокеюшка

«Стихия народной жизни необъятна и ни с чем не соизмерима. Постичь её до конца ником не удавалось и, будем надеяться, никогда не удастся.»
Василий Иванович Белов.

Полуразрушенный православный храм, стоящий на горе, как это наверное и планировали те, кто его возводил, был виден отовсюду. Так уж подгадала всегда божественная матушка-природа, что со всех четырех сторон виделся он величаво. По документам, которые, слава Богу, хранила наша история, построили его в 1720 году. В этом храме, опять же по документам и передававшейся из поколения в поколение людской памяти, был и великий русский святой Серафим Саровский. Из старинных книг стало известно, что старец Пахомий и Серафим Саровский отпевали здесь местного помещика Соловцова, который, пока жив был, помогал Саровской обители. Этим, видно, и заслуживший после кончины такое к себе уважение Божьих священнослужителей.

Теперь же шёл уже 2010 год, а храм всё же как-то сопротивлялся нынешнему, зачастую беспамятному, времени. Сколько войн, страшных эпидемий случилось за эти годы, миллионы и миллионы гибли и умирали. Но всё же судьбы у умерших были разные. Верующему человеку было легче, ибо он веровал во Вседержителя, Пресвятую Богородицу и всех святых, просиявших в русской земле. Неверующему же было несравнимо хуже, ибо такие люди умирают, не найдя согласия со своей душой, а это страшно. Видимо потому, что люди очень веровали и молились в этом храме, Господь уберег его. Ведь были и такие, которые ради корысти пытались разобрать сделанную когда-то потрясающе ровно выложенную кирпичную кладку, но не дал Бог этого сделать. Не поддалась трехсотлетняя кладка, оказавшись настолько крепкой, что ни кувалда, ни что иное её не брали. Видно по всему, добрыми людьми возводилась эта Господня обитель…

Две старушки доживали век в своей деревне. Одну звали Евдокия, вторую – Анастасия. На лето дети из райцентра привозили ещё одну бабушку по имени Нюра. Та, хоть и сдалась детям, чтобы зимою жить у них, но когда дело подходило к лету, криком кричала: «Везите домой, в деревню!». Дети же её, которых, слава Богу, было много, и у всех давно были уже свои дети и внуки, немного побухтев для порядку, везли бабу Нюру в родные места, ибо и им самим радостно было приезжать на родину. Здесь и в речке родимой искупаешься, былое вспомянешь, где и бутылочку выпьешь, без этого тоже человеческая жизнь не обходится. За последние двадцать лет жизни старики особливо жалели каждого умершего старика или старуху. Вот и сейчас Евдокия Андреевна, которой перевалило за семьдесят, на особицу жалела свою соседку, которую тоже звали Евдокией. Всю дорогу, сколько стояла деревня, а было ей, по словам старожилов, более трехсот лет, их дома стояли напротив, или, как бывало говаривали две соседушки, насупротив. Вот так незатейливо просто, но как красиво звучали слова из их уст. Теперь же Евдокии не стало, померла

она. О, Боже, как же были дружны и нужны старики друг другу! Стемнеет, Дуня к Дуне идёт телевизор смотреть, о жизни покалякать, побаить промеж собой...

«И вот ведь время жестокое-то какое, – говаривала Евдокия Андреевна. – Ведь недавно, кажись, вся деревня мальцами да стариками была полнёхонька, неколи было и печалиться. Бывало, косили травушку до одури, а всё одно, счастливые были. Это, по всему, так сказать, молодость была». И, глубоко вздохнув, добавила: «Шукшин-то всю жизнь сокрушался, что молодёжь деревенская уезжает в города, это в фильмах его шибко заметно, чувствуется». Вот так, поговорив немного, Евдокия уходила к себе в дом.

В этой деревне крепкие семьи, а всё одно, не могли удержать свою поросль. Но старики и выходившие вскорости на пенсию другие жители деревни, оставались на родной, потом политой земле. И для всех живущих в деревне это было отдушиной, ибо дети и внуки, приезжавшие в деревню из загазованных городов, очищались душой и телом, попарившись в деревенской баньке. Запомнилась многим жителям деревни и одна из песен, прозвучавших на деревенской свадьбе. Её сочинил приехавший из города сын одной деревенской. Мама его когда-то возила на велосипеде почту, но потом тоже перебралась жить в город. И вот этот, в общем-то городской житель, пел:

Незатейливо, скромно и с болью в груди
Я люблю тебя, милая Родина!
За колосья ржаные, проливные дожди
Оттого, что во мне непогодина.
За минуты такие, что пасмурь в душе,
Благодарен безмерно Создателю.
Потому как грустить, но любить на земле
Божьей волей дано обывателю.

«И откуда чё берется, - охали старухи, - ведь не жил в деревне, только в гости к бабушке приезжал, а вот чего придумал». И подытоживали свои рассуждения словом «чудак», а

так как в бывшей Горьковской, ныне Нижегородской, области старухи говорили вместо буквы «ч» букву «ц», то и вовсе получалось забавно – «цудак».

Закончились, к великому сожалению, в этой деревне и свадьбы. Как-то к одним старикам приехали погостить да подлатать кое-что сыновья. Затопили баню, стали париться, пить пивцо и вдруг заспорили о том, кто в деревне кому родственником доводится. Спорили, спорили, а один брат по имени Вячеслав сказал простую, но воистину правильную речь: «Чё вы спорите, в деревне все родственники, особенно если деревня старая». И спор тут же прекратился. Каждый вдруг вспомнил и перебрал в памяти все избы. И выяснилась на первый взгляд простая истина, что за более чем трехсотлетнее существование деревни действительно все породнились. Задумались мужики, а Вячеслав опять их взбудоражил: «Говорят, что нашу деревню богатырь Леметка основал, якобы царь ему приказал, чтобы здесь была деревня, но, может быть, и врут, конечно, только всё одно чудно всё это». Бывала в деревне радость, она и в стариках, говорящих незасорённым русским языком, она и в детишках, а у них-то вся детская жизнь, словно весело звенящий свадебный колокольчик. И мужики те, погостив у родителей в деревне, подлатав кое-что из хозяйства, возвращались в город, но случалась странная штука. Зимою у многих деревенских в городах случалась такая напасть – просыпались здоровенные мужики и обнаруживали подушку, насквозь пропитанную слезами; не отпускала деревня их души…

В эту зиму, после засушливого лета, даже картошка уродилась никудышной, но бабушки Евдокия и Анастасия и на это обращали мало внимания. Много ли теперь им было надо. «Чай, не скотину держим», - сетовали эти, слава Богу, ещё живые деревенские жительницы. Их путь даже по предзимью к многовековому колодцу был немалым испытанием. Тропинку к нему бабушки торили лопатами. Почтальон, когда перемета-ло дорогу, здорово мучилась, доставляя старожилам пенсию.

Уже давно прошло то время, когда на деревне чистили дорогу трактором, и случалось так, что почтальон оставляла пенсию в соседней деревне у близкой родни. Благо, что соседняя деревня была совсем рядом. Но так уж было создано матушкой-природой, что две эти деревни стояли на высоких холмах, а между ними зияла огромная впадина и текла речка, которая по весне разливалась так, что ни за что не переберёшься. Запасали продуктов старожилки всегда впрок, а по вечерам ходили друг к другу в гости и ударялись в воспоминания. «Помнишь, Евдокия, - говорила Анастасия, – ребятишки камеры надуют и переправляются, хлеб вот так нам доставляли, а мы ждём их на берегу. Известное дело – хлеб нужен, а оне, вот проказники, по булке, пока плыли, каждый сжевал. Свеженький был, хлебушек-то». «Ведь это ж, подумать только, - продолжала Анастасия, – по двадцать булок на день брала каженная семья. Ребята, девки тут же с камер с этих попрыгают, принесутся домой, хлебушек порежут, сахаром обсыпют, водичкой сплеснут и айда носиться по улице. Ведь вспомни, Евдокия Андреевна, ни день, ни ночь деревенская улица не пустовала. Днем взрослые да дети малые её, родимую, запружали, а ночью молодёжь. Я б за то, чтоб деревня ожила, ничегошеньки не пожалела, даже самую жисть».

Евдокия слушала и была безумно рада тому, что было кого слушать. Она называла свою деревенскую подругу не Анастасией, а просто Настенькой. Объяснить это было несложно, но в городе так не смогут. В деревне, только в деревне идёт истинное очищение души и зовут здесь людей по-иному – по-деревенски. Вот и сейчас Андреевна спросила: «Настенька, а ты чего сёдни варила? Я уж и не знаю чего готовить. Всё поджелудочна железа болит, чуть поем че не то – и маюсь». «Да, знаю я про твою болезь, чё об ей говореть, суп варила, чего же ещё-то. Он мне николи не надоедат. А ты чё, поди опять свое варево кошкам отдала?» Евдокия оживилась, даже воскликнула: «А кому же, эти две спорют, только дай». И, немного о чём-то подумав, добавила: «Особливо сало любят. Вот

достану им с погреба придавленное гнетком-то солёненько, ух, охота попробовать, а как подумашь, чё потом, хошь на стену лезь от боли, и им отдашь. От кружить зачнут подле меня, от зачнут. Я им дам, а оне когда и зафорсят, не едят. Я на их ругаюсь: ух, вражины, ироды, и ну их из избы пошлю».

Телевизор у Евдокии был цветной, а потом враз черно-белым стал, и она, усевшись на посылочный ящик и прислонившись своей согбенной спиной к тёплым кирпичам русской печи, всё глядела телевизионные сериалы, переживала за героев. Электричество в деревне, слава Богу, было и две, Богом хранимые бабушки, жили со светом. И в двух близлежащих деревнях был свет. Но народу там ещё, слава Богу, жило более двухсот человек, и этим двум старухам такая тёплая мысль всегда грела душу: ведь совсем рядом живут люди.

По преданию, деревня их, как уже писалось, стояла на холме, а под ним бил ключ.Так вот, этот ключ, опять же по преданию, считался святым. В старое время люди брали из него воды, даже из далёких деревень приходили за этой чудодейственной водой, и это тоже служило большой поддержкой для бабушек, они и пили эту воду и спасались ею. Из другой деревни люди выходили и глядели на их деревню, на их два огонька. Вот так и переглядывались деревенские жители, конечно же, жалея одиноких старух, и ждали лета.

О Боже, как же было хорошо летом в деревне! Приехавший как-то погостить к Андреевне племянник и не чаял открыть в себе столько радости. Ведь встретили его что на той, что на этой деревне, гоже. Племянник, идя из одной деревни в другую, любуясь мостиком, речкой, тут же ополоснул лицо замечательной водицей. Слушал лягушачьи переклики, вздыхал про себя и не мог досыта надышаться разнотравьем, думал о том, как много чего мы не знаем, и сколько ни живи человек на белом свете, всё одно будет удивляться чудесам святой Руси. Тут же вспомнил своё детство, юность и был несказанно счастлив. Нет, совсем не таким было детство у многих его городских друзей, они словно обделены были той небесной

радостью, какой, казалось, обладал он. Пенка бабушкиного парного молочка, любая, будь то пшенная, будь рисовая, гречневая каша, сваренная в русской печи, - казались волшебными. А хлёбово с кислой капустой и мясом ели из одной большущей железной тарелки, и никто, вот что удивительно, не брезговал. Лишь позже, из книг, он узнает, что люди, питаясь вместе, таким образом доверяли друг другу и были дружны. О, Боже, как же вкусен суп из чугунка, томившегося до нужного часа в спасающей свой народ ото всех напастей русской печи! А набитые полные рубашки яблок из деревенского, бывшего помещичьего, потом колхозного, а теперь ничейного сада. А улыбка бабушки на другой день, достающей из печи пироги с этими самыми яблоками, а походы за грибами, ягодами… Как же вкусны лесные ягоды с настоящим деревенским молоком из-под подоенной только что коровы-красотки. А свежие жареные белые грибы, маслята, подберёзовики, подосиновики, рыжики! И всем, хоть жителей на ту пору было много, хватало лесных даров с избытком. Вспомнил, как однажды подбежала к нему деревенская девчушка и запела:

В лесу, говорят, в бору говорят, растёт, говорят, сосенка.
Уж больно мне понравился молоденький мальчонка.

Нет, не сказать, чтобы он не слышал эту песню в городе, но в деревне, слушая эту девочку по имени Галя, которая, спев песенку, спустя несколько минут уже мыла коридор и крыльцо, чтобы пришедшей с работы матери было меньше дел, это совсем другое дело. Такое не забудешь, пока жив.

После армии он снова возвращался в деревню к бабушке и тетё Дуне. Да, в той жизни это ещё можно было позволить буквально всем. О святая русская деревня, сколько твоих сынов и дочерей во все времена признавались тебе в самой искренней любви! Только поэтому, думал после племянник, и стали писаться у него рассказы о деревне, и он был счастлив и благодарен Божьему Промыслу за то, что каждое лето, благодаря маме, жил здесь…

Но теперь была зима – долгая, бесконечно долгая. И эта

вечная тревога – перезимуют ли бабушки – беспокоила родственников в городах и соседних деревнях. А бабушки те – каждая переживала о своём. Евдокия Андреевна – о непроданных корзинах, которые до сих пор пользовались спросом. Люди по-прежнему использовали их для переноски картофеля, яблок, ходили с ними за грибами, хранили в них яйца, лук. И выходило это и красиво, и аккуратно. «Настенька, продам я, что ли, корзины-то свои? Летось-то хорошо брали, а я, дура старая, опять хлыстов нарезала и сплела штук тридцать, а, может, и поболе вышло, не знаю. Да каки белы получились, нарядны, красивы».

Анастасия же была менее мечтательной, а, стало быть, более приспособленной к жизни. Видно, поэтому она, любя, поругивала свою давнишнюю подругу: «Ты ведь одна со всех трёх деревень корзинки-то в район доставляешь, более никто. Все старухи побросали, а ты все никак не угомонишься, уже ведь, знамо дело, и смеются над тобою, куда тебе деньги-то эти вырученные? Пенсию и то не проедаешь из-за своей панкреатины, язвей её как». Андреевна улыбалась и баяла: «А я ковды плету, меня и болезь-то как-то не так тиранит, понимашь, чё деется. Наработаюсь до одури, уж и глаза-то не глядят, и повалюсь прямо в одёже. А чё мне, чай женихов нет, старые мы». Опять вздохнет и продолжает, словно оправдываясь или стесняясь подруги: «Радостно мне бывает, понимаешь. Берут люди и благодарят. Я чё, я почти задарма отдаю, затем мясо на рынке свежее куплю, так мы же с тобой и кошками его едим. У тебя-то брюхо железное, тебе все гоже, а у меня когда как, не поймёшь – то заберёт, а то и отпустит. А деньги, что лишние, я в церкву несу. Надо ведь и за упокой, и за здравие сродникам заказать, много их было, теперь поменьше стало. Маму, брата Сергея жалко, спасу нет. И храму на строительство даю». Анастасия заулыбалась: «Во-во, на твоих корзинках храм построят. Эх дура-дурой, вот и весь сказ». А Евдокия будто и не слышит: «Летось подходит мужик старый, он тоже корзинками торговал. Ты, говорит, мне

конкуренцию делашь, а я смеюсь - какая такая конкуренция? Ты ведь и рыбачишь ишо, а мне вот не добыть рыбки, продай кошкам, а может и я поем карасиков-то. Когда и куплю у него несколько рыбин, маленьких таких. Вот уж он доволен, Матерь Божия, и не сердится боле за конкуренцию». Корзинки же, которые оставались нераспроданными, она хранила у знакомых. В районном центре, теперь ставшим районным посёлком, жило много земляков, так она всех их помаленьку корзинами и одаривала.

Долгие зимние вечера переходили в ночь, а вот ночью было Евдокии не по себе, боялась, ох, как боялась она эту болезь и, придя от Настеньки в свою избу, принималась долго-долго молиться. Ночью кошки начинали шумно носиться по амбару, ловя мышей. А Дуне, бедной старой Дуне, было одиноко и страшно, и она молила Бога о том, чтобы скорей наступило утро. А если удавалось пересиливать себя и засыпать с помощью молитвы, то спала очень чутко всё слыша. Забывшись часа на два или три, радовалась как маленькое дитя тому, что довелось-таки вздремнуть. Анастасия же была более боевой бабушкой, и ей из-за этого всё давалось легче. Иногда, а точнее раз пять или семь в году звонил Андреевне на её сотовый племянник. Евдокия не хотела ехать жить в город, хоть и звали её сестры постоянно. Отвечала же она им так: «Дома ведь я, а болезь, чё с ей сделашь». Сотовый телефон отдали ей после смерти двоюродного брата Сергея, жившего в этой же деревне. Дети брата обучили бабушку пользоваться телефоном и наказали ей, чтобы она им звонила.

Но вот проходила очередная зима, и в деревню, к радости бабушек, возвращалась их подруга Нюра, к которой всё лето приезжали её многочисленные дети и внуки. Деревня оживала. Картошки Дуня сажала мало, отгородив для этого небольшой закуток из разного колья. Усад с огородом давно были заброшены, и это саднило душу деревенскому жителю. Но лук с грядок радовал глаз своими богатыми зелёными перьями до глубокой осени. Что-то произошло в природе, за многие годы

луку разрослось много, был он многолетним. По-прежнему каждые выходные ходила она в соседнюю деревню на автобус. С ног до головы обвешавшись корзинками и уже давно привыкнув к насмешкам земляков, добиралась до района привычным маршрутом. Начиналась торговля. Свежий творог, сметана, мясо – всё было на рынке, а вот корзин никто, кроме неё, не плёл. И так иной раз случалось, что возле неё, сердешной, собирался народ, а она как всегда – кому за полцены уступит, а кому и за так отдаст. И, купив у тех же торговок кусочек мяса и творогу, шла ждать автобус. Именно об этом человеческом общении и мечтала она всю зиму, снова и снова каждый раз убеждаясь, что её продукция нужна людям. Не раз говаривала она землякам, что, дескать, «помру, а корзинки мои останутся у людей, вот и гоже мне, может так статься: там, в землице-то, от этого легче будет лежать». Но земляки, знамо дело, тут же подшучивали: «Да ты и там, Дуня, плести будешь, знаем, тебя разве удержишь».

Быстротечно, как и всегда, пронеслось лето. Настала дождливая осень. Надо было и печку топить, и кошек накормить. И картошку старую перебрать, новую определить на зимовку. Подвела, как всегда уже на протяжении многих лет, поджелудочная железа, скрутила враз так, что не продохнуть. Тут и слёзы моментально брызнули из Дуниных глаз: «Ой, кошки-кошки, опять вы одни. Мне ить в больницу надо». Наказав Насте Матвеевой кормить кошек, Дуня легла в районную больницу и пролежала там месяц. Ох, уж эти тяжелые больничные будни... Но её, ставшую такой хрупкой, труженицу-крестьянку выручали, как всегда, молитвы. В далёком сибирском городке встрепенулось что-то внутри у племянника. Пришли к нему после службы в церкви мама и сестра её, набирает он номер Дуни, а в трубке телефона: «Толик, я знаешь где - в больнице». И все по очереди переговорили с родным человеком. А после состоялся серьезный разговор: «Мама, съездите к Дуне, я работаю, кто меня отпустит, тут ведь как нынче – или работай, или увольняйся». Сёстры уже давно не

были у Евдокии, самим им на ту пору тоже было за семьдесят и обеих мучило давление, но слова сына и племянника о том, что доведется ли ещё свидеться, оказались действенными.

Вот и вокзал, вот и железные стулья, от которых ломит спину, вот и отправка поезда. Тётя Маша, когда увидела Дуню, такую больную, такую тонюсенькую, словно былинка, разрыдалась. И три сестры, обвив друг дружку, долго плакали.

Вода в реке в этом году была большою, все переходы посмывало, но три сестры сильно не унывали: «Всё одно попадем в родную деревню», - рассуждали они. Так случилось, что с вокзала обеих сестер встретил деревенский парень Алексей, который являлся им дальним родственником. Может быть, и от этого тоже настроение всех сестер приходило в норму. Для того, чтобы попасть в родную деревню, им пришлось сделать немалый круг. Городские сёстры уж было засомневались, найдут ли они переход. Дуня же одной ей ведомой тропой вела сестер к дальнему переходу. В полной утренней темноте переход был наконец найден, и, пройдя ещё одну доживающую свой век деревеньку, они, одолев километра три, оказались на родине. Облегчило путь то обстоятельство, что, несмотря на начало ноября, снега не было совсем. В 2012 году, с погодой творилось что-то небывалое, ибо раньше в эту пору уже давно лежали сугробы, и бедным бабушкам пришлось бы гораздо тяжелее. Вот она, родная Заречная улица, вот уж и зажёгся свет в родном дому, вот они родные, такие старинные образа, русская печка в полдома, широкие лавки, ухваты, чугуны. Вот они, три сестры, в своем родном гнезде, где появились на свет Божий.

Утром и вечером сёстры усердно молились, готовили себе еду, а вот в приготовлении пищи получалась у них целая история – Дуня достает с подпола квашеной капусты с картошкой, сестра Настя чистит картошку, затапливают русскую печь, сестра Мария убирается по дому, – никто не сидит без дела. Хлебают деревянными ложками сваренный в чугунке суп, удивляясь его неповторимому вкусу, а через два дня Дуня и Мария

слегли с высоким давлением. Анастасии пришлось одной управляться на кухне. Вечерами они укладывались каждый на свою лежанку, младшей Марии досталась самая высокая в доме, старинная железная мамина кровать. Разговаривали всё больше о уже почти прожитой жизни, каждая, к счастью, понимала, что ни из одних горестей состояла их жизнь, радости было значительно больше; различных воспоминаний накопилась такая торба, что тут только успевай делиться. Песенно льётся в старом, но таком надёжном деревенском дому, украшенная старинными словами русская речь…

А ещё через несколько дней Марии вдруг приснилась мама Татьяна Ивановна. Будто бы зашла она в свой дом, на голове беленький платочек, поглядела на Марию, и, ничего не сказав, ушла. Но на этом чудеса не закончились. Спустя какое-то время видит сон Дуня: заходит мама, на ней нарядное платье. Евдокия спрашивает: «Мама, откуда у тебя такое нарядное платье?» Мама ей отвечает: «А как же, детки-то мои за меня в Братске молятся». Следующим утром сходили на деревенский погост, там всё было устроено стараниями Дуни в лучшем виде. Радовало верующих сестер то, что материн крест был совсем рядом с древним православным храмом. После того, как сестры навестили мамину могилку, им стало легче на душе. Горестные мысли отпали сами собой. Дуня же на это обстоятельство спокойно говорила, что так и должно быть. У тётки их, по прозвищу Кока, умершей двадцать лет назад, оставались хорошие сухие наколотые берёзовые дрова. Наняв в соседней деревне трактор с прицепом, три пожилые женщины нагрузили большущий прицеп, а тракторист перевёз его к Дуне. Удачным оказалось то, что прицеп вывалил дрова автоматически. Бабушки этому несказанно радовались, памятуя погрузку. Водитель трактора в накладе, конечно же, не остался. А две, ставшие уже давно городскими, сестры, мирно и устало укладываясь спать, были довольны собою и понимали, что их родная Дуняша теперь не замёрзнет.

Пустые деревенские дома стояли рядком, поуехали, поумирали люди. А яблони что? Они растут и дают плоды. Дуня всё

сетовала: «Вкусные яблоки-то, а собирать некому. Я несколько корзин набрала, куда мне одной, домой поедете, возьмите детям, внукам. Они же не китайская отрава. Они самые настоящие, откусишь и чернеют прямо на глазах, железо в их и здоровье. Пусть дети вкус настоящего запомнят».

Сидят родные сестры в дому, едят пшенную кашу, усталые, потные после дел с дровами. Баба Настя и говорит: «У тебя, Дуня, баня давно сгнила, есть ли где ещё какая-нибудь баня на деревне?». Дуня улыбнулась: «Заходи в любой дом и затапливай, да далеко и искать не надо. Вон, напротив дом Дуни Молодцовой, берите дров, натаскивайте с колодца воды и топите, а я отдохну и опосля помоюся, шибко жарко не люблю». Сказано – сделано. Хорошая баня у умершей подруги – напарились всласть. А к этому времени переход через реку люди устроили совсем рядом с их домом, и к ним тут же пожаловали гости. Так уж водится в деревне – куда бы ты ни уезжал, тебя всё одно помнят и чтут, ежели ты человек.

Нынче в доме у Дуни многолюдно. Пришли две двоюродные сестры с центральной деревни, пришла и бывшая соседка, звавшаяся Настенькой. Они перебрались с дедом в деревню, где побольше людей. Немного выпили, запели песню. Настя Матвеева всё это время не приходила к Дуне. «Непонятный характер у человека», – сетовала на это Андреевна. Ничего, с ней это пройдёт. Умело успокаивая, Евдокеюшка гасила всякую зародившуюся тревогу. Совсем недавно деревенский парень Валера, живший теперь в районе, по приезде в родную деревню залез на стол и провёл провод с выключателем. Теперь у Дуни образовалось уличное освещение и радовалась она этому, словно дитя малое. Много лет деревня стояла без уличного освещения; народу-то почти нет, но всё одно совесть у кого-то встрепенулась, и этот кто-то был сын двоюродного брата Сергея, умершего, но оставившего после своего ухода замечательных детей. И теперь в деревне на столбах горело два фонаря, что, несомненно, было несказанной радостью для стариков.

Действительно, мимолетно проходит нить человеческой жизни. Иногда сёстрам казалось, что и не успели они ничего в жизни-то сделать, но тут же, вспомнив детей, внуков, которым помогали со своей пенсии по причине низкой зарплаты их же родных детей, приходило понимание, что вроде и не зря живут. Мучила, ох, как мучила их грустная мысль о том, что через месяц они уедут, а Евдокия опять останется одна, и в чём же тогда они невезучие? Везучие и есть, ведь их ждут в городе. «Ой, девки, как же мне хорошо-то с вами», - говорила Дуня, и они опять вспоминали свою юность. Как Дуня ловко накашивала и грузила на их молоденькие девичьи плечи тяжеленные вязанки сена, как дрожали от натуги и подъемов в гору их молодые ноженьки. Их дом стоял наверху, а трава росла внизу, так было устроено матушкой природой. Надо было кормить коровушку, помогать маме, а чуть повзрослев, уже и заневестились девки. Только Дуня никуда ни разу не ходила, только работой, короткими снами и верой в Бога прожила всю жизнь. В молодости парней её возраста было мало, так вот и не вышла замуж.

В один из дней Дуня вдруг и говорит сёстрам: «А давайте молодость вспомним, сходим за хлыстьями, вы ведь уедете, а мне что делать? Корзинками опять буду заниматься». Позавтракав огненной пшённой кашей на молоке и побросав деревянные ложки в небольшой чугунок, сестры, взяв нехитрый инструмент, спустившись с крутой горы, пошли к реке. Умело и быстро нарезали хлыстов, соорудили каждая по ноше. Вот тут-то и образовался настоящий конфуз. У Дуни и Марии закончились силы, они совсем не могли подняться в гору. Настя выволокла сначала хлысты, а потом и сёстрам помогла выбраться. Уже сидя в родном дому, Дуня говорила: «Ну, зачем я вас сковырнула на это дело. Вот дура старая, слава Богу, снега в этом году что-то нет, а то бы ведь и не выбрались совсем, замёрзли бы до смерти». Мария, потихоньку приходя в себя, слегка улыбнувшись, сказала: «Да, если б не Наська, мы с тобой, пожалуй бы, загибли с этими хлыстами-то». Дуня на

это сообщение закачала головою, сильно переживая о случившемся: «И чё, в самом деле, я наделала? Сёстры меня навестить приехали, а я на что их подбила». Анастасия Андреевна громко, как генерал, скомандовала: «Всё, хватит тут сырость разводить! Ишь, взялись ныть. Я-то на что вам дана? Если надо, ещё схожу, нарежу хлыстов, не унывайте, давайте лучше супу поедим». Мастерски орудуя ухватом, она уже доставала из печи духмяные огненные щи. Аромат быстро распространился по всей избе и сёстры, похлебав, быстро успокоились.

Незаметно прошёл месяц жизни трёх родных сестёр в родной деревне. Интересно придумано всё, что создано на Земле Творцом. Нежданно-нагадано состоялась их встреча. Сколько событий вокруг – дети, внуки из далекого сибирского городка постоянно названивают, и куда? В глухую, но еще, слава Богу, живую деревушечку. От звонков этих радостных и давление у Дуни и Марии пропадает куда-то. Дети и внуки сообщали по телефону, что соскучились по бабушкиной стряпне. От таких сообщений и вовсе душа возликует. Как же, значит, помнят, значит, не забыли. И обе сестры после разговора по сотовому телефону тут же глядели на свою Евдокеюшку. И от них, конечно же, не ускользнула затаившаяся Дунина печаль. Им в этот момент, как маленьким детям, становилось очень стыдно, и они опять принимались уговаривать сестру поехать с ними: «У нас у обеих по двухкомнатной квартире, с кем хош, с тем и живи», - в голос твердили они. Но знали сестры, чуяли, что ответит им их Дуняша, и она, как водится, отвечала: «Нет, тут буду помирать, куды я поеду». И добавляла при этом: «Я разве поеду…».

Настало время отъезда. Обнявшись, плакали, сидели на широких деревенских лавках, затем молились на образа, опять плакали, глядя на горевшую лампадку. На этот раз им не пришлось идти так далеко, ведь переход был устроен рядышком. И, быстро придя в соседнюю деревню, помолились и поклонились на пустующую церковь, вспомнив, что неделю назад родственники возили их в Дивеево поклониться мощам

великого праведника, светильника земли русской – святого Серафима Саровского. Переглянувшись, сёстры уже знали, что в городе придут в храм Преображения Господня и расскажут, какую великую красоту они видели. Алексей уже несколько раз поторапливал сестер, что, дескать, надо ехать, но они будто и не слышали его, так и стояли, обнявшись, словно три былинки...

Ванька-Баум

Посвящается моему другу Сергею Максимовичу Маслакову

Жил в селе Леметь Горьковской области Ванька-Баум. Откуда такое прозвище у Ивана оказалось, мне неизвестно. На мои расспросы жители села отмахивались, говоря: «Ну, Ванька-Баум, да и Ванька, чего тут такого-то?!» Относились земляки к Ивану по-разному. Кто посмеивался, а кто и втихомолку жалел. Говорили, глуповатый он какой-то, не женится, живет с матерью и сестрой, только их и слушает.

Внешностью Иван был, прямо сказать, непривлекательный. Небольшого роста, лицо самое обыкновенное – словом, и тут незадача вышла. А вот телом был крепок. В любую погоду брал мыло, полотенце и шёл на речку. Любил шибко Иван это дело. Бывало, уж никто не купается, даже пацаны, а Ваньке-Бауму всё нипочём, и ледяная вода не страшит. Он даже и рад, что холодная. Плюхается себе, словно дитя малое. Один раз женщины, полоща белье, заметили, что Иван, завидя их, пошёл по течению выше. И кто-то тут же подковырнул: «Гляди-ко, Ванька-Баум брезгует, что ли»?

Работал Иван пастухом. Ранёхонько выходил на улицу, ста-

новился посередь и щёлкал кнутом. Бабушки, бабы да девки молодые выводили свою дорогую скотинушку на выпас, и в кажинном дому доподлинно было известно, что если Ванька-Баум взялся пасти стадо, то уж выгуляет скотину досыта. С полным выменем коровы домой придут. Вечером идёшь по селу, и в каждом дворе слышно, как коровушки отдают свое нагуленное молочко хозяевам. Звон поначалу пустых ведер слышен по всей деревне. Каждая хозяйка, неся со двора полное ведро молока, испытывала одно наипрекраснейшее чувство: в семье все будут сыты. Народу нашему многострадальному, пережившему нищету и голод, страшные войны, постоянные унижения и разруху, во все века и времена хочется, чтобы ведро молока было именно полным.

Вот он, ярко-красный закат солнышка. Как всегда, божественно-волнительно уходит туда, где сейчас важнее его свет… Ванька-Баум направляется к своей избе. Устало садится на лавку, снимает кирзовые сапоги, разматывает портянки и думает вслух:

– Это хорошо, что у меня кирзовые сапоги есть. Нога не так устаёт, а то, бывало, в резиновых-то маешься, ух, и надоедало».

И, закончив эту мысль, устало подходил к столу. Крестился и ел простую деревенскую пищу.

Ценили Ваньку-Баума ещё и за его особый талант. В деревне, понятное дело, приходится забивать скот. Вот и Иван поднаторел в этом деле. Его звали все, потому как говорили, что он секрет знает. А дело было в том, что всякий, кто сам растит живность, её и жалеет. Убивать самим не лежит душа, а Иван всё сделает так, что животина-то и не мучается. Быстро и ловко у него получалось. Особенно звали его в те дворы, где не было мужиков. Давали ему в благодарность кусок мяса.

Деревня стоит на высоком холму. Внизу из-под горы бьют родники, а наверху вырыт колодец. Вода родниковая, проточная. Земля внизу во многих местах каменистая. Вода чистая – не заносило колодец ни песком, ни илом. Но случалась на-

пасть: оборвётся ведро, второе, и неудобно воду доставать. Мужики деревенские большой охоты не проявляют, чтобы в ледяной да шибко глубокий колодец лезть, идут упрашивать Ваньку-Баума, а тот спустится и вёдра-то все и повытащит. И хворь не брала его. Любил Иван ходить в гости к дяде Васе. Усядется и слушает рассказы старого фронтовика. Мудрое дяди Васино слово многих выручало в повседневности неминучей. Старик благодарил Господа, что позволил дожить ему до 80 лет.

Когда дядя Вася умер, Ванька-Баум долго переживал, словно отдушину утратил. Так и прожил Иван, не женившись. Схоронил мать, а потом и сам помер. Говорили, что и не мучался вовсе… Много лет прошло с той поры, и вот я снова в Лемети. Ваньку-Баума здесь помнят. В этой памяти людское сочувствие обозначено. Незримы бывают дороги, а в деревне всё зримо. И поврежденный от времени храм Леметский, и погост вокруг него, каждый ровно выложенный красный кирпичик это подтверждают и помнят всё.

Сказки Лемети

Село Леметь, улица Заречная, двадцать. В нём жила моя бабушка Татьяна Ивановна Куванова. На деревне так заведено было, что у всех были прозвища. Нашу родову называли Данилины. Один из моих предков, по рассказам моей бабушки, очень любил читать божественные книги. Он не дожил до восемнадцати лет, босым походил по холодной траве, захворал и помер. Были в родословной и такие имена: Данила, Агапий, Михаил, Никифор, Микиша, Василий, Сергей, Андрей, Аграфена, Матрёна, Татьяна. В современном, зачастую невежественном и беспамятном нашем мире, многие такие имена уже редки.

Говорят, в Америке нет отчества, и это, на мой взгляд, большой грех, ведь слово отец всегда подразумевает Отца Небесного. Невольно подумалось: это хорошо, что в России есть отчества. Всегда очень приятно сердцу, когда говорят: «Как вас по батюшке?». Отвлёкся немного, но это надо.

Бабушка моя, Татьяна Ивановна, прожила 98 лет, а до 97 ещё выносила пойло коровам, и вёдра те были тяжеленные. С годами все мы понимаем, насколько были мудрыми наши бабушки. Поделился этими мыслями я с мамой. А она, как всегда, коротко и чётко сказала: «В Лемети было много мудрых людей». Чудны дела твои, Господи! Ведь каждую деревеньку, стоящую где-нибудь на отшибе, ты наделил мудрыми людьми. Моя бабушка, по словам многих деревенских, любила рассказывать сказки. И слушать их собиралась почти вся деревня. Вот вроде бы, на первый взгляд, что тут такого-то? Ан – нет, дорогие мои читатели, и мною овладевает какая-то волшебная, но приятная оторопь. Ведь не насильно шли деревенские дети сказки-то слушать. Влекло их что-то.

В доме ещё с раннего утра была натоплена русская печь. Напекла, постаралась моя бабулечка. А начинки на любой вкус: и с яблоками, и с грибами, и с кашей. Теперь же, под вечер, весело потрескивают дрова в подтопке. Ребятня сидит

– кто на скамейке широченной, кто на полу, и кажется, что не дышит совсем. Кто-то надкусил пирог и забыл, что его надо есть. Замечательная русская речь бабушки плывёт, переливаясь, по избе. Здесь и про Диво дивное, и про горе горькое, и про любовь настоящую. «И откуда чего берётся, ведь неграмотная она, Татьяна-то Данилина», – баяли землячки. А «робяты» тем временем, раззявив рты, слушали. У каждого ведь свой внутренний мир. Только чем-то теплила их народная сказка, из глубины веков дошедшая. А бабушка не применёт вставить самое утверждающее: «Ибо так старые люди сказывали. С издревле на Руси прислушивались к старым людям. И, знамо дело, это и выручало наш православный люд. Сказка, робяты, – это сказание о земле родимой, на которой родились на свет Божий, на ней и помрём». Затем вздыхала, улыбалась и добавляла: «В царствие Господнем и небесном жить потом будем».

Давно прогорели дрова в подтопке, но никто не расходится, просят дети ещё что-нибудь рассказать, и сказка продолжается снова и снова.

Прошло много лет с той поры. Кому моя бабушка рассказывала сказки, исполнилось по пятьдесят и более лет. И вот встретил я недавно Сашу Куванова, соседа нашего по деревне. Он уже давно живёт в Братске, пенсию в литейке заработал, двух дочерей вырастил. И он мне говорит: «Нам ведь твоя бабушка Татьяна Данилина сказки рассказывала, ох, и слушали мы её, оторваться нельзя. Пироги-то её уж после доедали, коли домой шли». Мне 47 лет, Саше 53, и мы всё время помним о Лемети.

Деревенскую память не убить, пока мы живы. Бабушка моя сказки рассказывала, я рассказы пишу, и их публикует на своём замечательном сайте известный всей стране православный телеведущий Василий Ирзабеков. В Нижнем Ингаше Сергей Прохоров, в Самаре Владимир Клименко, журнал «Великоросс»… Чудны дела твои, Господи! Царствие небесное моей бабушке Татьяне Ивановне Кувановой, которая много мне

рассказывала о Серафиме Саровском, о том, как он приходил в нашу Леметь. И о том, как святые люди рыли канавку, но это уже не сказка, это быль.

Свет потухших глаз

«О, родина моя! О, жизнь! О, мой народ! Что Вы есть-то?
Чего ещё надо сделать, чтобы прозреть, воскреснуть,
не провалиться в небытиё, не сгинуть?»

Виктор Петрович Астафьев

Всё сложнее искать темы для рассказов, ведь до тебя уже написано и переписано ни счесть. Да вот - чего-то скребёт внутри. Жить для того, чтобы есть, спать, любить родных, близких и неблизких людей – это, безусловно, часть нашей многоукладной жизни, но нестерпимо захотелось исповедаться на бумаге, ведь читал немало книг и хороших художественных фильмов, слава Богу, видел достаточно. Из этих моих наблюдений знаю, что писали многие, вовсе и не являясь писателями. Так вот водится в жизни-то нашей загадочной…

Жила в деревне, давно покинутой людьми, бабка одна, звали её Алёной. Уж почти девяносто годов ей было. Электричества в этом селении лет пятнадцать как уж не было. Поворовали все провода подчистую. И вот вроде бы безысходная ситуация вырисовывается, ан нет, дорогой читатель, ежели таковой отыщется. Не тут-то было. Так как дом и все окрестности, пока глаза видели, бабушка изучила до мельчайших тонкостей, то это обстоятельство и выручило впоследствии. Вот они самые наиважнейшие детали для жизни человеческой – вода, еда и тепло.

Колодец у Николаевны находился прямо возле дома. Имелся довольно большой запас разных круп. Из хозяйства были куры, которые, к великому счастью деревенского старожила, не подводили её – несли крупные яйца. Держала Алёна ещё и козу с козлом, через что потомство-то и велось. Бывало, и побранит козла Николаевна за попытки преждевременного

съедания капусты: «Ух, ирод окаянный, назола мне с тобой!» И гнала палкой с огорода.

Крохотную пенсию за неё получала давнишняя подруга Елизавета Амбросьевна, жившая в соседнем селе, сыновья которой и привозили Алёне продуктов, а то и дров подкидывали. Бывало, что и земляки по родине заскучают, приезжают. Радостно тогда было на душе у бабушки, ведь пожилой возраст – это вечная дилемма: жить али помирать? И, когда кто-то из бывших односельчан оставался ночевать в своих брошенных домах, то наш старожил была счастлива и жить хотела.

У соседки, бабки Шуры, кто-то стащил новые чугуны, и по этому поводу она сильно кручинилась. Теперь же, живя в районном центре и изредка навещая свой дом, обязательно топила баню и непременно приглашала Николаевну к себе. А после бани две давние подружки не могли досыта наговориться, ибо понимали всем нутром, что жить им осталось немного. Вроде бы и возраст почтенный, а бабушки всё помнят, всех земляков зовут поимённо, и нарядными сарафанами не забудут похвастать друг перед дружкой. Но вот уходило, всегда такое крохотное, счастье – подруга уезжала, и снова Алёне становилось грустно и страшно…

В этот год почему-то её никто не навещал. Она всё терзалась и молила Бога о том, что, дескать, «зажилась я на белом свете – ослобони меня, Боже». А дело было в том, что и в той деревне, где ещё как-то теплилась жизнь, всё враз оборвалось – померла её подружка Елизавета. Сыновья, которые возили Алёне продукты, тоже куда-то разбрелись. Да и слух кто-то пустил, что бабка Алёна Николаевна Поспелова померла. Случаев, похожих на этот, по матушке России было много, и они уже давно никого не удивляли… Случилось так, что забыта и брошена оказалась бабушка Поспелова, и в этот же несчастный для неё год совсем ослепла. Неделю кряду проплакав, понемногу стала привыкать к «новой» слепой жизни. Утром, когда ещё не забрезжил рассвет, поднималась и

часа два молилась перед иконами, произнося вслух молитвы, которых помнила великое множество. Затем привычным движением рук затапливала печь. Кур у неё оставалось около двадцати, и Николаевна по какой-то одной ей ведомой примете выбирала самую старую на суп. Варила яйца, пила козье молоко. Вечером же молилась уже гораздо больше утреннего. Потом засыпала, да какой сон у пожилого человека, известно – заболит чего-нибудь, вот и опять пробуждение. Встанет, поковыляет до лавочки, присядет, нащупает старый целлофановый мешочек с такими же старыми таблетками и опять по одним ей ведомым приметам отыщет нужные лекарства...

Летом козы и куры гуляли по брошенным огородам и досыта наедались сочной травы, но дело подходило к осени… Раньше, когда земляки покидали деревню, то отдавали Алёне своё сено, и находчивая Николаевна, чтобы не таскать сухую траву к своему дому, просто брала козу и вела её до очередной покинутой избы. Вытаскивала сено с сушил и кормила свою ненаглядную кормилицу, да и сама подкашивала травки понемногу. Теперь же сил едва хватало, чтобы топить печь и кормиться. Пока дети Елизаветы Амбросьевны ездили к ней, то с пенсии, каким-то чудом, на две машины дров денег скопила. Как же радостно бывало ей наблюдать за ребятами, которые, расположившись на полянке возле дома, кололи и складывали в поленницы воистину необходимый для зимы запас. Теперь же сено заканчивалось и нужно было забивать скот. А как это сделать слепой и обессилевшей бабушке?.. И Алёна опять садилась на лавку и, с досадой тихонько мотая головою, плакала и твердила: «Одна, одна ведь я…» Кошка в такие тяжкие минуты бабушкиного бытия совсем не отходила от неё. Вновь и вновь ластилась, довольно громко урча возле ног пожилого человека, на которые были надеты связанные самой Николаевной носки из овечьей шерсти, и во все времена незаменимые в деревенском обиходе калоши… На смену предзимью полноправно вступала в свои владения зима…

В это утро Николаевна, как всегда после утренней молит-

вы, затопила печь и, одевши незаменимую телогрейку, вышла во двор покормить своих коз, которые уже ощущали, что хозяйка даёт им корму всё меньше и меньше. Поэтому то тут, то там были обглоданы старые дощатые постройки, но Алёна уже не могла этого видеть, что отчасти облегчало её страдания. Затем было самое трудное – достать воду из колодца. Она уже давно приспособила для этого дела маленькое ведёрко, но даже и это было ей в тягость. С Божьей помощью достав воды и перекрестившись, понесла ведро в избу, поставила его возле печи, и в этот момент у неё неожиданно закружилась голова. Николаевна, совсем не понимая, что с ней происходит, повалилась на пол. Сколько она вот так пролежала, было неведомо. Только очнувшись, вдруг услышала разговоры. Лежала она почему-то на своей кровати и сильно была удивлена оттого, что в доме было натоплено. К ней кто-то подошёл, и Алёна, почувствовав это, сильно испугалась. Человек же молодым голосом заговорил: «Ну что, бабушка, очнулась? Вот и хорошо, а мы думали, что конец тебе». После этого незнакомец помог приподняться беспомощному старому человеку и напоил его водой. Николаевна еле дрожащим голосом прошептала: «Откуда ты взялся, сынок?» Молодой парень, представившись Сергеем, сообщил о том, что он здесь не один, а со своей девушкой Любой и, улыбнувшись, мягко поинтересовался: «А Вас как зовут, бабушка?» Николаевна, немного успокоившись, промолвила: «Бабка Алёна я, – и, помолчав, добавила, – слепая и никому не нужная». Слезам её снова не было удержу. Сергей подошёл к плачущему и в его понимании непонятно как ещё жившему здесь человеку, помог вытереть висевшим на кровати полотенцем лицо бабушки. «Знаешь, баба Алёна, а ведь ты нас спасла. Мы с невестой ехали на машине, ну, можно сказать, путешествовали. Только сломался наш автомобиль, а на улице морозно. Попуток не было. Не замерзать же?! Пошёл я тогда в ближний лесок за дровами. Вдруг вижу, недалеко ваша деревня красуется. Ну, думаю, пустят люди, не дадут умереть. Да и сотовый в вашем районе

почему-то не берёт. Пошли мы с Любой в ваше селение, а как подходить-то стали, видим, что только в одной избе дым из трубы идёт – твоей избы, спасительница ты наша. Мы ж думали – часа через два в город приедем, поэтому и еды с собой не взяли. Так что не взыщи – перекусили мы у тебя немного».

По мере того как Сергей рассказывал, Николаевне становилось полегче, и она наконец стала ощущать в своём поизношенном жизнью организме живительную силу. Робко спросила: «Да чем же перекусили-то? Я ведь и спроворить ничего не успела, растянулась на полу». Сергей, поочерёдно переводя взгляд с Любы на бабушку, отвечал: «Яиц сырых в корзине под лавкой взяли, молоко у тебя в глиняном горшке на столе стояло. Вот и перекусили. Мы, когда в избу-то зашли, испугались, ведь лежит человек без сознания. Перенесли тебя на кровать. Люба первую помощь оказала. Она ведь в мединституте учится – вот и пригодились знания на практике». Люба же, виновато улыбнувшись, только и сказала: «А вы ничего, бабушка, держались молодцом»…

Впервые за год в брошенную деревню пришли люди, и они, конечно, дивились, как выжил пожилой человек в таких условиях, да ещё вдобавок и слепой. В эту ночь в селении ночевало три человека, а если учитывать то, что Николаевна целый год не слышала живой человеческой речи, то эта ночь, может так статься, самим Богом была послана Алёне. Утром молодые люди, никогда не видевшие вживую, как готовят в русской печи еду, были шокированы действом, которое происходило у них на глазах. Слепая бабушка, аккуратно разложив лесенкой дрова в печи и умело подложив бересты под низ, моментально развела огонь. Налив в чугун колодезной воды, бросила туда порубленные Сергеем куски курицы. Взяла почищенную Любой картошку с квашеной капустой, и, положив всё это в чугунок, добавила соли с лаврушкой. С помощью ухвата закатила сосуд в логово печи. Сергей и Люба, присев, как маленькие дети, на корточки и открыв рты от удивления, любовались всем происходящим. Девушка поинтересовалась:

«А как это Вы, баба Алёна, сразу сырое мясо с картошкой кладёте? Ведь картошка развалится и превратится в месиво. У меня мама сначала мясо сварит, а потом остальное добавляет». Николаевна, с лукавинкой улыбнувшись, промолвила: «А посмотрите, деточки, чего будет?» И когда это загадочное хлёбово разлилось по тарелкам, то каждая картошина осталась целёхонькой. «Такого вкусного супа, – говорил Сергей, – я никогда в жизни не ел». И, попросивши добавки, ловко уплетал его, а Николаевна, довольная собою, приговаривала: «Ведь томится хлёбово-то, вот и вкусно»…

За разговором молодые люди потихоньку узнавали о трудностях старожила деревни. Сергей всё качал головой. «Как же ты, слепая-то, картошку садила?» Баба Алёна ответствовала: «Да так, сынок: копну лопатой и кидаю с корзины по одной, затем проверяю – попала ли в ямку». «А как с подпола одна семена картошки доставала?» – не унимался Сергей. «Потихоньку… Наберу в махонькую корзиночку и подымаю. Бывало, в голове помутнеет, отдохну». «А огород кто пахал?» – подхватила Люба. «Ране робяты, подружки моей Лизаветы, приезжали, пахали на тракторе, а этот год никого не было. Больше месяца промаялась, сама копавши».

Сергей, выросший в благополучной семье, представив всю эту картину, только и вымолвил сквозь слёзы: «Не понимаю, живу в своей родной стране и ничего не понимаю». Схватившись обеими руками за голову, зарыдал. Люба тоже была растрогана услышанным и, обняв Сергея, прошептала: «Вот поэтому я тебя и полюбила. Ты искренний, настоящий. Другие какие-то не такие».

Когда Сергей ушёл посмотреть, что можно сделать с машиной и как её отремонтировать, то баба Алёна принялась учить Любу доить козу. После дойки девушка, будущий медработник, пробуя козье молочко, поняла всем сердцем, что никогда в своей жизни ей не доводилось испить такой чудодейственный нектар…

А что же было потом? А было то, что, перепугались за мо-

лодых, их родные устроили розыски, а когда нашли, то конечно, плакали. Бабушку Алёну Сергей забрал к себе. Каждое лето он с Любой и Николаевной непременно приезжал в деревенский домик. Бабушка Алёна научила Любу вязать носки. И когда однажды, будучи в командировке, и сильно замёрзнув, Сергей, надел шерстяные носки, вдруг ощутил трепетное домашнее тепло, которое и продлевает наши человеческие годы.

Сквозь облака, затуманенные вихрем, проложен наш путь. Путь тот – до счастья желанного. Пусть он согреет чуть-чуть, пусть сквозь печали и радости нам повезёт иногда. В жизни бывает по-разному. Звёзды не счесть никогда. Сколько вокруг интересного! Вот бы заметить его, чтобы родник напоил всех нас этой святою водой…

Потом будет уход из жизни бабушки Алёны, но Сергей и Люба по-прежнему каждый год летом будут навещать деревенский домик, а их дети, мальчик и девочка, будут с удовольствием уплетать еду из русской печи. А Люба нет-нет, да и всплакнёт, и будет верить, что бабушка Алёна всё слышит и видит на небесах, и светом своих прозревших глаз молит Бога за Сергея с Любой и их детей. А так как душе её и этого мало, то молится она и за всю матушку Русь. Вот такую, какая она есть…

Елизарова молитва

«Странно – теряя, человек обретает ощущение неповторимости прожитого, и соединение утраченного и настоящего рождают особую радость».

Юрий Васильевич Бондарев

«Ссильничали, изнахратили дочку, охальники», - на всю округу голосила Пелагея Никитична. Она то и дело бросала злые взгляды на мужа с явным укором – почему же он сиднем перемогает боль и бездействует. Емельян Сергеевич Лужин, только что вернувшийся с охоты, низко опустив голову, сидел на лавке. Дочь же Анна лежала на кровати и безудержно ры-

дала. Всё её тело вздрагивало, длинная коса свесилась до полу.

После ярмарки хорошо выпившие братья Тельновы, не жалея коней, гнали их в родную деревню. Возле реки и увидели они Анну. Та, спокойно набрав воды, собиралась идти к дому. Обезумевшие братья и сотворили своё поганое дело. Вернувшись домой, от глупости своей несусветной стали выхваляться перед матерью своей «победой» над девкой. В этом особо усердствовал старший Павел, Елизар же вообще не понятно как себя вёл. Надежда Прокопьевна от таких новостей горестно всплеснула руками и, подойдя к иконам, стала молиться и плакать. Братья, удачно продав товар, уже орали на мать: «Жрать охота, выгребай всё из печи». Мать же, торопливо накинув на себя платок, выбежала из дома. Вдогонку ей они озверело орали: «Чо, поди в ноги падать перед Емельяном пошла, - и, ухмыляясь, добавили, – мы его не боимся. Если чо, мы знам чо с им делать». Услышав это, Надежда Прокопьевна вернулась в дом и слёзным голосом проговорила: «Вы мне боле не сыновья, живите как хотите. Хорошо, что отец не дожил». И, резко оборвав речь, выскочила на улицу с твёрдым решением домой больше не возвращаться.

С затуманенными глазами, вдруг обессилев, она медленно поплелась по деревенской улице. Мать Тельновых и не удивилась вовсе, завидев ещё издали идущего быстрой походкой Емельяна. В руках у того было ружьё. Был уже поздний вечер, и два человека, прожившие с рождения в одной деревне, некоторое время смотрели в глаза друг другу, ничего не говоря. «Что хочешь, Емельян, то и делай с ними. Я из дома ушла, как прознала». И от нахлынувших слёз уже не могла что-либо внятно произнести. Получались только скомканные,

непонятные слова. Емельян Сергеевич с заряженным картечью старым ружьём неотрывно глядел на землячку: «Ну, за что нам, Надежда, такая оказия вышла? Пелагея моя велит пристрелить их. А ить я так и сделаю, не обессудь. Лебёдушку мою, доченьку, изверги истиранили». Не выдержала такого разговора Надежда Прокопьевна и, опустив голову, ничего не видя вокруг, поплелась неведомо куда. Переступив порог дома, Емельян, ненавидящими глазами зыркнув на братьев, направил в их сторону ствол. Братья вмиг повскакали с табуреток и вытаращили на него пьяные глаза. Старший из Тельновых Павел зарыдал и закричал одновременно: «Ты чо, дядя Емельян, убивать нас пришёл?» Елизар в это время упал на колени и твердил, что женится на Анне, что она ему давно нравится и, говоря это, непрерывно плакал. Емельян, переводя ружьё с одного на другого, и непонятно как ещё себя сдерживая, страшно заорал: «Нравится, говоришь? А по-людски почему не посватал?» Немного подумав, добавил: «А теперь с вашей помощью её, сердешную, никто не возьмёт». Подняв чуть выше головы Павла ствол, он выстрелил. Старший брат, вмиг согнувшись, упал на колени и истошно зарычал. Елизар же даже не шелохнулся: «Убьёшь – и правильно сделаешь, дядя Емельян». В дом вбежали Надежда с Пелагеей, они обе упали в ноги Лужину и голосили: «Не убивай, Емельян, может, поженятся они с Елизаром…».

Анна замуж за младшего Тельнова не пошла, хоть те дважды и сватались. Емельян ещё порывался застрелить братьев, но Пелагея спрятала ружьё. Он, особенно когда был во хмелю, кричал во всю избу, чтоб отдала. Жена, одумавшись, ответствовала ему так: «Тебя в тюрьму заберут, а мне чего тогда делать, погибать штоль прикажешь? Анна наша-то поубивалась-поубивалась и то поняла, что на роду написано - то и будет, трепыхаться тут нечего». И уже заметно тише добавляла: «Жить надо продолжать, Емелюшка мой сердешный».

Не сразу и не вдруг жизнь лечила искалеченные души семьи Лужиных. Были, были у Анны мысли о самоубийстве, и

только материны молитвы и промысл Божий уберегли её.

В семье Тельновых вышла распря. Елизар вдруг перестал ладить с Павлом: «Это ты меня подбил насчёт Анны-то. Хорошая она, я ведь её давно приглядел, а ты всё спортил, гад, не желаю тебя знать». Павел в такие моменты свирепел и кидался в драку. Мать же молча брала ухват и охаживала по спинам родимых сыночков. Неспроста Елизар ерепенился. Накрепко зацепила его душу Анна, и если бы Емельян пристрелил их, то сделал бы правильно, думал младший брат. И пуще всего виня себя, стал часто напиваться. И не раз Надежде Прокопьевне приходилось слышать раскаяние сына, забывшегося в хмельном бреду.

Жизнь, она у каждого своя и только своя. Сколько в ней разностей, попробуй разбереди этот улей. Ни одному человеку на земле не понять до конца жизнь. Люди стремятся и ко злу, и к добру. Трудно отвадить гордого человека от дурного поступка. Вот и в их родной деревне Кислицино злые языки стрекотали и стрекотали об Анне. Но и опять без удивления не обошлось. Парни и девчата относились к Анне хорошо, даже откровенно жалели её. А вот старшее поколение почесало языками. И как–то из соседнего села явился во хмелю Епифан с дружками, с явным намерением поглядеть на Анну. Богатым был отец его, Евграф Кузьмич Кирпичёв, лавку свою имел. А богатым, известное дело, всё нипочём. Увидев на гулянье Анну, Евграф раздухарился не на шутку, понравилась ему девушка с длинною косою, и решил он завладеть ею. Анна, чуя недоброе, побежала домой, да догнали её хмельные дружки. Епифан, дыша перегаром прямо в лицо Анне, заявил: «Раз с другими спишь, то и со мной изволь». Дружный кобелиный смех прервал невесть откуда взявшийся Елизар: «Ничего у вас, робяты, не выйдет». Вмиг несколько оголтелых парней накинулось на младшего Тельнова. Его сбили с ног и стали нещадно пинать. В этот короткий миг Анне удалось вырваться. На выручку с остервенелым криком бежали местные мужики. Епифан со своими подручными, не вступая

в драку, убежали. Елизара подобрали свои деревенские и увели до дому. Крепко досталось здешнему защитнику. Три дня кряду пролежал он, не вставая. Матушка, плача все эти дни, неотступно лечила сына разными травами. А древняя старуха Ермолиха приходила и читала молитвы. Так уж повелось в их деревне – если у кого какая беда приключалась, то тут же приводили Ермолиху… На четвёртый день стал потихоньку подниматься Елизар. И впервые за то время, как они с братом Павлом сотворили поганое дело, ему было как-то легче на душе: «Слава Богу, в этот раз, кажись, спаслась девка. Видать есть он, Бох-то!»

Надежда Прокопьевна была и не рада и рада случившемуся. С одной стороны выходило, что спас девку её сын, а с другой - нейдёт ведь она за Елизара. «Сходились бы, да и жили», – думала мать. Она по-прежнему боялась, что Емельян может застрелить сыновей. И в этой нескончаемой тревоге проходила всегда и во все времена суетная жизнь.

Прошёл год и до их деревни стали доходить тревожные слухи о революции. Но особых богатеев в Кислицино не оказалось, самыми зажиточными считались те, у кого было три али четыре коровы. Посудачили, да и перестали баять, землю-то без дела не оставишь. Только, пожалуй, тягловой крестьянской работой и спасали свои души деревенские жители от разных недобрых вестей. В особенности по вечерам в кажинном дому деревни Кислицино взрослые становились на колени пред иконами, да и детей своих ставили. И, обращаясь ко Спасителю, Пресвятой Богородице, святым угодникам, многие, очень многие при этом плакали. Чувствовали всем нутром крестьяне, что недоброе заладилось на Руси. Да как и рука-то поднялась на Божьего помазанника, ведь что сотворили! «Теперича земля наша без благословения Божьего живёт», - твердили люди в каждом дому. А за такими предчувствиями ничего хорошего ждать не приходилось.

Вслед за революцией случилась на родимой сторонушке гражданская война. Разошлись дороги братьев Тельновых.

Павел воевал за белых, Елизар - за красных. Вскоре и убили Павла, свои же. Односельчане впоследствии и рассказывали Надежде Прокопьевне: «Не обессудь нас, землячка. Только зверь лютой твой Павел-то был. Насильничал девок, стариков убивал. Да его и не красные убили, а свои же, не выдержали, стало быть». Новость эту мать приняла как должное, ибо какая женщина не знает своего дитя. Поплакав, стала жить дальше. Многие кислицинские сложили свои головушки в ненужной русскому народу войне. Но война, слава Богу, заканчивается, и деревенские мужики стали потихоньку возвращаться. Надежда Прокопьевна вечерами долго молилась и плакала.

Её окно выходило видом на дорогу, а дом был так расположен, что виделась большая часть дороги, ведущей в деревню. Вот на неё-то, родимую, и глядела без конца мать младшего Тельнова. Сколько раз, завидев издали идущего человека, бежала она, первой встречая возвращающихся мужиков. Спрашивала их, уставших, о сыне: «Не видели, не встречали», - был их краткий ответ. Тут же на деревне затапливались бани, их дымок оздоравливал загрубевшие на войне души односельчан. В такие дни пился самогон и с радости, и с горя. Братоубийственная война очень надолго, словно заноза, врезалась в людскую память. И не вырывалась эта заноза, да и вырвется ли когда-либо, никто не знал. Живущим ране и ныне, и после нас это неведомо. Ибо так устроен мир. Так в повседневной неминучей заботе прошло ещё полгода. С утра сердце матери безудержно билось, саднило в груди. Подоив корову и выстроив в ряд глиняные горшки, стала разливать молоко. Глянула в окно и, несмотря на то, что оно было покрыто утрешней испариной, разглядела медленно идущего по дороге человека. Дыхание окончательно спёрло, и она, обрызгав себя холодной колодезной водой, устремилась навстречу. Сначала материны ноги еле-еле передвигались по земле, затем, не выдержав, уже бежала навстречу своей кровиночке, родимцу. Худым и больным вернулся Елизар. Оказалось, что

после тяжёлого ранения долго пролежал в больнице, не надеялся и выжить. Повидавши тысячи смертей и разного рода горестей, Елизар словно надорвал там свою душу. Мать в первые дни думала: не повредилось ли чего в разуме у сына. И, поняв материнскую боль, сын всё объяснил: «Не печалься, маманя, после войны я отхожу. Даст Бог, время залечит». Надежда Прокопьевна раньше как-то не замечала, чтобы сын говорил о Боге. Теперь же утром и вечером, подолгу молясь на образа, Елизар, внешне очень спокойно, говорил: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешнаго. Аминь». И, немного помолчав, добавлял: «Яко благ и человеколюбец».

Сентябрьский дождь с утра окропил стремительно готовящуюся к осени матушку-природу. Те из крестьян, кто справил себе многое по хозяйству, были более радостными, но это были те, у кого вернулись мужики. Деревенским вдовам же не оставалось никакой радости, кроме детей. Те, хоть и были мал мала меньше, робили до полной устали. И, глядя после заката солнца на своих чад, видели вдовы, что погреба их полны картошки, и это хоть как-то успокаивало истерзанные нелёгкой жизнью бабьи души.

Но нынче, на миг остановившись, дождь припустил вновь, да так хлёстко, что прогнал с улицы даже самых упрямых работников. И невольно дал перевести дух кислицинцам.

Емельян Сергеевич Лужин, вернувшийся с войны живым и здоровым, был назначен председателем не понятного ни для кого колхоза. Раскулачили три семьи, имевшие трёх и четырёх коров. Не хотел это делать Лужин, да приказали новые власти. Потом было велено согнать весь скот в общественное стадо. И, немного похорохорившись для порядка, вынуждены были кислицинцы устраивать новую жизнь. И когда с каждого двора выгонялась скотина, плач стоял по всей деревне, не выдерживали нервы даже у самых стойких. Надежда Прокопьевна, оставшись одна во время войны, нарушила своё хозяйство. Лошадей удалось продать, а вот корову свою она теперь вела в колхозное стадо. Гуляла по всей России теперь

одна поговорка: «Хочешь в колхоз, вступай, не хочешь – корову отберём». «А против таких негласных лозунгов куда попрёшь?», - думала Тельнова. Настроение у людей было и вовсе непонятное. Знали они, что в других сёлах всех богатеев раскулачили и угнали в Сибирь. И все молили Бога. Емельян Сергеевич и сам толком не знал, как будет дальше, и только новые порядки заставляли председателя вживаться в не понятное до конца колхозное дело...

Раньше отец Спиридон Андреевич Тельнов рассказывал Павлу и Елизару о жившем неподалёку от деревни в лесу монахе. Павел, услышав это, убегал на улицу, а Елизар, слушая тятин рассказ, дивился. Монах этот всегда ходил в чёрном своём одеянии. Домишко у него был чём-то сродни бане. Мы с ребятишками из любопытства бегали к нему. Хорошо помню, что жил он бедно. Только ягоды, зёрна и грибы видели мы у него на столе. Когда бы мы ни пришли, он всё молился на старинные образа, а почему те были старинные, я уже опосля стал понимать. Мы, малые дети, кто смеялся, а некоторые и крестились. Знамо дело, и родителям баяли, а бабушка твоя Пелагея Никандровна внимательно меня слушала и говорила, что это Божий служка, и обижать его не след. «Если прознаю об ентом, розгами исхвощу». Потом выросли мы, и монах этот куда-то ушёл. Мы опосля долго туда не ходили. Я уж женатым был, пошёл как-то в лес по грибы и наткнулся на место, где избушка-то эта стояла. Всё в точности по памяти несколько раз проверил, а домишка-то энтого замшелого не нашёл вовсе, только ямка и осталась. И вот диво так диво, грибов вокруг энтой ямки видимо-невидимо, а в серёдке лужица небольшая. И вода в ней чистая-пречистая, словно небушко. Напился я тогда водицы досыта. По сю пору помню, как коленопреклонённо молился монах о нас, грешных. Видать, есть что-то на земле, чего мы не знам совсем...

Елизар в этот дождливый день, вспомнив рассказ отца, принялся выспрашивать у матери про то место, но Надежда Прокопьевна не знала его. И пришлось в проводники брать

деда Михея, мужа бабки Ермолихи. Ермолиха, эта согбенная бабка, будучи большой молитвенницей, и благословила их в дорогу. На следующий день после того сентябрьского дождя, ещё затемно, отправились дед с Елизаром на поиски загадочного места. День уже перевалил за половину, а дед Михей, весь мокрый от высокой травы, всё бродил и бродил, время от времени слегка поматывая головой, словно чему-то удивляясь. И Елизар Спиридонович уже стал сомневаться, как вдруг дед повеселевшим старческим голосом забубнил: «Вот, Елизарушка, здеся он запрятался. Я ить его насилу нашёл, заросло всё». Они стояли и молча смотрели на ямку размером с баню. Вода в ней была такою же чистой, как рассказывал отец. Дед тут же достал из котомки кружку и напился. Взглянув на небо и довольно крякнув, дал утолить жажду Елизару. Искал же это место младший Тельнов с втемяшившейся в его голову верой. Он вдруг задумал помолиться на месте былого жительства старого монаха и попросить святых заступников, чтобы Анна его простила. « Ну чо, нашли?» - взволнованно спросила мать, когда её сын переступил порог дома. И по повеселевшему лицу его всё тут же и поняла.

…Прошло несколько лет. Анна и Елизар жили одинокою жизнью. И, работая в колхозе до полного изнурения, оба замечали, что их ровня уже имела детей-школьников. Тоска легла на Елизаровы плечи непроходимою болью. И если бы не тяжёлая работа, точно сошёл бы с ума. И он уже не пытался что–то изменить в своей жизни. Но в Анне перемены были. Ни одному человеку на земле, кроме её самой, не заметные. Когда однажды, увидев пришедшего с войны Елизара, больного и худющего, вспомнив о том, как он заступился за неё перед Епифаном, она простила нанесённую ей когда-то давнюю горькую обиду. Временами ей уже самой хотелось подойти к Епифану. Но это были те порывы, через которые не сразу и не вдруг перейдёшь. Лужин же посылал Елизара на самые тяжёлые работы, на лесозаготовки.

Так проходила безвозвратно жизнь. Неслись по небу облака. В жизненной круговерти облаков этих самых проносится великое множество. Люди же заняты своими земными делами, попросту сказать, суетятся. И если есть на земле добро и зло, то, безусловно, есть любовь и смерть. И если кому-то не везло, как тому же Елизару Спиридоновичу, то понимала его измаявшаяся головушка, что далеко не всем везёт в жизни. «Да и то сказать, всем в эти годы тяжко, - думал Елизар. - Хорошо, что чую тепло древних икон, хоть и потемнели они от старости, а спасают, ей-Богу спасают. Да и молитвы вечный зов лечит, иначе бы помер я, давно бы погнил на погосте. В этом мире сложности кругом, в этом мире гнёт нас суета. Вот если бы в моём доме была Анна… Но такую мечту ни вышептать, ни выкричать нельзя». И он заплакал по-мужски скупо. А мысли не закончились - они продолжались. Вдруг, посмотрев на яблоню, на её тяжёлые красивые склонившиеся ветки, он сорвал одно яблоко и, ощущая слёзный привкус, захрустел, думая о том, что завтра будет одно и то же.

Девушки на селе, как водится, подрастали. И в него, тридцатилетнего мужика Елизара Спиридоновича, влюбилась одна такая. Он и так и эдак отмежовывался, но настырной оказалась веснушчатая Галина Сумарокова. Совсем не давала проходу Елизару. Вот тогда-то, дождавшись ночи, и пошёл он до Анны. Одному Богу известно, о чём говорили Елизар с Анной. А только та самая ночь соединила их. И сказочнее той божественной волшебной ночи им, дожившим до тридцати лет, ещё ни разу не доводилось пережить. А через год и семя Елизарово с Анной увидело свет Божий. Его босые ножонки с маминой помощью ступали по земле и назван был первенец в честь деда.

…По утрам на деревне затапливаются русские печи. Из кажинного дома или старенькой избёнки из трубы вьётся дымок. Готовят женщины вкусное хлёбово, пекут пироги. Готовится и пойло для скотины.

И посреди утра, поставив чугуны в печь, Анна вдруг присела на лавочку. Она отчётливо слышала, как сопят два их сына, Спиридон и Емельян, а вот дочка Дашутка спала очень тихо. Вдруг заскрипело крыльцо, и в избу вошёл Елизар. В руках у него был ухват с новым, только что выструганным черенком: «Вот, Анна, соорудил, тебе ведь надо. А мне всё неколи было». Он, улыбаясь, говорил, что-то ещё, но Анна и слышала и не слышала его. Так бывает в жизни. И чего только в ней не бывает за суетностью лет...

Священник Никодим

Были и такие среди «политических»,
которые на удар плетью, на издевательство
и матершину смиренно говорили:
«Господь тебя простит!»
и ничто так не бесило лагерное отродье,
как это гордое смиренье человека,
не желающего опуститься до злобного зверя.

Виктор Петрович Астафьев.

Чего только не происходит с человеком, пока он живет. Чего только не говорится человеком, пока он жив. Сколько книг написано человеком, но главной все-таки является Библия. Споры об этом не умолкают и будут продолжаться на Земле, пока, видимо, живо человечество. Так почему-то загадочно устроен мир. Но воистину Божьим чудом для верующих русских людей является наша православная вера…

Лежа на нарах в холодном лагерном бараке, священник Никодим и находил отдушину в своей голове именно таким мыслям: «Но что бы я без веры, нет, ничего…».

Он в лагере, а далеко в деревне его семья: жена Алена, детки Никита и Сергей, им уже по десять лет. Родились они на Божий свет двойнятами, вот как Господь-то управил. Денно и нощно Никодим крепко молился за них. Часто вспоминал свою заботливую работящую жену, какого только лиха не

пришлось им испытать в 20-30-х годах, но Анна, где бы им ни приходилось жить, везде находила кусок хлеба. Многое умела жена священника. Гонения на священнослужителей усиливались с каждым годом, им приходилось, пожив в одной деревне, переходить в другую. Чтобы нести Божие слово, каждый день приходилось рисковать жизнью. Никодим улыбнулся и вспомнил, как его находчивая Анна всегда на веревочке вела за собой корову, а та, к их скромному человеческому счастью, их никогда не подводила. Знал Никодим, что рано или поздно его арестуют, за ним уже охотились. А тут, как сердце подсказало, – отправил Анну с маленькими детьми и коровой в другую деревню. Устроились они там, слава Богу, нормально. А Никодим решил отслужить в очередной деревне последнюю службу, тут его и арестовали…

Они заготавливали в лагере лес, спали в холодных бараках, конечно, отапливали их буржуйками, но уже к середине ночи все выстужалось. Людей от болезней умирало неисчислимо много. Умерших отпевать запрещали, и Никодим про себя молился за вновь преставленных.

Никодим в очередной раз читал про себя молитву: «Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века. Аминь.», - и, глядя на все это, думал, что если не выживет, то душа его все одно увидит жену и сынишек, он это чувствовал всем нутром. Работа была ломовая, с телогреек валил трудовой пар, да и одежа на них была латаная-перелатаная. Народ сидел разный – и блатные, и политические. Убийства и разборки давно перестали всех удивлять. Поздно вечером многие подходили к Священнику и просили благословения. Никодим же отвечал всегда одинаково, тихо произнося: «Бог благословит».

Ночами отец Никодим часто топил буржуйку и мучился мыслями: «Почему убили Божиего Помазанника, обезглавили матушку Русь. Кто они, эти люди? Разве способен на такое человек? Ведь человек – образ и подобие Божие». Но, наряду с этими мыслями, находясь среди разного рода людей, он надеялся до последнего на то, что не сковырнут эти нелюди

русский православный народ, ведь в каждой русской избенке хоть и маленькая, да иконка имеется… А с нее и вера много вековая незыблема будет.

Однажды один из блатных проигрался в карты, и у Никодима силой был отобран серебряный крестик, затем его сильно начали бить, пинали, смеялись и матерились. Никодим же, пока силы его окончательно не покинули, твердил им одни и те же слова: «Прости им, Господи!». Ночью, очнувшись от жутких болей, он обратил внимание на то, что нашлись все-таки сердешные люди, подняли его с пола и положили на нары. На следующий день, превозмогая боль, Никодим вышел на заготовку леса. Блатные посмеивались над ним, политические же нервно молчали. А те, кто из простых раскулаченных крестьян, те вообще очень жалели Батюшку и сочувствовали ему. Один, уже в годах, крестьянин Степан Андриянович Кудеяров, посмотревший на Никодима, прослезился и перекрестился несколько раз, с дрожью в голосе сказав: «Спаси тебя Бог, Никодимушка! Пускай лучше я исдохну, а тебя пусть Бог спасет».

Отработав до ночи, Никодим еле-еле дошел до барака. Блатные в этот вечер опять собирались побить его. Бесило их и то обстоятельство, что когда они его избивали, он просил за них прощения у Бога. От их зоркого глаза не ускользало то, как смотрят на них раскулаченные крестьяне. Назревала разборка. Некоторые политзаключенные тоже хотели выступить на стороне крестьян в защиту Никодима, и этот день настал. Вечером один из блатных урок по кличке Седой опять цеплялся к Никодиму: «Ну, че, поп!», и при этом харкнул Никодиму в лицо. Подошел крестьянин Николай Левашов и, не говоря ни слова, ударил Седого в челюсть. Началась ожесточенная драка. Много было ножевых ранений, да и разных увечий, но блатные после этого угомонились…

Однажды отца Никодима конвоиры вдруг повезли в близлежащий городок. Оказалось, что жена начальника лагеря попросила мужа, чтобы священник помолился за их больную

дочь. Доктора усиленно лечили девочку, но результат был плохой. Тогда кто-то и посоветовал привезти Батюшку. Никодим попросил всех выйти из комнаты и первым делом спросил у девочки, верует ли она в Бога. Та ответила, что не знает. Он же с улыбкой опустил на ее плечики руку и сказал:

- Надо веровать, тогда и поправишься, а сейчас я буду читать молитвы, а ты помогай мне.

- Чем же? - спросила девочка.

- Ты повторяй те же слова, которые я буду говорить.

Девчушечка робко и неумело стала креститься, но с каждым разом у нее выходило все лучше. По молитвам отца Никодима через две недели дочь начальника лагеря совсем исцелилась…

Прошли годы. Закончился тюремный срок. Отец Никодим, выйдя из районного центра, присев на землю, снял свою жалкую обувь, чем-то отдаленно напоминающую шоптаники, и решил пройтись по зеленому полотну земли босыми ногами. Чем ближе подходил он к деревне, тем сильнее болело надорванное в лагере сердце. Еще даже не видя своих родных, Никодим не успевал стирать рукавом слезы, текущие непрекращающимся ручьем. Два взрослых сына, Анна и Никодим, обвившись руками и став вновь одним целым, долго и теперь, слава Богу, стояли неразлучно. И не могли досыта наглядеться друг на друга. А на босые отцовы ноги обильно капали слезы печали и радости.

17.02.2013.

Богобоязненные они были

«Помру ведь я без своей бабки-то, жёнушки моей любезной, милушки моей!» - сидя на старенькой, им же сделанной табуретке, размышлял Семён Григорьевич Васихин. Бесполезной и бессмысленной казалась теперь жизнь одинокому старику, ведь с Глашей прожили они целых шестьдесят лет. Каждую струночку в себе изучили, по походке, без слов, по

одному вздоху понимали друг друга.

Все шестеро сыновей разбежались по городам. Двоих из них, Андрея и Алёши, уже не было в живых - поглотил суровый и безжалостный город. Было о чём печалиться старику, в его понимании жизненная колея рухнула, отрубилась, попросту говоря. Почтальонша, приносившая каждый месяц пенсию, дивилась:

- Как это вы, Семён Григорьевич, живы-то до сих пор? Уж печь, поди, месяц не топлена. Вам ведь государство пенсию платит, чтобы вы жили, не тужили, ели, а вы вон чего учиняете – совсем себя нарушили.

В их деревне Селятино осталось в живых семь стариков. Почтальонша, когда-то звавшаяся Настей, а теперь Анастасией Прокопьевной, слава Богу, приезжала регулярно и, разнося эти денежные крохи в дома старожилов, не переставала удивляться выживаемости стариков, рассуждая вслух:

- Ведь, знамо дело, и значительно, что все дети их уехали давно из деревни, а вот старики эти совсем не хотели ехать к детям, хоть те и звали их постоянно. Да почему ж это случается с русскими людьми? Непросто, ох, как непросто объяснить всё это...

И сама же себе отвечала:

- Да ведь привыкли они к дому-то своему, каждую дощечку чуяли. А воспоминания одни чего стоят! Сызмальства сами выросшие и своих детей в этих стародавних домах поднявшие, да разве этого мало? Нет, нет и нет!

Анастасия Прокопьевна, тихонько подойдя к Григорьевичу, опустила руки на казавшиеся теперь такие одряхлевшие плечи и неторопливо заговорила:

- Не печалься ты так, Семён Григорьевич! Да, нету твоей Глашеньки, и чего?! Все ведь там будем. Знаешь, поди, как всё деется на белом свете. Только ты живи подоле. Сейчас ведь какая власть – вымрут старики в деревнях, и мы без работы останемся, а у нас ведь тоже детишки и внуки имеются.

И, глубоко вздохнув, Анастасия провозгласила:

- Живите вы, наши сердешные!

И сама - ни с того, ни с сего - расплакалась. Даже старик Васихин принялся её успокаивать:

- Не плачь, Настасьюшка, поживём ишшо, ежели на то будет Господня воля. Пойдём в огород, я тебя яблочком попотчую. Ни у кого в округе таких яблок нетути. Секрет старики знали!

И, вздохнув, ясно проговорил:

- Яблоки, они только у хороших людей вкусные бывают, боле ни у кого, запомни это!

И, встрепенувшись, вдруг засовестился:

- Да я не о себе толкую, не подумай там чего. Я о предках наших, богобоязненные они были. Вот им Бог-то и помогал.

Уходила Анастасия от деда с полной корзиной яблок, дедом же сплетённой и подаренной ей, сердечной.

А вечером её внуки ели эти самые яблоки и нахваливали. Зайдя в ванную комнату и включив напор холодной воды, Анастасия Прокопьевна опять заплакала и размышляла:

- Что же будет дальше, ежели такие сердешные старики уйдут из жизни?!

Поплакав вдосталь и умыв лицо, вышла из ванны. Корзина с медовыми яблоками была наполовину пуста. Её дети и внуки, хрустя вкуснятиной, весело что-то обсуждали. Жизнь продолжалась…

24.10. 2012 г.

Пустая котомка

«Он был и именем, и духом Серафим»
Из стихотворения, посвящённого отцу Серафиму

«Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят»
Мф. 5, 8

Ночью в избу постучали. Хозяйка заспанным голосом, глубоко вздохнув, спросила: «Кого это принесло-то?» Спокойно-степенный мужской голос ответил: «Пусти, хозяюшка, переночевать, не стесню я тебя». Женщина зажгла свечу, впустила странника в дом. Сквозь тусклый свет Степанида Михайловна всё же разглядела путника. Мужчина был хорошо одет и справен на лицо: «Вы мне тут на лавке, если можно, а то я и на пол улягусь». Расположив гостя, Степанида пошла и легла к детям.

Утром, проснувшись, мужчина, сладко зевнув и потянувшись, увидел, что в доме не топится печь. Только поспевший самовар напоминал о домашнем уюте. Немало удивившись, он спросил: «А ты чего, хозяйка, печь не топишь, детишков не кормишь?» Степанида развела руками: «Так нечем…» Её грустный и побледневший вид сбил начавшуюся было весёлую спесь мужика. «Угостить мне Вас нечем. Корова у нас околела зимой ишшо. Хозяин на заработки ушёл. Так мы картошку-то, слава Богу, посадили и, пока не поспеет, я подкапывать ребятишкам её не велю. Трое ведь у меня их. Старшие рыбку в реке ловят. – И, тяжело вздохнув, подытожила: – Но вот что-то плохо ловиться стала…»

Мужик, натянув сапоги, два раза стукнув каблуками об пол и развязав котомку, вытащил большой кусок солёного сала, с десяток варёных яиц, каравай хлеба и несколько кусков сахара. Пристально посмотрев на хозяйку и, в душе пожалев её, сказал: «На вот, корми своих детей. Я ведь в городе сапожником работаю. На еду и одёжу у меня хватает».

В миг растерявшись и открыв рот от удивления, Степанида

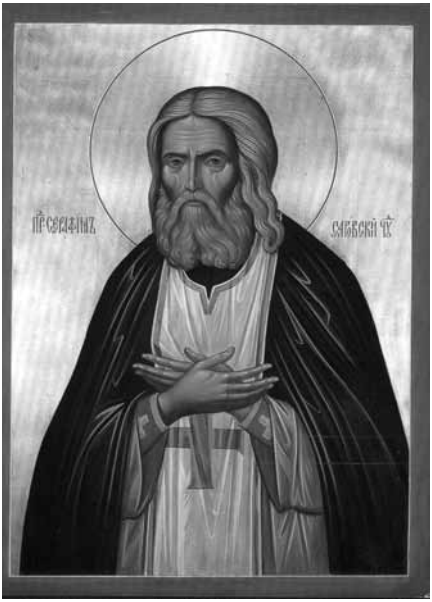
напоила своего неожиданного благодетеля травяным чаем…

За этот последний месяц у неё ночевало много путников… Паломники, богомольцы, православный люд шли в Саров на торжества по случаю прославления Светильника земли русской, святого старца, батюшки Серафима Саровского, которые были намечены на вторую половину июля тысяча девятьсот третьего года. Туда же, в Саров, ожидалось прибытие Их Величества Императора Николая II…

За несколько дней до этого великого события в жизни православного народа России и побывал богомольный сапожник в той деревне. Пошёл он по направлению к Сарову уже с пустой котомкой…

19 июля 2011 г.

Свято-давнишняя Русь



Евгений Курочкин ехал за рулём своего нового автомобиля «Жигули». Привычная трасса до города Сарова почти везде была прямая. Ям на пути не было, и это было уже довольно сносно для наших российских дорог.

И кто знает, может, и от этого настроение у Евгения было какое-то окрылённое. Жена Клава слегка недоумевала: «Чего это ты сегодня весёлый такой?» Но он на все расспросы любимого человека только улыбался чему-то.

Город Саров считается форпостом русской науки, а потому сохраняет статус закрытого города. Зарплаты научным людям по российским меркам платили немалые. Недалеко от города,

вдоль дороги, образовался рынок. В сам же Саров, в силу его секретности, не пускали, и люди изо всех окрестных сёл и деревень везли на этот рынок сельхозпродукцию. И были благодарны судьбе за то, что городской саровский люд всё скупал. Вот на этот рынок и возил Евгений мясо, в основном свинину, которую, как и многие, ездил и скупал по деревням. Потом с женой, стоя за прилавком, бойко и умело всё распродавали. С помощью такого прибыльного дела жили хорошо. Да и детей материально обеспечивали. Купили дочери квартиру в городе Арзамасе, но та с сыном почти всегда жили на селе с родителями. Потому как муж, работая на военном заводе, часто бывал в командировках. А ей было скучно в городе одной с Игорьком. Да и не могла её душа привыкнуть к равнодушно-многолюдному городу. Сын же у Курочкиных проходил неподалёку срочную службу. И его, по возвращении из армии, тоже ожидала квартира. Дочь с сыном не могли нарадоваться на своих тружеников-родителей.

Вот уже который год, проезжая по святым дивеевским местам, Женя невольно любовался золочёными, а в его воображении прямо-таки живыми куполами, которые были видны издалека. Несколько по-настоящему величественных восстановленных старорусских храмов радовали глаз приезжающих сюда отовсюду православных людей. Все эти места со времён Серафима Саровского считались святыми. Даже после 1917 года многие храмы каким-то чудом уцелели. Службы в них несколько десятилетий не велись. И православному люду немало пришлось потрудиться, чтобы восстановить их убранство. Пожилые из поколения в поколение передавали внукам и правнукам житие святого Серафима. Вот и сейчас, ведя машину, Евгений Иванович с удовольствием вспоминал, как бабушка Татьяна, накормив его молочной лапшой из чугунка и отправив замерзшего на улице внучонка греться на русскую печь, ласково и очень доходчиво рассказывала ему о том, как святой Серафим исцелял немощных людей… Как пришли к святому из Ардатова бандиты, думающие, что миряне платят

старцу за исцеление и решили отобрать эти подаяния. Но не найдя кроме хлеба и воды ничего, сильно его избили. А маленький Женька, жалея святого Серафима, спрашивал: «Баба, ну зачем они били его, он же помогал всем?» И бабушка Татьяна Ивановна, глубоко вздохнув, продолжала свой рассказ: «Может быть, оттого и избили, что всем помогал. Люди-то, Женька, злые бывают, и не все понимали, что Серафим излечивал немощных бесплатно».

Потом верующие люди отыскали этих бандитов. Но святой Серафим сказал, что прощает им прегрешения: ибо они не ведали, что творили. А когда у разбойников сгорели дома, и жизнь их стала невыносимой, они сами кинулись молить святого о пощаде, поведав о постигших их превратностях судьбы. На что Серафим умиротворённо им отвечал: «Я и не сердился на вас… А то, что вы раскаялись, даёт вам путь ко спасению». И когда бандиты в слезах уходили от него, старец заверил, что всё у них будет хорошо…»

Бабушка, видя и удивляясь тому, как внук с интересом слушает её, продолжала напевно рассказывать: «А вот, внучок, был еще такой случай. Однажды к святому принесли на руках не ходячего мальчика. Серафим спросил его: «Веруешь ли ты в Бога?» Мальчик ответил, что верует. И святой произнёс пророческие слова: «Вставай и иди!» И мальчик пошёл, а потом даже побежал. А верующие православные люди воистину радовались и за мальчонку, получившего исцеление, и за его родителей, которые стояли и плакали от счастья… Вот так и жил на Нижегородской земле святой старец Серафим, исцеляя людей от разных недугов и хворей».

Под эти слова бабушки и засыпал на теплых кирпичах русской печи деревенский мальчонка Женя Курочкин. А когда снова наступал вечер, он вновь не переставал удивляться бабушкиной памяти. В этот раз мальчик узнал о том, как Серафим молился за Русь и православных людей в уединении в дремучем лесу. К святому человеку прибегали хищные звери, медведи и волки, но вели себя в присутствии Серафима слов-

но малые дети… Старцу же нередко приходилось объяснять обращающимся к нему за врачеванием и благословением прихожанам, что хищники их не тронут, что они тоже Божьи создания, и им, как и всем земным существам, нужны ласка и любовь. А когда прихожане убеждались, что это воистину так, то это удивляло даже тех, кто ни во что не верил…

Село Леметь, церковь каменная, в честь Пресвятой Живоначальной Троицы, построена в 1725 году, двухпрестольная.

До рынка оставалось совсем немного пути. Но так вот зачастую бывает, что настроение у человека быстро меняется. Почему так происходит? Поди угадай! Только пока человек жив, мысли его меняются постоянно. И взгляд Евгения отчего-то изменился. Ещё несколько минут назад вся сущность этого деревенского мужика радовалась необычайно светлым воспоминаниям о бабушке. Теперь же взгляд Евгения Ивановича таил в себе великую грусть русского человека о родной земле. Мелькавшие вдоль дороги, закончившие свою жизнь брошенные деревни и полупустые сёла наполняли душу горечью и неминуемой тоской по прошлым временам. Тогда советского колхозного шофёра Евгения посылали в разные районы Горьковской области помогать вывозить зерно с полей. А деревень в тех местах было не счесть!.. Он и сейчас, сквозь года, слышал звонкие голоса деревенских жителей. И от того, что всё это ушло, саднило в груди с такой силой, что порой хотелось остановить машину и отдышаться. Его опытный взгляд приметил наполовину заросший сочной травой деревенский мостик. Вода под мостом была только по весне. И по едва уга-

дывающимся сейчас приметам Евгений вспомнил, что и из этих благодатных мест приходилось ему когда-то вывозить зерно. Речка не пересыхала тогда и в жару. А святая русская деревня с её не порушенным в те годы традиционным укладом находилась совсем неподалёку. Теперь же от некогда весёлой деревни ничего, кроме этого мостика, не осталось…

На этот раз они везли на базар две туши свинины и, по словам Клавы, к обеду должны были всё распродать. Евгений ещё издали приметил на дороге что-то необычное, и по мере приближения, всё больше удивляясь и не веря своим глазам, уже ясно различал, что по обочине дороги на коленях передвигается человек. От неожиданности увиденного он даже вскрикнул как мальчишка, и удивлённо обратился к жене: «Смотри, Клава, это чево?!» Обогнав странного путника и притормозив машину на обочине дороги, они решили расспросить этого чудоковатого человека.

Странник же, отрешённый от всего, не обращая никакого внимания на скрежет тормозов, продолжал свой путь. И только когда мужчина и женщина подошли к нему совсем близко, он остановился. Супруги были потрясены увиденным. К ногам его были привязаны дощечки, чем-то отдалённо напоминающие колодки. Одежда же была самая обыкновенная, состоящая из потёртого джинсового костюма. На вид ему было лет пятьдесят. Этот, кажущийся блаженным человек, хоть и остановился перед незнакомыми людьми, но, не переставая, вслух читал молитву «Отче наш». Супругов удивили и даже испугали глаза этого человека. Их отрешённый от мирской суеты взгляд был устремлён в небо. Они разом перекрестились, осознав в этот миг что-то такое, чего с ними никогда не случалось ранее. Это было каким-то новым для них, неизведанным доселе ощущением. Евгению не терпелось начать разговор и, поздоровавшись с путешественником, он с немалым интересом и выдававшим его волнение голосом, спросил: «Ты это откуда такой, мил человек, идёшь-то?» Путник с голубыми глазами словно давно уже знал, о чём его спросят,

и устало, но вместе с тем как-то очень проникновенно, заговорил: «Иду ко святым местам, к мощам Серафима Саровского прикоснуться». Евгений невольно полюбопытствовал: «И сколько же ты идёшь-то вот эдак?» Он, перекрестившись, ответил: «Да вот, почитай, три месяца иду». И, немного погодя, добавил: «С Ивановской области я». Евгений, немало подивившись, продолжал расспрашивать бедолагу: «А как же, если дождь? Да ведь и есть чего-то надо?!» И, задавая эти вопросы, припомнил рассказы местных шофёров, которым уже доводилось встречать подобных людей. Но тогда он отчего-то совсем не обращал на это внимания. И вот теперь, когда самому довелось увидеть, Евгению Ивановичу стало многое понятно. Мужик, стоящий на дощечках с закреплёнными внизу подшипниками вместо колёс, пояснял: «Да ведь как придётся. Бывает, ночью иду, если днём жарко. А когда дождь, то в рюкзаке у меня кусок брезента есть, им и накрываюсь. Добросердечные водители, как ты, останавливаются – предлагают воды, поесть чего дают».

И опять что-то изменилось в душе у Евгения. Он вдруг живо представил в непогоду мокнущего на обочине дороги, под брезентом, человека.

«Ну для чего так страдать и мучиться? Миллионы людей живут в своих тёплых, благоустроенных квартирах, и никому даже в голову не взбредёт вот так-то самого себя изнурять». И вдруг, прервав свои мысли, он обратился к жене: «Клава, дай чего-нибудь горемыке пожевать, да и попить не забудь». Говоря эти слова, он продолжал находиться в некоем оцепенении. Клава, сама очень долго болевшая и понимавшая всем сердцем людское страдание, как и муж, была немало удивлена увиденным. Она сходила к машине и принесла двухлитровую бутылку молока, кусок солёного сала, полбулки хлеба и несколько варёных яиц, и отдала всё несчастному страннику. В женском существе её были затронуты вечные тревоги человека о сытости и голоде. Она вдруг подумала, что человек этот, может быть, уже много дней не ел, и сказала: «Вот, по-

ешьте, что Бог послал! Нас не стесняйтесь!» Путник открыл бутылку и сделал несколько глотков. По тому, как он жадно поглощал молоко, Клава без труда догадалась, что не пил он давно, и была внутренне довольна собой. Раньше, когда они с Женей были помоложе, она ни о чём таком и подумать не могла. Много позднее, когда врачи поставили ей диагноз «злокачественная опухоль груди», и, лёжа в больнице такая беспомощная, о чём только её исстрадавшаяся душа не передумала... И Евгению пришлось тогда взять на себя ещё и роль мамы. На селе все родственники и знакомые неустанно за неё молились. И так иной раз случается в жизни - болезнь Клавдии отступила. Но после этого многое в мире ей виделось уже по-другому. И преображение это муж ощущал и ценил всем своим нутром. Они и так дружно и хорошо жили, а после случившегося вообще относились к жизни, как к волшебному чуду, и молились, и радовались каждому дню. Они всем в округе поднимали настроение и, не осознавая того, учили других ценить жизнь.

Попив молока, путник потеплевшим голосом произнёс: «Спаси вас Христос, добрые люди!» За всё это время, по какому-то странному стечению обстоятельств, они даже не спросили, как кого зовут.

И теперь человек этот поинтересовался об их имени. Женя, не переставая думать о том, что они, наверное, ровесники, а как всё же по-разному живут на земле, смущённо ответил: «Меня Евгений Иванович зовут». А странный человек продолжал рассказывать о своих мытарствах. Муж и жена, словно под гипнозом, стояли и слушали его:

– Я много грешил в жизни, вот и дал обет, что на коленях дойду до святых саровских мест. Поклонюсь мощам святых, и буду молить о спасении своей души. Я ведь – не инвалид какой, я – ходячий! Не понимал раньше многого. Думал, что от жизни надо брать всё, – вот и брал! Нет, Евгений, не это главное». И вдруг он замолчал.

И тогда Женя спросил: «Коленям-то, наверное, больно? Я на тебя гляжу, а внутри страх берёт».

– Да! Поначалу и правда боль чувствовалась, а потом привык. Святые люди за нас, грешников, молятся, а мы, дураки, этого не понимаем. А святые знали, что мы рано или поздно прозреем. Им это ведомо было…Ты езжай, Евгений! Вот и жена твоя, небось, заждалась. Дай Бог тебе и семье твоей здоровья.

И вдруг, посмотрев на небо, заговорил не как повидавший жизнь мужик, а словно ребёнок:

– Только, Женя, простит ли меня отец Серафим за грехи мои, не знаю! Но если не помру, то дойду. Мне ведь не смерть страшна, мне покаяться надо. Может быть, я вас, шофёров, от греха уберегу, кто знает. И, уже плача, прошептал:

– Вот посмотрел на меня, Евгений, и поезжай с Богом!

На том и попрощались.

Заводя машину, он ещё успел заметить в боковом зеркале автомобиля, как этот странный путник складывал в рюкзак продукты. Всю оставшуюся дорогу до рынка они разговаривали о повстречавшемся на их пути человеке. А Евгений Иванович всё сокрушался, что в спешке так и не узнал его имени.

В тот день Курочкины уже к обеду, как и предполагали, распродали всё мясо. Купили тут же, на рынке, большой арбуз и поехали домой. Евгению бередила душу нехорошая мысль, и, как он её ни гнал от себя, не отпускала. Он сам себя стал ненавидеть, но поделать уже ничего с собой не мог. И тогда стал вслух делиться своими мыслями с женой: «А что, если они, эти люди, так зарабатывают? Ведь идти-то ему до храма осталось день или того меньше? Может, обманул он нас с тобой, Клава, да и других вот так же облапошивает?» Жена же принялась разубеждать мужа: «Вот те на, ещё недавно про святых людей вспоминал, а теперь что же?» Потом, глубоко вздохнув, Клавдия продолжила: «Не знаю, но я верю ему, ведь если такой человек обманывает, то весь мир тогда ни к чему!» Жена замолчала, и по лицу её текли слёзы. Евгений жадно вглядывался в дорогу и, наконец, увидел его. Грешник по-прежнему передвигался на коленях в сторону святых мест.

И по висевшему сзади его рюкзаку догадался, что еды ему, кроме них, по всей видимости, больше никто не давал. Рюкзак, как и прежде, был наполнен меньше, чем наполовину. Хоть они и не стали второй раз останавливаться, жена, увидев странника, была по-настоящему рада, все грустные мысли её куда-то улетучились.

Евгений же так и возвратился домой с чувством полного сомнения и душевных терзаний. Вечером зашёл друг детства Сергей Хлебников с просьбой отвезти завтра утром внука покрестить. Когда друзья немного выпили, Евгений рассказал о случившемся в дороге. И, делясь своими сомнениями, спросил: «А ты как, Серёга, думаешь?» Тот, пожав широкими плечами, откашлявшись, с хрипотцой в голосе ответил: «Да кто его разберёт? Нынче всяких прохвостов хватает».

Всю ночь Евгению Ивановичу не спалось, думы одолевали одна за другой. В его большом новом доме в углу висели старинные бабушкины иконы, и он верил в Бога, но лоб себе не расшибал. Просто как-то спокойно веровал. Да это так, наверное, и должно быть: веровать скромно, совестливо. Только слова эти каждый человек воспринимает по-разному. Почему же так-то? Ведь совесть одна? Каждый же человек самолюбив. К примеру, сделает что-нибудь хорошее и уже думает, что его совесть чиста, – ан нет, дорогой! В совести – многовековые нравственные понятия заложены, и чтобы к этому приблизиться хоть немного, надо именно скромно веровать. Евгений мысли свои подытожил так: «Если не встречу завтра в храме этого коленопреклоненного, стало быть, обманул он меня». И через полчаса, как пропел петух, провалился в короткий, но непробудный сон.

Вот она, привычная трасса. Мелькающие сёла, деревушки уже не привлекали в этот день его внимания. Он только ждал того момента, когда до храмов останется два или три километра, где и предполагал снова встретить этого странного человека…

Золочёные купола предстали перед друзьями своим древ-

невековым величием. Находясь в храме, Евгений смотрел, как батюшка бережно опускает в купель внука его друга. Его взор вновь и вновь был обращён на старинные расписные стены храма.

– Это ж надо так разрисовать?! Диво! Ей Богу, диво!», – словно подтверждая его мысли, говорил один из рядом стоящих мирян. Затем все они поклонились раке, где покоились святые мощи Серафима Саровского.

Выйдя из храма, Сергей пошёл покупать внуку икону с образом святого, чтобы был подарок от деда. Евгений же, предупредив друга о своих планах, обошёл все стоящие вокруг храмы и далее отправился по святой канавке, проходившей вокруг всей местности, где стояли церкви. Люди нескончаемым потоком шли по ней очень медленно и непрестанно молились. Глаза Евгения Ивановича искали только одного на всей планете человека, и с каждым проходящим мгновением надежда эта рушилась, словно и не было этого путника никогда. Женя, уже изрядно измученный поисками, остановился и взглянул на небо. Облака быстро неслись по голубому простору, и их, казалось, совсем не беспокоили земные дела.

– Да, видать, там высоко ветер большой, а тут, на земле, едва заметный. Вот они, вечные чудеса природы! – размышлял вслух Евгений… Подумав о том, что Сергей со своим семейством, наверное, уже давно его ждёт, быстро направился к выходу. Вдруг (и на это обратили внимание сразу несколько человек), Евгений Иванович резко остановился, как вкопанный. На входе в ворота храма стоял на коленях тот самый странный богомолец, не дававший спокойно жить уже два невыносимо долгих дня, истерзавший всю душу. Не чуя от волнения ног, Евгений Иванович подошёл к нему. Закрыв глаза, бедолага стоял на посиневших и разбитых в кровь коленях, молился и плакал, и твердил одни и те же слова: «Слава Богу!.. Дошёл!.. Дошёл ведь я, Господи!»

Евгений не стал донимать его расспросами, понимая, что не до этого ему сейчас. Без конца смахивая с глаз слёзы, он

медленно шёл к своей машине. По дороге домой Сергей всё допытывался: «А не тот ли мужик там стоял на коленях?» Евгений Иванович молчал, ему вспоминались бабушкины рассказы, но это молчание было ощущением чего-то настоящего, святого и древнего, ещё не осознанного до конца.

12 июня 2009 г. – 12 января 2010 г.

«Вековечные погосты»

Деревенский люд, известное дело, сызмальства трудился на земле. Так вот до самой смертушки и гнул свой трехжильный хребет. Наблюдая волею Господней за поизношенными жизнью стариками, я все время удивлялся их разности. Оно и понятно: веками это все копилось в человечестве…

Никогда, пока ходят ноги, не посидит без дела ни дед, ни бабушка. Даже когда станут совсем никудышными, все одно то грибов бабушка поутру принесет, а дед, в свою очередь, непременно добудет свеженькой рыбки. И хотя дети и внуки, жалея стариков, случается, поругивают их за такие подвиги, но вместе с тем и понимают, что старикам это все в радость. Это особенно хорошо описано в произведениях замечательного русского писателя Федора Александровича Абрамова.

В романе «Братья и сестры» мы видим тяжелейшую полуголодную жизнь многодетной крестьянской семьи Пряслиных. Великий деревенский прозаик потрясающе точно показал крестьянский быт. Где Степан Андреянович отписывает дом невестке, а не внуку Егорше, что, казалось бы, на первый взгляд, невиданное дело. Но впоследствии по-стариковски и

вышло: именно она, ему ставшая родной, невестка Лизавета и ухаживала за дедовой могилкой. Старики, старики, что вы есть-то? И мгновенно отвечаю — все. Мама в муках нас рожает, отец работает, а мыслями-то все о семье родной озабочены.

Стихия народной жизни всегда и во все времена непостижима человеческому разуму, мы лишь наблюдаем, что происходит вокруг. Но в этом наблюдении за миром с каждым из нас происходит очень многое. Здесь как раз не отмолчишься, не постоишь в стороне. Мы денно и нощно видим, как стареют наши родители. И, казалось бы, все это сплошная грусть и ничего более. Нет, нет и еще раз нет. Ибо мы и сами в такие моменты становимся мудрее, человечнее.

Русский философ Николай Бердяев писал:«Будьте человечны в одну из самых бесчеловечных эпох мировой истории, храните образ человека, он есть образ Божий». Что это? А это, несомненно, Божеская истина. И здесь нам, русским людям, надо выбирать — либо истлеем как труха, либо будем жить по заповедям Божиим. И вот мы видим, что старики наши скоро уйдут. Мы ходим в Храмы, молимся о их здоровье. И, затепливая свечи, часто плачем, и в нас действительно идет очищение от всякой скверны.

Но, к великому сожалению, настает день смерти наших родителей. И мы в глубоком отчаянии замыкаемся в себе. Вот это-то и становится очень важным. Прежде всего для душ наших, родителей и нас самих, чтобы похоронены наши сердешные старики были по-православному, чтобы Батюшка совершил отпевание усопшего. Тогда и нам самим будет несравнимо легче, ибо это все крайне необходимо для наших душ, нашего самосознания.

Когда читаешь наших писателей, которые творили деревенскую прозу, вдруг совершенно отчетливо понимаешь, почему они уделяли пристальное внимание деревенским погостам. С первого прочтения повести «Прощание с Матерой» у каждого, кто по-настоящему духовно и искренно любит

Россию, воскрешаются в памяти именно погосты. В городе же, безусловно, все по-другому и названия другие. Но слово «кладбище», о Боже, как же оно уступает нашему древнерусскому слову «погост». Здесь великий русский писатель Валентин Григорьевич Распутин воистину проник в глубину русской души.

Вспоминается Николай Рубцов с его знаменитым стихотворением «Где тот погост вы не видели». Ведь именно тогда, когда приходишь на могилки к людям, которых ты любил, ты говоришь с ними, как с живыми и, несомненно, веруешь, что они слышат и видят тебя. Мы, православные русские люди, веруем в Царствие небесное. Это есть Божие чудо. Вековечны погосты, и их не спрячешь, они глубоки и незыблемы в памяти людской. Глубоки и наши старики своей многовековой мудростью и верою, которую они передают нам, ныне живущим…

2013 год.

Казачий разговор

Молодой, но уже не раз побывавший в боях казак Иван Семенов пел:

Наступит ночь, взойдёт луна.
Не спит казак, душа клокочет.
А слёзы льются ручьём из глаз.
Погибло много ребят в походе.
Бегут года, стар стал казак.
Морщинок много, да щеки впали.
И вроде жил али не жил.
Поплачь, казак, и мы поплачем…

Песня эта, доставшаяся от далеких, но и поныне живущих в сердцах казаков предков, сильно бередила души сидящих возле костра, разных по возрасту и званию боевых друзей. Гришка Комарин интересовался:

- Надо же, ведь какие слова-то, а, казаченьки?

- Твёрдые слова, - поддержал Григория сидевший рядом Фрол Спиридонович. - Наши казаки песню эту неспроста придумали, ведь если особливо вдуматься - смысл в словах выстраданный обозначен.

К ночи ветер усилился. Его мощный холодный, промозглый поток заставил казаков сесть поближе к кострам. Даже те, которые из молодых, любившие погарцевать нараспашку, и то запахнули шинели. То ли от непогоды, то ли из-за военной привычки курили много. Кисеты с махоркой заметно худели. И дремавшие поодаль мысли служивых людей, которые в любую минуту могли умереть от шальной пули или острющей сабли, неожиданно оживились. В беседу вступил есаул Еремей Иванович, всё это время вблизи огня отогревавший свои озябшие ноги:

- Ведь у нас завсегда так, други, кладем головушки свои за Рассею нашу, землю, славой овеянную. Но вот ведь штука-то в чём. И жён, и детишков нам Бог даёт, это, конечно, гоже. Только вот жизнь-то с судьбой повенчаны. И как приходим в этот мир, и как уходим, непостижимо трудно всё это…

И вдруг ощетинившись, словно зверь, зорко наблюдая за всеми, громко сказал: «А не правда, что ли?!» И вопросительно глянул на казаков.

– Это верно ты говоришь, Еремей Иванович, - подхватил опять Гришка Комарин. - И ночи не спим, и жён своих не видим, о детишках сильно скучаем. Но вот есть что-то ещё такое в сердце, что - как подумаешь об этом - так дыхалку-то и перехватит. Еремей Иванович, громко крякнув, разохотившись на разговор, продолжал:

– Я ишо ковды совсем махоньким был, а уж величился, что казак. Ведь знамо дело и значительно, ибо на ворогов разных наши казачки шли - это факт неоспоримый. Ишо с измальства хотел рубать шашкой и гнать подале от нашенских просторов чужеземцев поганых.

Всё это время молчавший и грустивший о чём-то своём хорунжий Семён Воеводин тоже встрепенулся: «А что, казаки, трудно ведь без нас России было бы, куда ни кинь, где невмоготу, нас посылают». И, уже заметно понизив голос, с какой-то неминучей тоской добавил: «Во многих ещё куренях матери, сёстры да вдовы будут безутешно рыдать по убиенным в ратном бою отцам и сынам».

Видимо для того, чтобы всех немного успокоить, Фрол Спиридонович повёл такую речь: «Да ведь на всё воля Божья, так старики-то сказывали. Исстари всё повелось. Хоть и записали власти Стеньку Разина в ушкуйники. Так он золото, серебро, да ценность разную бедным отдавал. Великим был наш Степан казаком. Понимал, что богатые не по совести живут, измываются над простыми людьми, вот и стронул народ. А боевую удаль какую показал! Или вот взять в пример Ер-

мака Тимофеевича. Царь, конечно, голова Божья, да большая. Только казаки-то наши тоже не лыком шиты и уж точно удалые люди. И это же надо так размахнуться было войску Ермакову - целую Сибирь к ногам Царя батюшки преподнесть. Так вот возвеличивал и увеличивал землю Русскую славный казак Ермак Тимофеевич». Пока Фрол Спиридонович говорил, к их костру подошло ещё несколько служивых, и один из вновь подошедших добавил: «Да таких казаков, как Степан Разин, Ермак Тимофеевич, народ не забудет. Потому как с простых людей они вышли и прославили наше казачество на веки вечные».

Есаул Еремей Иванович Крутов, по-отцовски любивший своих таких родных для его души казаков, обратился к Ивану Семёнову: «Ну-ко, напой нам ещё эту песню об нас обо всех».

Молодой красивый казак после всего того, что ему пришлось услышать от старших, ещё более проникновенно запел:

Наступит ночь, взойдёт луна.
Не спит казак, душа клокочет.
А слёзы льются ручьём из глаз.
Погибло много ребят в походе.
Бегут года, стар стал казак.
Морщинок много, да щёки впали.
И вроде жил али не жил.
Поплачь казак, и мы поплачем.
Давайте, вспомним казака
Судьбою бит был, да выжил с честью.
Родимый дом, привольный край
Ты спас, казак, от страшной смерти…

Уставшие от разных войн казаки жадно вслушиваясь в слова песни, что-то осознавали в этот краткий миг. Неисчерпаема до дна череда этих вечных дум о жизни и судьбе человеческой. А может, и впрямь повенчаны они?

11.04.10 г.
г. Братск

Напраслина

Хотя на дворе стоял изрядный морозец, Пелагея Никандровна, словно не чуя его, набрала в охапку берёзовых поленьев, занесла их в избу. Обычно, прежде чем набрать из ровно выложенной на улице поленницы дров, она аккуратно смахивала с них снег веником. Нынче же занесла прямо с налепившимся снегом. Для кручины у неё, сердешной, в этот день была очень веская причина. Она и представить себе не могла, как это её Богом данный муж Елисей Елисеевич Святославов остался жив. Хозяин лежал на железной кровати и сипло, тяжело вздыхал: « Вот земляки, вот удружили, кажись, и нутро-то напрочь отшибли». Немудрено это было, ведь Елисей за вора заступился. Дело было намедни. Пришёл в их деревню неведомо отколь человек, поизношенный жизнью, знамо дело, немолодой уж, и давай хлебца просить. Подавали, конечно, сердобольные, а немного погодя в воровстве его обвинили.

Вышел Елисей Елисеевич на улицу, глядит: толпа мужиков гуртом собралась, и при этом все орут несусветно. Ринулся он туда, глядит и глазам не верит: его боевого друга Тимофея Пересветова махратят. Вот Елисей и принял заступ. Несколько казаков от его ярости уже держались за лица, ещё два валялись в снегу. Но где тут против всех устоять, избили обоих зверски.

Отчаянными рубаками они на войне были, повоевали, вернулись в родимые края. Только Елисея Пелагея с сынишкой ждали. А Тимофей, когда возвернулся в свою деревню, что лежала в пятидесяти верстах от деревни боевого друга, увидел свою сгоревшую избу. Спалили его избу богатые братья Клюевы. Пока воевал он, туго приходилось его жене Алёне от братьев этих. Чуяла она, что те поганое дело сотворить с ней могут, вот и ушла в монастырь, чтобы Клюевым не достаться. А те со злости и непокорности её спалили их с Тимофеем избу, которую строили всей деревней. Земляки всё рассказали

ему, он было ринулся к братьям, насилу удержали казаки от неминуемой тюрьмы. Один только день и выдержал дома, пошёл в монастырь тот и страшное узнал там: Алёна от тоски по нему померла. Всем храмом хоронили её, сердешную, жалели страстно, терпко.

В монастыре этом он неделю ровно жил, всё могилку обихаживал. Большущий дубовый крест всю эту неделю сооружал. И как он из лесу дуб притащил, и как он его обрабатывал топориком, за всем этим, тайком смахивая слёзы, следили монахини и молили Бога за него, сердобольного. Воздвигнув крест, Тимофей целый день пробыл на могилке, а наутро его уже не было, никто и не видел, как ушёл. И в монастыре том долго о нём молились.

Тимофей поначалу после такого горя пропил все боевые деньги. Идти в родную деревню не захотел, ибо твёрдо знал, что если увидит этих поганцев братьев, то изрубит шашкой. Но тоска, если давит нутро, то давит крепко. Продал коня, ружьё, затем шашку, ещё что-то из боевого оружия. И когда совсем ничего не осталось стал просить по деревням хлеба, словом, Тимофей пошёл по миру. Мысли о том, чтобы скорее сдохнуть, были настолько частыми, что он вдруг стал улыбаться, когда думал об этом: «Окончательно, видать, я свихнулся», – вслух размышлял казак, и в который раз корил себя, что не зарубил братьев.

Знал о горе Тимофея Елисей, разнесла, постаралась округа, вот и вступился за друга. Неделю боевые товарищи приходили в себя и, за этим делом, знамо дело, разговоры разговаривали. И по просторной Елисеевой избе гудел, прерываясь, надорванный жизнью Тимофеин голос, от которого у Пелагеи не выдерживало сердце, и она то и дело выбегала то в сени за квасом, то спускалась в погреб за разносолом. Но это ей не помогало. И они с мужем терпеливо слушали жуткую исповедь Пересветова: «Я, Елисей, коли узнал про Елену, да чуть был с ума не двинулся». Докурив трубку, глубоко, с надрывом вздохнул: «Спасибо тебе, брат, выручил, только лучше бы

убили. Как мыслишь, Елисеич? Мне ить белый свет не мил, и чего на земле делаю?» И Тимофей, никого не стесняясь, впервые за долгое время разрыдался.

Известно, что казаки во все времена свою боевую залихватскую удаль показывали. Ох, как часто дивились этому враги. Но когда не в бою теряешь родного человека, то у каждого живущего на земле землетрясение души наступает. Поэтому-то Елисей слёзы боевого друга воспринимал не как слабость, а как саму жизнь, разностей в которой с избытком. Тяжело поднявшись с железной кровати и отведав принесённого Пелагеей из сеней ядрёного квасу, только и вымолвил в этот день: «Брось ты, Тимоха, у меня жить оставайся, корова есть, конь есть, картоха, сало – не пропадём. Помолчав несколько минут, показавшиеся в этот момент вечностью, добавил: «Пойми ты, дурашка, я ить за тебя самою жисть отдам, и нечего тут боле баить».

На следующий день пошёл Елисей Елисеевич к казакам. А те того и ждали, изнутри теребило их от чего-то. Павел Краснов тут же и напустился на только что вошедшего в его дом Елисея: «Ты пошто за вора заступ принял, нешто не понимашь, он ить вор?». Казаки, зорко наблюдавшие за Елисеем, в разговор вступать не спешили. И где-то в душе радовались, что есть у них нетерпеливый Пашка. Елисей Елисеевич придвинул к себе табурет, да ногой же его и пнул. Оглядев всех подряд казаков, которых до недавнего времени так любил и жалел, а теперь всем нутром протестовал против них. Всё же каким-то чудом сдерживал себя, не хотелось ему так зараз душу напоказ выставлять, но иного выбора просто не было: « Я, други мои, так кумекаю. Вы ведь меня тута как облупленное яйцо знаете. Неужто вам и впрямь в головы ваши не пришло, что ежели я за человека заступаюсь, значит, не просто всё это». Павел Краснов опять подскочил к Елисею и, дыша ему прямо в нос винным перегаром, орал: «Мы не полицейские какие, украл - вот и получи, не обессудь». Елисей, словно каменная глыба, стоял и продолжал говорить: «Мы ведь с

Тимохой-то всю войну вместях были, он меня от смерти спас, но этим вас не удивишь». И вдруг ощетинившись, словно зверь лесной, во весь голос прогорланил: « Кто видел, что он крал?». Семён Кругов, зорко взглянув на Елисея, очертил разговор разом: « А чо тут думу думать, бабка Егориха врать не станет, цельну корзину яиц у неё спёр». Кое у кого из казаков начинали появляться сомнения, но разговор был жарким, и все жадно ловили каждое слово. Елисей хоть и заметил перемены в станичниках, нисколько не поменялся в лице, всё так же тяжёлым взглядом прожигал он их лица: « А вы яйца те у него видели? Ведомо ли вам, что он с войны вернулся, и избу свою обугленную застал». С натугой, вобрав в себя воздух, продолжал твердить: « У него богатые братья Клюевы, пока он сердешный на войне был, жену вздумали, сами знаете чего сделать. Она сердешная в монастырь подалась, спасала себя для Тимофея, а там от тоски померла. Рази мог он на яйца эти поганые обзариться, коли совесть есть у человека. Об энтом подумайте, казаки. Меня побили, прощаю, но за Тимоху не взыщите». И тут вдруг произошло нечто необычное. Елисей в пояс поклонился казакам и добавил: « А хотите, всё моё хозяйство разбирайте, раз вы нелюди такие». И с этими словами ушёл, не затворив за собой дверь. Казаки, не сговариваясь, ринулись к бабке Егорихе. Были там и слёзы Егорихи, ибо корзину с яйцами она давно нашла, были затем и извинения казаков перед Елисеем и Тимофеем, много чего было...

Совесть

- А совесть-то трудно соблюсти – рассуждал вслух Макар, сидя на нарах.

В камере было восемь человек. Нар же всего четыре. Отдыхали зэки по очереди. Но рассуждения Макара каким-то чудом заставило встрепенуться многих.

Весь костлявый, в наколках сорокалетний Сергей, криво усмехнувшись, не стерпел:

- Ты чё, Макар, совсем башкой одеревенел? Какая может быть совесть?! Ты ж на зоне чалишься, арестант ты конченый! А ему совесть подавай! Во, горемыка, с катушек слетевший!

Макар рос простым деревенским парнем. Отслужив в армии, устроился шофёром в родной колхоз. Но вскоре, по известным всей стране событиям, все колхозы развалились. Кто сумел воровать, те ещё как-то крутились. Макар же с отцом, матерью и сестрёнкой только за счёт огорода и выживали. Скота держали всё меньше из-за дорогого комбикорма. Хотелось Макару, как и всякому нормальному мужику, жену в дом привести, чтобы детишки были. Спиридон Васильевич, отец Макара, даже раз всплакнул, и, что удивительно, совсем трезвым был, но только слёзы сами брызнули из много чего повидавших глаз:

- Господи, Царь Небесный, что творится-то на земле нашей? Всю технику разворовали, скот под нож пустили, а дальше-то чего?!

Отца Макар понимал, но ведь и жить надо продолжать… Где и как точно всё было, мало кто знал. Только посадили их, троих деревенских, Кольку, Петра и Макара за воровство тракторов. Дивились после люди, ведь трактора-то эти совсем простаивали, не было горючки. Парни где-то добыли солярки, распахали поля, засеяли зерном и клевером. Известное дело – крестьянина завсегда к земле-матушке тянет. Но не успели они урожай собрать, как нежданно-негаданно хозяин тракторов отыскался. Стали ребята его уговаривать и половину урожая предлагать – ничего не подействовало, по пять лет всем троим дали. Хотели парни на вырученные с урожая

деньги свадьбы себе справить, да вот вместо веселья тюрьма вышла. Тут наш закон сработал безотказно. Известное дело, за простых работяг кто заступится? И Спиридон Васильевич снова и снова смахивал с глаз слёзы и говорил при этом:

- Во мать, видишь чего деется! Совсем, видно, правды на земле не осталось…

Мать же Макара, Степанида Михайловна Воложина, в такие минуты уходила в спальню, затепливала огоньком лампадку, крестилась на иконы и плакала. Была она верующая, знала, что надо терпеть и молиться, ибо на всё Божья воля. «И не такое это простое понятие - молиться за детей своих, эту веру так запросто не сковырнешь. Тут устои древнерусские крепко обозначены. А раз так, то ещё постоим. Не сдадимся в полон врагу, – думала мать Макара. – Да и чё, в самом деле, расплакалась, лишь бы жив был кровинушка родненький», – каждый раз подводила итог своим думам русская женщина.

Зона – она и есть зона. Много здесь судеб людских переламывается, да и то сказать, а на воле-то меньше разве? Сергею очень хотелось вывести Макара из терпения, и он продолжал:

- Ну, что ты там насчёт совести-то калякал?

И упрямо, с выраженным ехидством, в упор смотрел на Макара.

- А как, Серёга, без неё, без совести-то? Мы ж хотели вырастить урожай, потом продать его, затем свадьбы справить. Совестно, конечно, за трактора, но ведь они же совсем брошенные стояли, мы их и подлатали.

Сергей не унимался, будто бес в него вселился:

- Ну, давай, Макар, в карты сыграем!

- Не умею я.

- Как, не умеешь в дурака?

- И в дурака не умею.

Широко открыв глаза, зэк почти выкрикнул:

- Так не бывает! Чтоб даже в дурачка не умел! Не хочешь играть, так и скажи! А то мурочку пестришь тут.

Макар же не выдавал в ответ никакой раздражительности.

Это спокойствие у деревенских мужиков вырабатывается веками. Некогда им, хлеборобам, отвлекаться на всякую мелочь. Им денно и нощно нужно думать о хлебе насущном, а эта дума завсегда главнее всего на свете. Поэтому, наверно, Макар очень спокойно, даже с какой-то усталостью в голосе, отвечал:

- Говорю, не умею, значит, не умею. Мне когда было этим заниматься? Это у вас в городе забава эта живет, а у нас каждый день нужно думать, что скотине поесть дать. С утра и до ночи работаем – вот она деревенская жизнь, иначе не выживешь, так что не обессудь, Сергей.

Совсем взбеленился исколотый наколками зэк и заорал:

- Обращаюсь к старшему по камере. Паша, разреши, я ему грудь отобью!

Шуга же на это лишь улыбнулся:

- Эх, дурак ты, Серёга, и есть дурак! Он ведь кто? Хлебороб. Он с Богом на ты разговаривает. Погляди на его кувалды, если он ими хошь на половину воспользуется, то ты дух испустишь!

И, тяжело взглянув на Сергея, сказал:

- Всё, ша!

И совсем было неизвестно, откуда у старого зэка, Павла Ивановича Шуги, появилось вдруг такое отношение к деревенскому парню. Отхлебнув чифиря, Шуга отчего-то разговорился:

- Я к деревенским по-особому отношусь. Не ко всем, конечно, но по-особому. Василий Макарович Шукшин тоже деревенский был. И вот, надо ж такому случиться – и в тюрьме не сидел, а какую картину снял! Таких фильмов, как «Калина красная», редко кому удаётся сделать. А он сумел. Ты, Макар, когда вернёшься в свою деревню, тоже, наверное, с берёзками, как Макарыч, здороваться будешь.

Макар, о чём-то думая, медленно, но уверенно отвечал:

- Не без этого, конечно. Дома-то, в деревне, с природой всё время о чём-нибудь поговоришь. Да в деревне и нельзя без это-

го, кругом тишина первозданная. А тебе, потому как ты человек, выговориться охота. Живёт такая потребность в человеке.

Павел Шуга продолжал:

- Смотрю я на тебя, Макар, и удивляюсь. Весь мир за эти последние годы перевернулся. Да и на зоне много чего поменялось, а ты по своей тропе идёшь, особая, стало быть, у тебя порода.

Павлу было уже за шестьдесят, и, отхлебнув ещё немного чифиря, он продолжил свои размышления:

- Да, повидал я таких, как ты, Макар. Для вас и солнышко по-особому светит. И вот что самое главное – что бы с вами ни случилось, такие, как ты, всё равно будут веровать в совесть. Я отсидел по тюрьмам, в общем если брать, уже лет тридцать, и думаю так: если и терпит нас, грешных, Господь Бог на земле, то только ради таких, как ты, Макар.

И, пристально взглянув Макару в глаза, Шуга спросил:

- А что будешь делать, когда отсидишь? В колхозе твоём вряд ли работёнка появилась.

Воложин вначале помедлил с ответом, но после уверенно сказал:

- Вернусь домой. С района до деревни пешком пойду. Надышаться травами хочу. Окину взглядом родимую сторонушку. Сяду у речки, птичек послушаю. Очень я люблю вечерком, когда солнышко не печёт, травушки покосить, а потом искупнуться в речке нашей. Только всё одно – сначала отдышусь возле деревни, а потом пойду на поклон к родителям.

Сергей опять не сдержался:

- А если зимой отпустят, здесь ведь всякое бывает?

Макар нисколько не растерялся:

- Если зимой, то пока с горы нашей, где церковь красуется, не съеду, домой не заявлюсь.

Шуга зыркнул на Сергея:

- Понял теперь, али нет? Таких, как он, ничем не проймёшь. Я на полном серьёзе говорю, что Бог нас только из-за таких, как Макар, на земле терпит...

В камере вдруг воцарилась тишина. Все восемь зэков думали о своём, и далеко не каждый думал о совести, но над словами зэка Шуги думал каждый…

24.10. 2012 г.

Саднит в душе

Обыкновенный, но как всегда суетный день. Усталость, вечер и сон. Видится мой огромный, родной до боли радиаторный цех. Стоят несколько очередей, узнаю знакомых токарей, фрезеровщиков, сварщиков, слесарей.

Спрашиваю:

– Зачем стоите?

Ответ:

– За талонами.

– И куда их девать?

Один из токарей, Володя Цветков, отвечает:

– Можно молоко взять, но его нет.

– А тогда куда же?

– В столовой, говорят, можно два раза поесть, – отвечает слесарь Олег Кротов.

Очереди стоят, а я обхожу цех, гляжу на остановившиеся линии по производству радиаторов, просыпаюсь и понимаю, что уже не уснуть. Очень больно внутри. И уговариваю себя:

– Ты вытерпи, сердчишко. Организм мой дряхлый, не сдавайся! Позволь, Господь, хоть немного приблизиться к правде. Ведь наши святые князья на Руси всегда во все века призывали народ именно к правде. Только где ты, родимая, затерялась?! Дай знать мне, всем нам – людям дай знать! Может, где прячешься? Так выходи, уж невмоготу нам. Только весточку подай. Может так статься, что наш соборный русский народ поддержит тебя, как бывало встарь. А бывало всякое, и кривда ох, как часто побеждала... Но Бог берёг Россию, её трехжильный, непонятно как ещё выживающий народ.

Я опять вспоминаю наш завод отопительного оборудова-

ния. Радиаторы и котельные установки, которые у нас производились по сей день, спустя двадцать с лишним лет, после развала нашего предприятия, греют нашу Россию во многих уголках нашей родины. Несомненно, многое за это время и вышло из строя по сроку давности. Но каждый раз, когда я иду на работу, заходя проведать свою старенькую маму, я вижу наши радиаторы и знаю, что с помощью их моя милая мама доживет свой полный всего век в тепле. Иду на работу сторожить, чтобы получить хоть что-то, накормить семью. Раньше, в той жизни работал сварщиком. Теперь же глаза видят слабо, и молю Бога о том, чтобы не выгнали со сторожей. Один сын взрослый, а вот второго надо еще поднимать. Жена тоже болеет, но ведь такая жизнь у многих, я не ропщу, нет. Я, как и большинство всех нас, русских людей, люблю свою родину. Но боль за разворованный завод не угасает. Память всё время напоминает о многотысячном славном заводском коллективе. Как люди радовались, получая добротное жильё, и всё это, благодаря нашему заводу. Ум весь без остатка понимает, что это всё в прошлом, что надо давно привыкнуть к новой действительности, что многое поменялось, но это всё суета!

Мы, словно запрограммированные роботы, идём сами не знаем, куда. До утра остаётся еще несколько часов, и я, выпив стакан крепкого чая с сахаром, сидя на кухне и глядя на горевшую свечку, продолжаю размышлять.

Невольно подумалось об историческом многовековом укладе жизни России. Нашу страну называли и у нас, и за рубежом – Святая Русь. Ведь по всей России стояли белокаменные, краснокирпичные и деревянные церкви. Наше православие, наша христианская душа, наши корни, наши святые – это всё очень и очень серьёзно. Шутки здесь не уместны.

В журнале «Истоки», главным редактором которого является замечательный человек Сергей Тимофеевич Прохоров, прочитал записки одного священника: «Россия, ты уже себя спасла, имея столько святых на своей земле». Примерно такое вот выражение. А какова сила!

Мне стало легче, когда я стал ходить в наш правобережный храм Преображения Господня. Много веков молитвы, читаемые в храмах, спасали людей от уныния и тексты в них не менялись. Вот где истина! И чтобы к этому пониманию приблизиться хоть на немного, надо, вспомнив своих предков, молиться за них. Но эта истина приходит не сразу. К этому надо идти. Духовный путь очищения самый трудный. Но он, во веки веков – всегда праведный. Потому как очень не хочется прожить зря. Хоть чем-то пригодиться своей Отчизне…

Только завод наш по-прежнему стоит. Из нашего родного радиаторного цеха всё оборудование вывезено в Китай. От этого очень грустно. Опять саднит душу. Пойду, сварю ухи, старший сын наловил рыбы. А покормив родных домочадцев, пойду в храм. Лечить душу, как делали наши предки…

1.11.2012 г.

Избаловалось человечество

Елизар Матвеевич Пенкин сажал картошку всегда с большим запасом. Сам в посёлке трактористом работал. И навоз привезти, и вспахать всё техникой - это для рабочего человека радость большая. Милое дело по осени было глядеть ему на крупную свою картошку. Он, знамо дело, предвкушал, как нажарит этой самой картошки, да ещё и с сальцем, жена его Людмила Сергеевна.

И в их скромной двухкомнатной квартире будет праздник. Вырастили поселковые труженики сына и дочь, жизнь продолжалась, и у детей их появились семьи, и семя Пенкиных

продолжилось. И квартиры детям Елизар с Людмилой помогли купить. Кажется, откуда бы взяться таким деньгам у них. Но после девяностого, такого злого для всей страны года, в их родном посёлке вся промышленность и колхозы развалились. Люди стали уезжать, и квартиры сделались недорогими. Люди, они что, они во все времена люди: кто-то спился и помер, кто-то лес воровал, кто-то магазины пооткрывал. Начальство, как и по всей стране, путём грабежа хорошо себя обеспечило. Пенсию государство платило, и это очень многих крепко выручало. Под эту же пенсию и набирали в долг продуктов у спекулянтов наши люди. У Елизара, благодаря его старенькому трактору, по весне хороший калым образовывался. Пахал огороды, осенью возил дрова, словом, старенькие квартирки в таких же стареньких домах детям справил. Странным образом получалось, что в его гараже картошку брали все три семьи, но вот помогать садить, а по осени выкапывать урожай, его дети почему-то не хотели. И опять же - что тут странного, – скажут многие, и будут правы. И я, дабы не мучить читателя, продолжаю.

От многолетней натуги приключился у Елизара Матвеевича радикулит, да такой, что сковал его в одночасье. Лёжа на постели и мучаясь от нестерпимой боли в спине, послал к сыну и дочке жену. Дескать, садить картошку надобно, пора, стало быть, приспела. Дети родимые в отказ пошли, твердили своей матери, что купят. Рассердился к тому времени ставший дедом Елизар, ибо имел внука и внучку. Кое-как добрёл до сына и с порога гневно ляпнул: «Чего ж вы до этого столько лет не покупали?» А сын во весь голос: «Но была же картошка!» Так вот и случилось, что впервые за много-много лет Елизарово поле оказалось незасеянным. Вдобавок к радикулиту другие болезни образовались. Жена Людмила успокаивала: «На старой картошке до весны протянем». Но не протянули, дети через два месяца всё повыгребли. А когда сами на свои деньги стали покупать картошку, то вспомнили отца, но не пожалели, нет, дочь только и вымолвила: «Да если бы

папу не схватил радикулит, то досыта поели бы картошки, а то эта китайская какая-то невкусная». Жизнь, знамо дело, шла своим чередом. Елизара с Людмилой дети жили в постоянных склоках, скандалы для них уже давно стали как для физкультурника зарядка. Вот уже и внук с внучкой завели свои семьи. Старики же доживали свой полный борьбы за выживание век. Елизарово поле давно и прочно заросло травой. Дёрн на когда-то паханной земле образовался крепкий, словно и не пахали здесь никогда. Росли здесь берёзки, осины, и соседи по осени находили немного грибов на жарёху. Земля жила своей жизнью, человек своей. Обычно под вечер, покурив на кухне, Елизар шёл смотреть программу «Время». И каждый раз после просмотра, тяжело вздыхая, говорил: «Избаловалось человечество, избаловалось». А его верная жена Людмила Сергеевна Пенкина при таких словах мужа всё вспоминала своего молодого тракториста Елизара, их картофельное поле и, плача, кивала седою головою...

Отцова телеграмма

Анатолий Спицын с молодости и до самой пенсии проработал на заводе отопительного оборудования токарем. Настали такие времена, когда рабочим вдруг перестали платить зарплату. Девяностые годы сделали рабочую Россию согбенной нищей старухой.

Вот в такое время и получил пятидесятилетний мужик Анатолий срочную телеграмму от отца, живущего в Кемеровской области. Что, дескать, приезжай, сынок. Занемог совсем отец твой.

Отец, Семён Авдеевич Спицын был не из слабых. Прямо

чудо богатырь. Всю войну проработал на шахте. Хоть и просился на фронт, но для шахтёров была бронь. Так с шахты на пенсию и ушёл, но был ещё довольно крепок. После смерти жены стало Семёну Авдеевичу скучно одному в дому. Часто думал о своих сыновьях: «Где же вы, мои соколики ясные?..»

Что же делать было Анатолию, ведь денег у него даже на дорогу не было. Кое-как, с грехом пополам, наскребли. Но путь из Сибири в Сибирь дался непросто. Мыслям Анатолия не было удержу: «А ну, как с отцом совсем худо? Чё тогда делать? Денег только в оба конца, и те отдавать надо…»

И вот она, привычная, такая родная сердцу, калитка. Остановившись возле отчего дома, Анатолий, глубоко вздохнув, закурил. И почему-то медлил, не шёл в дом. Вдруг дверь распахнулась и показался отец. Хоть и было ему за семьдесят, выглядел хорошо. По-богатырски сложенное тело, да и весь отцов дух, как и прежде, был силен и бодр. Отец, на миг всплакнув, подошёл к Анатолию и крепко обнял, да так, что у родного сыночка, тоже отнюдь не слабого мужика, затрещали кости.

– Ну, здорово, сынок! С приездом, значит, тебя!

И, улыбаясь во весь рот, с какой-то хитринкой в глазах, поглядел на сына. Вконец растерявшийся сын только и вымолвил:

– Ты чего, батя? Телеграмма ж была, будто худо тебе!

Отец, обняв сына, пригласил его в дом. Войдя в отчее гнездо, Анатолий остолбенел: за шикарно накрытым столом сидел его родной младший брат Сергей, с которым он не виделся более пятнадцати лет. Трое мужиков, обнявшись по-мужски, заплакали.

Рушилась страна, власть всё время переиначивалась в родимой сторонушке. Но посреди всего этого разбордаша в одном из домов этого поселения стояли отец и два сына. Анатолий, немного придя в себя, только и смог вымолвить:

– Ты чего, батя?

Отец, немного смягчившись, говорил:

– Совсем мне без матери скучно стало. Свет белый не мил.

Я без неё и не живу, а только кажусь, что живу. Встану, попью молока, и в шахту. Я ить ишо работаю. Много, видать, наши предки в меня силушки вложили. Пенсию получаю. Аман Тулеев, губернатор наш, для нас, кто в тылу во время войны добывал для страны уголь, добавку у президента нашего вытребовал. Хороший мужик, много чего для рабочих делает. Нам, кемеровчанам, повезло, ей-Богу. И вот верите, сыновья, всё есть на столе: одна сковородка мяса, другая - котлет, но не это главное. Душа же ведь у человека имеется, а тут - прям как Господь услышал – Сергей в отпуск нагрянул. Ну, понятно, радость в доме, стали мы о тебе, Толя, вспоминать. Вот и надумал я тебе такую телеграмму дать. Ты извини, конечно, за беспокойство это нешуточное, но а без этого мы вряд ли все втроём еще увиделись бы! А!?

И засмеялся. На столе и впрямь всего было достаточно. Выпив домашней самогонки, хорошо перекусив, Анатолий поведал о теперешней жизни в некогда благополучном Братске:

– Никогда бы, батя, не подумал, что такой бардак будет. Зарплату не платят, а работаем. Некуда деться. К тебе ехать – прямо беда, с миру по нитке собирали, а у тебя вот чё.

И, уже слегка захмелев, улыбнулся:

– Надо же, как повидались!

Сидели допоздна, хорошо, по-русски, по душам говорили. Заснули, когда ночь перевалила за вторую половину. А утром сыновья ощутили, как в детстве, о себе отцовскую заботу. Они и не пытались препятствовать папе, понимая, что ухаживание это за сыновьями только на пользу для теперешней жизни старика. На столе опять было полно снеди: испечённая в духовке большая курица, жареные яйца, картошка в мундире, запотевшие бутылочки первача. «Ты когда успел, батя? Ложились-то вместе!», – спросил Анатолий, только-только продравши глаза. Семён Авдеевич опять улыбался во весь рот:

– Да говорю же, еда в доме есть!

И опять вспоминал добрым словом Амана Тулеева.

– Я ведь, сыночки мои, ещё в себе силушку-то чувствую. Вот только тоска по матери изводит. Ну, давайте к столу!

Неделю кряду прожили сыновья у отца. «О Боже, как же хорошо-то было!» - вспоминал после Анатолий.

Провожая сыновей, отец напутствовал их такой простой шахтёрской речью:

– Мы ведь с вами, сыночки, боле не увидимся. У вас семьи, да и время такое ненадежное, беспутное. Ничё не понять, куды всё идет. Я, конечно, счастливый человек - вот вы у меня по правильному пути живёте, и я жену Лизавету любил и буду до смерти любить.

И вдруг, опершись на изгородь, заплакал:

– С малых лет в шахте до старости проработал. Сколько раз погибнуть мог – и не сосчитать. А вот выжил! Другое испытание принял, жёнушку потерял. Бывало, как она меня ждала! Это ж не высказать, не вышептать невозможно. Это все внутри тебя заложено. Меня одно теперь на земле держит – повидал вас, слава Тебе, Господи!

И, загадочно посмотрев в небо, отец, как бы молясь, совершенно иным голосом добавил:

– А она ведь мне помогает, мать-то ваша! Чё не то надумаю, она будто бы и побранит меня. А обижать её я разве посмею…

Спустя много лет встретил я Анатолия Спицына в аптеке, надо сказать, сильно посещаемое это заведение стало в последние двадцать лет. Так вот, сразу узнали друг друга. Оказалось, что пережил Анатолий инсульт. Половина тела отказала служить, но организм, слава Богу, справился. Но вот другая напасть приключилась. Признали братские врачи рак в паху. Поехал в Иркутск – оказалось, доброкачественная опухоль, удалили. «Теперь живу на пенсии, тринадцать тысяч рублей получаю», – говорит Анатолий. С нетерпеньем спрашиваю про отца и узнаю, что дожил Семён Авдеевич до восьмидесяти лет. До семидесяти четырех, что уж совсем было диво, работал в шахте.

– Похоронил я отца, здоровый он у меня был. Ух, здоровый!

1.11.2012 г.

Проводка

Свалилось на деревенского мужика сразу, как это зачастую и бывает в жизни, несколько напастей. Заболела полиартритом жена Ирина. Совсем отказал крепко выручающий на протяжении многих лет старенький мотоцикл «Урал».

И вот, наконец, что уж совсем ему, слишком впечатлительному, было тяжко пережить, обвинили в халатности. Загорелся коровник, и хотя вовремя все было потушено и никто не пострадал, на колхозном собрании все, как договорившись, накинулись на Прохора Серафимовича.

- Тебе сколько раз было говорено поменять электрику на коровнике? - кричал во все лужёное своё горло Пётр Коромыслов.

Председатель же Игнат Спиридонович Лужаков помалкивал. Конечно, в колхозе было полно всяких недостатков, но все терпели. И когда-то же этому терпению должен был быть положен конец. Человек работает и молчит. Молчание это поразному у каждого выходит. Кто-то просто молчит, а кто-то, даже сам от себя не ожидая, злость на кого-то копит. Но именно на этом собрании, выслушав крики и упрёки односельчан, старый колхозный электрик Прохор Серафимович вдруг встал и с навернувшимися на глазах слезами произнёс слова святого князя Александра Невского:

- Не в силе Бог, а в правде!

После этого поклонился землякам и вышел. По дороге домой старые кирзовые сапоги, несмотря на то, что были хорошо смазаны гуталином, стали промокать и, наступая на холодные осенние лужи, Серафимович не сразу и ощутил, что ноги-то совсем замёрзли. Тут как тут и в спину стрельнуло. Пройдя несколько метров, ощутил ещё резкую боль в области сердца. Присел у забора, понимая, что до дома ему нынче не дойти.

Всю жизнь проработал Прохор в своем родном селе электриком. В каждом дому была заметна его работа по электри-

ческой части, и он, помогая людям, чувствовал себя веселее. Но жизнь есть жизнь. Всё стареет, ветшает. На протяжении многих лет он предлагал председателю поменять проводку в коровнике. Игнат Спиридонович только отмахивался, мол, это не к спеху. Только спустя час, когда кончилось собрание, односельчане обнаружили Прохора. Он ещё дышал.

В больнице, где Прохор пролежал месяц, главврач не мог нарадоваться на золотые руки деревенского мужика. Всю работу по электрике, накопившуюся годами, Серафимович сделал за месяц. Только за работой, хоть ему это и запрещалось, спасал себя от грустных мыслей. Уже вечером, приняв лекарство, лежа в больничной постели, Прохор всё размышлял:

- Ну почему так-то всё? Живём все вместе, а в деревне так и вообще все в одной купели перебывали, когда Крещение Святое принимали. Однако друг дружку едим потихоньку. По мне, так лучше день и ночь работать, только бы не слышать плохих слов не только о себе, а вообще о ком бы то ни было. Моя бабушка никого не осуждала, работала да на иконки свои старенькие молилась. Эти образа и спасали её, родимую кровинушку, от кручины, которая каждому человеку ведома. Хорошо, что коровник не сгорел. Авось, даст председатель проводку-то, починю, будет всё ладом.

Прохор Серафимович пролежал в больнице ровно месяц, и однажды ночью, тихо, никого не потревожив, умер. Утром необыкновенно волшебно щебетали птички, светило солнышко. Дети в деревне уже слепили снеговика, влепив ему вместо носа огромную морковину. Председатель Игнат Спиридонович с самого утра съездил в район, купил там новую проводку и заехал в больницу попроведать Прохора…

г. Братск 24.10.2012

Евдоким

Посвящается великому русскому человеку
Михаилу Евдокимову

К вечеру, вволю напившись, Евдоким опять разогнал всю деревню. Силы в нём было немерено. Коня полугодовалого поднимал, да ещё и улыбался при этом. Уж тридцать годов было дураку, а всё не женат был. Да и девки-то его боялись - под два метра ростом, плечи широченные, руки словно кувалды. А когда однажды взвесили его на колхозных весах, то оказалось – аж все сто пятьдесят кило с гаком. Любимая поговорка у Евдокима была: «Удавлю, ежели захочу, и даже не трепыхайся». Хоть и пил Евдоким без меры, но мать свою любил и даже, что уж было совсем удивительно, стеснялся её. Бывало, придёт маманя с работы, уже наслышанная о подвигах сына, а тот пьяный икнёт и мягко так скажет:

- Может, помочь чем, маманя?

Ну, вот это обстоятельство как раз и выводило из себя маманю. Тут уж Мария Петровна давала жару – что под руки попадет, тем и орудовала: то ухватом огреет сыночка родимого, то кочергой, да и просто поленом берёзовым по хребтине его пройдется. Да и то сказать, как было не злиться Марии Петровне на родимца своего? Ведь почти с каждого двора выходили пострадавшие и жаловались ей на него. Евдоким же кулак свой, конечно же, не прикладывал к односельчанам, иначе совсем не с кем было бы после поговорить. А вот видом своим шибко тиранил земляков, да и ругательства несусветные изрыгались из его уст. Словом, жил мужик Евдоким с мамой своей и маялся от своей силы безмерной да дум непутёвых.

В то утро заморосил дождь, да такой, который по старым приметам неделю может пройти, а может и дольше. Была суббота. Многие деревенские уже успели досыта напариться в бане и после, по многовековому укладу русской деревни, решили потешить себя запотевшей бутылочкой самогона. Да и

день уже успел подойти к вечеру. А в это самое время у Марии Петровны на душе - паника. Но не от того, что сын её в очередной раз кого-то обидел…

…С утра Евдоким выгреб навоз на скотном дворе, затем сплёл кряду три красивых корзины, наказав матери продать их на базаре. Но что уж было совсем невозможно, был он трезв как стеклышко. Наколол дров целую машину, а после, зайдя в избу, только и молвил:

- Мам, я в церкву схожу к батюшке.

Мать так и присела на лавку и слёзы с глаз прыснули сами собой. Даже батюшка Георгий был немало удивлен, завидев на вечерней службе почти спившегося чудо-богатыря.

Настал час исповеди. Евдоким, опустившись на колени перед древними иконами, божественной книгой, распятием и удивлённым батюшкой, начал свою исповедь:

- Я, батюшка, пью ведь очень!

Отец Георгий, не преминул вставить своё слово:

- Да уж знаю, батюшко, это всей деревне ведомо. Замаял ты всех, ей-богу. Зачем намедни Тимоху тракториста тиранил?

Евдоким, опустив свою бесталанную голову, только и сказал:

- Да я знаю, я виноват. Только не мог я ему не поддать малость. Он ведь свою невесту Настю обманул! Сделал дело, а жениться не желает!

И, виновато посмотрев на батюшку, добавил:

- Ну, вот я и не выдержал, поломал его маленько. Меня ведь, батюшка, что тревожит? Ведь уж тридцать годов мне, хоть и выпиваю, а всё одно в колхозе тружусь кузнецом, за меня ведь мою работу никто не делает. А вот девки меня боятся по причине громадности моей. А тут что вышло-то – пришла Настя, значит, ко мне в кузню и бает: «Раз ты за меня вступился, значит, так тому и быть, если хошь, буду твоей женой». И вот веришь, отец Георгий, заплакал ведь я тогда, Настасьюшка и вовсе заробела. А как же, ведь такой детина - и плачет.

Собравшись с мыслями, Евдоким подытожил свою исповедь:

- Я, батюшка, пить больше не желаю, и Настю в жёны возьму! Вот чего боюсь я, так это того, что люди опять мамане моей будут всякие скверны выговаривать, а я ведь хочу, чтобы по совести всё вышло. Вот и рассуди, священник, раз тебе на это Господом воля такая дана.

Деревенский богатырь в этот момент был очень серьёзен и его страдальческое лицо не вызывало никаких сомнений в том, что он действительно исповедуется. Потому-то батюшка Георгий, перевидевший за свою долгую жизнь немало человеческих судеб, и пожелал Божьего благословления Евдокиму…

Много прошло с той поры времени – и колхоз развалился, и власть в стране поменялась, только семя Евдокимово на деревне жило и множилось. Не без препятствий разных, разумеется, как это всегда и бывает в жизни, но детишки у них с Настасьей были все хорошие - доброты необыкновенной. А ведь в книгах старых и бают, что были русские люди именно таковыми.

Спасённая

Детей было у них четверо. Старшая Анютка десяти лет от роду, Антон на два года младше, Сергей и Прохор – те были близнецами, обоим по четыре.

Жили в районном центре, где жителей было тринадцать тысяч, так что жизнь Панкрата и Светланы протекала у всех на виду. Родители Панкрата рано закончили свой жизненный путь, и осталась после них нехитрая избёнка. Вот в неё-то родимую и привёл Панкрат Емельянович, уже успевший за это время отслужить в морфлоте и по прибытии в один год схоронивший родителей, свою невесту Светлану. Свадьбу справили очень скромно. Хоть и был на дворе 1994 год и по телевизору денно и нощно говорили о богатой и бедной жизни народа, но Панкрату в его двадцать три года было не до особого пиршества, ибо извечная русская поговорка о том, что «сытый голодного не разумеет», как всегда, работала безотказно. Устроился дальнобойщиком. И вот ведь как бывает: вроде бы и зарплата

приличная, и дети хорошие, семья не бедствует, но взялась Светлана пить. Панкрат пробовал по-всякому, деньги только на самое необходимое оставлял, не раз приходилось слышать ему опять же с экрана этого великого греховодника телевизора о том, что женский алкоголизм гораздо хуже мужского. И когда, уезжая в дальний рейс, он набирал на продовольственных базах ящики сгущёнки и тушёнки, и много чего другого, надеялся, что дети его будут сыты. А по возвращении от сердобольных соседей узнавал, что дети его ходили и просили у них поесть. Панкрат не был скандальным мужиком, но представить, что у него есть нормальные деньги, а дети его бедствуют, было невыносимо трудно. Сколько долгих разговоров было со Светланой. Она же, в свою очередь, считала, что муж, уезжая, их бросает, а значит не имеет права распоряжаться их жизнью. «Господи! - рассуждал Панкрат. - Ты очень давно знаешь, сколько всего такого похожего происходит на Руси, терпишь нас, грешных, ибо есть что-то на земле, чего человек не знает, может и хорошо что не знает. Очень уж много бед от излишних знаний на земле».

В очередной раз вернувшись из рейса, отец увидел, что его младшенькие сыновья Прохор и Сергей едят из собачьей чашки, в которую был навален не до конца сваренный комбикорм. Где простому человеку набраться столько терпения? Где взять силы, чтобы не довести это до беды, знает один Господь, но и человек не должен снимать с себя ответственности, потому как в самом простом человеке таится до поры до времени неслабая духовная сила, которой, если он захочет, может воспользоваться. Вера всё же есть и великое испытание. И Панкрат, обняв детишек, тут же и пожалел о своём решении оставить дома ящики со сгущёнкой и тушёнкой. Стоило ему вернуться, как убедился в том, что ни одной банки не осталось. Вспомнились Светины «выступления»: «Тебе что, жалко эти консервы? Люди бы поели!» Да и не против был Панкрат, чтобы люди поели, но ведь к Светлане ходили те, кто вообще не хотел работать, сколько раз ему самому при-

ходилось выслушивать, приезжая из рейса, от этих «гостей»: «Такая халява редко обламывается, твоя стерва всех принимает, как ты терпишь-то?»

Собираясь уезжать в очередной хорошо оплаченный рейс и уже скопивший к тому времени приличную сумму денег, Панкрат попросил соседей, чтобы они приглядели за детьми. За долгие командировки и платили хорошо. «А что же делать? – размышлял Панкрат. – Суд, понятное дело, отдаст детей мне, а Света после этого совсем сопьётся». И вдруг, остановив машину, обнял баранку и, опустив на неё исстрадавшуюся и уже наполовину седую голову, горько зарыдал: «Ведь люблю я её, четверых детей нажили. Только вот беда, часто нет меня дома, а мужики эти… да не было их никогда, одна у меня Светка, моя Светка…»

Отворив через месяц калитку своей изгороди, Емельяныч ощутил всем нутром жуткое запустение. В его родном дому даже собаки были кем-то спущены с цепи. В доме же было не прибрано, в воздухе стоял несусветный перегар. И посреди двух абсолютно голых кавалеров лежала его жена Светлана. Осторожно взяв её на руки, он отнёс жену в кабину своего «КамАЗа». Решение появилось неожиданно, но сделать по-другому он уже и не смог бы. Притормозив возле недавно отстроенного православного храма, названного в честь преподобного Серафима Саровского, Панкрат, ведя уже наполовину протрезвевшую жену, надеялся только на встречу с протоиереем Пахомием Черниговым. Это был их бывший одноклассник. В церковном приходе их встретили и проводили к служителю церкви. Нет, Светлана не провалилась от стыда и даже как-то вызывающе глядела на священника: «Что, воспитывать будете? Поздно, я уже конченая». Священник опечаленно поглядел Светлане в глаза и говорит: «Вижу я, Светлана, что тебе сейчас плохо, но подумай ты, как Панкрату твоему, легче ли? Ведь другой на его месте бросил бы тебя давно и был бы прав. А он богобоязненный, твой Панкрат-то». Подведя Светлану к образу Серафима Саровского, он приложил её голову к иконе…

…Всё случилось не вдруг и не сразу. Посёлок их родной спивался - все знакомые, все друзья, вот к Свете и зачастили. Сперва казалось, что всё это временно, но так в жизни бывает редко. О Боже, что же пришлось пережить Светлане, когда в магазине каждый открыто осуждал её, откровенно говоря в глаза, что Панкрат бросит её и найдёт себе другую. Но не камнем ведь бесчувственным была Света, сидело в ней что-то такое, что понять порой нетрудно простым грешным людям. В девичестве вроде как все была, не хуже и не лучше. И вот, поди ж ты, пойми эту жизнь…

…Икона подействовала как-то странно на Светлану, отныне лишь только брала она в руки рюмку, как образ святого Серафима тут же и являлся пред нею, да не один, а с плачущими её детьми.

Прошло несколько лет. Светлана стала прихожанкой в храме и уже сама многих спасала, пройдя сквозь горнило личной беды. Панкрат же был несказанно счастлив. Отец Пахомий как-то в беседе сказал: «Конечно, Панкрат, самое великое, что ты сделал, это то, что не бросил жену. Вот и дети вам в награду - один краше другого». И, глубоко вздохнув, договорил: «Тут ведь никогда не ясно нам, грешным, что с нами может случиться по жизни, но Господь ведёт всех нас одному Ему ведомой дорогой. Не случись того, что было у вас со Светой, не было бы и другого. Уж десятки прихожан молятся за твою Светлану и говорят, что только она их спасла. Нам бы только научиться прощать друг друга – в этом истина, об этом учит нас наша вера. Но скажу тебе честно, Емельяныч, что случись со мной такая история, я бы её, может, и бросил».

День этот, когда разговаривали отец Пахомий с Панкратом, выдался солнечным, и они оба вдруг отчётливо осознали всем свои существом, как прекрасен этот мир, данный нам Богом.

Дворник

Довелось мне однажды в апреле 2004 года поработать дворником. А почему бы и нет, думаю. Профессия как профессия, как многие другие. Тётя Надя, моя знакомая, и помогла устроиться. На нашем участке поселка «Энергетик», включая ЗАГС, работают две бригады по 4 человека в каждой. Отработав на заводе отопительного оборудования почти 18 лет то сварщиком, то слесарем, то сторожем, никогда не предполагал, что дворник – такая тяжёлая работа. У каждого был свой участок. За мной закрепили два девятиэтажных дома и одну пятиэтажку. В начале апреля всё, что накидали жители домов за долгую зиму, оттаивает потихоньку. А кидают они, как я убедился, очень настойчиво. Сказать, что картина получается неприглядная, значит, вообще ничего не сказать. Оттаивают целые залежи бутылок, банки из-под пива, шприцы, презервативы – всё это в огромном количестве.

Дворник, почистив мусоропроводы, отдалбливает пешеходные дорожки. Люди, как и я раньше, проходят мимо тебя, у всех свои дела на уме, и тут же на твоих глазах продолжают сорить. А я, работая всё энергичнее, убеждался, что это по-настоящему великий труд. В мой первый день работы дворником засорились три мусоропровода, и это немудрено. Некоторые жильцы умудрялись впихивать туда и коробки из-под телевизора. Я стою, чищу забитый мусоропровод, получается плохо. Но мне повезло, вышла пожилая женщина, увидела мою беду и сказала: «Я, сынок, тоже дворником работала». И показала, как правильно чистить мусоропровод. И я, конечно

же, бесконечно благодарен этой труженице, понявшей мою беду неопытного дворника. Приехав домой после первого дня работы, поел, помылся, упал, так до утра и проспал. Жена и дети были немало удивлены. «Вот так работёнку ты себе козырную отхватил», – пошутила жена. Но в тот момент мне было не до шуток.

Работала на нашем участке мастер Соня. Очень хорошо, по-человечески она к нам относилась. И огромное ей за это спасибо. В один из дней приходит Соня и говорит: «Сегодня пойдём чистить подвалы». У моих напарниц сразу стали грустные лица. И, видя мое любопытство, Надя сказала: «Сейчас поймёшь, Толик, что это такое». К подвалу подъехала грузовая машина, и мы - три женщины и я, «любопытный мужик», спустились в подвал. Там бомжи устраивали себе квартиры, наносили всякого тряпья и жили там, и умирали там, а когда начинало сильно вонять трупом, жильцы жаловались, приезжала труповозка и увозила почившего, а мы, дворники, вытаскивали после покойника это самое тряпьё. Иду по подвалу с фонариком, захожу в очередную «квартиру» бомжа, поднимаю старое одеяло, а на нем целая куча тараканов, и это всё нужно было выносить. В подвалах душно; когда вытаскивали тряпки на улицу, была возможность немного отдышаться и снова в «бой», за чистоту наших дорогих домов, кварталов. После такой «чистки» мы с бабёнками скидывались на бутылочку, пускай читатель строго нас за это не судит: ведь заразу разную подхватить – дело нехитрое. Вот мы и обеззараживались, по-своему, конечно. Но тот, кто работал дворником, меня поймёт, а кто нет, хотя бы представит, что это такое. Однажды, убирая мусор, увидел, как с четвертого этажа пятиэтажки летит ящик с пустыми бутылками и с грохотом разбивается о землю. Метрах в пяти от этого места играла девочка. Что со мной было, трудно описать. Я заметил, откуда летел ящик, и во всё горло заорал:

- Тебя нельзя назвать человеком!

Вокруг собралось много старушек, они знали эту квартиру.

Да и мне пришлось на своем горбу убедиться в «чистоплотности» этих нелюдей. Больше 20 мешков мусора убрал весной только с этого места. Подошла Соня.

- Соня, неужели ничего нельзя сделать?

- А ты видел, откуда летел ящик?

- Да.

Соня ушла за участковым.

Через несколько дней убирал мусор возле этого дома. Ко мне подошла женщина и поблагодарила:

- Мы ведь всем подъездом с ними справиться не можем.

Я ничего сначала не понял, а потом Соня сказала, что их крепко оштрафовали на тысячу рублей. Первая мысль, которая пришла в голову, а что, если бы девочку убило этим ящиком... Слава Богу, что этого не произошло. Боже упаси, если сложится впечатление какого-то моего геройства. Нет, но у всякого терпения есть конец.

Утром, как всегда, начинаю с уборки мусоропроводов. Вижу, идёт мужик, пожилой уже, одет как-то по-праздничному. Подходит ко мне, спрашивает: «Здесь где-то мой друг живёт». И объяснил, какой он с виду. Я сразу понял, о ком он говорит, хотя совсем не знал его друга, только вскользь слышал о нём и знал, что его совсем недавно похоронили. Я сказал: «Зайдите, конечно, к другу.» Открыл ему подъезд, код дворникам известен. Мужик зашёл. А я, убирая мусор, невольно стал переживать за него. Минут через пять он вышел, осунувшийся, расстроенным голосом говорит: «Вот, парень, а друга-то моего схоронили». И медленным шагом куда-то побрёл. Я очень долго смотрел ему вслед, и думал: у меня тоже есть дорогие моему сердцу друзья. Ох, как надо успевать дарить им свою доброту, внимание, общение. Господи, как это важно!

Подъехала большая мусороуборочная машина, и мы вчетвером, подъезд за подъездом, вытаскивая тяжёлые металлические ящики, доверху забитые мусором, грузим их в машину. Я всегда с восхищением наблюдал за работой тёти Нади и тёти Люды – вот уж труженицы! Поначалу меня мучили

запахи, но, глядя на этих женщин, которые умеют терпеть, на себя обозлился. И тоже привык. У нас небольшая рабочая комнатушка в шестнадцатиэтажном доме. Утром я приезжал с Правого первым, кипятил чай, включал радио. Женщины подходили к восьми, настроение у них, конечно, у всех разное. А мне покою не давала мысль, чем же их развлечь. В один из дней я написал стихотворение, посвященное дворнику. Попросил жену написать его красиво, на большом листе. Рано утром приехал, прикрепил его на стене и жду. Приходят женщины, читают. По лицам догадался – настроение удалось поднять, даже мастера приходили читать. А одна из женщин другой бригады, прочитав, сказала: «Ты же не поэт». И ещё что-то с недовольной ухмылкой. Но так всегда в жизни – на всех не угодишь. Привожу ниже это стихотворение. Оно, конечно, не профессионально написано, но у меня и мысли другие были… Вот последние четыре строчки из него:

Да, дворники, порою жизнь жестока
И всех по-разному ведёт судьба.
Но вы от грязи очищаете планету,
За это честь вам и хвала!

После больничного вышел к нам в бригаду худой мужичок Володя, один живет где-то в общежитии. Разговорились. Жена у него умерла, остался один и сильно болел. Потом он опять лежал в больнице, я с сыном к нему ходил, навещал, мне всегда было его жаль. Он был хороший, простой русский мужик. Почему был? Потому что нет больше Володи, умер.

В один из солнечных дней июня вижу – сидит в подъезде женщина, старенькая уже и говорит: «Помоги, сынок, до дому дойти». Я взял её под руку, повёл потихоньку. Когда я довел её до двери, она посмотрела на меня и сказала: «Спасибо, сынок, найдёшь ты себе другую работу». И ушла.

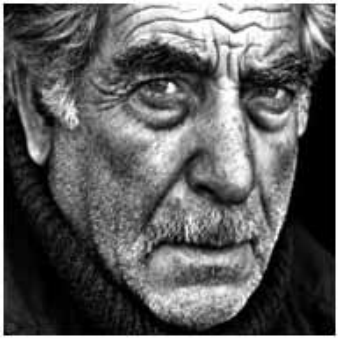
И вот я на другой работе. Но теперь, проходя по улице, уже не бросаю бумажки и что-то другое, как бывало раньше. А иду и всматриваюсь невольно, как работают дворники на своих территориях.

Наша бригада оказалась первой в Падунском районе по чистоте участка. Нам даже премию дали – 900 рублей. Мастер Соня была очень довольна нами. А я, на радостях приехав домой, купил по пути копчёную курицу и накормил семью вкусным обедом.

Где-то месяца через два я уже был на другой работе, зашёл в гости к бригаде. Тётя Надя и тётя Люда сидели уставшие, но очень обрадовались мне. Я прихватил с собой бутылочку, закуска нашлась, почитал женщинам новые стихи, и песни попели. И вот, спустя три с лишним года, пишу этот рассказ. Тётя Надя и тётя Люда уже не работают дворниками, но я очень захотел обо всём этом написать.

Милые женщины, труженицы русские, пусть светит в ваших окнах хотя бы небольшой огонек счастья. В моей памяти, дорогие мои, вы останетесь на всю жизнь. И это по-настоящему серьёзно для меня.

Силуэт старика



Фома Егорович Брусничкин ковырялся в мусорном бачке, мечтая найти хоть что-нибудь ценное. Бомжевал он уже три года, прям как служба на флоте, срок-то. Спал зимой в подвале девятиэтажного дома, летом – где придётся. Жизнью назвать это было нельзя, скорее, жалким существованием, но таких, как Фома Егорович, было много. Да он и не роптал на судьбу, просто жил и ждал смерти, а она, по всему видать, где-то задержалась.

Ещё в 1994 году было всё: и работа, и квартира, и семья. Жил он с женой Глашей, детей у них не было, вот так, потихоньку, до шестидесяти лет и дожили. Работал Фома Егорович простым бетонщиком, их завод производил бетонные

панели для многоэтажных домов, жена Глаша там же крановщицей работала. Как-то, когда он уже спал, со второй смены вернулась жена, разогрела суп с большим мослом и во время еды подавилась костью, дышать ей, бедной, совсем нечем было. Фома пока «скорую» вызывал, жены не стало. Вот и запил мужик, оставшись один. Страна жила в то время совсем худо. На заводе сократили, сказали: «Ты хоть пенсию получаешь, а молодым что делать?» Когда был трезв, сильно жалел жену, любил её шибко и снова напивался. Так вот и подметили Фому Егоровича ушлые люди. Пришли в его квартиру, заработанную честным трудом, два здоровенных парня, принесли ящик водки, закуски.

- Давай, дед, за знакомство.

Фома всегда был человеком доброй души.

- Давай, - говорит, - ребятишки.

Вот над этой его добротой долго потом смеялись эти нелюди. Подпоив деда, подсунули какие-то бумаги, да он и не помнил совсем, как их подписал. А через неделю его выкинули из квартиры. Опомнившись, пошёл в милицию, но толку не было. В мусорном бачке что-то блеснуло. Он вытащил коробку из-под торта, открыл её. Торт был наполовину съеден. «Ну вот, сегодня обед есть». Фома не дружил с другими бомжами, потому как хоть на старости лет перестал смотреть на жизнь через розовые очки. Часто найденное воровали у него собратья по несчастью. Принесёт он с пенсии продуктов в подвал, а те и рады. «Мне-то оставьте, - говорил. - Не съедайте всё». Да где там, в подвале праздник - сегодня Егорыч пенсию получил. В маленьких бутылочках дешёвый спирт рекой льётся в этот день. Потом стал прятаться от них. Так находили, избивали и говорили, отняв всё до копейки, что жадный стал. И вот сама жизнь заставила Фому Егоровича быть похитрее: он стал закапывать еду на берегу залива. Было там у него своё место, где люди появлялись редко. Варил себе уху из окуней, которых сам же и ловил. Ну, и выпивал, конечно. А наутро, проснувшись, всё повторялось сначала.

И мысли - скорей бы сдохнуть – стали больно часты. Приходил он два раза в свою квартиру, просил новых хозяев вернуть её, но его выгоняли, угрожая милицией. Как-то ночью сидел Фома Егорович возле своего залива у почти потухшего костра. Вдруг услышал шум машины. Она остановилась недалеко от него. Отчетливо послышался девичий голос:

- Не трогайте меня, я не хочу! Мамочка! – кричала совсем молоденькая девушка. - Не трогайте меня!

Мужской пьяный голос твердил:

- Да куда ты денешься с подводной лодки, щас трахну тебя и к маме с папой отвезу.

- Неужели вы не человек, отпустите меня, пожалуйста, – умоляла девушка.

У Фомы Егоровича что-то кольнуло внутри: «Моя жизнь загублена, так что ж девчонке-то пропадать». Взяв лопату, он подошел поближе. Мужик, наверно лет тридцати, уже сорвал юбку с девушки, и было мучительно, отвратительно смотреть на это. Фома Егорович подошел сзади и со всей оставшейся силы ударил ребром лопаты по плечу насильника. Тот, дико взревев от боли, присел на корточки. «Бежим быстрей, давай!» И, взяв девушку за руку, они побежали. Слышали уже вдалеке: «Догоню, убью!» Когда уже поняли, что опасность отошла, Фома Егорович, приземлившись, попросил отдыха.

– Как зовут-то тебя? – спросил, сильно запыхавшись.

– Люся.

– Что же ты, Люся, с мужиком-то одна поехала?

– Да ведь таксист он. Не думала я…

И вдруг совсем по-детски расплакалась:

– «Мамка дома переживает. Поздно уже. Меня ведь подружка на такси посадила…»

– «Да, – подытожил Фома Егорович, – нигде нету порядка».

«И батарея на сотовом, как назло, разрядилась, – горевала Люся. – Маму никак не предупредить».

– Ну, вот что, пойдём, я эти места знаю. Даст Бог, всё будет хорошо.

К утру они дошли до города. Вот и автобусная остановка.

- Я так хочу вас отблагодарить, поедем ко мне, а, Фома Егорович… - уговаривала Люся.

И потом, когда уже села в автобус, всё смотрела на удаляющуюся стоянку и силуэт сгорбленного одинокого старика…

Бачки

Сидим на поминках тёти Тамары. Всю жизнь она проработала поваром. И, как это у нас водится, люди встают и говорят, каким человеком она была. Со мною рядом сидит пожилая женщина.

Немного выпили, закусили и пошёл он, разговор-то: «Ух, и потаскали мы эти бачки с Тамарой. Каждый по пятьдесят килограмм. Нас ведь лошадьми начальство-то называло. Братск только строился. Все рабочие в столовых питались. Ох, и очереди были, страх! Всем есть хотелось. Веришь, Толик, месяцами света белого не видели. А как иначе-то? Люди идут и идут, а мы готовим. Продукты без конца везут. Бывало, только к двум или трём часам ночи всю посуду перемоешь. Вроде бы и поспать можно часа три, а как? Ведь утром надо столовую открывать, кормить рабочих завтраком. Мы с Тамарой жили в столовой. Иначе бы и не справились. Но да молодые были – вот и управлялись. Как вспомнишь - и не веришь самой себе. Я замуж вышла. Муж работает, а я в столовой живу. Друг друга почти не видели. Вот жизнь так жизнь. Но ничего, справились как-то… Ой, всё равно не верится… Попробуй-ка целые ванны картошки, моркови, капусты начистить! Тогда ведь машин-то разных не было. Всё вручную. И в глазах потемнет от усталости, а чистить надо.

И вот, не поверишь, Анатолий, бывало, накормишь рабочих, а бачки-то пустые. Посмеёмся, поедим хлеба, чаю сладкого попьём, и опять варить надо. Я больно солдатиков жалела. Придут, смотрят, а мне всё казалось, что голодные, и больше всего им накладываю. Кассирша бежит, ругается: «Ты

чего норму не соблюдаешь?» Я её крепким словом укорачивала. Жаловалась она на меня начальству. Ну и что? Приведут молодых, так те и недели не могли вытерпеть. Бачки, мешки с картошкою, коровьи и свиные туши таскай. Грузчиков-то нет. Всё сами на хребту своём трёхжильном. Хоть и называло нас начальство-то лошадьми, но и понимало, что таких, как мы с Тамарой, поискать…

С годами-то полегче стало, техника появилась разная, а в начале становления Братска-то досталось нам. Это уж когда мы с Тамарой на пенсию пошли, то решили к врачу сходить: ноги у нас шибко болели. Врач глянул и ахнул. Я, говорит, таких огромных шишек на ногах ни у кого не видел. Тамаре ведь ещё в 2003 году предлагали ногу-то ампутировать. Не знаю вообще, как она до 11-го года дожила. Терпела. Четыре внучки у нее. Вот сыну-то с невесткой и помогала их поднимать. Про Тамару-то как в народе говорили: «Из говна конфетку сделает». Это некрасивое суждение, конечно. Но она была профессионалом высшей степени, и в лихие 90-е из простых продуктов умудрялась делать деликатесы, а это надо уметь… Вот и нет Тамары, всё… нет. И меня, должно, скоро не будет. Да… покормили мы солдатиков-то, всех покормили. Вот от бачков этих ноги-то болят, что нет спасу…»

Расходился народ с поминок. Светило ярко солнце. И подружка тёти Тамары, хромая, шла к своему дому…

История простой человеческой любви

«Нет на свете таких бед, которые не в состоянии был бы превозмочь народ, если он правильно и в соответствии со всем ходом его исторического движения и духовного согласия организован и нацелен».

В.Я. Курбатов.

Да, история простой человеческой любви. Да, ничего особенного. Но она случилась и тут уж, как говорится…

И опять сюжет банален: два парня и одна избранная ими девушка. Сергей, Петр и Светлана учились в одном классе.

В их сибирском посёлке жизнь текла, как и во всей стране, примерно одинаково. Но когда наступил 1993 год, всё враз оборвалось. Два предприятия, кормившие поселок, закрылись, люди подались кто куда. Умирать стал поселок не по дням, а по часам. Заколоченные окна в домах уже давно никого не удивляли. Пьянки, семейные разлады, драки были настолько частыми, что уже стали почти нормой. Ибо человек без работы опускается моментально. Сергей с Петром к тому времени вместе в одной части отслужили в армии, а придя в родной поселок, сразу бросились к Светлане. Света выбрала Петра, он побоевее был. Сергей, конечно же, досадовал, но это жизнь… Уже была назначена свадьба, и Сергей должен был быть у них свидетелем, но Петр вдруг завербовался куда-то и уехал. Лишь по слухам стало известно, что подался он за большими деньгами, со Светой же почему-то поссорились.

Сергей колол во дворе дрова и думал: «Петр уехал, и хоть поругались они со Светой, она ведь его выбрала». Но что-то мешало, что-то томило его, тревожило. Дома их со Светой стояли совсем неподалеку и Сергею, чтобы не видеться с подругой друга, приходилось уходить рано на работу. Возвращался же поздно. Оказалось, что в его умирающем во всех смыслах поселке, потребовался газорезчик. Он резал на заводе металл, его же предприимчивые сверстники отправляли в Китай всё, что было железного на заводе. Платили Сергею хорошо, но надоело ему видеть, как одноклассники жиреют на глазах. Его мама и папа работали на этом заводе. «Теперь всё оборудование разворуют, и ничего с этим не поделаешь» - думал Сергей. Стал продавать металлолом сам, ибо другого способа помочь матери с отцом не было. Стало получаться неплохо, купил грузовую машину, и постепенно от их поселкового, некогда процветающего завода, остались одни голые бетонные корпуса с дырявой крышей. Сергею приходилось постоянно успокаивать родителей, говоря, что всё равно бы разворовали, что так устроен нынешний мир. Родители постоянно пили успокоительные таблетки, вспоминая о том, как

было раньше, как они славно трудились. Привыкнуть к нынешней действительности они не могли, ибо были воспитаны быть просто честными людьми. И вот уже пункт приемки металлолома Сергею пришлось закрыть по причине отсутствия такового, но у него к тому времени были уже три машины, деньги, а это давало какую-то уверенность в будущем. Так оно и случилось: купил железнодорожный тупик и стал заниматься лесом, за этими заботами проходила жизнь. Его совсем не влекло к девушкам. Первая любовь не покидала, она сидела где-то очень далеко в сердце, его совесть по-прежнему говорила ему, что Света выбрала Петра…

Но так устроено Всевышним, что, если даётся человеку много душевного тепла, он будет его растрачивать на других. Видел Сергей, как спивается поселок, а ведь это были те люди, с которыми он вырос. Каждый старик или бабушка были в памяти и поэтому, когда он купил тупик, к нему пошли на работу его же земляки. У Сергея работало две бригады по погрузке леса и шофёры, возившие лес. Людям платил нормально, не обижал. В заброшенном садике сделали ремонт, переоборудовали в православный храм. И теперь Сергею грела душу мысль о том, что земляки ходят в церковь. И, может так статься, спасают там свои заблудшие души...

Как-то за ужином мама вдруг заговорила о Свете: «Ты бы хоть сходил, навестил Свету-то». И, смахнув слёзы фартуком, добавила: «Вдвоем они остались с сынишкой. Петин это ребенок, только он отказ прислал: не мой, говорит, ребёнок. Только это не самое страшное – мама ведь у Светы недавно померла. Мальчишке три годика, а сама она разболелась, постоянно простывает. Там, на лесопилке, доски ворочает, пятидесятку, да ещё лиственные попадают. Ей ведь, сердешной, дров некому наколоть». Сергей слушал маму и не верил собственным ушам: «Как это так можно, чтобы Петр от сына отказался, мама? Ну, чего болтают-то зря?! Петька от мальчишки отказался… Может, напраслина это, а?» Мать, сосредоточенно глядя на сына, думала о том, что нет, слава Богу,

не забыл её сын Свету. «Нет, сынок, всё истинная правда, за четыре года не появился ни разу, да и мама его Лизавета уж давно объявила, что у Петра другая семья. Я, сынок, почему заговорила об этом… Светина мама подружка моя была, ты знаешь, а что, как она с того света смотрит и видит, что мы её дочке в трудную минуту не помогаем... Вот что воистину страшно». И, подойдя к старинным иконам, начала креститься. Покрестившись и присев на лавку, грустно опустила голову. Сергей заметил падающие на фартук мамины слёзы. А она, подняв голову, продолжала: «Я ведь, сынок, уже вторую неделю к ним хожу: то воды принесу, печь протоплю, сварю чего-нибудь, она ведь совсем хворая лежит, не поднимается, как бы не воспаление у неё. Врача вызывали, говорит – бронхит. Так он запросто в нетопленной избе в воспаление лёгких перейдёт. Я тут у них во дворе взялась сама колоть дрова, две чурки расколола, да вот поясница что-то отказала». И виновато добавила: «Вот такая я нынче работница».

Всю ночь мать с сыном не спали. Отец их, беззлобно ворча, поругивал: «Ну чего вы не спите-то? Утром и разберётесь, что к чему. Ночь на то и дана, чтобы силов набраться, а вы как маленькие, всё не угомонитесь».

С утра Сергей на работе распорядился, и к Светиному двору привезли целую с верхом машину уже наколотых сухих дров. Ещё три дня он рядился – идти или нет? Приятно было видеть, как радуется мама, которая каждый вечер вещала: «Я теперь, сынок, им печь-то топлю, дров не жалею». И тут же, как это зачастую бывает у русского человека, сникнув, говорила: «Только вот не встает Светлана, слабая шибко». Сергей, быстро накинув шубу, на ходу кинул матери: «Мам, всё, собирай Свету в больницу, мальчишка пускай у нас поживёт». Оказалось, что у Светы было воспаление лёгких, и она целый месяц пролежала в больнице. Лежа такая слабая на больничной койке, она вспоминала, как во сне, какими глазами смотрел на неё Сергей, а она вдруг ему: «Вот какая я теперь стала».

Работая раньше допоздна, он и не представлял себе, как бывает приятно спешить домой, одаривая мальчугана игрушками. Думал, что скоро придёт Света и заберёт Николку, а он уже прикипел к парню. Мальчуган, разъезжая на большом деревянном коне, вдруг однажды сказал: «Дядя Селёза, а мама говолила, спасибо дяде Селезе за то, что длов пливёз». Сергей после этих слов, не накинув на себя даже душегрейки, выбегал на крыльцо. Сердце бешено билось, а весь разум без остатка был полон ею, Светой.

Через месяц, робко переступив порог, Светлана обнялась с Марией Антоновной, а бросившегося на руки Николеньку долго обнимала и целовала. Тем же вечером Сергей пришёл к Свете и попросил её руки. Всё тут было: и его робкие признания в любви, и слёзы Светы, но, главное, как же рад был приходу «дяди Селезы» Николка!

Да, история простой человеческой любви, да, ничего особенного, но она случилась, и тут уж, как говорится…

3.01.2013

Сашкины ботинки

Написано в день рождения великого русского писателя Василия Ивановича Белова

В современном мире все магазины и рынки завалены разной обувью. Выбирай, какую хочешь. От этого, наверное, и перестали её, родимую обуточку-то, ценить…

Было это после невиданно страшной войны с фашизмом. В аккурат пять лет уж прошло. В деревнях и сёлах завсегда семьи были большими. Летом мальчишки и девчонки босыми бегали по улице, а вот в остальные времена года целая напасть на родителей сваливалась… В каждой семье были специальные колодки. Весной лупили ивняк, потом ножом делали лыки и, усаживаясь кто на лавки, кто на пол, все - от мала до велика - плели лапти. Так что и после войны довольно долгое время наша родина, матушка Россия, в сельско-деревенской местности, была в основном, лапотной. Набегаются

ребятишки, придут домой, – и на русскую печь, греться. На ней же, родимой, и сушили матери лапти своих детей…

Прошло ещё несколько лет. Промышленность страны развивалась невиданными темпами. В сёлах и деревнях все перешли на калоши и были безумно рады даже такой простой обутке…

В одну из волжских деревень и привёз Игнат из Москвы новые ботинки своему старшему сыну Сашке. В избе его ещё трое сыночков подрастало, и отец решил, что после старшенького и остальным перепадут эти ботинки. Шибко берёг Сашка эту невидаль... Бывало, идёт до района все семь километров босым, а уж как подходить-то станет, так и надевает свои драгоценные ботиночки. Дивно было ему в них идти по районному центру. Парню казалось, что все непременно смотрят только на него, и от этого он то робел, то радовался. Рассуждал Сашка так: «Надо же, ведь ботинки какие изобрели! Идёшь по луже – и нога не мокнет. Чудо какое-то! А бывало, в лаптях-то набегаешься, ноги промочишь – вот и хворь наступает. Ципки разные повылазиют».

Берёг он ещё их и потому, что понимал, каким великим трудом эти самые обуточки-то отцу достались. «Изломался папка за них – будь здоров. Вот Егорка ещё немного подрастёт – и вместе их носить станем, – думал Сашка. – Глядишь, и маманя будет меньше плакать об нас. Простывать-то не так станем»…

Постепенно, не сразу и не вдруг, то в одной, то в другой избе родители покупали своим детям ботинки, но чаще резиновые, да кирзовые сапоги – это была самая лучшая деревенская обувь. Но и калоши, само собой, не выходили из обихода…

Вспомнил Александр Игнатьевич Любшин о своих ботинках вот почему: работал он теперь начальником большого металлургического завода, и в один из вечеров, вернувшись домой и тихо переступив порог, услышал такую беседу своей жены Нади и дочери Ольги. «Мама, не нужны мне эти сапоги.

Они уже вышли из моды. Я приглядела в бутике классные, супер. Давай купим их?» Надежда Тарасовна, глубоко вздохнув, уже с улыбкой посмотрела на дочь. «Ну, что ж, сейчас время другое. Можно и купить, только ведь и те недавно покупали. Походила бы в них ещё». Ольга, сделав грустную гримасу, спросила: «Что ты, мама, в каком веке ты живёшь?»

Чуть позже, когда Александр Игнатьевич и Надежда Тарасовна стали укладываться спать, муж взволнованно посмотрел на верную спутницу по жизни. «Надя, я сегодня ботинки вспомнил, которые мне отец купил, так слёзы к глазам подкатили, веришь? Сейчас у наших детей всё есть – это понятно. Только почему-то, когда жили скудно, то были лучше. Понимаешь… душою лучше, чище что ли? Ведь знали все, от мала до велика, как тяжко родителям-то. Бывало, придёт отец с работы, с ног валится от усталости. Мы его облепим всего, радуемся – как же, родимец пришёл… Я вот сегодня вернулся с работы, так дочь даже не подошла, не спросила: «Как ты, мол, папка?» И вот ведь какая жизнь-то: вроде и идём к прогрессу семимильными шагами, а себя и свою душу растеряли на пути этом».

Надежда Тарасовна одёрнула мужа: «Так ты чего хочешь - чтобы опять в лаптях все ходили? Не пойму я тебя что-то». Александр Игнатьевич отвернулся к стенке. Больше он не говорил жене ни слова. Он вспоминал о своём… Заснул уже ближе к четырём утра и увидел сон: идёт он по дороге в лаптях с братиками. Льёт пронизывающий до мозга костей холодный дождь. Дорогу всю развезло, но они идут и просят Бога, чтобы родители пожили подоле и всем бы им купили новые ботинки. Рубашонки на них все наскрозь промокли…

Блаженный Толька

В то лето шабашников по деревням понаехало как никогда ранее. В одной деревеньке Пряхино деду Валентину такая вот бригада и перекрывала крышу. Старый, поизношенный жизнью человек, сидя на лавочке, любовался работой сильных молодых ребят. То молочком их попотчует, то кваском. Дело такое, жара она и есть жара. А сновавшей поблизости вездесущей голоштанной детворе возвышенно, как генерал, вещал: «Были когда-то и мы рысаками!»

«Тебе зачем, дед, крышу-то понадобилось перекрывать, доживал бы и со старой?» - ловко орудуя молотком, спросил Кирилл, самый молодой из шабашников. Никто и не заметил, как голубые глаза деда сузились. Лицо выражало не то, чтобы злобу, скорее обиду: «Как это зачем? У меня дочь со мной живет, два внука с району приезжают, да сын с невесткой часто бывают. А ты крой крышу-то, да поменьше болтай». Кирилл же совсем не понял, с чего это дедушка осерчал, только о чём-то всё же призадумался.

Жил в той деревне блаженный Толька. Хоть и обижен был умом, а всем, кто попросит, помогал. Старуха мать за ним приглядывала, как могла. Дом у них был старый, и совсем не было понятно, как ещё и держался-то, не развалился совсем. Пока Степанида, мать блаженного, печь топит, и тепло в избе. Только прогорят неказистые дровишки, и холод тут как тут. На старой железной кровати уляжется сынок, мать тулупом дыроватым накроет, а тот и рад даже такому уюту.

Ходил Толька до осени босым. Бывало, уж дожди холодные зарядят, да по утрам лужи подмерзать начинают, а интересный этот человек ходит без обуток, и хворь никакая не пристает к нему. А бабушки да старики частенько говаривали о том, что таких людей Бог бережёт. Потому как другой нормальный человек давно бы слег. Детвора, знамо дело, дразнила его. Но, подрастая, ребята уходили в армию, а по возращении, будучи уже взрослыми людьми, заступались за христовенького.

Никто уже точно и не помнил, сколько ему было лет. Говорили, что больше сорока. Но выглядел Толька намного моложе.

Он, может быть, потому выглядел так молодо, что не дано ему было задумываться и грустить о том, о чём все люди на земле грешной переживают. Надо ли кому дров напилить, наколоть, – да какой только работенки не найдётся в деревенском царстве, – тут же и зовут безумного Толика. А тот старается изо всех сил, чтобы хозяевам угодить. За работу кормили его щами огненными и пирогов с собой давали, которые он своей старенькой мамане относил. Дед Валентин жалел Тольку. Как увидит, подзовет: «Здорово, христовенький!» А тот и расплывется в улыбке. «Сходи, сердешный, до магазина, купи мне хлеба и папирос. А на сдачу пряников себе возьми». И, как бы оправдываясь, вторил: «Вишь, дочка-то захворала и некому». Валентина мучила отдышка. Война, послевоенное время, тяжелейший, подчас адский, труд надсадили здоровье деда. И теперь, выйдя на пенсию, он то горестно вздыхал, вспоминая былое, а то веселел, завидев шаловливую деревенскую молодёжь.

...Толик, получив задание, торопливо приближался к сельскому магазину. За прилавком, как всегда румяная, всё про всех знающая продавщица тетя Дуся. Небольшая очередь, состоящая в основном их старух. Заходит Анатолий, все оборачиваются. Острющая, как лезвие, на язык Клавка разыгрывает мини-спектакль: «Ба, это чё ить деется: христовенький пожаловал. Получку, что ли получил, аш как?» Толик, улыбнувшись, поздоровался со всеми и встал в очередь.

Клавка не успокаивается, будто бес в неё вселился: «Чо, Толька, не женился ишшо?» Тетка Дарья, стоящая неподалеку, одернула Клавдию: «Ты пошто на человека накинулась, будет тебе тиранить-то, эк взялась, как полоумная!» Это подействовало: языкастая бабёнка унялась, напоследок всё же язвительно просипев: «А что за дурака-то заступаетесь?!» Когда подошла очередь Толика, тот, робко протянув денеж-

ную купюру, сообщил: «Дайте хлеба, два белого, одну черного, «Беломорканалу» пять пачек». Про пряники он умолчал. И всё знающая про всех Дуся, глубоко вздохнув, с какой-то тихой, но такой доходчивой добротой в голосе, сказала: «Вот ведь, блаженный и есть: деду всё возьмет, а про себя-то и забудет. Валентин, небось, велел пряников на сдачу тебе взять?» Толик, улыбнувшись, закивал головой. И когда такой незадачливо-испуганный покупатель ушел, Дуся промолвила: «Вот ведь какая жизнь-то: он, христовенький, о людях думает и не обижается ни на кого. А его зачастую тиранят, кому ни попадя. А нам бы у него и поучиться чему-то надо бы». «Это чему нам у дурака учиться-то, скажешь тоже, Евдокия», - встрепенулась стоящая у самого прилавка Егоровна. «А тому, - не уступала продавщица, - помните, али мозги поотшибало? У Колюни Харькова, когда изгородь помогал ему Толик делать. Он, бедненький, столбы-то врывал, врывал. А тот, хоть и покормил, а затем пьяный и шибанул своей лапищей-то блаженного. Ведь с неделю после он, юродивый, пролежал в своем холодном сыром дому. Мать что, старуха... Да и дров-то у них – одни лохмотья, а не дрова. Он ведь, суматошный, всем поможет, а себе некогда. Его, наверное, даже и в списке-то нет, что человек такой значится. Только когда он от удара на неделю слег, многим худо было. Государству, понятное дело, до него дела мало. А вот я поняла его истинность и нужность, когда старики, которым он ходил за продуктами, еле-еле сами приходили в ту неделю, пока он лежал. Уж они-то вспомнили, ох, как вспомнили христовенького. Плакали прямо тут, в магазине, и молили Бога о его выздоровлении. А тот как поднялся, тут же всех обежал и опять всем продуктов доставил. Да оно и немудрено вовсе: есть-то всем охота. И поэтому вселенская радость была у стариков. Но самое главное – вот святая душа – совсем не злился на Колюню! И опосля снова ему помогал.

А я вот, грешным делом, не стерпела. Когда Харьков за бутылкой припёрся, я как раз полы мыла. Так грязной тряпкой ему рожу расписала и печать поставила… Он теперь всё про-

сит, чтобы бутылку ему купили. Только я-то чувствую и знаю все это. И ходоков этих через решето процеживаю. Но всё ровно как-то добывает, гад».

После этих слов и Егоровна, и Клавдия присмирели. Наступила такая тишина, что казалось, будто Божье умиротворение посетило людей. Каждый о чём-то задумался. Но, немного погодя, снова заговорили. Да и то сказать, где ещё поговорить-то. Это ведь целый ритуал, сельско-деревенская традиция в магазине да в конторе разговоры разговаривать. Дома, понятное дело, хозяйство. Но ведь надо же человеку отдушину иметь какую-никакую. Тут и радость, и горе, и зависть, и доброта...

Ещё издали приметил дед Валентин своего долгожданного посланца. «Стрелять» у шабашников сигареты ему страсть как надоело. В деревне, неизвестно почему, христового звали, заменяя букву А на Н – Натолием. И пожилой фронтовик именно так обрадовано и сказал: «Вон мой Натолий идет!» В великом своём нетерпении, мгновенно вытащив из сумки пачку «Беломорканала», он торопливыми движениями расковыривал руками и пытался выудить такую долгожданную папироску, попутно отплёвывая ненужные клочки бумаги. И когда, наконец, с наслаждением раскурил папироску, стал вполне счастлив.

Быстротечно, впрочем, как и всегда, пролетали летние дни. Ласточки своим сказочно радующим слух щебетанием напоминали людям о таком коротком, но всегда трепетно долгожданном лете. Изредка случающиеся грозовые тучи проливали на всё живое, а значит и земное, освежающий дождь. И в этом умиротворении казалось, будто волшебное чудо живёт с людьми. И, слава Богу, не покидает их. А наутро, когда деревенское стадо коров, овец и коз пастухи выводили на выпас, пробуждая пощёлкиваниями кнутов всю родимую сторону, многие животные слегка вздрагивали от перенасыщенного влагой утра. Но солнышко, всегда первозданно вступающее в свои земные права, долгожданным теплом оживляюще дей-

ствовало на беспокойных обитателей земли. И вот уже бабка Дарья, загоняя цыплят, совсем не злобно, а скорее для порядка, запричитала: «Ух вы, шельмы окаянные, нашли-таки дыру». То ли от солнышка, то ли от благости в погоде Дарья, что называется, расправила плечи. Она возлагала большие надежды на этих смешных, похожих на сорванцов, цыплят. У Егоровны в это утро тоже всё было как-то необычно. Её кошка Машка принесла в избу крысу. Показав её хозяйке, и, тем самым, отчитавшись за проделанную работу, она опять куда-то потащила свою добычу. У Егоровны с месяц назад случилась целая напасть. Утрецом, встав и зайдя в чулан, она обнаружила, что мешки с зерном все прогрызены, да и зёрна тоже – убыль немалая. И теперь она с неожиданной радостью поила свою дорогую кошку парным молоком и сладостно приговаривала: «Уж ты умница, так умница».

Клавдия, всегда всем недовольная и всех осуждающая, именно в это утро, как никогда ранее, стояла возле своего родного крыльца и недоумевала. И как ей было не прийти в растерянность, когда вчера у её мужа Фёдора была получка. Она, как всегда после обеда, побежала в контору, чтобы вовремя забрать у мужа деньги, пока не пропил. Убедившись, что опоздала, побежала в колхозный гараж, где мужики обычно и выпивали. Вбежав в гараж, встала как вкопанная. Мужики выпивают, а Фёдор почему-то сидит не с ними, а в углу, и переписывает журнал «За рулем». И мужики, понятное дело, подтрунивали, цепляли его, что, дескать, не пьёт. Клава привычно подошла и забрала у мужа деньги. И, конечно же, не вытерпев, спросила: «А ты чего не пьёшь?» Фёдор, медленно подняв голову и посмотрев на Клавдию, степенно, но, вместе с тем как-то приглушённо, ответил: «Не хочу». Клава, подумав, что муж «набивает себе цену», быстро удалилась. Две недели назад Фёдор, перебирая двигатель своего ГАЗика, нежданно-негаданно вдруг задумался о многом. Жили они с Клавой как-то нескладно. Он часто выпивал, жена ругалась. Но так было у многих. Только вот случилось так, что со-

всем недавно, взглянув на своего сынишку Тимоху, который в давно поизношенной рубашонке, набрав из кадушки ковшик квасу, нёс ему, болеющему с похмелья, попить, вдруг по-настоящему загрустил. И, уже, чего раньше не случалось, две недели «не брал» в рот. Бабы вокруг судачили о том, что уже с получки-то напьётся досыта.

Только не могли они знать, что творилось в душе у деревенского мужика: «Ведь это ж надо, - думал Фёдор, - сколько мы денег пропиваем. А дети наши в лохмотьях ходят. Дураки и есть дураки, ещё похваляемся друг перед другом, кто больше выпьет. Эх… Толька-то христовенький и то умнее нас. Хоть и нет у него детей».

Когда Фёдор вернулся вечером совсем трезвый, жена, завидев мужа ещё издали, не как обычно, а удивленно, затуманено произнесла: «Ты чё ить, заболел, что ли?» И, не отрывая глаз, очень пытливо глядела на родного человека. «Нет, я здоров, просто не хочу пить, надоело. Да и ребятишкам к школе много чего надо. Нужно денег заработать».

А утром, когда муж ушёл на работу, Клава, сидя возле кухонного стола и готовя окрошку, смахивала с глаз слёзы своими натруженными руками и, может быть, впервые за несколько последних лет супружеской жизни думала о Фёдоре хорошо.

Едва лишь забрезжил рассвет, дед Валентин, видя, что шабашники заканчивают работу, решил в благодарность за добротное покрытие крыши истопить баню и угостить работяг настоянным на берёзовом соке домашним самогоном.

Глядя на гору духмяных пирогов, уже к тому времени вынутых из печи дочерью Дуняшей, и пробуя один на мягкость и вкус, дедушка подытожил: «Годится». Но благостнее, а стало быть и веселее, было на душе и оттого, что с утра незаменимый и такой дорогой до его сердца помощник был уже здесь. И совсем не было понятно, когда он спал. Ведь по ночам, довольствуясь испечённой на костре картошкой, Анатолий сторожил колхозных коней.

Давно привычным маршрутом и специально сделанной для этого случая дедом тележкой Анатолий быстро навозил в баню флягами воды из колодца. А потом долго смотрел на реку. Валентин, кажется, понимал, о чём думает Толик. Раньше все бани возле берега реки стояли. Так блаженный ещё сызмальства помогал всем подряд воду в них натаскивать. За такую вот нехитрую подмогу и одаривали его люди: кто калачиком, кто пряником, а кто конфетой. Тот радовался и старался изо всех сил всем угодить. Это уж позже бани стали ставить возле домов. Но память всё ж напомнила о себе.

Дед в этот день старался на славу. Самолично парил мужиков душистыми березовыми вениками. Одного веника, чтобы вдосталь напариться, ему никогда не хватало. Все сушила у него были обвешаны ими. И дочь, глядя на это дедово увлечение, говорила: «У других - сено, а у нашего – веники».

Мужики поочередно выбегали из парилки в предбанник и жадно припадали к кадушке с ядрёным квасом. Старый алюминиевый черпак, долгие годы прикреплённый к этой кадушке железной цепочкой, то и дело переходил из рук в руки. Остатки березовых листьев на распаренных красных плечах мужиков смотрелись словно живописная картина под названием: «Зелень на красном».

«Вот так дед, - удивлялся самый молодой из бригады двадцатилетний Кирилл, - мы все уже дух вон. А он, гляди-ка, не сдаётся».

Напарив, наконец, последним Толика и окатив себя ушатом холодной воды, дед победно крякнул и вышел из парилки. Выпив три черпака подряд холодного кваса, провозгласил: «Ну, а теперь, ребяты, в дом пошли. Дочь Дуняша всё приготовила».

Описывать праздничный стол фронтовика есть великое удовольствие нашей очень разной, но всё равно удивительной жизни. На ярко украшенной цветами скатерти стояли разные кушанья и разносолы: холодец, состоящий из трех сортов мяса; нарезанное сало с пряным ароматом чеснока; рыжики в сметане; приготовленный в русской печи деревенский суп; ведерный чугунок окрошки.

Евдокия с немалым удовольствием наблюдала, как все с аппетитом едят, мельтеша то и дело мастерски расписанными деревянными ложками. От хорошей деревенской еды и качественного «первача» душе становилось просто и хорошо. И полилась по деревенской улице первозданная, такая нужная человеку, доставшаяся нам из далёкой старины, русская песня.

Ребятня возле дома, с неподдельным интересом за всем наблюдавшая, вслушивалась в заливистые переборы дедовой гармони. А Валентин, не забывая отпускать гостям разные прибаутки, в то же время внимательно следил, чтобы и Толик поел. Знал он доподлинно, что если не проследишь, так и не поест ничего блаженный. Будет всё на гостей смотреть и удивляться чему-то. Поэтому он чуть ли не из ложечки заставлял есть своего верного помощника.

«Дуняша, собери узелок Натолию-то, когда пойдёт домой. Вон сколько всего. Пуская и мать его Степанидушка порадуется».

Долго и весело ещё гуляли в доме под новой крышей. Да и во всей деревне именно этот день прошёл у всех задушевно и ладно.

Утром очень тепло и хлебосольно попрощались дед и Толик с мужиками. Им уже поступил новый заказ по работе: в соседнем селе дом строят. И Кирилл, подойдя к деду, сказал: «Я ведь, находясь у тебя, многое понял. Мне и Толика вашего бесконечно жаль». Валентин, призадумавшись и посмотрев на парня своими старческими голубыми глазами, ответил не сразу: «Ничего, сынок, ты ещё многое постигнешь. Дай Бог тебе добра в сердце. А остальное будет, ты парень не из лодырей».

Шли годы. Иногда казалось, что они прямо-таки пролетают над всем миром, а иногда - как будто бы останавливались, чтобы передохнуть и поглядеть, как живут эти беспокойные существа – люди. Вот и в деревне Пряхино жизнь шла своим чередом. Уже не было в живых деда Валентина, но к его дочери Дуне постоянно приезжали племянники Сергей и Валера.

По всей деревне, почти в каждом доме, родители наказывали своим малым детям, чтобы не обижали христовенького, что он, Толик, деревне этой во спасение душ послан. Чтобы не очерствели мы, православные, ибо на земле надо успевать делать добро.

А этот странный человек по-прежнему каждое утро обходил стариков и больных жителей деревни, принося в их дома продукты, светозарно улыбаясь всему миру.

17.07.2009 г.

Три сердечка

Есть такие мужички, которые, хлебнув горькой, становятся «героями». У всех это геройство по-разному получается. Одни просто шутят, песни поют, другие становятся тошнотворно противными, а есть, которые кулаки распускают. Да если бы ровню искали, так нет. В деревне ли, в селе, городе – жизнь человека протекает на виду. Если кто-то хочет что-нибудь скрыть, он лишь успокаивает себя этой мыслью. Люди видят всё…

Вот уже в который раз Прасковья, услышав издалека пьяный голос Петра, стала собирать детей:

- Сергей. Алёнка, быстрее уходим.

Раньше детей приходилось тащить на руках, и в мороз, и в дождь по соседям, знакомым. Теперь дети шли сами. Сергею десять лет, Алёнке девять. Пройдя всё село и показав свою «красоту», Петр пришёл домой, пнул, как всегда, верного Шарика, улыбнулся:

- Знайте, хозяин пришел.

Зайдя домой, увидев, что жены нет, стал бить посуду и громко материться. Но посуда уже давно была железная. И это ему уже не доставляло особого удовольствия. Прасковья в колхозе труженица была знатная. Про таких говорят: «Руки золотые», её все уважали и жалели. Знали, что пьяный Петр бил её. Сельчане, как могли, помогали Прасковье. Но сколь-

ко и ночуй у соседей, дома-то дела тоже делать надо, и она возвращалась. Почему же вышла замуж за него Прасковья? Да по очень простой причине: в сельской местности каждый парень – завидный жених. Сколько одинокими живут – и не сосчитать. А тут пришёл, посватался, вроде всё по-людски. Поженились, Серёжка народился. Стал выпивать Петр. Сидя как-то с мужиками, друг Васька стал хвастать:

- Я свою чуть что – сразу в глаз.

Ну, поговорили и разошлись. Пришёл Петр домой, Прасковья ему:

- Петя, что же ты так сильно напиваешься, ведь дети у нас. Дров вон на зиму заготавливать надо, а ты пьёшь.

И вот тогда он первый раз ударил жену, она замолчала, и уже никогда ни о чем не просила. Надо дров – идёт, заказывает, сама же и колет колуном чурки, а Петр, глядя на Прасковью из окна, улыбался и был доволен жизнью. И теперь уже он перед мужиками хвастался:

- Я свою… и надо, и не надо – хлестну! – говорил он гордо.

Один настоящий мужик всё же нашелся и сказал Петру:

- Дурак ты, чем хвастаешь, на наших баб молиться надо, а ты…!?

Петр боялся Андрея. Мужик он был здоровый и потому в спор с ним не вступал. А за глаза, когда Андрей выходил, говорил:

- Да тряпка он, а не мужик, бабе своей белье стирает.

Но его никто, кроме Васьки, не слушал. Андрея все уважали: отзывчивый он был, участливый в беде и в радости. Но Петров ум этого не понимал. Придя подвыпивший домой, говорил:

- Гляди-ка Прасковья, а Андрей-то за тебя заступается! Может, спишь с ним? И опять бил, бил, бил…

Сережка, глядя на всё это, говорил:

- Мама, когда я подрасту, я папке врежу за все эти слёзы.

- Да что ты, не надо, сынок, это ведь отец твой.

- Мама, но почему так? Мне чужие люди лучше, чем он.

- Значит, так надо, сынок! – говорила мать.

Её побледневшее лицо совсем осунулось, но она, как мать, не могла расслабляться.

- Как же вас вырастить, дорогие детушки? – вздыхала вслух Прасковья.

И они опять ночевали у соседей.

Однажды Петр с другом Васькой крепко выпили, и Васька, наслушавшись рассказов людей, уже сам жалел Прасковью, и у него сорвалось:

- Ты чего, сдурел что ли, её и бить-то ни за что. Перебор это явный.

- Не твоё дело, Васька, я хозяин – чё хочу, то и делаю.

И в этом был весь Петр.

Придя домой в грязных сапогах, прошёл в избу по только что вымытому полу.

- Супа давай, да побыстрее, жрать охота.

Прасковья достала из печи ухватом чугун с борщом. Дымящийся, сладко-запашистый борщ стоял перед Петром, большой кусок говядины лежал в тарелке рядом, бутылка самогонки непочатая, салат из помидоров и свежих огурцов. Петр заорал на Прасковью:

- А где же соль, курва, убью. И, резко подскочив к жене, нанес удар в нос. Прасковья, ойкнув, упала и потеряла сознание. «Ты чего, сука, поднимайся!», – заорал Петр и стал пинать жену, но она не подавала признаков жизни. Вмиг протрезвев, подумал: «Наверно убил её», – и убежал из дома. Неделю его не было ни на работе, ни в селе.

Очнувшись, Прасковья еле-еле подошла к зеркалу, увидела и поняла, что нос сломан. «Господи, хорошо хоть, что дети гуляют, не видят». На работу она на следующий день не вышла, отпросилась и, ещё полностью не понимая, на что решилась, поехала в другое село. По дороге думала: «Будь что будет. Если дадут жилье – уеду, не могу больше». Знала она, что в селе том председатель хороший: «Только бы взял на работу, только бы взял», – терзалась Прасковья. Вот он, кабинет, вот

она и входит в него. «С чего бы начать, как примет? Человека беспокою».

- Здравствуйте, Юрий Ефимович, я к вам.

Председатель, встав из-за стола, предложил Прасковье сесть и улыбчиво, по-доброму заговорил:

- Да вы не волнуйтесь так, рассказывайте, если в моих силах – помогу, а если нет, всё равно помогу.

Прасковья была немало удивлена, как к ней обращается совсем незнакомый человек. Ей было приятно, и она впервые за много лет почувствовала, что она тоже человек и имеет право просто жить по-человечески.

- Работаю я дояркой в селе неподалёку.

И рассказала всё о себе. И теперь, смотря на Юрия Ефимовича, молила об одном…

- Ну, доярок-то у меня хватает, а вот если подучу, согласна в шоферы пойти, а?

Радостно всплеснув руками, ответила очень уверенно:

- Я вас не подведу, в шоферы так в шоферы!

Прасковья через два дня переехала с детьми в другое село, а через неделю объявился Петр, он прятался в районе. Думал, что его ищет милиция. Узнав от сельчан, что Прасковья жива, вернулся домой. Его уже не ждало много приготовленной вкусной снеди. В доме было всё как-то пусто, и ему впервые за много лет стало страшно. Как же он теперь будет жить? Попив с недельку и совсем отощав, поехал за Прасковьей. Прасковье выделили хороший дом, она наводила там порядок, как вдруг заявился Петр. Женщина подумала в этот миг, что сейчас умрет. Почти одновременно с Петром приехал УАЗик председателя. Юрий Ефимович выскочил из него, как угорелый, и подбежал к Петру.

- Если сейчас не уйдешь, я тебя посажу, «кухонный боксёр». Петр быстро заморгал глазами и моляще, как-то по-щенячьи, попросил жену:

- Скажи ему, Прасковья, а? Я муж твой, дети у нас...

Прасковья подошла к Петру и очень пристально посмотре-

ла ему в глаза. Петр же не мог смотреть прямо в глаза жене, он отводил голову то влево, то вправо.

- Нет, Петя, все. Понимаешь, всё…

Юрий Ефимович был добрым по натуре человеком, но, узнав о судьбе Прасковьи не только от неё, но и от других, и видя, какая она труженица, сказал, как отрезал:

- Убирайся отсюда, сволочь.

И Петр уехал. Он, привыкший к хорошо приготовленной еде, и сам никогда ничего не готовивший, чего-то осознавал, но вот чего? Но через месяц уже весело говорил Ваське:

- А чё, найду я себе бабу, пускай попробует без меня сука пожить.

И действительно присмотрел в сельском магазинчике приезжую из города, продавщицу Валечку. Была она очень даже сбитенькой, в общем, про таких говорят – «баба в теле». Петр подолгу торчал в магазине, корча улыбоны Валечке. Однако докорчился, сошлись они. Где-то на полгода Петра и хватило. Напившись на работе, пришёл домой. А Валечка ещё только-только сама пришла с работы и только ещё собиралась приготовить пельмени. Это не понравилось Петру, и он вспомнил, что он «мужик», подошел к Валечке и ударил кулаком по её щеке. Валечка даже не покачнулась. И развернув свою пухленькую ручку, огрела Петра по лбу. Он как стоял, так и улетел в конец избы, в полёте собирая вёдра, чугунки и всю домашнюю утварь. Утром он кое-как встал и не мог понять, где он, и почему лежит у порога…

Еле-еле поднявшись, подошел к столу попить квасу. Из комнаты вышла Валечка.

- Ну что, будешь прощение просить или как?

-Ты чё, дура, совсем что ли? – проскрипел Петр. Валечка подошла, отшвырнула его как котенка, от стола, сказав:

- Пока прощения не попросишь, не дам тебе ничего, понял? И зыркнула на него таким взглядом, что у Петра будто что-то оборвалось.

- Прости, прости, Валечка, – залепетал Петр.

И теперь, когда возвращался подвыпивший, очень боялся, если Валечка не в духе. Уж больно плохо тогда ему приходилось. Из города приезжали подруги, да бывшие женихи Валюхины, и она тогда гуляла на всё село. А Петр в это время то на работе находился, то в гараже спал. Сломанное ребро сильно ныло и он, сидя в гараже, плакал. Друг Васька жалел его, пирожки домашние ему приносил.

Прасковья теперь водителем работала, развозила воду колхозникам, и ей это очень нравилось. Работая дояркой, даже не представляла себе, как интересно шофером работать. Дети всё с матерью ездили.

«Как мало надо человеку для счастья», – часто повторяют люди, и за этой фразой порой кроется целая жизнь. Как она сложится, поди угадай. Милые наши женщины терпят унижения и оскорбления, а порой и мужчины оказываются точно в таком же положении. Почему так устроен мир? Казалось бы, живи да живи, радуйся солнышку, детям, дождику, снежку, который так красиво и ровно ложится на поля, что нет войны. Так нет, находятся такие, которые об этом не думают, и снова в чьей-то семье поселяется горе…

Напоив всех колхозников колодезной водой, Прасковья завела машину и отправилась с детьми в деревню. В поле работать жарко, но хлеб убирать необходимо, ибо это самое важное. Прасковья возвращалась в село, ведя машину по ухабистой дороге, и была счастлива, что вовремя всё успела. Рядом Сережка с Аленкой что-то щебетали. Вдруг Серёжка посмотрел на мать и сказал:

- Мама, я когда женюсь, а если и не женюсь, никогда никого не буду бить. Ты, мама, не переживай, мы с Алёнкой всегда будем рядом с тобой.

Прасковья заплакала. Но, как подсказала сама жизнь, у неё на глазах вырастал настоящий мужчина. Машина тряслась и тряслась по глинистой дороге, а в кабине бились три сердечка. Три сердечка нашей России!

Рядышком

Случилось так, что в городе и деревне в одно и то же время помирали два старика. Было им по восемьдесят лет. Одного, что помирал в деревне, звали Иваном Ивановичем Веселкиным, а того, что помирал в городе, Афанасием Никитовичем Банщиковым. В деревне, понятное дело, все односельчане, прямо скажем, непрерывным потоком шли к деду Веселкину. Да и как иначе-то. Заведено это было в их деревне, да и, справедливости ради сказать, что не только в их. Какому только делу ни обучал Иван Иванович своих деревенских парней и мужиков: токарному, шоферскому, кузнечному, тракторному, на все руки был мастер дед Весёлкин. А под конец жизни, когда уже перестал вставать, вдруг запротестовал и говорил: «Надо было в город молодым с Афанасием жить ехать, у него и туалет в квартире, и ванна, всё поменьше возни с таким, как я. Конешным делом, надо бы в город, там легче жить. Отробил восемь часов – и домой. А я тута в родной деревне надорвался за всю-то жизнь, и теперь лежу, помираю. Слышь, Настя, когда отмучаю я тебя, то ты шибко на меня не серчай».

Жена Анастасия Андреевна всплеснула руками: «Ну чего ты выдумал, дети наши всю дорогу нас навещают и помогают. Чужие люди, и то вон идут и благодарят тебя за твои праведные труды. Чо ты захандрил-то: ванну ему, туалет. Мы, тутошние, привыкшие к бане. В субботу сыновья Миша с Валерой придут, отведут тебя в баню, а после её, сам знашь, легше деется». Дед, вволю покряхтев, подытожил беседу: «Да, баня – это жизнь …»

Дружили они с Афанасием крепко, но после армии Афанасий сразу же подался в город. Родители его вскорости померли. Приехал, простился, как положено, и опять уехал в город. До начальника цеха доработал и в семьдесят лет вышел на пенсию. Радовало Афанасия Никитовича, что дети повыросли, что теперь можно досыта порыбачить. И так оно и было какое-то время. А теперь он лежал на кровати и тоже,

как и его друг Иван, не поднимался. На Афанасия Никитовича свалилась хандра, и он делился ею с женой: «Вот, Лида, помру, наверно, скоро, чую я. Дом деревенский сниться стал. Виделся я не так давно с нашими деревенскими, говорят хоть и покосился малость, а стоит наш родовой дом-то». И, помолчав, добавил: «А деревенские мужики-то, которых я встретил, тоже постарели шибко. Мы когда с Иваном с армии пришли, эти ещё под стол пешком ходили, а ныне гляжу – здороваются, узнали, стало быть». И опять, помолчав и переведя дух, продолжил: «Седенькие уж все, никого жизнь не щадит, не надо было с деревни уезжать, там все родные меж собою. Хоть и не по крови, а всё одно родные. Проработал бы в колхозе, щас бы с Иваном рыбачили. Где бы и выпили маленько. Трудную мы жизнь прожили».

Лидия Ивановна, окинув доверчивым взглядом мужа, продолжала вязать шарф, но что-то встревожило ее в речи Афанасия Никитовича. «Ты что это надумал, помирать что ли собрался? Хитрый какой, а я без тебя что? Как волк на луну выть должна? У детей наших своя жизнь, и у внуков тоже. А насчет деревни вот что я тебе скажу: «Так сложилась жизнь, Афанасий. Если б ты в деревне остался после армии, я бы не встретила тебя на заводе».

Из глаз Лидии Ивановны покатились слезы, и она дрожащим голосом договорила: «Я всю жизнь тебя любила и жалела. И ты мне брось о смерти толковать. Давай лучше лечиться». И, оставив вязание, пошла на кухню за таблетками…

…Похоронили Ивана Ивановича и Афанасия Никитовича на деревенском погосте рядом. Так странным образом оказалось, что хоронили их в один день. Афанасий перед кончиной наказал жене и детям, чтобы в родимой деревне, рядышком с земляками лежать. Потом все дружно пошли поминать стариков в большой дом Веселкиных. Анастасия Андреевна и Лидия Ивановна подружились. И когда Лидия Ивановна приезжала навестить могилку мужа, они вместе шли на деревенский погост, наводили там порядок. И, глядя на фотографии

своих стариков, рассказывали им о внуках, плакали, успокаивали друг дружку.

Небесная канцелярия все видит за каждым человеком, у нее круглосуточное наблюдение. Перерывов на обед там не предусмотрено. Работа над мирозданием ведется ежесекундно. И на все на земле Божия воля. Богобоязненный наш русский народ, слава Богу, жив. И на это опять Божия воля. Именно она не стала надолго разлучать стариков, ибо промысел Божий всегда и во веки веков праведен…

А через 2 года одна за другой бабушки померли. И легли рядом с мужьями. И опять поминали их, сердешных, в доме у Веселкиных…

Разговор

Илья Игнатьевич Лоскутков жил на белом свете, да не тужил. Еще парнем послал его колхоз учиться на тракториста. И Илья быстро сообразил, что в городе жизнь справнее. Познакомился на танцах с девушкой Люсей, у которой папа ходил в начальниках, женился, и пошло-поехало. Должность за должностью, по комсомольской линии, затем много назначений по партийным делам. Высоко его не поднимали, но и не забывали. Имел Илья Игнатьевич способность угождать начальству. То охоту, то рыбалку организует. Квартиры менял – одна лучше другой. Ну и итогом, как и положено, был шикарный коттедж. Жену свою называл теперь он Люсьен. Была у них одна дочь, баловали ее, родимую, несусветно. И, когда пришло время, очень выгодно вышла замуж и покинула дорогих родителей.

Шли годы, а они, как известно, старят, постарел и Илья Игнатьевич. Но за должность секретаря парткома завода держался крепко. В один из летних дней, сидя в своем кабинете, он услышал робкий стук в дверь. «Да, да – войдите», – важным голосом пригласил высокий начальник. В кабинет вошла немолодая женщина и так же робко, как и постучалась, спросила: «Можно я присяду?», и, виновато улыбнувшись, доба-

вила: «Устала я немного». «Да, да», – давно привычным тоном предложил начальник. «Вы сейчас меня, конечно, не узнаете, но мы с вами из одной деревни, кстати, вместе учились на трактористов», – и смущенно улыбнувшись, представилась: «Матрена я Степановна». Илья Игнатьевич официально произнес: «Да, да, что вам угодно, я вас внимательно слушаю».

На лице женщины резко обозначилась бледность. Она как-то вдруг сразу сникла. Едва справившись со своей прирожденной стеснительностью, продолжила разговор: «Знаете, вы здесь большой начальник, конечно, но привело меня к вам вот что». И она опять на какое-то мгновение замолчала. «Понимаете, я уже на пенсии, и так сложилось, что с вашими родителями, Настасьей Федоровной и Игнатом Васильевичем, мы шибко дружили. Да на деревне и нельзя без этого, не нами, нашими предками было заведено это».

Пристально взглянув в глаза большого начальника, уже смелее произнесла: «Неужели вы меня совсем не помните, Илья Игнатьевич?» Секретарь парткома привстал и, уже не скрывая своей явно выраженной раздражительности, громко изрек: «Я не понимаю, что вам от меня угодно!», и, гневно посмотрев на женщину, добавил: «Мне некогда с вами разговаривать, у меня дела. У вас ко мне есть еще что-то?» Казавшаяся еще совсем недавно такой беззащитной, женщина вдруг резко переменилась и, быстро поднявшись со стула и смело посмотрев в глаза большому начальнику, невесть откуда взявшейся громкой речью надрывно произнесла: «Брат и сестра у вас померли, хотя, что вам до этого, так и буду я до самой смертушки ухаживать за могилками твоих стариков». Она замолчала, и в кабинете воцарилась тишина. Но она опять решила ее нарушить. Посмотрев в глаза Илье Игнатьевичу, уже не скрывая слез, добавила: «Просто хотелось, чтобы ты приехал, навестил их, под Богом все ведь ходим». Резко развернувшись, женщина, не попрощавшись, вышла.

Илья Игнатьевич достал из сейфа минеральной воды и, когда наливал ее, стакан, налитый доверху, упал и разлился.

Руки сильно дрожали, и Лоскутков попил водички прямо из горлышка. Сев в кресло, стал рассуждать вслух: «Да кто она такая, какое право имела, деревенщина необразованная». Достав из сейфа шикарный коньяк, выпив и закусив шоколадкой, уже другим тоном, опять вслух, говорил: «Правильно, что из деревни уехал, догадался, у них там никакой культуры, никакого соображения... Что они вообще о жизни знают, землеройки?!»

Вечером новенькая черная «Волга» остановилась возле очень приметного коттеджа. Открыв дверь машины, Илья Игнатьевич вышел и уже в хорошем настроении направился к своему дому. Сидя за шикарно накрытым столом, Лоскутков восклицал: «Представляешь, Люсьен, сегодня из моей деревни баба одна ко мне на приём пришла, вот потеха. Про стариков моих талдычила, ну дура!». Жена, восседая на очень мягком кресле, сладко зевнув и посмотрев на мужа, только и сказала: «Ну и что...» Вечером супруги Лоскутковы уже были в ресторане на дне рождения какого-то большого начальника…

Опоздав на рейсовый автобус, Матрёна Степановна шла пешком до своей родной деревни. Смотрела на хлебные поля, ветерок нежно поглаживал хлебные колосья, и они, словно волны, создавали божественную картину. «Завтра надо с утра за грибочками сходить, говорят, белых нынче много. Внучата любят их шибко». И, весело улыбнувшись, добавила: «Да чего они только не любят. Вот, слава Богу, и церковка наша показалась, всё, дома я». Придя в свою любимую избу, Матрёна, наскоро поев, помолившись на образа, легла на старинную железную кровать. Вспоминая нынешний день, мысли свои подытожила так: «Жалко Илью-то, не видит ничего, не чует». Утром деревенские жители расспрашивали Матрену Степановну: «Ну как там Илья то наш поживает?». Матрена Степановна, посмотрев на Храм, ответствовала землякам так: «Да ничего поживает, хорошо, поклон вам всем передавал…».

Нечаянная радость

С утра баба Настя напекла пирогов и, наладив деду узелок, вышла проводить на крыльцо. Дед Егор надумал с утра на своем старом рысаке Никоне съездить да проведать, как вырос на вспаханной луговине овес.

– Да ты, дед, долго не канителься, возвращайся скорее! Ветерок нынче тягунчик – вмиг прохватит. Будешь опять со своей ревматизмой маяться, – напутствовала жена.

И все трое стариков: дед, конь да скрипучая давнишняя телега отправились в путь-дорогу. Жили они в деревне одни-одинешеньки. Старики помирали, а кто помоложе, в район перебрались. Как-то в грозу и свет нарушился, опоры старые не выдержали, а ради двух жителей деревни не стали свет устраивать. Ну, начальство, понятное дело, уговаривало перебраться их в поселок. Стращали, что ради них пенсию не будут возить за тридцать километров. Но старики не сдавались. Егор Кузьмич Молодцов так и ответствовал:

– Я и на лошади за пенсией съезжу, но Ласточкино свое не брошу… И пошли вы отседова, предатели! – такими словами потчевал не на шутку разозлившийся пожилой фронтовик районное начальство. А те, скривив в равнодушной ухмылке свои пухленькие лица, поспешили удалиться.

Прожил дед Егор со своей Настёной почти пятьдесят годков, троих ребятишек нажили. Старший сын Игорь во Владивостоке капитаном служит на корабле, дочь Ирина – в Белоруссии, младшенький, Игнашка, – в Новосибирске. У всех семьи, внуки. К себе звали, конечно. Только старики упрямого роду-племени оказались.

Проехав с полчаса, дед Егор приостановил коня, слез с телеги, и невольно залюбовался клочком отчей земли, на котором был посеян им овес. Налитой стоял он и радовал взгляд старого человека.

– Вот, Никон, и корм тебе созрел, пора убирать, зима-то длинная, все подберет. Повернул взгляд в другую сторону и не

поверил своим старческим глазам: по двум белым полоскам, определяющим старую деревенскую дорогу, шел человек. По тому, как незнакомец приближался, дед определил, что тот тоже не шибко молодой. Его сгорбленный вид, тяжелая одышка и неровная походка были слышны и видны издалека.

И, наверное, должна была состояться эта встреча на большущих просторах нашей матушки России. Человек подошел, и было очень заметно, что путь этот дался ему не просто. Он еле-еле переводил дух, и дед прозорливо начал разговор первым:

– Здорово, родимай! Как это ты в глушь-то нашу забрел?

Незнакомец, тяжело откашлявшись, поздоровался:

– Я, дед, в Ласточкино иду. Далеко ли еще?

– Да нет, совсем рядом! Я ведь оттудова. Только к кому ж, мил-человек, направился? Там ведь, кроме меня со старухой, нет никого: покинута деревня.

Человек, сняв со спины рюкзак, тяжело, с хрипотцой в голосе, произнес:

– Меня Алексеем зовут, а вас?

– Егором кличут.

– Так вот, дед Егор, с тюрьмы я освободился, а в вашу деревню иду, потому как дал обещание другу – завет его исполнить. Там бабушка Дарья должна была жить. С ее сыном, Петром, вместе сидели, он мне дороже брата был. Как помирать стал от туберкулеза, вот и наказал навестить его родные места… Постой, дед, говоришь, вдвоем с бабкой живете в деревне?

– Нету Дарьюшки, померла уж – год как будет. А Петьку помню, бедовый был. Стало быть, и он помер. Да! Убрались мать с сыном!

Алексей стоял и умоляюще смотрел на деда.

– Дед, ты меня все же отведи к могиле Петиной мамы. Он ведь меня от смерти спас. Должен и я исполнить его волю.

– Дак зачем отводить, мы доедем на Никоне. Конь мой, хошь и стар, как я, но довезет.

Алексей, положив на телегу свою нехитрую поклажу, сел рядом с дедом. И, когда проезжали по заросшей разнотравьем улице с рядами брошенных изб, Алексей произнес:

– Эх, не зря, видать, деревню Ласточкино назвали! На каждом из домов были видны аккуратно свитые ласточкины гнезда. И их неугомонный щебет радовал душу.

Дед подвез попутчика к своим воротам. Баба Настена вышла встречать – и, увидев рядом с Кузьмичем незнакомого человека, встревоженно посмотрела на гостя. Угадав ее немой вопрос, дед проговорил:

– Это до бабки Дарьи приехал гость, Лешкой звать.

– Да ты что, старый, сбрендил?! Померла ведь она!

Старик отвечал ей в спокойном тоне, как и привык, зная свою верную спутницу жизни:

– Алексей приехал навестить могилу Дарьину – с Петей вместе они сидели, – вот перед смертью Петр и наказал ему.

Бабушка Настя вся обмерла от страха, как про тюрьму услышала. Стоявший рядом Алексей всё понял и поспешил успокоить ее:

– Да вы не беспокойтесь: я только на могилу схожу, приберусь там – и обратно уеду.

Дед, видя сконфуженного Алексея, вступил в разговор:

– Да чего ты, старая, запричитала?! Принимай гостя по нашему, по русскому обычаю! Нешто растерялась?.. Всю жисть с тобой прожили, много ли я худых людей в дом водил, молчишь? Ну, да ладно, успокойся! – миролюбиво уже вел свою речь старый фронтовик:

– Пошли в дом! Что на подворье-то стоять, ексель-моксель! А ты, старая, спроворь нам что-нибудь с Алёшкой, да про помин души не забудь!

И вот уже сидят в вековом деревенском доме три человека, двое старых, один помоложе. На столе огромный тульский самовар, большой закопчёный чугун с духмяными огненными щами. Все трое дуют в расписные деревянные ложки, хлебают это исстари полюбившееся в крестьянских семьях

блюдо. Стоял на столе и чугунок с отварной картошкой. С золотистой корочкой, аппетитная. В тарелке сало холодное из подпола, рыжики с солёными огурцами. Рядом запотевшая четверть самогона.

Раскрасневшийся от горячих щей и терпкого зелья дед Егор завел неторопливую беседу:

– Я как-то сразу догадался, что ты человек неплохой. У нас не кажин день таких людей сыщешь, чтоб слово держали и таку просьбу – мать друга навестить – могли сполнить. – М-да!..

Бабушка Настя, пригубив рябиновой наливки и наблюдая за негаданным гостем, уже не боялась его и кивала, полностью соглашаясь со словами деда.

Алексей был по-настоящему ошеломлен. Таких добрых, трогательных слов в свой адрес давно не приходилось ему слышать. И его истосковавшаяся долгими годами душа захотела выговориться…

Сколько этих историй рассказывалось возле русской печки?! Ах, мать-Расея, едва ли сочтешь!

– Жил я в Самаре. Семья, жена, дочка. Инженером работал на заводе – жить было можно. Только случилось на производстве несчастье: погибли люди, а я – ответственное лицо. Вот и осудили. Пока срок отбывал, жена за другого вышла, а главное, – с дочерью контакт прервала. Мучило меня это сильно. Совсем, было, упал духом. Вскоре из-за пошатнувшегося здоровья, непосильной работы и разлуки с дочерью подхватил туберкулёз – и это было немудрено. Сколько там от этой болезни молодых жизней угасает! Вот тогда-то Петр и помог мне. Сдружились мы шибко. Он не из стукачей, не из блатных, – обыкновенный деревенский мужик был. Наверное, если не пил бы, в тюрьму не попал. Простой он был, не похожий на лагерных отморозков.

«Я тебя вылечу», – сказал он. Не знаю, с кем и как Пётр договаривался, – только с того дня ели мы собачье мясо и жир пили. Петро тоже болел туберкулезом. Только я остался жить,

а он помер. Перед смертью просил матери цветы принести.

– При жизни ее, говорит, я одни неприятности ей доставлял.

Когда товарища не стало, дал себе слово – исполнить его просьбу, если жив буду.

Старики, смахивая с глаз слезы, с интересом слушали этот горестный рассказ Алексея… А утром у одной из могилок деревенского погоста появились цветы.

…Это, бегущее куда-то время, летящие по небу белые облака состояние необъятного вечного покоя, передавшееся Алексею, – говорило о бренности и скоротечности человеческого бытия, о мудрости Творца, возложившего на нас такие неимоверные тяжести испытания.

К вечеру Алексей совсем занемог, поднялась температура, и он впал в беспамятство. Сменяя друг друга, как на боевом посту, старики всеми имеющимися народными средствами и лекарствами боролись за жизнь Алексея. Травы, загодя заготовленные Настасьей, делали свое дело. Словно сына родного выхаживали они с Егором отварами совсем еще недавно не знакомого человека. И через две недели Алексею стало заметно лучше. Его исстрадавшиеся во время болезни тело и душа, благодаря заботливому уходу и здоровой деревенской пище, стали поправляться.

– Да, – вздыхал дед Егор, – однако тюрьма силушку твою заметно поубавила, ну да ничего.

И вдруг неожиданно предложил:

– А ты, сынок, оставайся-ка у нас! Там, в городах, может, никому не нужен. А тут вместе веселее будет. И дед с надеждой посмотрел на Алексея…

За то время, что жил у них этот горемычный человек, жизнь стариков как-то заметно преобразилась. И они уже чувствовали себя родителями, ответственными перед сыном. Даже невесту дед пообещал привезти из района.

– Есть, – говорит, – одна на примете.

– Нет, дедушка! Спасибо вам, золотые люди! Только я по-

пытаюсь дочку найти. Мечтал я о встрече с ней там, в неволе. Понимаю, что, может, и не выйдет из этого ничего, – не допустят. Но всё же попытаюсь…

Утром Егор Кузьмич снарядил подводу. Баба Настя, провожая Алексея с мужем, вытирала выцветшим фартуком слезы. А дед ее успокаивал:

– Не печалься, старая, пенсию в районе получу, конфет тебе шоколадных куплю. Знаю, что любишь их...

Алексей тем временем обнял Настену, как мать родную, памятуя о том, что свою-то давно уж похоронил.

– Сердечное вам спасибо за все! Сколько жить буду, ни за что не забыть мне вас.

И на деревенской дороге, ведущей в район, еще долго слышался стукоток колёс и скрип старой телеги…

Бабушка Настя, помолившись на образа, села на лавочку и рассуждала вслух:

– Вот мы-то с дедом счастливые люди. Столько годов прожили. Детей подняли. Внуки есть – и приезжают. Любят нас, старых. За что же так не повезло в жизни Алексею? Господи, помоги ему – болезный он шибко!

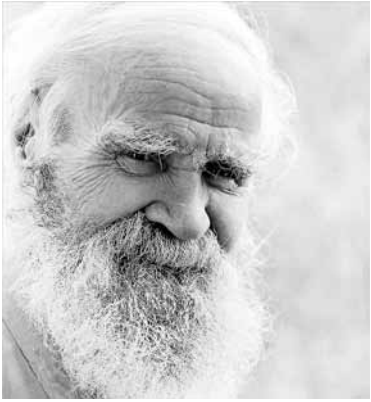
…Прошло два месяца. С утра Настёна напекла пирогов с капустой, чтобы проводить мужа в дорогу. На этот раз задумал Кузьмич вывезти из лесу загодя напиленный сухостой. По дороге сокрушался, что молодежь нынче все подряд пилит. Не берегут молодые деревья. А в старину, бывало, только сухое дерево и можно было брать на дрова.

Уже после обеда, нагрузив полную телегу, собрался было ехать, да взглянул с печалью на дорогу. По ней бодрой походкой шел уже знакомый ему человек.

– Алешка, возвернулся. Вот бабка-то, Настёна, обрадуется, – шептал дед сквозь слезы.

А земля кружилась вокруг своей оси, и знала… знала, что скоро случится для бабушки Насти нечаянная радость!

Побило сыночков-то



Небольшая речка тихо и мирно текла по своему многовековому руслу. Солнечные зайчики, веселясь, играли по водной глади, будто намекая о том, что жизнь продолжается, что по-прежнему на земле умирает и вновь рождается много народа, а каждая страна денно и нощно молится о еде, тепле и здоровье… Русло человеческой жизни, как и этой, затерявшейся на просторах матушки-России неприметной речушки, по-прежнему, как и встарь, не пересыхает…

...На перевёрнутой старой деревянной лодке сидел одряхлевший старик. Его белая рубаха, бывшая когда-то впору, шелестела по ветру. Вся деревня скопом жалела Спиридона Фёдоровича Угрюмова. Да и как не посочувствовать человеку – семерых сыновей с войны не дождался. Старуха его, Матрёна, как на пятерых похоронку получили, не вынесла – померла, а последних два страшных письма он получил уже один. Вышло так, что сыновья не успели даже обжениться. Старик, молясь возле иконы, плача, говорил: «Хош бы семя какое пустили сыночки-то». Слёг он после похоронки на последнего сына Андрея. Соседи, приходившие к Спиридону, чуть ли не силком заставляли его чего-нибудь поесть. Спустя полгода, Фёдорович сам пошёл к председателю и попросил работы. Так конюхом и доработал до старости. Только лошади его и спасали. Всё, что на душе накипит, придёт и расскажет этим умным животинам. Вот уж воистину, кто слушал и понимал его…

Однажды нагрянули в деревню газетчики. «Где, – говорят, – тут ваш старик живёт, у которого семеро сыновей погибло?» Жители указали им на колхозную конюшню… Сколько

ни пытались, чего только ни делали служители прессы, чтобы разговорить деда, но на все их вопросы Спиридон, сквозь слёзы, повторял только два слова: «Побило сыночков-то».

Со слов жителей записали, кто что знал об этой истории, и уехали. Потом была заметка в районной газете. Принесли статью Фёдоровичу, а он и читать не стал. Односельчане опять с расспросами: «Ты чего мол, дед? Там же про твоих сынов и про тебя писано-то». Угрюмов отвечал так: «Побило моих робят. Придёт время, ишшо и новых побьют. Им чего? Россия сызнова нарожат». И совсем тихо добавил: «Не буду я читать эту вашу газету».

Вечером ребятня, носившаяся у берега реки, увидела деда Спиридона. Он по-прежнему, сгорбившись, сидел на старой лодке, но уже не дышал…

28 июня 2011 г.

Десять банок тушёнки

Глубокой и такой для Ивана Назарова окаянной осенью правил он свой путь в далёкую свою деревню Назариху. Почему же была она, эта нынешняя осень, окаянной? Вроде Великая Победа на дворе. Остался жив он, солдат Иван Сергеевич, двадцатого года рождения. Воевал четыре нескончаемых для каждого солдата года. И по числу отвоёванных лет был четырежды ранен.

Сильно болел желудок и военврач, когда случилось последнее ранение, сильно задевши желудок, говорил и настаивал, чтобы он берёгся: «Я у тебя язву огромную вырезал. Смотри, солдат, серьёзно всё это, не будешь беречься, помрёшь. Понял меня?» Но где молодому слушать? Конечно, не берёгся, да и как на войне убережёшься.

И вот теперь демобилизовали подчистую. В солдатском вещмешке было десять банок тушёнки. Где сэкономил, где как. Да ведь и как её есть, когда желудок жжёт, индо спасу нет. А когда съедал хоть ложку тушёнки, всё вылетало назад с жёлчью. Попробовав так несколько раз, есть уже боялся. «Приду домой, маманя трав запарит, отпоит как-нибудь. Лишь бы до деревушечки дойти». Можно было в районе переждать, глядишь, с кем-нибудь из земляков и добрался б. Но привезли его на попутке в район уже поздно вечером. Где было утерпеть солдату?! Не посмотрел ни на холодный, противно моросящий дождь, ни на то, что до деревни двадцать километров пёхом. Дорогу расшабашило вдрызг и Иван шёл по обочине. Окончательно продрогнув и обессилев, он присел на корточки и успокаивал себя: «Ничего, дойду, маманя с братишками да сестрёнками тушёнки поедят».

Ещё затемно дед Ефим снарядил подводу и поехал в район. Он и нашёл лежащего на обочине солдата. Ефим от неожиданности выкрикнул: «Ваня, Ваньша, Сергева мово другана сынок, стало быть!». И, живо спохватившись, поднёс руку ко лбу. Жар был настолько сильный, что дед, словно от горячей плиты, отдёрнул руку. В районной больнице и помер солдат Иван Сергеевич Назаров. А те десять банок тушёнки мать Елизавета Андреевна берегла как зеницу ока. Кажинную банку она, сердешная, делила на пять супов...

Магазинный хлебушек

Посвящается Сергею Тимофеевичу Прохорову

«Нельзя любить родину и не верить в нее, ибо родина есть живая духовная сила, пребывание в которой дает твердое ощущение ее блага, ее правоты, ее энергии и ее грядущих одолений. Вот почему отчаяние в судьбах своего народа свидетельствует о начавшемся отрыве от него, об угасании духовной любви к нему. Но верить в родину может лишь тот, кто живет ею, вместе с нею и ради нее, кто соединил с нею истоки своей творческой воли и своего духовного самочувствия».

И. А. Ильин

«Добро – это доброе дело, это трудно, это не просто. Не хвалитесь добротой. Хотя бы не делайте зла».

В.М.Шукшин

Икона с образом святого Серафима Саровского стояла в правом углу старого, повидавшего много чего деревенского дома. На нее очень сосредоточенно смотрел седой дедушка. То ли с женой повезло деду, а может, и Богом храним, но для своих восьмидесяти выглядел он довольно приглядно. Савватей Михайлович, стоя на коленях, просил у святого старца, чтобы дал ему силы дойти до соседнего села, в которое еще возили хлеб. Жило в деревне всего трое: он, Савватей, да две бабушки, Дарья и Лукерья. И хоть у каждого были свои дома, но, по заведенной исстари традиции, по вечерам все трое стариков собирались в доме Савватея. Каждый приносил то варенье разных сортов, то траву наипользительную. И такими зимними вечерами чаепитие за тульским самоваром постепенно переходило в долгие беседы о жизни. Хоть и запасли старики еще с осени по два пятидесятикилограммовых мешка муки, но вот захотелось им магазинного хлебушка отведать, и Дарья с Лукерьей давай наседать на деда: «Сходил бы ты, Савватеюшка, до села «Родного» да хлебцу магазинного прикупил, своя-то выпечка надоела».

Они уговаривали деда и тут же, как это зачастую бывает у русских людей, переживали за него. Ведь дороги до села как таковой не было, ибо снег ее родимую завалил подчистую. Одевшись потеплей и встав на лыжи, перекрещенный бабками три раза, Михалыч отправился в путь-дорогу. И вот, вроде, и идти на лыжах несравнимо легче, но дед быстро выдохся: «Ах, годы, годы, – сокрушался дед. – Кабы годков двадцать скинуть». Но уже к обеду необычайный лыжник подходил к сельпо. Так как очень редко доводилось бывать зимой на селе, вполне понятное дело, разговорился с земляками. Выбравшись к людям, и потому как хорошо его встретили, Михалыч будто забыл про свою старческую усталость. Выглядел бодренько, а улыбка почти не сходила с лица. И, набрав в магазине большой рюкзак, где, кроме белого и черного хлеба, разместились и мятные пряники, и шоколадки, и тушенка, и рыбные консервы, удобно все уложив, отправился до своей деревеньки. Немного пройдя, Савватей почувствовал, чтоуложил неловко от бранный груз, но даже не это тяготило душу деда. Короткий зимний январский день подходил к концу, а до деревни при хорошей погоде было еще часа три ходу. Вот это обстоятельство и томило Михалыча. К тому времени, как окончательно стемнело, поднялся сильный ветер, глаза старого человека сильно слезились, и из-за всего этого он почти не различал дороги. Его лыжню уже давно перемело снегом.

Лукерья и Дарья, пившие в это время из медного самовара духмяный чай, думали, что Михалыч остался ночевать у кого-нибудь из многочисленных родственников в «Родном», и поэтому сильно не беспокоились за своего «добытчика». Савватей же в эту самую минуту не на шутку был встревожен. За долгую жизнь всего пришлось хлебнуть. Но все же больше не смерть была страшна ему, слава Богу, пожил на земле-кормилице, а то, что он, может так статься, не угостит магазинным хлебушком своих дорогих землячек. С великой надеждой Михалыч искал своими голубыми глазами родной до боли в сердце сосновый бор, который когда-то они всем колхозом

посадили. «Сколько же я иду вот эдак», – горевал дед. «Бабки там, поди, места себе не находят, а я вот тут, дурашка, маюсь. Вот так дела». И вспомнились Савватею прошлые времена, как пришел он с войны двадцатипятилетним парнем, как тут же женился.

Жена Нюра часто ревновала Савватея. Обидно было молодому фронтовику, потому что ее опасения были напрасными. Полная деревня вдов, а он один мужик. А потребностей у человека завсегда хватает. Поставили председателем колхоза, а должность эта по тем временам – словно на лобное место сам себя привел. И дров в каждый вдовий дом доставить, и сена, чтоб всем хватило, и план по сдаче зерна и мяса выполнить. Голова будто шар гиревой, а тут ревность жены. Приехал в район и прям на заседании перед всем начальством не выдержал, стукнул кулаком по столу и закричал: «До каких пор так будет, трактора только любимчикам даете, не могу я больше глядеть, как бабы мои животы надрывают. Не дадите хоть один трактор – уйду!» – и это подействовало. Приехал в родную деревеньку на новеньком тракторе и механизатора молодого, неженатого из района привез. Женщины сбежались, и давай качать на руках Савватея. Тут же и браги кто-то принес – вечное подспорье и в горе, и в радости. Намаялись родимые вдовушки, а тут и жених, и трактор вот, и получился нежданный, негаданный праздник. Вспомнилось и то, как из года в год деревня после небывалой войны становилась осанистей, красивей. И когда подходило время выпускного в деревенской школе, шел председатель к парням и девчатам, с великой любовью смотрел в их дорогие лица с конопушками и просил, вернее, упрашивал остаться в родном хозяйстве…

Окончательно разрушили и убили последнюю надежду девяностые года – работа, зарплата, все, чем дорожит человек, вмиг оборвалось. Молодежь подалась в районы, города, а кто остался, как с ума все посходили, взялись пить привозимую из городов «палёную» водку. Много, неисчислимо много по-

умирало от этой заразы мужиков да женщин. Видя то, как в самом расцвете жизни погибают молодые люди, пошел Савватей в тот дом, где торговали «катанкой», и стал бить все и крушить. Свои же пьяные мужики тут же избили его, неделю после этого не вставал. В глазах были слезы, нестерпимо жалко было все, что создавалось неимоверным трудом. Как же жаль было Савватею людей, и печаль эта была ох как видима... Милые его сердцу вдовы, с которыми он поднимал колхоз, состарились, и были случаи, что правнуки отбирали у них пенсию на пропой. Жена Нюра ругалась: «Ну, чего ты, старый, поперся туда? Убили бы... А мне чего одной без тебя делать?» Единственная дочь Елена, выскочив удачно замуж, жила в Германии. Всего лишь один раз довелось увидеть внука Михалычу. После, как Нюры не стало, продал корову, в хозяйстве осталось три курицы и собачонка по прозвищу Правда. И Савватей подытожил свои воспоминания так: «Только город и изничтожил деревню. Он, окаянный, больше некому».

Лукерья с Дарьей, досыта напившись смородинового чая, смотрели телевизор и были безумно рады, что в их деревне еще есть свет. Лукерья мечтательно обратилась к Дарье:

- Михалыч-то наш… еще ничего мужик! В село на лыжах умастился, чтобы нам, двум колхозным труженицам, угодить.

Дарья поддержала разговор:

- Он завсегда такой, для других все старается. Нюра-то, покойница, ругала его, что для себя все в последнюю очередь делает, но, знамо дело, и любила его без памяти, как же такого не любить. Я вот со своим Лексеем жила, хоть и пил часто, а все-таки редкие минуты счастья и у нас были. Эти минуточки-то теперь часто вспоминаю...

Лукерья, встав, пошла к кухонному столу, открыла створки и вытащила бутылку своего рябинового вина:

- Скучно чего-то, Дарьюшка. Давай по стакашику ахнем. Да не по одному, а по два…

Огоревали заслуженные перед Богом и людьми бабушки. И

полились таким уже не молодым, но живым голосом старые русские песни: «Эх, мороз», «Хасбулат удалой», «Ах, судьба моя, судьба»...

Лукерья, не хотевшая сдаваться невзгодам, лет десять назад научилась играть на гармони, и теперь, ловко давя огрубевшими от тяжелой работы пальцами на кнопочки, веселила подругу от души:

- Помнишь, Дарья, как прямо возле дома хороводы водили?

И Лукерья, одевши телогрейку, взяв гармонь, быстро выскочила на крыльцо. Дарья вышла следом за ней, сетуя вслух: – Эх ты, дура старая.

Посреди всей этой глуши, брошенной их же детьми деревни, явственно слышался дивный перебор гармони… «Уж не с ума ли я сошел?» – подумал Савватей заслышав мелодию. И сам тут же себя и успокоил: «А чего, помирать под гармошку-то оно, может, даже сподручней». Оказалось, что хоть и перемело дорогу, шел он правильно – опыт пожилого человека значил немало. Случилось так, что стоял Михалыч, собираясь помирать, чуть ли не в родной деревне. Подойдя к своему дому, Савватей не сдержал слез, а старушки облепили его, будто с войны мужей дождались. Лукерья ликовала:

- Хорошо, что на гармошке на улицу вышла играть!

А Михалыч к тому времени, выпив принесенный Дарьей стакан самогона, уже повеселевшим голосом твердил:

- Она, она – гармонь милая спасла меня.

И в старом русском деревенском дому три одиноких старика все же отведали магазинного хлебушка!

Нравственность мужика

Был бал. А на балах, как водится, пересуды, сплетни процветают. Господа выискивают новеньких молоденьких дам. Тем же занимается и женская половина состоятельного общества…

Во дворец, где проходило торжество, вошёл высокий мужик. На нём был не новый, но в хорошем состоянии полушубок. Шапка же, напротив, была новая, лисья, впрямь как у боярина. Его молодые голубые глаза, живо осмотревшие богатый дом, были почему-то грустны. Он подошёл к лакею и попросил, чтобы тот передал барыне Авдотье Хвалынской, что прибыл её кучер Фёдор и ждёт дальнейших распоряжений…

Авдотья Никитична, любившая командовать своей прислугой, требовала по отношению к себе беспрекословного подчинения, поэтому личный извозчик Фёдор Просветов, прекрасно зная характер своей кормилицы-барыни, постарался сделать всё, как та велела.

В это самое время вниз по лестнице спускалась госпожа Антонина Лисичкина. На вид ей было лет тридцать пять-сорок. Её опытный, пронизывающий и всё про всех знающий взгляд заставлял слегка робеть не только мужчин, но и вообще всех, кто когда-либо хоть как-то с ней соприкасался. Многим, конечно, было известно, что, будучи ещё совсем молодой девушкой, она очень удачно для самой себя вышла замуж за пожилого генерала Прохора Дармедонтовича Лисичкина и, вскоре овдовев, стала владелицей довольно приличного состояния. Не имея своих детей, пустилась Антонина Ильинична в любовные приключения, но вот беда: единственного верного суженого так и не нашла. Короткие романы стали порядком ей надоедать, а зная её крутой норов, многие так и вовсе старались обходить её стороной…

И вот, спускаясь по лестнице, эта уже не молодая особа господского вида, вдруг без всякого стеснения уставилась на

высокого молодого человека и смотрела на него так, что Фёдору сразу стало как-то не по себе. Давно привыкшая ни в чём себе не отказывать, Антонина Ильинична подошла к Просветову и напрямую спросила: «Ты чей будешь?». Совершенно покраснев, молодой, явно пышущий здоровьем, но в этот момент окончательно сконфузившийся мужчина робко ответил: «У барыни Авдотьи Никитичны Хвалынской в кучерах я»…

В этот же вечер между барынями Антониной Лисичкиной и Авдотьей Хвалынской состоялся необычный разговор. «Отдай, Авдотья, мне своего кучера на ночку» – и, лукаво засмеявшись, Лисичкина зорко наблюдала за мимикой Хвалынской. Никитична, явно самодовольно улыбнувшись, с каким-то превосходством в голосе спросила: «Что, понравился?» – и, немного подумав, добавила. – «Да… И вправду чертовски хорош. Только об этом ты с ним сама поговори. Мне-то что? Не жалко. Но учти – он ведь совсем недавно женился»…

Мечтая скорее осуществить свою прихоть, генеральша даже и не обратила внимания на последние слова хозяйки кучера. Возившийся в конюшне с лошадью Фёдор и не заметил, как подошла сзади знатная особа. Он даже и не успел как следует растеряться, как Лисичкина, неожиданно и напористо притянув его руками к себе и горячо дыша ему в лицо, шепнула: «Сегодня в десять вечера жду у себя». От слов этих молодой кучер почувствовал, как по спине его потекли струйки пота. Фёдору на миг показалось, что будто кол осиновый в его голову вбили. Собравшись с духом, Просветов, как мог, сдержанно и вежливо ответил: «Вы извиняйте меня, уважаемая барыня. Я жонат, и Насте своей изменять не буду». От ежесекундно вспыхнувшей ненависти барыня наотмашь дала Фёдору пощёчину и гордо, с независимым видом удалилась.

Всю ночь Фёдору не спалось. Каждой клеточкой своего крестьянского организма он чувствовал, что генеральша будет мстить ему за неслыханную дерзость и, посмотрев на сладко спящую Настю, вдруг, улыбнувшись, подумал: «Это надо же, как я так посмел ответить-то? Как духу-то хвати-

ло?». Появившаяся было добрая светлая мысль тут же сменилась на грустную. Думалось Просветову и об издевательствах своей барыни, госпожи Хвалынской. Бывает и надо, и не надо побранит…

Хороший полушубок и новую лисью шапку ему привёз из деревни отец Евлампий. Жили они с матерью не богато, но и не бедно. Держали три коровы, и лошадь своя имелась. Узнав о том, сколько зарабатывает сын, отец не раз звал его домой. «В своем хозяйстве независимость, – говаривал Евлампий. – Только робь. Я ишшо ковды в солдатах был, всё мечтал, приду домой – и чтоб ни от кого не зависеть»…

В деревне ли, на селе ли исстари жили, не разъезжаясь, но Фёдора чем-то прельстила городская жизнь, и подался он на вольные хлеба…

Наутро Хвалынская, уже обо всём знавшая, позвала Фёдора к себе. «Почему так устроен мир, ведь не виноват я, а ноги в коленях дрожат», – рассуждал про себя молодой мужик. И, зайдя в жарко натопленный просторный дом, нервно перебирая в руках шапку, думал об одном: «Ох, не ляпнуть бы чего лишнего хозяйке». Госпожа, пригласившая кучера в свою комнату и, словно королева, восседавшая на троне, лукаво спросила: «Чего это ты, холоп, возгордился что ли? Ты ведь у меня вольнонаёмный, враз выгоню. И как ты вообще осмелился дерзить барыне Антонине Ильиничне?» И, сделав паузу, грозно добавила: «Отвечай немедленно». Совсем понуро стоящий Фёдор и вправду не знавший, что ответить, нервно переминаясь с ноги на ногу, молчал, думая о том, что говорить ему совсем во вред будет.

В самый разгар этих событий вдруг заявилась оскорблённая генеральша. То, что было дальше, красивый молодой кучер помнил уже урывками, потому как в голове стоял сплошной туман. Всласть поиздевавшись, обе недоумевали. Двум барыням теребила головы одна непонятная для их ума мысль: «Да как же можно было от этого заманчивого предложения отказаться?..» Насытив своё себялюбие и выпустив изрядное

количество желчи, Хвалынская и Лисичкина, наконец, отпустили ни в чём не повинного мужика. Сидя за обедом, полным разной снеди и выпивки, изрядно захмелев, Лисичкина склоняла Авдотью Никитичну, чтобы та выгнала непокорного кучера, на что Хвалынская парировала: «Но работает-то он хорошо»… Она и вправду была довольна его трудолюбием. Фёдор хорошо ухаживал за её лошадьми и исправно нёс службу. Именно за это, после того как Просветов женился, она и предоставила молодым небольшой закуток в своём имении и, не собираясь выгонять своего кучера, наоборот, стала задумываться: «Не переборщила ли я с этой игрой».

Ночью Фёдор, совсем не ложившийся спать, рассуждал: «Ну, почему так? – говорил он своей любимой Насте. Если хозяева, дак чё, всё можно? Не виноватый ведь я». Настя же, еле-еле сдерживая слёзы, как могла, успокаивала мужа. Поздно ночью, когда жена уснула, Фёдор, уже на что-то решившийся, пошёл проститься с лошадьми и, поглаживая их гривы, тихо говорил: «Ах, вы мои хорошие. Вы лучше, чем люди. Вы всё понимаете и жалеете меня. Я ведь вижу…» Вытерев слёзы рукавом, покурив и погоревав, вернулся домой.

Ранним утром, когда ещё не забрезжил рассвет, никому не сообщив, Просветов с молодой женой Настей ушли жить в свою родную, затерявшуюся за дальними далями, деревушку…

5 июля 2011 г.

Генерал и курочки

В одной брошенной людьми деревне все оставшиеся дома сгнили подчистую. Но один во многих местах замшелый домишко каким-то Божиим чудом уцелел. Жила в нём ещё совсем недавно Ефросинья Игнатьевна Устюжанина. Да вот схоронили бабушку. Жители соседней деревни и похоронили её. В старом её дому сделали скромные поминки, заколотили досками окна избы да и уехали. И никому в разум не пришло осмотреть двор, да и это было неудивительно: накренившиеся дубовые столбы, почти наполовину смотрящий в землю забор. Смотреть на всё это немногочисленным землякам было нестерпимо больно. Потому и остались незамеченными две курочки, жившие в подклети.

Было ещё с месяц назад у старухи десять кур и здоровенный рыже-красный петух. Ночью налетели хорьки, и началось для бабушки светопреставление. Ефросинья Игнатьевна вышла во двор и, вооружившись старым ухватом, попыталась спасти кур. В кромешной темноте на ощупь только две курицы и были спасены. Утром выяснилось, что в неравной битве погиб её любимый петух. С этого момента она и определила двух оставшихся кур в подклеть. От маленького вырезанного в брёвнах окошечка курочки не отходили, ибо всё живое тянется к свету. И когда бабушка приносила им корм, при этом ласково называя их Чернушкой и Белушкой, те, когда их спасительница нагибалась, чтобы взять яички, запрыгивали на неё, словно голуби.

Теперь, после смерти Ефросиньи Игнатьевны, некому было накормить бедных курочек. За небольшими железными листами Чернушка с Белушкой отыскали четыре мешка пшеницы, помог им в этом малый проём между ними. И продовольственный вопрос был решён. Но оказии на этом не закончились, потому как железная чашка, где была вода, давно пустовала. Дверь же была подпёрта палкой, и погибнуть бы курочкам, если бы не маленькое чудо. Выдолбленное око-

шечко находилось вровень с землёй, и когда шли дожди, вода по выдолбленному желобочку попадала к ним в подклеть и стекала маленьким ручейком в железную чашку. В эти радостные часы Чернушка с Белушкой напивались досыта. Но проходили дни, уже давно не было на горизонте дождей, и курочки совсем приуныли. Видимо, чуя смертный час, куры стали изо всей мочи вещать.

Именно в эту пору приехал в забытую деревню по виду поживший своё офицер. Жил он когда-то здесь. Уехал в город, дослужился до генерала, а вот теперь с почестями вышел на пенсию. Всё у него вроде было хорошо: жена, дети, внуки, даже правнук народился на Божий свет. Да вот заболел генерал, врачи откровенно сказали, что жить ему осталось совсем недолго. Вот тогда-то и решил старый генерал съездить в родную деревню. Туда, где родился, где лежали на погосте его отец и мать и многие родственники, которых он никогда не забывал. Его дом не сохранился. Но генерал угадывал по оставшейся в его душе детской памяти многие места, где они бегали с ребятишками.

Вот и сейчас Платон Георгиевич, остановившись подле полуразрушенного дома, вспомнил, что именно здесь они мальчишками наблюдали, как взрослые, опаливая и разделывая поросёнка, с улыбками на лицах давали им поджаренные ушки и хвостик. И они, пережёвывая хрящики, были безумно рады такому счастью. Каждая выбоина, кажинная колдобина напоминали ему о многом. «У каждого ведь так, наверное», – думал вслух старый генерал. Кажинный палисадник, хоть уже наполовину сгнивший, каждый дом, а точнее, что от них осталось, были для него настолько близки, что генерал, прошедший войны, криком плакал. И, немного отдышавшись, опять вслух твердил: «Отец, мама, скоро ваш сын к вам придёт. Только вы там не плачьте, я счастливый человек, я в Бога верую, а он обязательно спасёт мою грешную душу».

Поглядев на развалины православного храма, опять смахнул слезу. Но спустя несколько минут, вдруг увидел большую

берёзу, которую сам же и посадил в детстве. А она, словно в благодарность опустила на плечи старого генерала свои волшебные ветви. Так в первозданной природной тишине простоял он довольно долго, и покой его был нарушен непонятно откуда взявшимся куриным кудахтаньем?. «Не сошёл ли я с ума»,- опять вслух подумал генерал. Но, пройдя вперёд по деревне, Платон Георгиевич уже ясно слышал куриную песню.

Подойдя к дому Ефросиньи Игнатьевны и видя заколоченные ставни, опять встал в недоумении. Но курочки вновь напомнили о себе. Откинув палку, он отворил дверь подклети, и Чернушка с Белушкой обрели долгожданную свободу.

В соседней деревне жил его родной брат Владимир. Туда и привёз несчастных курочек Платон Георгиевич. А брат потом долго удивлялся: ведь ему с земляками пришлось хоронить бабушку, и о её засекреченном хозяйстве никому не было ведомо. «Надо же, а в подклеть-то мы и не заглянули. Выпили за помин души, заперли дом и ушли, вот чудаки», – сетовал на свою оплошность Владимир.

Прошло несколько месяцев. За это время генерал перенёс сложную операцию. И, к удивлению врачей, пошёл на поправку. А ещё, спустя какое-то время, приехал к нему брат Владимир с корзинкой яиц: «Вот, для тебя копил. Да погляди, каки крупны Чернушка с Белушкой несут яица, для тебя, видать, старались». И одному Господу Богу было известно, почему Владимир стал звать курочек их прежними именами. Ведь он не знал, как звала их Ефросинья Игнатьевна...

Исповедь заводчанки

Двадцать лет назад по улице Лескова стояли дома из кругляка, многие из которых вывозили из зоны затопления. Определить такие несложно: ведь на брёвнах цифры проставлены. Крепкие были дома: из многовекового чистого леса срубленные. И низ этих самых домов, видимо, поэтому долго не гнил, ибо лиственница в основании была наивысочайшей пробы, да ещё и обожжённая.

Хозяева Ангарских деревень кондовую Русь блюли, но знамо дело, и отчаянность свою на реке много раз показывали. Перекрыли Ангару, возвели Братскую ГЭС. А деревенские и тут не растерялись. Своей сельхозпродукцией строителей снабжали. Но шли годы, и те, кто был постарше, все убрались на погост. Их дети состарились и уж, совершенно точно, не имели того здоровья, что было у их родителей. Позабирала цивилизация здоровье у нынешних потомков. Придёшь в поликлинику в шесть утра, а там уж очередь непролазная. Кличешь крайнего и молишь Бога, чтобы не забыть его сердешного, обличие. Поди потом докажи, что занимал очередь. Братский алюминиевый завод, лесопромышленный комплекс вовсю работали, от этого и продолжалось уничтожение здоровья братчан...

Теперь же, когда идёшь по улице Лескова, то невольно дивишься двух, а где и трёхэтажным коттеджам. Все почему-то больше устроенные на заморский манер. И тут уж кто во что горазд, ибо отошли мы от нашего, исконно русского.

Завод отопительного оборудования разворовали. Одни корпуса пустые стоят, словно после бомбёжки. В посёлке Гидростроитель, правда, поставили памятник директору завода Петру Николаевичу Самусенко. И спешащий куда-то мужик именно на него и наткнулся. Обошёл с другой стороны, прочитал написанное и вымолвил: «Да, таких мужиков сейчас нет». Повсеместно процветала торговля, русские и нерусские бизнесмены вовсю вели торг. Рыночная экономика почему-то не была рассчитана на какое-либо производство. Но, по словам учёных, так было и в прошлом, и позапрошлом веке. А жизнь, как и во все времена, у всех была разная. В одном таком шикарном коттедже и жил Прозоров Сергей Леонидович. В свои средние лета в этих самых девяностых работал он заместителем директора завода, сразу после смерти Петра Николаевича Самусенко. Завод тут же и остановился. Уважали и любили этого директора в Москве – за его труд и такую нужную для всех продукцию, как котельные установки на трёх

видах топлива, и несущие тепло в квартиры радиаторы. Линий по выпуску радиаторов было восемь, и каждая за смену давала в среднем тысячу штук, огромный цех же работал в две смены. И в одном только радиаторном цехе работало семьсот тридцать человек. За короткий срок менялись директора, но толку от них не было. Воровали все, воровал и Сергей Леонидович. От восьмитысячного дружного коллектива осталась тысяча человек, включая и начальство. Был огромный задел замечательной и такой нужной продукции. Сначала сбагрили её. Дошло до того, что отправляли в Китай даже новые токарные станки на металлолом. Когда грузили токарные и фрезерные станки для продажи в Китай, из них выливалось масло, и уже немногочисленным рабочим всерьёз казалось, что они плачут. Но у Сергея Леонидовича к тому времени был уже шикарный коттедж, почти новый «Мерседес». И к тому же к его пятидесяти пяти годам от завода, кроме голых корпусов, ничего не осталось. И он, как это и положено в Сибири, пошёл на пенсию.

Сын его Алексей жил в Питере, папа помог, и он где-то крутился в бизнесе. И вот вроде бы, живи не тужи, но заболела жена Зина, много денег отдал врачам, да видно не одними деньгами меряется человеческая жизнь, померла жена. Жил теперь он один в шикарных хоромах, имел не один крупный счёт во всевозможных банках. Пенсию, положенную от государства, получал. Но стала вдруг душить тоска, ежедневная, ежесекундная. Пробовал глушить её алкоголем, не получалось, депрессии продолжались, пришлось даже лечь в психонервологический диспансер. Выписавшись из больницы, прямым ходом направился в магазин и, покупая дорогой коньяк, увидел свою бывшую подчинённую Евгению Ивановну Смолину. Узнал, что живёт одна, пробовал ухаживать. Но, удивительное дело, что-то шло не так, как хотел богатый пенсионер. Разговор состоялся в квартире Евгении Ивановны: «Почему не идёшь ко мне жить хозяйкой? У меня всё есть. Скучно мне без бабы, понимаешь».

Евгения, пока новоявленный кавалер говорил о чём-то, тяжело думала. Мысли сами лезли в голову и не спрашивали разрешения на то у хозяйки. Вспомнила, как Сергей Леонидович отдал приказ о её сокращении. Производственные цеха стояли, рабочие были в отпусках без содержания. Но вагоны с продукцией расходились по всей стране. Как выжить? На ней одной два сына – Степан и Артёмка: одному шесть, другому пять лет. Сначала жизнь складывалась терпимо. Муж Володя ушёл с завода и стал дальнобойщиком. Сама в двух магазинах мыла полы, при них же была и дворником. Прихватывала ещё и детский садик, ибо сынишки благодаря этому были пристроены. Но несколько месяцев счастья всё же было у неё. Володя с напарником выкупили старенький « КамАЗ» и сделали несколько удачных рейсов. Вот уж порадовались: колбасы, сыра досыта поели. Мечтали даже о третьем ребёнке, но дорогой любимый муж бесследно пропал. Ходила по посёлку, заглядывала в люки, думала может убили да скинули. Отправив детей в садик, она всё обходила теплоузлы и канализационные люки. Ей почему – то казалось, что Володя где –то в одном из них лежит. И она хотела похоронить его по - человечески. Вечером дети, наученные воспитателями, плача уговаривали мать, чтобы не ходила по этим люкам. За весну и лето она, оглядевши так весь город, понемногу стала приходить в себя...

У времени свой отчёт, и в этом пространстве надо как – то выживать. Выживала и Евгения. Сыновья росли, на великую радость матери хорошо учились. Борщ, слава Богу, всегда был в их доме. Теперь, когда Степан с Артёмом работали на нефтепроводе, она то и дело вспоминала их весёлые голоса по телефону: « Мам, тут всё есть, а мы по супу твоему скучаем». Евгения Ивановна после таких разговоров садилась на старенькую табуреточку и плача вслух рассуждала: « Господи, да я ведь кроме супа и каши им из еды и купить – то ничего не могла. Ослабла совсем, бросила убирать в магазинах». Как – то работая метёлкой, Евгения Ивановна вдруг разыгралась

с детьми. И откуда что и полилось. Тут и считалочки, и прибауточки, игры старинные. Воспитатели этому не препятствовали, помятуя о её жизни. А дети вдруг с претензией обратились к воспитателям, почему они таких игр не знают.

Сергей Леонидович, налив даме дорогое шампанское, а себе не менее дорогого коньяку, продолжал уверенно свою беседу: «Будешь у меня королевой, любую шубу тебе куплю». Не пошла же она в коттедж намеренно. «Думала будет: приставать, мне с ним не справиться. И что тогда? А дома и стены помогут, и соседи хорошие». Евгения Ивановна начала тихо, но уверенно: «Ни денег, ни шубы мне не надо. Слава Богу, детей подняла. Жаль вот, не знаю, где Володя лежит. Вы ведь, Сергей Леонидович, воровали. Все вы тогда воровали. А мы, рабочие, видели это и понять не могли. Да как же? Ведь своими руками, все мы вместе завод строили. По всей стране наша продукция шла. Как у вас рука-то поднялась всё разграбливать? Мужиков-то наших сколько пропало от жизни такой. А вы богатели, сначала продукцию продали, затем оборудование. Мне сон не так давно приснился, будто мой токарный станок в Китае заплакал, когда увидел, что к нему китаец подошёл. Теперь, я знаю, в пустующих корпусах нерусские хлебопекарни пооткрывали. Опять барыш нынешним начальникам. Вот нерусские везде пристроятся, мы, русские, не такие. Я тебя, Сергей Леонидович, не обвиняю, пойми правильно, только предложения твоего принять не могу, нечестно это».

Сергей Леонидович, тяжело поднявшись и не выпив коньяку, ушёл, не сказав ни слова. Евгения Ивановна была действительно очень красивой женщиной, и видно поэтому богатый пенсионер делал ещё не одну попытку сватовства. Но годы шли, и Сергей Леонидович жил своей жизнью, а Евгения Ивановна своей.

Пластиковые окна

Ещё не так давно, когда нанимали работников: будь то печь русскую сложить, или крышу перекрыть, – да мало ли работ по дому, – то хозяева всегда кормили работников, хоть те и работали за деньги. Ещё раньше собирались деревенские гуртом и дома ставили за день, два, печи клали сообща, но это было, было...

Ныне же люди сплошь и рядом вставляют пластиковые окна, и мне не раз приходилось слышать от работников: «Вот работаю несколько часов, и чаю не предложат». Затем, о чём-то вспомнив, добавляют: «Разные, конечно, люди бывают, бывает и накормят даже». Старинная русская традиция - кормить нанятый люд - в нынешнее меркантильное время зачастую поросла быльём. На мои вопросы об этом я получал такой ответ: «А зачем? Я ведь ему деньги плачу». И здесь трудно спорить, каждый решает сам, как ему поступить.

Господи, Создатель наш небесный и заступник, как прекрасно, что в моей жизни было деревенское детство. И я вспомнил свою бабушку, Татьяну Ивановну Куванову, как они с тётей Дуней наняли печника. Сами вместе с моей мамой ходили на реку, таскали оттуда песок, глину. Очень сытно кормили своего дорогого работника. Так было заведено на Руси. И печник тот, конечно же, получал деньги за свои золотые руки. Хорошо помню ту огромную радость моей бабушки: ведь в доме топилась русская печь...

Электромонтёр Валера Евтихов рассказывал мне: «Бывало, ещё работу не закончу, а уж люди зовут отобедать, сала солёного обязательно с собой дадут». Вздыхает: «Сейчас такого нет». И его товарищ вспоминает: «Привёз я доски одному мужику, а тот нагло так командует, чтобы я ближе к дому подъехал, а там заехать почти невозможно, всё барахлом завалено. А наша фирма нам запрещает близко к дому подъезжать, велит возле дома вываливать. Он же ещё и хамить начал. Вывалил возле дома и уехал. Опять загружаю доски под

новый заказ. Снова та же история, но женщина добрая. И я ей выгрузил там, где никто бы не проехал. И покормила потом. Разные люди».

Пластиковые окна стоят теперь по всей матушке России. И вставляют их работники ежедневно. Только и осталось мне, глубоко наивному, вымолвить: «Не забывайте, добрые люди, хотя бы напоить работников горячим чаем. Не забывайте исконно русские традиции, негоже эдак-то...»

Давай за жизнь…

Летом 2010 года приехал я из деревни в свой родной посёлок Гидростроитель, и сын Серёжка, можно сказать, прямо с поезда стал уговаривать сходить с ним на острова и искупаться. На другой день, взяв резиновую лодку, спиннинг, мы с сыном и его друзьями отправились отдохнуть на воде. Накачав лодку, я отплыл недалеко, чтобы отвести душу киданием спиннинга. Ребята же отыскали довольно большое толстое бревно и были этому несказанно рады. Увлёкшись рыбалкой и отплыв на довольно большое расстояние, поймав всего одного окуня, я возвращался к месту нашей стоянки. Вдруг слышу, что мой Серёжка кричит мне: «Папа, папа, подплывай к острову!» Оказалось, что они с другом Кульковым Сашей уплыли на том бревне на остров, а так как бревно было большое они быстро выдохлись, и на обратный путь у них уже почти не оставалось сил. Я крикнул ребятам, чтобы они оттолкнули бревно от берега и немного проплыли, а я потом возьму их на буксир.

Можно, конечно, было довезти мальчишек на лодке, но те не захотели бросать бревно. И вот два отважных капитана направляются ко мне по голубой водяной глади. Очень было заметно, что ребята устали. потому как я отчётливо слышал их быстрое дыхание. Вдруг Серёжка громко так сказал: «Давай, Саня, запевай», и Саша тут же запел: «Давай за жизнь, давай, брат, до конца, давай за тех, кто дома ждёт тебя!». Я обомлел

от радости. Ведь это была песня группы «Любэ», взрослая песня десантников, а тут поёт пацан, которому двенадцать лет, да и мой начал подпевать…

Как же было в этот день хорошо у меня на душе. Ведь ребята в трудную минуту не спасовали и, что удивительно, песню какую хорошую выбрали. Растут, стало быть, защитники земли русской, Слава Богу, растут…

Бревно

На довольно толстом, кое-где уже замшелом бревне сидело трое мужиков… Один из них, Кирилл Набожин, спокойно рассуждал: «А сколько ж лет бревну-то этому, на котором сидим? Все говорят - древнее оно…»

И, затянувшись папиросой, ждал ответа от своих друзей. Иван Ионов, улыбнувшись, выпалил: «Деды-то наши точно на нём сидели, я помню. Да и ты, Кирилл, об этом знаешь. Чего эт ты вдруг интересуешься?» Третий из сидевших на бревне, Агапий Кадочников, нагнувшись, стал читать вслух вырезанную ножом на бревне надпись: «Уходим, робяты, в армию. 1939 год.» «Это ж кого тогда забирали из наших, кто помнит?» – опять задал вопрос Кирилл. «Вот как раз дедов наших и забирали. Да-а, много годов прошло.» «Дак это чего получается? – продолжил невесть откуда взявшийся разговор Иван. – Выходит, на этом бревне наши деды с девками сидели, кумекали кой о чём, затем отцы, потом, само собой, мы, а на днях, гляжу, мой Васька уж с какой-то молодкой подсаживался. Темно было, не видел с кем». «Да с кем-с кем? С моей дочкой Галей. С кем же ещё-то?» – повеселевшим голосом забубнил Агапий, и все трое деревенских мужиков вдруг рассмеялись. Потому как каждый вспомнил те сладостные мину-

ты, когда они именно на этом бревне целовали своих будущих жён.

А бревно это действительно видело много чего из деревенской жизни: и горе, и радость, и свадьбы, и проводы. История этого бревна была таковою: по весне местная речка широко разливается и несёт по ней, родименькой, много чего, в том числе и деревья разные. Вот это всё богатство и вылавливается местными жителями, а потом распиливается, раскалывается на дрова. Вот и это бревно хотели на распил пустить. Хвать, а пила-то его и не берёт. Сколько раз пытались и бросили, но в деревне ничего даром не пропадает. Приспособили под лавочку. Бывало, и выпивали, и закусывали на бревне. Удобное оно для отдыха оказалось. Видно, поэтому и не дало себя распилить. А когда летом наступает вечер, бревно поджидает какую-нибудь парочку, чтобы, как и встарь, услышать слова о любви.

Хлёбово

Посвящается Василию Скроботу

Ем я простые щи, и ничего тут дивного-то и нету, издревле всё повелось - щи-то кушать. Бывало, в давешние времена суп замораживали в дорогу, а на стоянке где-либо разогревали и ели эту волшебную, живительную пищу, ибо для души человеческой нет пользительней этого дивного хлёбова.

Всё внутри тебя словно оживает, весь организм и ум приходит к пониманию, что в этих сваренных продуктах – квашеной капусте, морковке, свекле, луке, чесноке, картошке, косточках свиных и говяжьих, приготовленных в срок, есть надежда, что дай-то Бог, не помрём, а, наоборот, вкусно поедим. Каждый, кто отведал сей не иначе как божественный нектар, меня поймёт.

В современном мире многие, к великому сожалению, утратили эту бесценную тягу под названием «любовь к борщу». Да и сам мир много где перевернулся, но я твёрдо верю и знаю, что в родимой, святой русской деревне бабушка нальёт из чугунка внуку али внучке суп из всё той же квашеной капусточки и картошечки, и дети, вкушая и напитывая себя, слава Богу, вновь и вновь, будут хлебать деревянными старыми ложками этот притягательно-исцеляющий чудо-борщ. Ну, а гастриты или язвы пропадут сами собою, ибо против древнерусского хлёбова трудно что-либо возразить…

Недаром великий русский писатель Виктор Петрович Астафьев говорил, что надо поставить памятник картошке. Я же скромно добавлю от себя, что и хлебову.

НИКИФОР И ДРУГИЕ

Посвящается другу Эдуарду

Никифор

Поднявшись с утра, Никифор подумал: повеситься, что ли? И было от чего таким мыслям прийти в голову: жена ушла к другому - зарплату на заводе не платили, она и заявила: какой же ты мужик, если деньги в дом не можешь принести… И ушла. Детей у них не было. Могли бы и быть, но жена сказала: зачем они нам, поживём сначала для себя. И сделала аборт. И пожили: построили большой красивый дом, купили дорогую мебель, машину, развели своё хозяйство: куры, корова… Но вот детей жена уже не смогла родить – не получалось. Никифор настаивал, давай хоть из детдома возьмём. Но чужих детей она брать не захотела.

Много мыслей в голове Никифора забурлило. Вспомнил, как однажды приехала и поселилась недалеко от них Надина семья. Девчонкой она была симпатичной, и парни постоянно из-за неё дрались, но вот чем-то Никифор ей приглянулся. Гуляли до зари, расставаться не хотелось ни на минуту. Всё говорили, говорили, а наговориться не могли. Из армии она его ждала. Свадьбу их долго вспоминали все друзья. Жену Никифор любил. Бывало, ходит она по дому, а он поглядывает на неё с утайкой, чтобы не смущать, а на душе – весна.

- Куда же всё это ушло? – опять мрачно стало на душе.

Чёрная полоса наступила не только в жизни Никифора, но и жизни страны: начальство завод разворовывает, где уж тут о зарплате для работяг думать. Хотелось порой Никифору крикнуть:

- Что же вы делаете?! Остановитесь, ведь это все на нашем горбу построено!

Но начальство есть начальство… Дадут рабочим немного муки или консервов – и живи, как хочешь. А народу даже на похороны родственников съездить нельзя, страна-то большая

- не Швейцария. А сколько спирту на завод под зарплату привозили, чтобы не платить... Вот и спивались мужики. И Никифор стал выпивать. Корову продали – деньги были нужны. Машину разбил – выпивши был.

Но хоть и не хватало денег, а тащить, что плохо лежит, Никифор не мог. Такой он был человек, так был воспитан. Отец его говорил: «Чужого, сынок, не бери, но и своего не отдавай». «Эх, отец, отец, – вздыхал Никифор, – не видишь, что вокруг творится». Давно отец на кладбище лежит, надо бы к нему сходить. Лежат мои родные старички, а мне-то что делать? Жены нет, машины нет, квартиры нет, даже собаки нет, её ведь кормить надо...

Ходил Никифор на завод. Его там держали, потому что хорошие специалисты везде ценятся. Утром на завод, там на талоны можно было пообедать, а вечером с «катанкой» обратно – благо, её на всех углах продают.

Разные мысли в голове Никифора бродят, покою не дают… Сегодня ему на завод идти не надо - воскресенье. Стук в окно прервал его думы. Выглянул: сестра его, Лена стоит, сильно жестикулируя. Открыл дверь. Та с порога шуметь давай:

- Ну и духан у тебя, братец, хоть топор вешай. Садиська лучше, поешь.

И достала из сумки банку молока, свежего горячего хлеба, кусок сала. Пока брат ел, она всё вздыхала:

- Вот ведь какой специалист, все знают, любое дело в руках спорится, а как живёт… Да я ведь к тебе за помощью, помоги баню построить. Гриша мой за тобой послал, сам-то он не осилит.

Гриша был хозяйственный мужик, весь материал к строительству подготовил. Соседи удивляться не переставали, как за два дня баня выросла.

- Золотые у тебя руки, Никиша, – снова завела сестра старую песню. – А жизнь свою под откос пускаешь. Женился бы хоть, что ли. Вон соседка наша, Дуня, давно на тебя смотрит. Даже и не рассуждай, сходитесь и живите, - отрубила сестра.

В выходной сестра пригласила Дуню. Стол белой скатертью накрыла, холодца наварила, окрошку поставила. За разговором жизнь прежнюю вспоминали, нынешние времена ругали. Затем Дуню с Никифором одних оставили. Долго они молча сидели. Жалела Дуня Никифора, понимала по-бабьи, что мужик-то он хороший, настоящий, только вот надломила его жизнь – хрустнул, как веточка. А Никифору очень неловко было, и чего это сестра удумала. Хотел было уйти, но что-то удержало. Дуня первой разговор завела:

- Мы с тобой немолодые, почитай по пятьдесят пять годков нам, может, поживем вместе, а там видно будет, разбежаться всегда успеем, - а у самой сердце колотится, как у молодухи…

Никифор тоже оробел. Давно с ним такого не бывало. Когда Лена с Гришкой вернулись домой, Никифора и Дуни уже не было.

- Господи, хоть бы у них всё сладилось,- переживала Лена за брата.

Вот и пришло счастье к Никифору тогда, когда он его сам не ждал. После работы домой бежал, за тарелкой борща рассказывал о новостях на заводе, а Дуня, глядя на него, думала: правду говорят люди, есть ведь оно, женское счастье…

Сидит Никифор на крыльце, а в голове совсем другие мысли: хорошо-то как на свете жить! Лето на дворе – тепло. А Дуня-то у меня какая хозяйственная: поросенок в стайке хрюкает, по двору куры да петух бегают. И начальство на заводе сменилось, зарплату стали давать, так что на жизнь хватает. Не богато, конечно, но жить можно. Подумал, подумал и побежал к сестре благодарить за то, что баню вовремя строить позвала.

Детство

Мой дядя Сережа самый первый из деревни приехал строить великую Братскую ГЭС. А за ним ещё полдеревни потом приехало. В их числе была и моя мама. Она работала в деревне почтальоном, но не удержалась и отправилась вслед за

братом. Работала, вышла замуж и появился я. Но они с отцом прожили вместе совсем недолго, его я почти не помню. Жили мы в бараке. Что такое барак? Шестнадцать комнат, в каждой по одной кирпичной печке. Печки приходилось топить часто, потому что было холодно. Однажды я просыпаюсь и чувствую, что на ресницах моих иней, а мама быстро затапливает печку…

Мама работала на комбинате железобетонных изделий. Тогда он считался очень крупным и нужным предприятием. Такие города, как Братск и Усть-Илимск были построены из панелей, которые делал этот завод.

Работала мама в три смены. Часто брала меня с собой. Помню, постелит мне что-нибудь, и я лежу в кабине крана, а она ловко управляет рычагами, перевозя с места на место эти самые панели.

В бараке жили удивительно дружно. Наш Братск строила вся страна, со всех республик приезжали; кто-то уезжал, но многие и оставались.

Жил в нашем бараке человек по прозвищу пан Величинский. Была свадьба, гулял весь барак. Пригласили его поиграть на гармошке - силён он был в этом искусстве. Вот он сидит в середине коридора, играет без остановки, народ пляшет до упаду, а рядом стоит человек и пот ему со лба платочком вытирает, потому как пану Величинскому некогда - надо людей веселить. Вблизи от него стоит табуретка, на ней полная рюмка водки и тарелка с закуской, но он не пил, человек был замечательный.

Жил ещё у нас в бараке дядя Зиновий. У него был сын Игорь, так тот не выговаривал букву «р». Бывало, едет на велосипеде и поёт: «Этот день Победы, пояхом пьёпах», а нам смешно.

Жила у нас одна большая семья Бутылкиных. Над фамилий шибко не смеялись, но, повзрослев, братья Бутылкины решили поменять фамилию на бабушкину. Оказалось, что она Чекушкина. Пришлось брать фамилии жён. С одним из

братьев, Вовкой, я подрался. Два барака наблюдали за этой схваткой. Меня он побил.

На праздники к нам приходил дядя Сережа и рассказывал о том, что Иван Иванович Наймушин при встрече каждому жал руку. Это был легендарный человек. Я очень рад тому, что знал и видел первостроителей. У моего друга Эдика дядя Миша запечатлен на обложке популярной в те годы книги «Это было на Ангаре».

Однажды мы с мамой ехали с работы и увидели огромный дым впереди. Шофер, что нас вез, неосторожно пошутил: «Это, наверное, ваши сарайки горят, пусть они вообще сгорят». Что тут началось! Женщины накинулись на него, чуть не убили, и понятно почему: в сарайках хранилось много хороших вещей. Когда мы приехали, то увидели страшную картину: горело очень много построек. Люди были на работе, не смогли спасти своё имущество и очень переживали по этому поводу. У пана Величинского в сарае были свиньи. Он держал их несколько штук. И надо же было такому случиться - их выгнали из сарая, но они забежали туда вновь. Крыша обрушилась, и свиньи сгорели. Многие повытаскивали вещи из бараков, думали, что огонь перекинется на их жилище, но пожарные потушили огонь. На следующий день мне показали обугленную раму моего велосипеда.

Я живу сейчас будто в другом мире, и мне часто становится плохо от того, что люди так мало общаются. Живут в одном подъезде и даже не знают своих соседей. Когда мы жили в бараке, мы знали не только тех, кто жил рядом с нами, но и тех, кто проживал в соседних кварталах. Люди просили друг у друга соли, хлеба; и не потому, что были голодными, а потому, что рано закрывались магазины и многие, придя с работы, просто не успевали купить тех или иных продуктов. Сейчас, когда я стал взрослым человеком, искренне понимаю, что люди были просто добрее, и вот парадокс: жили беднее, а были добрее. Как это объяснить? В основном на великую стройку ехали из деревень, а там испокон веков почитали сво-

их родителей. А раз так, то они и ко всем остальным будут относиться с почитанием.

С годами начинаешь понимать, что настоящий друг – это так много значит для человека. В моей жизни был, да и, слава Богу, остаётся – Эдик. Сколько помню себя, столько и его. У него замечательные родители - дядя Володя и тетя Нина. Мы долго не виделись, но пришёл к ним - накормили, напоили, спросили, как живёшь. Они ведь тоже с моей мамой на заводе работали, а мы с Эдиком и его сестрой Оксаной ждали их с работы.

Вспоминаю один забавный случай. Когда мама работала, я никак не мог заснуть, а причина была в том, что в комнату залетел большой шмель. Он летал возле лампочки и громко жужжал. Мой кот долго наблюдал за ним, а когда шмель спустился пониже, резким прыжком поймал его. В обнимку с котом я и заснул. Рос я без отца, и когда мама работала во вторую смену, ночевал то у родственников, то дома. Я очень завидовал тем, у кого есть сестра или брат, потому что вдвоём ночевать не страшно. Иногда родители Эдика, пожалев меня, отпускали сына ко мне ночевать, я напевал ему модные тогда песни, а он слушал. А сколько было радости и восторга, когда Эдик приезжал в конце летних каникул из деревни. Этого не передать.

Развлечений у ребят было много. В то время все любили хоккей, следили за каждой игрой нашей сборной, когда эти матчи транслировали по телевизору. А затем во дворе у себя сами устраивали не менее азартные хоккейные баталии. Ребятишек в бараках было много, у одних Бутылкиных пять пацанов. Вот и играли барак на барак. Играли все - и взрослые, и дети. Однажды Эдику дядя привёз подзорную трубу. Очень хорошую. Мы по вечерам по очереди любовались луной: она казалась такой близкой, что это было похоже на чудо. Недалеко, по дороге на старый рынок, была большая горка. Для детей это была великая радость, потому что зимой все на ней катались. Ещё хорошо помню кинотеатр «Октябрь». Мы ча-

сто ходили в кино: билет стоил всего десять копеек. «Руслана и Людмилу» я посмотрел десять раз.

Однажды мы с ребятами ушли купаться, и так получилось, что о родителях вспомнили в самый последний момент. Они вышли на дорогу нас встречать. В общем, порку мы заработали - с кем не бывает.

Как-то дядя Эдик взял нас на острова. Мы уплыли далеко. Натянули палатку. Расставили сети, а ночью в сети попалось несколько здоровенных сорожек. Нашему детскому счастью не было предела. В один из холодных зимних дней пошли мы с Эдиком колоть дрова. Силёнок было мало и накололи немного, но хорошо помню ту радость, которую мы испытывали, потому что помогали родителям. Ходили за водой на колонку; когда шли по дороге с полными ведрами, останавливались, отдыхали.

Из бараков мы давно переселились в высотные дома. Наши деды, бабушки и родители прожили поистине трудную, интересную жизнь. Моя самая большая мечта – чтобы люди никогда не забывали прошлого.

Мой друг Эдик работает сейчас на Братской ГЭС.

Жизнь Тимофея

Жизнь этого человека меня очень тронула. Родился Тимофей в деревне. Жил с дедом. Тимофея всегда тянуло к технике. В четырнадцать лет он, набравшись смелости, пошёл к колхозному механику и сказал:

- Я хочу быть трактористом.

Стоящие рядом мужики грохнули дружным хохотом: ни ростом, ни возрастом Тимофей не вышел. Отказал ему механик. Но Тимофей тоже ни лыком шит. Стал он каждый день приходить в мастерские и настаивать на своём. Наконец механик решился. Прикрепил Тимофея к трактористу дяде Ване, и тот только диву давался, как ловко Тимофей собирал и разбирал механизмы.

- И где ты только этому научился? - удивлялся дядя Ваня.

- А я за вами, трактористами, подглядывал, как вы ремонтируете, вот и запомнил.

Слету схватывал Тимофей сложную науку, и вскоре в деревне заговорили, что из этого паренька выйдет толк.

Трудные времена настали для Тимофея, когда началась война. Дядю Ваню и многих трактористов забрали на фронт, и пришлось Тимофею работать за них. Даже с девчонками порой некогда было гулять. Дед гордился внуком, видел, что хорошего работника воспитал.

В сорок третьем году, весной, проходило в колхозе собрание – награждали отличившихся, в это число попал и Тимофей. За доблестный труд ему вручили медаль и подарили овцу. Слёзы выступили на глазах у деда Тимофея, когда он увидел награду.

После войны пришла Тимофею повестка на военную службу. Провожали его всей деревней, строгий наказ давали, чтобы служил достойно, не позорил односельчан. И тут Тимофей не подвёл. Отслужил, вернулся в родную деревню, женился, выучился на механика. Работал Тимофей всегда добросовестно, твердая линия у него была в жизни. Удивлялся, как это мужики без выпивки обойтись не могут, ведь семьи у всех, детей поднимать надо. Сам он трёх дочерей вырастил, замуж отдал. Теперь внуков нянчит.

Вышел Тимофей на пенсию, а без дела никогда не сидит: все соседи и знакомые к нему обращаются - кому раму для велосипеда заварить, кому пилу заточить. Волнуется народ, если долго Тимофея в гараже не видит, сразу спрашивает, - не случилось ли чего.

Живи подольше, золотой человек.

Поклон Боженьке

В городе закрыли Дом литераторов. Нынешние предприниматели не брезговали ничем. Настоящие хорошие писатели разбрелись по своим квартирам и неизвестно как выживали. Но я начинал писать рассказы, и надо же мне было к кому-то обратиться, чтобы посмотрели. В городе жил один писатель и, хорошо вписавшись в нынешнее время, брал немалые деньги за публикацию либо в газете, либо в журнале, которых было достаточно, и, может быть, их даже кто-то читал.

Писатель этот похвалил меня, сказав, что я пишу о деревне, а это духовно и нравственно. Я обрадовался, но ненадолго, ибо писатель тут же предложил быть напечатанным за деньги, сказав при этом, что, кроме него, мне никто не поможет. Денег у меня, конечно же, не было. Да, я работал сварщиком и какие-то деньги имелись. Но я растил двух сыновей и очень любил свою жену. И откуда тогда взяться деньгам?

Идя по заснеженной улице, я думал о том, почему пишу рассказы. Они сидят во мне и просятся наружу. Но опять же это, наверное, у всех так, кто пишет. Шли годы. Я продолжал писать рассказы и спасал свою душу тем, что стал прихожанином храма Преображения Господня. Да ещё был участником народного хора «Русское поле». Все наши участницы годились мне в мамы и бабушки, и многие мои друзья и знакомые удивлялись, как это я пою с бабушками. Но я, выступая в хоре, пел старинные русские песни. Также, к моей огромной радости, хор стал петь и песни, придуманные мной. Спасал я душу свою грешную в этом хоре. Сколько выступлений было перед ветеранами войны и труда, не сосчитать. Много раз бывало, что после концерта подходили люди ко мне и говорили: «Спасибо тебе, сынок». Большей награды мне не требовалось, и именно в такие минуты подходил ко мне наш музыкальный руководитель Александр Васильевич Корсанов и говорил: «Не балдей, если ты будешь сильно балдеть от успеха, то потеряешь нравственную основу свою». Вот такие учителя

у меня были, и я не «балдел». И слава Богу.

Глубоко всё это во мне сидело, но часто давило отчаяние, и тогда я шёл в храм спасать душу, исповедовался, причащался. Становилось легче, но рассказы писались. И однажды летом я вновь отправился к тому писателю. Возле подъезда его дома увидел молодого парня, который плакал. Подойдя поближе, узнал его: это был мой хороший знакомый Колька. Подняв полные слёз глаза, он произнёс: «Представляешь, я сказку для детей написал, а он деньги требует». Вдруг дверь подъезда распахнулась и вышел тот писатель; он был пьян и громко заорал на меня: «Я же говорил тебе, что без меня тебя нигде не будут печатать». Что нашло на меня, не знаю, но, подойдя к нему, я чуть не врезал ему по роже, но сдержался, сказав: «Да знаю я, что не напечатают, я ведь их для спасения своей души пишу». И уходя, успел заметить, что Колька улыбался. Потом он догнал меня.

Мы проходили мимо большого стадиона. Висели яркие афиши, был на стадионе этом концерт. Знакомых в городе у меня хватает, и мы с Колькой, конечно же, не за деньги попали на это представление. На свежевыструганной сцене выступали артисты из Москвы. Наш алюминиевый завод их пригласил.

Кругом царил праздник, и вдруг мы встретились глазами с одной очень красивой девушкой. Она сидела недалеко и около неё было два пустых места. Я присел к ней, мы познакомились, её звали Анной. И я, вот наивная душа, почему-то сказал ей, что сегодня узнал окончательно о том, что мои рассказы не напечатают. Рукописи у меня были с собой. Она быстро прочитала мою «Сказку о маленьком мальчике». Потом улыбнулась, надела на меня наушники и отдала свой сотовый, сказав, что это не главное. И, поцеловав меня, ушла. Произошло чудо, ибо я увидел её на сцене. Ей очень громко аплодировали, а она запела удивительным волшебным голосом. И я совершенно уверовал в то, что эта девушка очень хороший человек. Я вскочил и хотел рассказать об этом всем на свете

людям, но в этот момент я проснулся. В моём сне что-то было правдой, что-то вымыслом, но почему-то на душе стало легче. И я уже мечтаю, что после работы поспешу в храм, потом домой, где ждёт жена с сыновьями, а на выходные будет выступление нашего хора. Поклон мой тебе, Боженька, за всё: и за боль, и за радость - за всё...

Сказка о маленьком мальчике

Жил-был на свете маленький мальчик. Родители его давно умерли от тяжёлой работы, а родительский дом богач забрал за долги. И остался мальчик совсем один, да и без крыши над головой. Чтобы по вечерам съесть кусочек хлеба и выпить воды, пришлось мальчику много работать у чужого человека. А по ночам, лежа в небольшом закутке, который выделил ему хозяин, мальчик вспоминал своих родных и жалел, почему он не там высоко в небе, вместе с ними, а здесь, на земле, где большие мальчишки могут отобрать у него деньги или, что ещё хуже, побить.

Однажды на гастроли в город, где жил мальчик, приехал знаменитый певец. Очень захотелось мальчику посмотреть на певца и послушать его замечательное пение. Так как денег на билет у него не было, то он забрался на дерево и стал с нетерпением ждать начало концерта. О, какой потрясающий был голос, как завораживала музыка! Звучали песни о любви, о мире, о справедливости, которой так мало на Земле. И мальчику очень захотелось быть чем-то полезным этому человеку. Когда концерт закончился, мальчик подбежал к певцу и сказал:

- Я умею делать всё: готовить еду, стирать, следить за хо-

зяйством. Возьмите меня к себе, и я буду у вас лучшим помощником.

- А где же твои родители? - спросил певец.

И мальчик, еле сдерживаясь, чтобы не заплакать (ведь ему надо было показать, какой он сильный духом), рассказал всё о своей жизни. Жалко стало певцу мальчика, сердце у артиста было доброе, и он решил взять мальчика с собой. Музыканты долго отговаривали певца от этого поступка (ведь у него были уже дети, а по стране бродит много бедных и одиноких ребят, и всех же с собой не возьмешь), но тот был непреклонен. Так для мальчика произошло чудо: его хорошо кормили, ему купили новую одежду, и никто его не обижал.

С годами мальчик вырос и стал очень красивым юношей. Однажды ночью, когда все спали, он вышел на сцену и исполнил перед микрофоном песню собственного сочинения. Он не знал, что за ним наблюдает дочь певца, песня ей очень понравилась, и утром она об этом рассказала отцу. Певец попросил мальчика еще раз спеть то, о чем мальчик пел ночью, и был очень удивлен, увидев во время исполнения слёзы на глазах приемного сына.

- Почему же ты плачешь? – спросил он. - Песня замечательная, и ты можешь исполнить её на концерте.

- Я постарался рассказать в песне о своей жизни, - ответил юноша.

- Ты спел о том, что даже в самые трудные минуты не надо терять веру в добро, только тогда ты сможешь вырасти сильным и смелым. Это как раз то, чего не хватает многим людям, и ты своей песней можешь помочь им.

И вот настал день концерта. Юноша так искренне пел свою песню, что на лицах у людей выступили слёзы. И зал долго-долго аплодировал.

Спустя несколько лет юноша уже самостоятельно давал концерты и был очень популярен. Но всюду, куда бы он ни приезжал, он покупал очень много сладостей и раздавал их детям на улице.

И однажды после концерта к нему подбежал оборванный мальчик и сказал:

- Я умею делать всё: готовить еду, стирать, следить за хозяйством. Возьмите меня к себе, и я буду у вас лучшим помощником.

Высокий сильный молодой человек стоял и плакал, а маленький мальчик смотрел на него непонимающими глазенками и удивлялся.

2006 г.

Млечный путь детства

Спешите делать добрые дела,
Чтоб не хватило времени на зло...

(из песни Владимира Мигули)

К вечеру, набегавшись досыта на улице, мальчик Серёжа пришёл домой. Ещё утром он позавтракал сырками, а к вечеру ему стало плохо. Вскоре открылась рвота. Мама с папой, зная о том, что это может быть очень опасно, тут же вызвали скорую помощь и Сережу сразу же увезли в больницу. Серёжа был домашним мальчиком, а тут вдруг неожиданная разлука. Он подошёл к окну больничной палаты. За окном пасмурная погода. Осенние облетающие листья падали на головы проходящих мимо людей. Серёже казалось, что им нет до этого никакого дела. Ему было тринадцать лет и, хотя у него было много друзей и папа с мамой его очень любили, он вдруг заплакал. Вскоре по палатам стали ходить медсёстры и, увидев такого большого плачущего подростка, заспешили к главврачу Николаю Степановичу и наперебой стали делиться с ним своими догадка-

ми, утверждая, что, может быть, мальчик ненормальный. Николаю Степановичу было шестьдесят лет и, слушая молодых медсестёр, он вдруг встал и пошёл в палату к Сергею. Оказалось, что мальчик сильно тоскует по родителям и друзьям, которые сейчас на улице гуляют, а вот он в больнице. И ещё у него дома остались собака Веста и кот Томас, что тоже давало повод для грусти.

Вскоре, к радости родителей и вообще всех, кто знал Серёжку, здоровье мальчика пошло на поправку. После выписки Сергея, Николай Степанович пригласил молоденьких медсестёр в свой кабинет и завёл с ними непринуждённый разговор. «Вы подумали, раз такой большой мальчик плачет, так, стало быть, уже и ненормальный?» Медсёстры в один голос: «Конечно, а что же ещё?» И удивлённо посмотрели на главврача.

Николай Степанович, едва заметно улыбнувшись, продолжил свою неторопливую речь: «Понимаете, вы обратили внимание только на физические данные мальчика, но помимо этого есть душа, а вот она-то как раз у всех разная». И, немного помолчав, добавил: «И всё же, как это прекрасно, когда ты подольше остаёшься в детстве».

Вдруг о чём-то вспомнив, Николай Степанович быстро вышел из кабинета и, когда возвращался, то речь Риты и Татьяны за дверью невольно остановила его. Двадцатилетняя Рита довольно громко повествовала: «О чём это главврач нам пытается сказать? У того парня с головой точно было чо-то не то». А Татьяна даже с какой-то весёлостью потакала своей подруге…

Николай Степанович вошёл в кабинет, и, увидев выступившие слёзы начальника, Рита с Татьяной кинулись – кто предлагать стакан воды, кто с предложением присесть на стул. Медсёстры в этот момент напоминали нашкодивших маленьких детей. Присев на стул, главврач вдруг, вытерев глаза, улыбнулся, чем окончательно добил медперсонал. «А знаете, мне уже шестьдесят лет, и я до сих пор не вышел из детства.

Я в нём живу, оно мне помогает. Я радуюсь и разговариваю с солнышком, с зелёной травкой. Очень люблю лимонад и пирожные. Мне бесконечно жаль взрослых, что они такие незамечайки, как вот вы, например. Дай Бог, чтобы у этого мальчика Серёжки подольше не кончалось детство…»

После этих слов пожилой врач ушёл осматривать больных, а медсёстры очень быстро решили про себя, что старик спятил, что у него с головой тоже что-то не то…

Господи, как же это хорошо, что люди все разные, и в моей памяти старый врач и мальчик Серёжка вместе идут по млечному пути волшебного детства…

Молоденький ангел

Ангел спустился с небес в этот раз раньше обычного. Деревенские мальчишки Серёжка, Валерка и Игорь ещё крепко спали, а их Божий заступник в кромешной тьме пытался найти ту коварную ямочку, из-за которой мальчишки, катаясь с очень крутой горы на самодельных санках, могли перевернуться и покалечится. Ангел вдруг загрустил и заплакал, он всё не мог отыскать эту коварную ямку. Вдруг он увидел на горе мужика, тот шёл из гостей домой.

По его походке и пьяному голосу Ангел сразу догадался, что мужик хочет сократить путь до дому, съехав с горы. Именно в это мгновение и обнаружил Божий посланник опасную ямку. Тем временем деревенский гуляка уже сел на санки и поехал, а потом и понёсся с бешеной скоростью. Подхватил его Ангел именно в тот момент, когда незадачливый пьянчужка через мгновение мог разбиться до смерти. Мужик спьяну и не понял, какая сила на середине спуска с горы подхватила его и бережно опустила на землю. До деревни оставалось

всего ничего. Пришёл захмелевший отец домой, поглядел на своих троих сыновей да и улегся спать.

Мальчики весь следующий день до свиста в ушах катались с крутой горы, но ничего с ними не случалось. Ангел, наблюдая за ними, давно уже заделал эту ямку. И не понимал, почему он ещё здесь, ведь кругом всё хорошо. А всё дело было в том, что Ангелочек этот был ещё совсем молод, а старшие братья Ангелы объяснили ему, что послан он был для того, чтобы спасти отца мальчишек. Что очень трудно было бы одной матери поднимать ребятишек. Вот и решили они помочь ей, сердешной, за её постоянные обращения к Пресвятой Богородице. Позже мужика этого чуть не задавило на рубке леса. Лесина упала, и его придавило ветками. Потом он едва не замерз, потеряв дорогу в жуткую пургу. Ох, как много было затем этих «чуть». А старшие братья Ангелы, весело улыбаясь, понимали, что их младший братик помаленьку взрослеет. И они дружно в один голос твердили: «ЧУДНЫ ДЕЛА ТВОИ, ГОСПОДИ!»

Незамечайки

Перед тем, как зайти в магазин, обратил внимание на привязанную к железному забору маленькую собачонку. Она так жалобно скулила, и мне всерьёз показалось, что она плачет.

Рядом стоял детский велосипед. Зайдя в магазин, я увидел мальчика, который, не уставая, показывал своей маме, что ему надо купить. Взрослые посмеивались и подсказывали юнцу новые и новые сладости. Видя, что малыш увлёкся, говорю маме: «Ваша собачка плачет». Но никто на это не обратил внимания. Закончив, наконец, многочисленные сладкие покупки, мальчик с мамой вышли из ма-

газина. Маленький пёс в это мгновение был счастливее нас, взрослых, да и маленьких незамечаек.

Коник и снегурка

Жил себе в деревне мужик, звали его Егором. Зимой вечерами сынок с дочкой садились к тяте на коленки и просили какие-то игрушки им смастерить. Широко вздохнув и улыбнувшись, бросал отец недоплетённые лапти и шёл на улицу.

Вот принёс он маленькие берёзовые чурочки и принялся строгать да выделывать чего-то. Жена ругает, маманя ругает и в один голос твердят:

- Ну, чего ты делашь-то? Лучше бы лапти доплёл!

Мать всплеснула руками и промолвила:

- Уж взрослый мужик, а всё как дитя! - и пошла спать на тёплую русскую печь.

Дети давно уже мирно посапывали. Жена улеглась без мужа, а утром первая, как всегда, пробудившаяся маманя опять всплеснула руками:

- Ну, чё деется-то? Диво дивное, ей Богу!

На полу стоял красивый деревянный конёк, а рядом - ну впрямь как взаправдашняя - Снегурочка. Поднявшись, подивилась и жена, сказав:

- Ладно-то как сделано!

Счастливым детским восторгом осветилась изба. Сынишка тут же оседлал коня и катался на нём, а дочка бережно прижимала к себе Снегурку. Тятя же их, трудившийся всю ночь, почивал на широкой лавочке и чему-то улыбался во сне.

Хроменькая (сказка)

В одной занесённой глубокими снегами деревушечке жило семейство: мать с отцом, три брата и три сестры.

Самой младшенькой Настасьюшке исполнилось на ту пору семнадцать годков, да вот беда – всем была справна девка: и лицом, и работой, только вот хроменькой уродилась. Братья да сестры, знамо дело, жалели младшенькую, но Настя ни от одной работы не пряталась. А на деревне её, родимую работу, известное дело, во веки веков не переделаешь. Бывало, маманя Настеньки, видя, как славно трудится её несчастное дитя, по своему и говаривала:

- Сядь, дочка, переведи дух-то, чай не железная ты! Вижу ведь, как умаялась! Её, работу-то, николи не переделаш.

Настенька устало отвечала маменьке:

- Ничего, маманя, Господь наш всем велел трудиться. – И, немного погрустив, продолжала: - отходит печаль тогда подальше. Боженька, Он всё про людей знает и помогает им. Я, мама, когда очень устану, мне и легче на душе деется, и о грустном меньше думается.

Авдотья Панкратовна тут же и дивилась:

- Да чего тебе, дитя ты мое неразумное, кручиниться-то? Вон кака молоденька ты у меня!

Настя садилась после таких разговоров с матерью на широкую лавку и принималась вязать шаль, ловко у неё это дело выходило. Её сестры все ходили в шалях, связанных руками младшенькой сестренки и непременно ей говорили после гуляния на морозе:

- Ух, сестрица, как тепло в шали-то! Эх, воистину ты наша рукодельница!

Но вот в эти-то часы, когда сестры с парнями гуляли по улице и весело распевали песни, Настасьюшке становилось особенно грустно, она снова бралась за рукоделие и потихоньку напевала:

Родилась я хроменькой, Господи, прости.
Мне с кручиной справиться этой помоги.
И в сердешной церковке я зажгу свечу
С мыслями об ангеле в небо улечу…

Маменька с тятенькой к тому времени после праведных трудов укладывались спать и, слушая песню дочери, плакали. А Настя напевала дальше:

«Суженый мой, ряженый, где живёшь?
Что же в избу тёплую не идёшь?
Я сижу на лавочке, жду-пожду,
Для тебя, родимого, всё пряду.
Верится, мой миленький, ты придёшь,
Мимо дома нашего не пройдёшь.
Батюшке и маменьке поклонись,
Чтобы сбылось всё – помолись».

Братья и сестры, вернувшись с улицы, весёлые, пахнущие свежим морозцем, обнимали сестрицу и рассказывали ей о том, как весело катались с горы. Но всегда перед тем, как идти на улицу, звали её с собой. Да вот не шла сестренка, стыдилась отчего-то. Хотя никто на деревне её, сердешную, сроду не дразнил.

Со временем и песня её стала известна всей деревне. А пришедший погулять в их деревню из соседнего села парень, услышав песню, спросил:

- Кто же это придумал эдаку песню?

Братья Настасьюшки и поведали ему о своей несчастной сестрёнке. Не удержался парень и однажды зашёл в дом, где жила Настенька. Когда он увидел её, обомлел и тут же поклонился родителям, а Насте и слова не мог сказать. Всё нутро у парня перехватило…

Вскорости в их деревню пожаловали сваты. Свадьба была - всем на загляденье. После свадьбы молодой красивый муж признался своей жене Настеньке, что прилетел к нему ночью ангел и всё поведал о ней.

17.02.2013.

Богатырь Леметка

Давно это было, аж во времена Ивана Грозного. Царь тот был и вправду грозен. И, как подобает царю, – и казнил, и миловал, и войны вёл. Завсегда так на Руси-матушке было. Вороги–то, оне не дремали и, знамо дело, русскому люду оборону держать надобно было.

Раз, проезжая лесной дорогой, залюбовался государь природой местной. И вздумалось царю в энтом месте деревню основать. Позвал он к себе одного богатыря и спросил: «Как звать-то тебя?» Тот ответил: «Леметкой кличут». Подивился Иван Грозный имени и повелел: «Оставайся здесь отныне и строй деревню. Ибо земли русские заселять надобно». И отвалил на разживу Леметке немного денег.

Войско царёво отправилось дале, оставив богатыря с невесёлыми думами. И как было не печалиться Леметке, ведь один он остался. Друзья его ратные в бою свою удаль молодецкую показывать будут, а он тут горе горевать. Но делать нечего. Царёв указ исполненья требует. Сел на коня и поехал в большое село, что было вёрст за двадцать. За богатырём, знамо дело, девки особый догляд устроили. Вот и догляделась одна такая. Дашей та девушка звалась. Глазами своими, словно синь неба, косою своею русою, улыбкой медовой вскружила девица красна богатырю Леметке голову. Посватал он её, и тятя ейный дал своё родительско согласие. После свадебки честной повёз Леметка молодую жену на то место, где царь

повелел деревню ставить. Окинула взором Даша местность, и глянулось ей тут. Да и как не глянуться, коли речка быстра течёт и солнечными зайчиками взгляд радоват. Рыба в ей плещется, и опять же царёв указ сполнять надобно, ибо без молодого мужа может остаться жена, ежели указ тот грозный не сполнить.

На высоком красивом холму, идущем вдоль речки, и выбрали молодожёны место под строительство дома. Леметка лес рубит, избу ставит, жена хлёбово наипользительно варит на костре. А Леметка-то тем временем не токмо строительством занимался. Взбредёт ему в голову, он и зверя добудет, и рыбы наловит. Силов у молодых много быват.

И вот к осени изба уж стояла и топилась в ней жарка печь. Да и грибов, ягод жёнушка родимая на всю долгу зиму насбирала. Раз глядит Леметка с женой молодой: идут мимо них странствующие люди - старик древний, а с ним мальчонка, Лексеем названный. И поёт старик: «Ой, да я по полюшку, иду по травушке. Босы мои ноженьки, ноги босы. Стынут мои ноженьки от росы холодной. Развяжу котомочку, одену лапти». Как там-то было, неведомо. Только стали старик с мальчиком у богатыря жить да помогать по дому.

Поехал раз Леметка опять в большое село, видит: один богатей при всём честном народе за каку-то безделицу бедняка тиранит. «Ты пошто, - говорит, - все яйца с под моих кур выпил, охальник». «Не трогал я их», - утирая рукавом слёзы, голосил бедолага. Тут-то и вступил богатырь в спор: «А он ведь и вправду не пил твоих яиц. Они хорьком сничтожены. У меня такая же беда была, повадки мне те ведомы». И опять не знам как и что там деялось, только баяли, что отстоял Леметка бедняка, да и забрал жить к себе. Данилой тот назвался и преданным другом стал богатырю.

Три дома уже стояло на деревне. Перву-то зиму вместе были, а на другой год ещё две избы срубили. Стоит маленька деревня, денно трудится, нощно отдыхат. На царёвы деньги купил Леметка корову и овец. Засевают святым зерном поле

богатырь с Данилой, да с Богом на Ты разговаривают. У хлебороба на энто дело особое разрешение от Создателя завсегда имеется.

Зависть многих на земле съедат. Да вот только не сразу, а постепенно энто дело деется. Не простил богатей Леметку за Данилу: ведь без хорошего работника остался. Нанял разбойников и велел им убить богатыря. Ночью напали злодеи на деревушку малую. Выскочил из дома Леметка с топором в руке, чуя недоброе. Да темень стояла непроглядная, и вот тут-то и пронзили его, сердешного, аж две стрелы кряду. Но успел богатырь одному разбойнику топор в грудь засадить и рухнул на землю. Выскочил Данила со своей избы, схватил оглоблю, да посшибал оставшихся троих с коней и кулаком своим пудовым утихомирил навечно злых людей. Выбежала молода жена с двумя маленькими сыновьями и пала на грудь супруга. Подошли и Данила со стариком и подросшим юношей Алексеем. Горько рыдали они, эти немногочисленные жители деревни, подле богатыря. А Леметка из последних сил вымолвил: «Я с радостью жил и с радостью помираю». Таковы и были последние слова богатыря Леметки. Похоронили его на высоком месте, где величавая красивая гора делает поворот. Данила крест высокий установил, который был виден отовсюду.

Прошло два года, и приехали богатыри от царя проверить, как царёв указ исполняется. А в деревеньке-то уж десять изб стояло. Слух о добром богатыре быстро пошёл гулять по свету. Напоил их молоком Данила, да всё обсказал по порядку. Поплакали богатыри о друге, да и уехали царю докладывать.

Прошло двести лет с той поры, и на том месте, где крест Леметкин стоял, храм поставили, и назван он был именем Святой Живоначальной Троицы. А село к тому времени уже давно называлось Леметь. И семя Леметкино и Данилино через поколения до сих пор живо. Ежели не верите, можете проверить. А если может чего и выдумано в энтой истории, не серчайте за то, добрые люди. Только село это и храм по сю

пору стоят на земле. И кажинный кирпичик церкви бережно оберегает многовековую русскую память о добром богатыре Леметке. Да про то, как он, сердешный, царёв указ сполнял. А напоследок скажу, что и светильник земли русской Серафим Саровский приходил сюда, в Леметь. И это воистину правда. Ибо у нас на Руси чего только не быват.

Интровертность, экстравертность и три березки России

Те, кто смотрит канал «Культура», наверняка знаком с циклом передач под названием «Апокриф» (в переводе с древнегреческого это слово обозначает тайный, скрытный). Программа рассчитана, прямо скажем, на высоколобых, утонченных ценителей литературы, искусства. Ведет ее писатель Виктор Ерофеев.

Если кто не знает, может познакомиться с его произведением «Энциклопедия русской души». Вот пара цитат из него: «Русские знают лучше географию, чем историю. Истории русские совсем не знают. Русские все забывают. Я смотрю на людей как на вспомогательный материал. Мне они бывают нужны иногда, чтобы не было скучно. Я с ними развлекаюсь, потом выбрасываю». Или вот еще: «У русских все сырое, непрожаренное. И лицо, и душа, и мать-Земля: леса – сырые, мы все – сыроежки. Еду в метро и чувствую, что мне противна эта потная сволочь. Инертная, покорная, прыщавая шваль… Хочу ли я, чтобы Россия распалась на куски?.. Чтобы Волга высохла?.. Чтобы судорога прошла по Сибири? – Хочу! Хочу!»

Вы думаете, что это цитаты, случайно извлеченные из контекста? Уверяю вас, таково содержание всех 310 страниц книги. Стиль письма, правда, разнообразный: от сугубо эстетствующего, смысл которого понятен лишь немногим (пример: «Россия интровертна в своих возможностях и экстравертна в своей беспомощности.») до откровенной матерщины, которая, совсем недавно исчезнув с заборов, стала обычным средством общения.

Впрочем, вернемся к «судороге Сибири». С месяц назад очередной выпуск «Апокрифа» был посвящен поездке группы московских писателей по Сибири. Они аж до Владивостока проехали. Убедились, что это очень, очень далеко. Останавливались в разных городах, выходили на перроны, беседовали с местным населением, причем, без всякой боязни…

Им очень льстило, что их книжки, которые они везли с собой, читали и хвалили проводницы: настоящий все же народ…

А ведь наверняка в кармане у каждого – заграничный паспорт, не раз бывали на Западе, а вот в Россию – настоящую Россию, выехали впервые. И воспринимают свой вояж, как подвиг. Так что «страшно далеки они от народа» – это не только про декабристов.

К сожалению конечно, нет у нас сегодня писателей, равных по величине Василию Шукшину, Виктору Астафьеву, Валентину Распутину. Но хочется верить, что они зреют – в глубинке, в регионах, в провинции – так нынче называют эти территории в столице. Страна, слава Богу, еще не превратилась в цепь мегаполисов, где из человека вымывается все лучшее, где пробки не только на дорогах, но и в душах, мозгах. Именно в провинции Россия еще сохраняет свое естество, настроенное на неистребимой вере в справедливость, добро. И происходящие в стране события конечно же не минуют тех, чьи руки «тянутся к перу». Только в Братске действует несколько литературных объединений. Время от времени там проходят презентации сборников выстраданных, прочувствованных строчек.

Недавно на очередном заседании литературного клуба «Братские роднички» прошла презентация сборника рассказов и очерков молодого прозаика Анатолия Казакова «Защитник земли русской». Это уже третья по счету его книжица. Начинал Анатолий со стихов, теперь перешел на прозу. Кроме Братска, его печатали в журналах «Истоки» (г. Красноярск»), «Сибирячок» (г. Иркутск»).

В рассказах Казакова ясно читаются сегодняшние события, судьбы людей, живущих рядом с нами. «Защитник земли русской» – это не о тех, кто боролся с фашистами в 41-м. Сегодня родную, но порушенную жестоким временем деревеньку, куда вернулся из города после жизненных потрясений честный труженик Иван Данилин, приходится защищать от опустошения, забвения, современных варваров. И защитил ее истинный патриот земли русской, и укрепил.

«Врожденная духовность и активная гражданская позиция, присущие творчеству Казакова, выгодно отличают его любимых героев от людей преуспевающих, но меркантильных, в жизненном кредо которых главенствуют принципы алчности и наживы», – написал во вступительном слове член Союза писателей России, руководитель литературного клуба «Братские роднички» Владимир Корнилов. Сегодня мы предлагаем нашим читателям небольшое эссе Анатолия Казакова. Называется оно «Три берёзки».

Эмма Зачиняева

***

Когда есть свободная минутка, я иду в ставший родным клуб «Транспортный строитель». Там мы занимаемся в хоре «Русская песня», это хорошая отдушина в наше грешное время. По дороге в клуб я всегда встречаю три березки, приютившиеся у обочины. Я всегда с ними здороваюсь. Как это делал Василий Макарович Шукшин, никто не сможет, но мне тоже нравится с ними разговаривать. Недавно, взглянув на одну из березок, я вдруг увидел Шукшина Василия Макаровича, вспомнил фильмы с его участием и в очередной раз восхитился талантом этого человека. Посмотрел на вторую березку – сразу вспомнился Геннадий Заволокин. Сейчас по телевизору много разных передач, а вот «Играй гармонь» мне нравится больше всего, потому что там наша душа, исконно русское сердце. Это остается на всю жизнь. С замиранием и удивлением перевожу взгляд на третью березку

и вижу Михаила Евдокимова. Это был единственный из современных артистов, кто рассказывал про деревню. Вот уж кто не зря прожил на этом свете, так эти три человека. И в нашей родной стороне, под названием Россия, их будут часто вспоминать.

Я долго потом думал, почему именно эти три человека мне представились. И совершенно ясно осознал, что они похожи. Похожи, как эти три березки. Так сильно все они любили свою родину, снимались в кино, а главное – искренне играли свои роли, такое ни в коем случае не сделаешь специально. Это все – по-настоящему.

Вот и получается, что живы они, только переродились в березки, и смотрят на нас, и что-то нашептывают, словно секреты нам свои передают. И мы, люди, не должны их подвести.

А я жду – не дождусь, когда будет репетиция. И я вновь увижусь с березками, а значит, и с Василием Макаровичем, и с Геннадием Заволокиным, и с Михаилом Евдокимовым.

Агапий и Агриппинушка

Как это зачастую в жизни быват, и в энтой истории ничего замудрённого не было. А было самое что ни на есть житейско дело. Любил шибко парень девицу одну. Деревня ихова далече от селений разных стояла. И потому глянуть, какие там девки в других деревнях да сёлах, парням неколи было. Знамо дело и по энтой причине тоже кажинная в их деревне девушка им красавицей казалась. Соберутся робяты на вечернее гуляние и само собой разговоры устраивают о девках. Они ведь словно лакомы кусочки, токмо кусочками-то только брюхо набьёшь, и вся недолга. А тут лебёдушка-краса, и всё-то в ней настоящее, всамделишное. Здесь уж хошь-не хошь, душа раскройки потребует. И ежели особливо вдуматься, то многогрешным людям любовь и дана Создателем, чтобы души их стремились к добру и состраданию. Вот Агапий и влюбился

в Агриппинушку любезную. В деревнях ране-то как бывало все плясунами, певцами да скоморохами, ежели того требовал момент, были. Не бывало тогда на Руси, чтобы один певец или плясун был, все бойко участвовали в гулянии. Этим делом и обряды старинные блюли. На одном из таких гуляний и углядел Агапий Агриппинушку да и, знамо дело, присох к ней сердешно.

Хороши летние вечера да ночи, не забываемы для каждого молодого сердца. Старики со старухами, родители детей, что гуляли по улице, лёжа в своих избах и слушая дружные песни, сродников деревенских вспоминали, как это бывало у них. В одной такой избе дед Прохор, лёжа на жарких кирпичах русской печи, вслух изрёк своей любезной половине: «А ведь и мы, Маруся, помнишь, али нет, тоже вот так-то воеводились». И по всей родимой на веки веков их деревеньке в душах людских вольно и невольно втемяшивались именно такие греющие душу, явившиеся всегда так нежданно откровения. Весной, летом да осенью крестьянину не продохнуть от трудов праведных. Только ближе к зиме и правил свадьбы люд наш православный. А у Агапия задержка с энтим делом вышла: хотел было к Агриппинушке посвататься, да не мог. Много ртов в их роду было, мал мала меньше: шесть братьев да шесть девок. А он старшим был, вот и помогал отцу Еремею. Чуяли отец с матерью, что любовь у ихова сына приключилась, баяли не однажды, мол, иди, сватай девку. Но совестливый был Агапий, знал доподлинно, каково родителям-то приходится. И однажды поздней весной, когда занепогодило, вдруг запел отчего-то песню: «Идут дожди и день и ночь, А я вот по тебе скучаю. Сижу на печке русской я. И грею все свои печали. Но как сказать, и как же быть? От мыслей голова уж пухнет. Пойду на речку лучше я, да в воду быстро ухну». Выбегал в дождину несусветную, родители остановить пытались, да рази молодого остановишь. Бежал Агапий к речке, благо рядышком та текла, и взаправду окунался с головой в холоднющую водицу. После опрометью домой, обсыхал, вы-

слушивал тятины да матушкины наказы. Снова залезал на печь и мысленно, на что-то решившись, про себя пел: «Ты, дождик, льёшь, стучишь весь день. Но только одного совсем не знаешь, Что вот однажды в ясный день скажу я о любви своей. Ты красоту свою не прячь, родная».

Началось во веки вечные долгожданное лето. Изработавшись на покосе до одури, крестьяне уж затемно падали в траву, ели нехитрую снедь и засыпали, чтобы засветло продолжать свой во все времена праведный труд. Любили Агапий с Агриппинушкой друг дружку, что тут толковать-то. А толковать - то и надобно, след – то бишь, должон обозначен быть, али нет. Ночью на покосе, когда земляки заснули усталым крепким сном, молодые нет-нет да и находили, где им встрениться. Не только у Агапия любовь была: почитай в каждом стогу сена парами сидели. Вот и Агапий с Агриппинушкой уединились в одном из свеженакошенных и высушенных стогов. Дух сена пьянил головы молодым, и Агриппинушка ему, суженому своему, и молвила: «Что же не сватаешься, Агапушка, избилось сердечко по тебе родимом, иссохлось, али не люба я тебе...»

А потом всю жизнь Агриппинушка вспоминала с избывной теплотой песню своего дорогого мужа Агапия. Ведь пришёл и посватал, и жизнь прожили и с бедами и радостями, всамделишную. А однажды после захода солнышка Агриппинушка, заслышав песни гуляющих по улице молодых парней и девчат, среди которых были и их выросшие в тепле да ласке дети, попросила Агапия спеть тот третий, на особицу полюбившийся ей куплет мужниной песни, придуманный уже после их свадьбы. И сердешный муж потихоньку, чтобы не разбудить младшую свою ребятню, запел своей любезной лебёдушке: «Приду к тебе в твой дом, дрожа, А сердце бьётся, надрываясь. И поклонюсь родителям, В надежде робко улыбаясь. Скажу я им слова свои, Обличьем, знамо, покраснею. Заплачет мать, вздохнёт отец. И лица станут веселее». Под эту песню и засыпали Агапий с Агриппинушкой, уже не слыша

поздно пришедших с гулянья родимых детушек. А те, выпив приготовленное заранее маманей из глиняных горшков молочко, да заев это скусно дело хлебцем, заваливались – кто на полати, а кто и на лавку – спать. И ведомо было им русским, сердешным людям, что жизнь, слава Богу, имеет своё продолжение и денно, и нощно, и по сю пору.

Вы не видели Чернигова?

В ДК «Транспортный строитель» в Осиновке прошла встреча с московским артистом.

Олег Николаевич Чернигов родился 23 июня 1958 года. Детство провел в Ангарске. В 1983 году окончил Иркутское театральное училище по специальности «актер театра драмы». Работал в театрах Иркутска, Якутска, Новосибирска, Магадана, Братска. В 1987 году прошел двухмесячные режиссерские курсы в ГИТИСе у народного артиста, заслуженного деятеля искусств А.А. Гончарова. В 2002 году окончил Восточно-Сибирскую государственную академию культуры и искусства по специальности «режиссер театра драмы». В 2005 году прошел стажировку в театре им. Моссовета (худрук П. О. Хомский).

Роли в кино: 2012 год – «Хоккейные игры» (Брежнев); 2011 – «Игра на выбывание», фильм 1-й; 2011 – «Девичья охота» (эпизод); 2010 – «Южный календарь» (проводник); «Учитель в законе» (эпизод); «Раскрутка» (майор); «Фальшивый парфюм» (11-я серия); «Невидимки» (ученый); «Назад в СССР» (анонимный алкоголик); «Флешка» (фильм 4-й); «Девушка-оборотень» (16-я серия, эпизод); «Дворик» (доктор); «Золотишко» (33-я серия); 2009 – «Клуб» (бизнесмен-итальянец, все сезоны); «Горячие новости» (Михалыч); «Вольф Мессинг: видевший сквозь время» (Леонид Ильич Брежнев); 2008 – «Шантаж» (фильм № 4); «Русская жертва» (эпизод); 2006 – «Шерше ля фам» (14 серия); «След» (бизнесмен); «Погоня за ангелом» (бандит); «Охота на гения» (Красновский); «Капи-

танские дети» (участковый); «За други своя» (документальный, офицер трех войн); 2005 – «Жила-была дверь» (короткометражный, Валерий Николаевич); «Любовный квадрат» (фильм 8-й) и другие.

Седьмого февраля в ДК «Транспортный Строитель» в Осиновке прошла встреча с актером театра и кино, режиссером и сценаристом Олегом Черниговым. Организовали встречу литературный клуб «Братские самородки» и поэтесса Екатерина Машкина. В течение двух лет она вела переписку с режиссером, в постановках которого не раз звучали её стихи.

Интерес братской публики к творчеству Чернигова вполне объясним. До Москвы Олег Николаевич пятнадцать лет работал в Братске. В своей жизни он сменил много мест (Иркутск, Якутск, Магадан, Новосибирск), но когда корреспондент одной из ангарских газет (Ангарск – малая родина Чернигова) спросил, с каким из городов у него связаны самые теплые воспоминания, Олег Николаевич, не задумываясь, ответил: «Братск. За 15 лет, проведенных там, я не только выходил на сцену как актер, но и поставил около 30 спектаклей. Сейчас даже сложно назвать точную цифру. Там же встретил свою любимую жену. Погостив у родни в Ангарске, я обязательно проведу несколько дней в Братске».

По дороге из Иркутска в Братск с Олегом Николаевичем произошел казусный случай – об этом он не преминул рассказать на встрече в ДК:

– Еду я автобусом, вдруг одна женщина спрашивает: «А не вы ли это в фильме «Интерны» мочу пили»? Был там такой эпизод. Нет, говорю, не я. Но тут в автобусе включают телевизор – и как раз эта серия. Женщина как закричит: «Я же говорила, что это он!». Дался всем этот фильм. В Братске таксист снова спросил про мочу. Я уж не стал отнекиваться. Таксист обещал прийти на мое выступление. Кстати, где он? – и, поискав глазами в зале таксиста и не найдя его, улыбнулся: – Издержки профессии…

Впрочем, в зале у Чернигова и без таксиста было много

почитателей, друзей и учеников. В Братске Олег Николаевич преподавал театральное искусство в ДК «Энергетик», в лицее № 28 и школе № 39. Детский театр Чернигова пять раз становился победителем конкурса «Жемчужина Братска». Олег Николаевич вспомнил, как однажды в лицее он решил поставить пьесу Василия Шукшина «А по утру они проснулись» и, чтобы войти в образ, посидел за решеткой в Правобережной милиции…

Во время более чем двухчасовой встречи с актером было показано несколько отрывков из художественных фильмов, в которых он снимался. За семь лет жизни в столице Чернигов успел поучаствовать почти в тридцати телесериалах. Зрителю он запомнился по ролям в фильмах «Кулагин и партнёры», «Глухарь», «Вольф Мессинг». В последнем сериале Чернигов играл Брежнева. Известный режиссер Краснопольский был потрясен схожестью актера с Леонидом Ильичем, а оператор, который пятнадцать лет снимал Брежнева, сказал: «Если бы я не знал, что это кино, подумал бы, что Лёня ожил». В планах - сыграть Иосифа Сталина, на роль которого его уже утвердили. Съёмки фильма будут проходить в Польше…

В Москве Чернигов открыл свой авторский театр, начало которому было положено еще во время работы в Братске, и сейчас пишет пьесы, ставит спектакли и сам же в них играет. За семь лет - двадцать пьес малого формата: комедии, трагедии, драмы, сказки. Особое внимание в своем творчестве он отводит теме войны. Его отец, Николай Павлович, был ветераном Великой Отечественной, может, поэтому Олег и написал историческую пьесу «Эшелон войны».

Иногда, если берет за душу, Чернигов пишет на заказ. Както московская организация «Дети улиц» заказала у него «что-

нибудь про наркоманию», и появилась пьеса «Гера+Ин», в которой наркотик венчает молодых людей со смертью. Написать пьесу «Нац» его вдохновили армейские воспоминания.

– Со мной служили представители разных национальностей, – говорит Олег. – И все дружили! Мой отец дошёл до Берлина вместе с азербайджанцами и грузинами, и это были его друзья-однополчане. В пьесе я попытался понять, что может объединять людей…

Основной принцип «Театра Олега Чернигова» - общение артистов со зрителями. Формат театра рассчитан всего на 3-4 актера. Пьесы идут, как правило, 45-50 минут. Зрители, старшеклассники и студенты не успевают устать, их часто вовлекают в действо, разрушая так называемую «четвертую стену». «Вы не видели Чернигова?» – спрашивал он напрямую у зрителя в своем бенефисе в Братске.

Чернигов – новатор, но не любит, когда современные режиссеры извращают классику, иногда привнося в нее откровенно эротические сцены и брань под видом проявления современности…

Путь к признанию был достаточно тернист. «Я был настоящим ангарским хулиганом, – вспоминал Чернигов, – но уже в пять лет решил, кем буду, – клоуном или артистом. В школьном сочинении на тему «Кем ты хочешь быть?» было написано: «Олег Попов уйдёт на пенсию, а Олег Чернигов придёт». Вспоминая пережитое, Олег Николаевич сказал: «Окажетесь в Москве, помогайте сибирякам… Театр – это колючая ягода, кино – липкая, – и, не сдержавшись, смахнул слезу: – Иду я вчера по Правому берегу и плачу – слишком много здесь дорогого мне, родного до кровиночки».

ЗДРАВСТВУЙ, ЕГОРОВНА

На пути к Богу библиотекарь храма Преображения Господня избавилась от тяжкого недуга

Тоска… И откуда ей взяться? В жизни вроде всё ладно и стройно, ан нет, гнетет неладная, сосет изнутри, и, понимая, что уныние смертный грех, спешу в храм Преображения Господня, чью маковку, наверное, видел бы из окна, да не дают более высокие строения. Невелик наш храм, да многого стоит: сила его – в людях…

Сегодня, отстояв службу, непременно зайду в церковную библиотеку, и, если Богу будет угодно, побеседую с Егоровной, хранительницей этой библиотеки, небольшой, опрятной женщиной, которая в чем-то напоминает мне маму, в чем-то первую мою учительницу из Правобережной школы, а в чем-то всех наших прихожанок-старушек, милых, тихих, взыскующих Бога, и, поговорив с нею, как всегда почувствую: с души будто камень упал…

В школе

Завидев её издали в толпе прихожан, говорю про себя: «Здравствуй, Егоровна, божий человек», и в этом нет никакой фамильярности. Хуже будет, если назову Александрой Егоровной Сухоруковой, хотя именно так и нарекли её родители. Вокруг только и слышишь: Егоровна, Егоровна – кому-то нужна иголка, нитка, ручка, бумага, а кто-то, как я, душу хочет излить. Кто-то пожертвовал в храм поношенную, но добротную одежду, и Александре Егоровне предстоит искать тех, кому она крайне необходима. Задача это непростая. Человек так устроен, что если он и нуждается в чем-то, то надо ещё убедить его в этом. На Крещение у Егоровны опять хлопоты.

Просила то одного, то другого принести в вёдрах крещенской воды, чтобы потом целый год этой целебной водой прихожан угощать. Егоровна всем нужна, словно для всех близкий и понятный человек. И удивительно, что еще совсем недавно она не знала, чего хочет от жизни, и была, как заблудший в темном лесу…

Как-то я попросил Егоровну рассказать о себе - и впервые увидел растерянной:

– А я и не знаю, что сказывать… Работала в Энергетике в двадцать шестой школе. Работала и не замечала, как жизнь проходит… Получила квартиру на Правом – перешла в педагогический колледж.

Лицо Егоровны неожиданно озаряется мягкой улыбкой:

– А вот люди со мной работали замечательные… В школе я подружилась с Галиной Михасенко, женой писателя, и даже учила их детей. Хорошо учились, особенно Саша почему-то запомнился. Я, конечно, знала, что муж Галины известный писатель (уже и фильм по его книге сняли – «Милый Эп»), но в компании – я часто бывала дома у них - этой его особости совсем не чувствовалось. Замечательный, всегда весёлый, умный, интеллигентный. Мы немного завидовали Галине, хотя иногда их семье приходилось туго. Геннадий Павлович работал сторожем, гонорары за книги были нечастыми и небольшими, и жить зачастую приходилось на Галину зарплату. Вот уж действительно, искусство требует жертв – такова, видно, цена за его чудные книги, которые еще долго будут спасать наши души…

Путь к Богу

- А как ты, Егоровна, в храм пришла? У всех, как известно, дороги разные…

Взглянув на Егоровну, я тут же осекся: словно тень набежала на ее лицо. Секунду две она держалась, потом заплакала, но поскольку человек она внутренне сильный, быстро взяла себя в руки, и разговор продолжился:

- Я сейчас нередко думаю, как удивительно всё в жизни устроено… Я ведь учитель истории, атеизм приходилось преподавать - ну, вы помните, какое отношение к религии было в советское время. Мои бабушка и дедушка были верующими, верила и я, но говорила другое. Я и не знаю, как это назвать – лукавством, подчинением силе, а может, и вера была нетвердой. Мои ученики позже мне выговаривали: как же так, тогда говорили одно, сейчас - другое. Отвечала просто: «Это – жизнь», и этим, по-моему, всё сказано…

Перемены в моей жизни начались с того, что восемнадцать лет назад я заболела раком. Два с половиной месяца пролежала в онкологии, прошла химиотерапию, перенесла операцию. Было очень тяжело и физически, и морально. Вот в такие моменты человек обычно и обращается к Богу. Дома у меня хранилась старинная икона Покрова Пресвятой Богородицы и, находясь в больнице, подумала я, что если останусь живой, отдам икону в храм, и там работать буду без денег...

- Как-то вместе с подругами по палате отпросились мы в храм, что в Падуне. Помню, еле-еле доплелись. Было как раз соборование, и откуда только силы взялись отстоять несколько часов службы... С тех пор стала ездить в Падун, исповедоваться, причащаться… Нет, далеко не сразу стало легче, было даже такое, что и под машину хотелось броситься. Дома тоже не всё благополучно было, и вот как-то села я на автобус «тройку», еду по Правому, сама не зная куда, и в одном месте словно кто-то подсказал сойти. Вышла я из автобуса, и ноги сами привели к бывшему детсаду. Захожу внутрь - читается акафист. После молитвы подошла к старосте Ирине Николаевне Поповой, заплакала и говорю, что скоро умру. А потом попросила работы - дома быть мне на тот момент совсем не хотелось. Ирина Николаевна посмотрела на меня внимательно и говорит: «Есть место в библиотеке, но денег мы не платим». Отвечаю: «Зачем мне деньги, я пенсию получаю», а сама думаю: «Чудны дела, твои Господи, ведь думала же, что если выживу, бесплатно буду работать, вот и сбылось».

И с иконой получилось, как думала. Икона была большой и тяжёлой, намучилась, пока её в церковь везла, но отец Павел, очень удивившись её старинности, сказал, что будет она теперь оберегать храм. Сейчас икона находится в алтаре, в правом углу над жертвенником, и я этому очень рада…

Стала я потихоньку работать. Храм по сути только зарождался, радовались, что именно в детском саду, ибо у детей – какие грехи. Прихожанка Людмила Семёновна Московских придумала стихотворение: «Наш маленький храм, как младенец родился, неслышен пока его звон, дай Боже, чтоб маленькой струйкою влился в реку православия он». Так мы все и думали. Все в молитве и среди людей, о себе и подумать некогда. И вдруг в какой-то момент я поняла: болезнь отступила…

Послушание

– Хоть и небогат наш храм был поначалу, но пригляда требовал, и вот стали мы, бабушки-старушки, по ночам его сторожить. Люди спрашивали, не страшно ли, но страха не было - было общее дело, и Господь нам во всём помогал. Жаль, не верующий человек этого никогда не поймёт…

За прошедшие годы много чего произошло в жизни храма, и не всякий ум в силах запомнить всего. Но Александра Егоровна, видно, не зря была в прошлой жизни историком – в новой своей ипостаси, хранителя церковной библиотеки, она стала летописцем храма.

– Семнадцатого июня 1997 года к нам приехал Владыка Иркутский и Ангарский Вадим, – рассказывает Егоровна. – Навстречу с хлебом-солью вышла староста Ирина Николаевна, и наблюдать за этим действом для нас было радостно. После проповеди Владыка благословил нас на строительство храма. Получили мы благословение и от отца Анатолия, и отца Павла. И это «дружное» благословение сделало чудо - с двадцатого июня по девятнадцатое августа были поставлены

железные колонны и убрана стена. Наш прораб Африкан Филиппович с тремя своими сыновьями и другими прихожанами совершили молитвенный подвиг. Работали все с утра и до ночи. Бывало, сядем на обед, а хлеба нет. Вдруг смотрим: идёт человек и хлеб несёт…

19 августа приехал отец Павел. Заходит в храм: стоят колонны, алтарь, и всё готово к службе. Удивился несказанно (как это мышкам-старушкам храм удалось подготовить) и в тот же день отслужил первый молебен.

Этого же числа рукоположили настоятелем храма отца Александра. Четвертого сентября 1997 года была вечерня и крестный ход вокруг храма с батюшками Павлом, Андреем (Огородниковым), Петром и Евгением. Пятого сентября состоялась первая литургия…

27 сентября первый раз в храме крестили. После крещения надо воду с огромного чана выливать, а мужчин нет. Пошла я на дорогу и вижу: учитель Виктор Викторович идёт, прошу помочь. Он говорит: «Да как я туда пойду, я ж неверующий» - «Да очень просто. Надо женщинам помочь». И стал он к нам приходить-то пианино настроит, то службу отстоит. «Неверующим» себя он уже не называет…

– Восемнадцатый год работает при храме воскресная школа… Место, где сейчас библиотека, поначалу было завалено ДВП и разным мусором. Все убрали. Радует, что в библиотеке сейчас пять тысяч книг и газетные подшивки. Первым читателем библиотеки была ныне покойная Анна Ивановна Чусова, она несла послушание возле свечей, пока совсем не ослепла…

Как человек, изучавший историю, Александра Егоровна не чувствует грани между прошлым и настоящим, а потому дела давно минувших дней и то, что было вчера и сегодня, для неё равноценны:

– Добрым словом хочу вспомнить долгое время служившего у нас отца Андрея Чеснокова. Удивляет своей работоспособностью и нынешний настоятель церкви – отец Георгий. В

храме сделан замечательный ремонт, а от миссионерской его службы дух захватывает – он и в Кежме, бывает и в Дубынино, Мамыре, Речушке, Кобляково…

О себе Егоровне по-прежнему сказать нечего: ну, накопила множество фотографий из истории храма, сделала фильм… Промолчала, что организовала всё это на свои деньги, а когда состоялся общественный просмотр, то плакали все, но это были слёзы радости, которую порою ждёшь целую жизнь.

Рассказ Нины Колбосовой

Сколько уж лет поём мы с Ниной Колбосовой в народном хоре «Русское поле», а вот о жизни поговорили совсем недавно. Да это и немудрено вовсе: в суете жизнь-то наша протекат. Всё спешим, несёмся, глядь, а уже и внуки переженились. Но жизнь, она что: хоть и стареем, а всё одно живой в могилу не ляжешь. Стало быть, надо жить покуда, коптить небушко наше русское. Помню, заминка какая-то на репетиции вышла: то ли музыкальный руководитель опоздал, то ли ещё что... Словом, сидим с Ниной и о жизни толкуем. Женщина она дородная ну прям как в сказаниях о человечности русской бабы писатели пишут. Так вот, сидит она и очень по-русски грудным голосом бает:

– Ой, Толик, дурные-то были чё. Я ведь с Тулунского района, села Владимировка. Бывало, всю ночь с парнями гуляешь, а утром-то колхозная работа, так мы с подружкой в борозду заляжем и спим. А нас уж сбившись с ног ищут... Но поспим маненько, идём, а у самих внутрях стыдобушка. Но взрослые-то они кто? Свои же земляки, поругают маненько да отступятся. Совсем ведь молоденькой замуж я вышла, едва восемнадцать исполнилось. Муж мой, хоть это конечно грешно так говорить, изверг был настоящий.

А я что? Молодость она и есть молодость. Переехали мы в строящийся тогда молодой город Братск. Жили в бараках, и вот мой Николай и притаскивает с товарищем мне огромного

осетра. Я же николи не видала эдакой рыбины. Распарываю брюхо: мать моя родная, икра чёрная вываливается, да много её! Мужики на улице стоят, курят, хвастают об улове. А я эту самую икру в помойное ведро и ухнула. Пришли мужики, видят такую картину, так мой-то меня за это чуть было не убил.

А где, Толик, моя вина, где? Я ж деревенская, сроду я не видывала этой чёрной икры. С тех пор, веришь или нет, противна мне эта икра. До сей поры не пробовала, да теперь уж и не попробую. Да это что? Вот что ни вспомнишь с мучителем моим, ажно дыхание спират. Жили в бараках, а он из деревни в два часа ночи на бортовой машине живой скот привёз. У нас на ту пору двое малых детей уж было. Забегает в комнату, вдребезги пьяный, орёт: поднимайся, дескать, Нинка, я мясо на продажу привёз. Мать моя честная, выхожу, а там бык годовалый, четыре свиньи и баран. А он, осатанел мой-то совсем, чтобы передо мной, значит, выхвалиться, открыл борта машины и орёт: «Принимай, Нинка, товар!»

Господи, светопреставление тут началось: свиньи махом разбежались, баран тоже куда-то исчез. А бык давай вокруг бараков носится и мычать, да так громко, что всю округу разбудил. Людям с утра на работу надо, они выскочили, отматерили Николая, а ему чё – пьяный же. Лишь к утру изловили мы быка. Я и не ложилась больше, какой тут сон. Когда рассвело, пошли искать скот, глядим, а баран на крыльце общаги спит, да главное – спокойно так спит. Две свиньи нашли, две нет. Мой изверг опять выхваляться передо мной стал. Сейчас, говорит, быка прирежу, взял нож и пошёл в сарай, а я трясусь вся, перед соседями неудобно. Видела ведь, что сонные на работу пошли. Он гад, прости, Толик, что так говорю, ну ведь гад же. Пошёл в сарай, а сам ведь ничего делать-то путём не умел. Резанул по шее быка, бык на него, он от него. И давай они круги нарезать.

А рядом, как на грех, милиция располагалась. Вышли милиционеры из здания покурить, а на них мой с быком несутся. А с быка –то кровища хлещет, не знаю, как так вышло, но

милицейская форма на всех оказалась забрызгана кровью. От уж отлупили они моего крепко. А потом дорезали быка. Мясо я не ела, не хотела и всё. Он бил меня часто, я терпела: детей без отца не хотела оставить. А он, Николай-то, дурной был, так ведь и помер от неугомонности своей».

Слушал я Нину и не понимал, почему женщины нашего хора чуть ли не на полу валялись от смеха. Я понимал Нину Колбосову и очень её жалел. Она у нас в хоре одна из самых лучших солисток. На вчерашней репетиции она вдруг говорит мне: «Мы вот скоро помрём, вспоминай-то нас. Нам бы вот только рядышком на погосте – то лежать. Мы и там будем песни старинные петь. А ты, Толик, табличку приделай, что де, здесь хор «Русское поле» находится.»

Не успел я и ответить, как вдруг Клавдия Петрова встрепенулась: «Зубков – то наш, знаменитый саночник, на Братской санной трассе тренировался, она ведь всесоюзного значения была, трасса. А я с внуком в санатории «Ладушки» отдыхала. Там же рядом всё, а внучок мой с ребятами, гляжу, уж и на лёд Братского моря вышел. Заволновалась я, и чтобы скоротать путь, взяла дощечку да с этой знаменитой трассы-то и съехала».

Зная, что с трассы этой далеко не многим хватает смелости съехать, спрашиваю, как, мол, не испугалась: «А почо бояться, я за внука испугалась, о себе не думала, несёт меня, страшно, конечно, было. Скатилась, добежала до моря Братского, обняла внучонка свово, и ничего боле бабушке не надо».

Тут и Катерина Сизова встрепенулась: «У нас до затопления в деревне Кежма в лесу большой самогонный аппарат стоял на речке, мужики устроили: охлаждение отменное, речка уж больно холодна была. В нашей Кежме только Троицу да Покров праздновали почему-то. Так очередь занимали на это дело. Самогон, помню, получался не крепким, градусов двадцать пять. У всех были бутылки, «четверть» назывались. Пили только на праздники, а так-то всё работали шибко. И вот что характерно, не помню, чтобы пъяницы на деревне были.

Слушая таких дорогих для моего сердца русских женщин, я вдруг вспомнил ныне покойную нашу частушечницу Галину Пискунову: «Выступила я, – говорит, – на концерте, а мне за мои частушки один предприниматель мешок сахару подарил. Что, думаю, делать? Я-то худенькая всегда была, а тут пятьдесят килограммов, да время к тому же было сложное, стояли девяностые годы. Стою после концерта, чуть не плачу. Нашёлся, слава Богу, человек на бортовой машине. Сидя в кузове на мешке сахара, и приехала домой.

Не выдержал такого разговора наш музыкальный руководитель Александр Васильевич Корсанов и вдруг заплакал. Мы, понятное дело, всполошились, к нему кинулись успокаивать. Вытер он заплаканные глаза платком и говорит: «Я деда с бабушкой вспомнил, растили они меня. Жили очень бедно, и я выучился на гармошке играть. Меня стали на свадьбы приглашать, и я стал приносить домой то продукты, а то и денежку малую. Эх, и радовались старики-то мои. Бывает, что концерты наши проходят в других районах, добираемся, конечно, за свой счёт рейсовыми автобусами, а в автобусе поём, пассажиры улыбаются. Велика душой русская песня, великие и русские наши женщины, не наглядишься на них досыта, покуда живой, ей Богу, не наглядишься...»

Господь и старушка

Смотрю на старушку. Она идёт к храму, опираясь на палочку. Еле-еле переставляет свои натруженные жизнью ноженьки. Иду за ней следом, гляжу на часы и понимаю, что до начала службы в церкви время ещё есть. Попутно проверяю,сколько денег в кармане,хватит ли на все свечи, что задумал поставить. На улице просто чудо: идёт лёгкий ласкающий снежок. Останавливаюсь, задираю голову, открываю рот, и снежинки падают в моё нутро. Вижу, что старушка уже довольно далеко от меня. Заканчиваю глотать снежинки. Так вот и подходим к храму Преображения Господня. Крестимся с моей

попутчицей перед храмом. Заходим в святую обитель. Попутчица моя идёт по своим делам, я по своим. Хранительница церковной библиотеки Александра Егоровна Сухорукова с радостью рассказывает, что мою статью в газете « Сибирский характер» о главном строителе этого храма Африкане Филипповиче Осипове читают.

Чувствовал я, грешный, что многие нынешние прихожане ничего не знают об истории нашего храма. Вот и сподобил Господь поведать мирянам о рабе Божием Африкане. Испил у Егоровны немного крещенской водицы, которой она, сердешная, каждый год всех нас поит, ибо свои запасы у многих давно закончились, и это неудивительно совсем. Хоть и набирают люди крещенской воды всегда с большим запасом, да вот беда - болеем почти все. Вот и пьём её, ведь это всё одно, что святое причастие принять, об этом говорил нам отец Алексей. На всякий случай осведомляюсь: «Осталась ли, водица, ведь, до Крещения Христова ещё две недели». В ответ с радостью: «Приходи, сынок, в любое время, ещё пять литров имеется. Ты ведь знаешь, я без неё не могу. Да и вам надобно пить».

Егоровна в этот раз посетовала, что старая и всё нестерпимо болит, когда находится дома: «Только в храме мне, Анатолий, легше деется, а дома плачу». Вспомнилось вдруг, как недавно она заболела, звоню, волнуюсь, а Егоровна больным, но не сдающимся голосом говорит: «Слегла, но доступ к телу продолжается». Знал я доподлинно, что она в нашем храме словно диспетчер, и не раз толковал ей об этом. А эта удивительная прихожанка только отмахивалась и опять шутя: «Да не диспетчер, Анатолий, хуже».

Похоронила Александра Егоровна сына молодого и мужа, дочь живёт на Украине. И она очень дорожит возложенной на неё церковной работой. Это спасало и спасает её, сердешную. Иду готовиться к службе, ставлю свечи, прикладываюсь к иконам. Но душа в этот раз велит отыскать ту хроменькую старушку. И я, конечно же, отыскиваю её своими полуслепыми глазами. Сердце всегда замирает перед началом службы,

ибо это великое таинство русской православной церкви. Отец Георгий, как всегда, очень проникновенно служит. Нашему храму повезло, ведь у нас два клироса, два хора. На протяжении многих лет, выступая в народном хоре «Русское поле», я вдосталь насмотрелся на разные музыкальные коллективы. У каждого, конечно же, есть свой любимый исполнитель. И когда я не на работе, с удовольствием наблюдаю, как настроение прихожан заметно улучшается от их воистину дивного церковного пения. Идёт служба, а я нет-нет, да гляну на эту старушку. Когда во время службы закрываются Царские врата, она садится на беленькую лавочку. Когда врата открываются, она встаёт. Это же делала моя любимая, ныне покойная Богомолица Анна Ивановна Чусова, это делают многие наши немощные миряне. И я с содроганием в сердце это всё чую.

Замечательный по Божией воле великий русский язык, ибо если бы я написал, что чувствую, то это бы не так грело мою часто отчаивающуюся душу. Вот где истинная красота нашего языка-то запрятана. Радуясь собственным мыслям, в который уже раз осознаю, что, стоя на службе, прихожане становятся красивее, человечнее и действительно ближе к Богу. На лицах такое умиротворение, что дух от радости замирает, и остаётся быть сопричастным своим братьям и сёстрам во Христе... Лидия Дмитриевна Каськова, Анна Ивановна Куванова, Людмила Семёновна Московских, Светлана Борисовна Рудых моя мама и её сестра Мария, и все, все, все... Как же я вас люблю и безмерно благодарю Создателя за всё, именно за всё.

Заканчивается служба, и отец Георгий говорит, что сейчас пойдём крестным ходом вокруг строящегося храма Преображения Господня. Малиновым перезвоном звучат колокола с деревянной часовенки. И мы с умиротворением идём вокруг строящегося храма. Я невольно стал искать глазами свою попутчицу и увидел, наконец, что она идёт последней.

Затем, расходясь по своим домам, мы вновь и вновь окунаемся в светский мир. Это всегда сложно, ведь неверующему человеку ничего не докажешь. Но в это короткое мгновение,

пока я шёл к дому, мне вдруг показалось, что старушка-то эта сердешная, не последняя шла, за ней шёл Господь.

В ОЖИДАНИИ ЧУДА

В дом Виталия Григорьевича и Лидии Дмитриевны Каськовых в Гидростроителе шел я с ожиданием чуда – Лидия Дмитриевна, знал я, хорошо врачует. Положит вам руку на грудь – и становится легче, на себе испытал. На похоронах сердешной богомолицы Анны Ивановны Чусовой стало мне плохо, и знающие люди подвели меня к Лидии Дмитриевне, попросили помочь. Она смутилась, но видя мои мучения, приложила руку к больному месту, почитала молитву, и я вдруг почувствовал, как уходит боль. Многие люди её просят помочь, а когда спрашивают, откуда, мол, в тебе это, отвечает: «Я не при чём – это Боженька…»

Юная богомолица

Вера в Бога у неё с детства. В украинской деревне Снитовка, где она родилась, была своя больница и старинная церковь. На территории храма рос дуб – троим не обхватить, на его могучих ветвях висели колокола, а снизу была устроена лестница для звонарей. Лазала туда и ребятня - хотелось хоть разок да звякнуть. В храм люди шли с семи деревень. Места в обители всем не хватало, поэтому куличи на Пасху освящали прямо под дубом. Всё это Лидия Дмитриевна вспоминает с необычайным теплом, остудить которое не смогли ни последующие гонения на церковь, ни карикатуры, которые рисо-

вали на нее, юную богомолицу, школьные горе-художники...

Шли годы. Лидия Дмитриевна, в девичестве носившая фамилию Бульба, стала Каськовой. Как-то во время праздника в колхозном клубе её пригласил на танец местный паренек Виталий Каськов, и с тех пор они стали встречаться. Виталия вскоре призвали в армию. Три года служил в ракетных войсках в Ивановской области, а потом по комсомольской путёвке вместе с четырьмя земляками решил ехать в Братск. Перед отправкой в дальние края заехал в родную деревню ровно на недельку, и за это время успел жениться на своей Лиде, работавшей заведующей магазином.

Кормушка за окном

По приезду в «сибирскую вотчину» Виталий Григорьевич устроился в СМУ-4. Жили молодые в общежитии на Правом берегу, и Лидия Дмитриевна кормила не только мужа. Придут уставшие парни с работы, поедят борща и вареников по-украински и, сочувствуя молодоженам, разбредутся по друзьям.

– Виталий как-то принес пельмени и убежал на работу, – вспоминает Лидия Дмитриевна. – Я никогда в жизни пельменей не видела (у нас же на Украине вареники), как варить их, не знаю, и спросить не у кого, все на работе. Размякли они у меня, а я все сижу и думаю, что с ними делать. В общем, пощипала их, как клёцки, и сварила. Ребята пришли с работы, всё с аппетитом съели, а вот муж до сих пор подшучивает, вспоминая «мятые пельмени»…

- Жалко было парней, что по друзьям ночуют, - продолжает рассказ жены Виталий Григорьевич. – И перебрались мы с Лидой в щитовой барак на четыре хозяина. Я участвовал в строительстве единой базы КБЖБ, на СТЭМИ, на правобережном ДОКе работал. Потом выучился на шофёра и перешел в Усть-Лабинский леспромхоз. Так с автобуса на пенсию и ушёл. Давали нам ещё по молодости в центральном Братске

квартиру, но мы наш Правый не предали. Гоже здесь, по нутру как-то. Вот, посмотрите в окно…

Я глянул и чудо, которого я ожидал от этой встречи, словно приблизилось: возле окон на втором этаже улюлюкала целая стая разноцветных голубей, а на открытой форточке раскачивалась картонная кормушка...

– Это мы с Виталием сделали, птицы-то – твари Божии, – объяснила Лидия Дмитриевна. Затем, почему-то немного смутившись, добавила: «Голуби поедят, дальше снегири с синицами да воробьями следуют. Камедно бывает наблюдать, когда они на железной проволочке в очередь выстраиваются за пропитанием…»

Тайное крещение

Лидия Дмитриевна до пенсии работала продавцом в магазине. Всегда жалела инвалидов, стариков, что приходили за продуктами, пытаясь их получше обслужить, и за это над ней иногда подсмеивались молодые продавцы. Смеялись некоторые люди и над ее набожностью. Но она старалась не замечать этих насмешек, как когда-то школьных карикатур, и мечтала окрестить своих детей. Сделать это в ту пору было не просто, но в один из отпусков, на Украине, ночью тайно батюшка покрестил двух её сыновей - Игоря и Димитрия, десяти и четырех лет.

И всё же не было в её вере еще настоящей твердости. В 1992 году умерла её мама Ольга Карповна Бульба. Деньги в то время обесценились, занять было не у кого, и Лидия Дмитриевна не смогла поехать на похороны.

- Плакала я тогда, плакала, и в душу мою запало, что мама моя не отпета, – рассказывает Лидия Дмитриевна. – Поехала в Падунский храм раз, другой, но всё были какие-то препятствия - не получалось отпеть. В один из приездов выходит из алтаря бывший тогда пономарём, а ныне иеромонах Алексей. Был он в ту пору совсем мальчишкой, но очень прозорливо

посоветовал точно выяснить, отпета ли моя мама. Я заказала переговоры с сестрой Анной, и она сказала, что маму перед смертью батюшка исповедовал и причастил, и отпевание было на погосте. Вот тогда-то я поняла окончательно, что Господь есть и он всё управил. И у меня словно оковы сняли с души…

Грехи наши

- В 1996 году повстречалась мне наша прихожанка Ираидушка и говорит: «Иди в садик - там храм будет», и дала мне почитать книгу о мытарствах святой Феодоры. Я читала захлёбом всю ночь и думала, какие мы все грешные, и я грешна. Нет, я не изменяла мужу, всю жизнь его любила (совестливый он у меня), но ведь помимо этого сколько всего ещё… Мой муж Виталий, когда я подарила ему книгу о грехах, с немалым удивлением нашёл в ней, что грехов триста семьдесят восемь. Можно по-разному толковать, но я нахожу ответы в последней молитве этой книги: «Во всех сих каюсь, Господи Боже, Отче, Сыне и Святый Душе, и прошу простить меня, и исправить, ибо Ты сказал: «Без Мене не можете творить ничего же». Ей, Господи, исправи все исповеданное и не исповеданное мною, от крещения и доныне».

Ираидушка померла, царствие ей небесное, а я до сих пор благодарна ей за то, что направила меня в храм Преображения Господня. Помню, пришла и страшно мне: а что делать буду? А сгожусь ли? Староста Ирина Николаевна Попова спрашивает: «Кем работала?». – «Продавцом». – «Пойдёшь в лавку». Испугалась я и говорю: «Да я же ничего не умею и не знаю… Что такое акафист? Сорокоуст?» Ирина Николаевна из смелых женщин, решительно так и говорит: «Два и два сложить можешь?» - «Могу». – «Вот и становись в лавку – послушание у тебя такое. И не робей, всему научим».

Возжигающая свечи

– А тут и искушение явилось. Мужа с двухсторонним воспалением лёгких срочно положили в больницу. Что делать - лавку принимать или и с мужем сидеть? Ирина Николаевна опять пришла на выручку, сказав, чтобы читала акафист. Стала я читать, и даже врачи удивлялись, как быстро поправляется мой муж.

Страх перед новой работой пропал не сразу. Приходили люди, и нужно было не просто что-то продать, а проложить мостик к ним. Тонкостей тут много. Иные не знают, как свечку поставить, и очень важно не спугнуть человека, по возможности ласково всё объяснить. Меня и саму постоянно учили дорогие наши бабушки Галина Орищенко и Ниночка-просфорница...

В лавке Лидия Дмитриевна работала тринадцать лет, а потом попросилась приглядывать за свечами. И не раз мне приходилось видеть, как она помогала то одному, то другому прихожанину затеплить свечу. Помогла и собственному мужу…

– Я целыми днями пропадала в церкви и была благодарна мужу, что он не сердится на меня. Сам он на тот момент не ходил в церковь, но говорил мне: «Тебя Господь поставил, терпи». Знала я, что он втайне тоже молится, и была очень рада этому…

Однажды отец Александр попросил Виталия посторожить в церкви. Виталий целый месяц не только сторожил, но ещё и на своём стареньком «Москвиче» по церковным делам ездил. Как-то Ирина Николаевна говорит мне: «Я во сне видела, как вы с Виталием венчаетесь». В это время проходил мимо отец Александр, услышал наш разговор и сказал: «Всё, Лидия, в понедельник венчаетесь». Я отвечаю: «А хоть сейчас, да будет ли согласен муж». Звоню ему на работу и говорю: «Ты, Виталий, сядь, а то упадешь. В понедельник венчаемся». Слышу в трубку: притих, тяжело дышит. Думала, отругает, и я помру, а он согласился.

Перед венчанием Виталий Григорьевич исповедовался и причастился. Было это 9 августа 1999 года, на праздник великого целителя Пантелеимона. В тот же день венчались хранительница церковной библиотеки Александра Егоровна Сухорукова со своим мужем Александром. Многие через своих детей приходят к Богу, а тут – через свою половину. Ну не чудо ли…

– Однажды, когда в нашем храме ещё ничего не было, снится мне сон, будто плывёт к нам светильник земли русской и ходатай за нас грешных святой Серафим Саровский. Я бегу за ним и спрашиваю, будет ли у нас храм, и слышу в ответ: будет каменный храм. И вскоре, действительно, началось строительство кирпичного храма. Строительство идет много лет, но мы надеемся однажды преклонить в нем свои головы. После каждой воскресной службы отец Георгий призывает всех прихожан на крестный ход. Мы идём вокруг строящегося храма, и в душе такое умиротворение, что и словами не передать…

Наши памятные песни

Каким-то чудом на работе сохранилась радиоточка. В обеденный перерыв слушаю концерт по заявкам радиослушателей. Надо сказать, что работники Иркутского радио действительно, как говорится, на своём месте. Особенно всегда жду, когда в радиоэфире появится ведущая Татьяна Сазонова.

В её добром голосе, полном неиссякаемой любви к народной русской песне и великому русскому языку, явственно слышится старинное деревенское «наше всё», чем теплится душа.

В этот раз по заказу радиослушателей звучала песня «Деревня моя, деревянная, дальняя». Наверное, сотни раз за свою жизнь я слышал эту родную песню и каждый раз вспоминал при этом своё село Леметь… Как высыпал весь деревенский люд – от мала до велика – выкапывать картошку. В ту пору,

почитай, в каждом дому большие семьи были – со стариками жили и среднее поколение, и «младое племя». В нашей Лемети у всех были огороды «под картошку» – это понятно, но были ещё и усады с прирезками, и, все до одного, они тоже были засажены «земляным яблоком», без которого и обед не обед. А у каждого ещё и скотины полно, и эта самая картошка крепко всех выручала. Соседями нашими по усаду были Кувановы – на деревне многие носили эту фамилию. Помнится: я, пацанёнок, набрал жирных дождевых червяков и играю с ними. Сидит рядом наш сосед по прозвищу дядя Вятёлка, улыбается лукаво да говорит: «Вот, Натолий, ститтвою...» – и все смеются. По утрам я любил выходить на крыльцо и по-петушиному петь. Заслышав такое пение, – а наши дома стояли супротив, – дядя со смешным прозвищем выходил на своё крыльцо, грелся в утренних лучах и в который раз повторял свою хлёсткую поговорку, так укрепившуюся в нашем народе.

Пока звучала песня, всплыл в памяти и этот краткий миг из деревенской жизни и подумалось вдруг, что никакие американские санкции нам тогда не были страшны, потому как, помимо сильной армии, было своё мощное сельское хозяйство... Нынче люди наши очень уж приноровились в кредит иномарки приобретать. И где бы мне ни доводилось бывать, везде виделось одно и то же: из этих модных авто по всей матушке Руси орёт из колонок иностранная музыка. А порой и наша, зачастую безнравственная, нынешняя песня. Не поворачивается язык называть это песней, ибо, что такое настоящая песня, доподлинно знает русский человек. Когда выступаю в школах, говорю детям, что за рубежом всегда восхищались и восхищаются по сей день голосами Елены Образцовой и Дмитрия Хворостовского. До сих пор во всём мире признаётся непревзойдённой по своему певческому таланту великая русская певица Людмила Георгиевна Зыкина. И с горечью вижу, что даже старшеклассники ничего об этом не знают, но, слава Богу, удивляются и, хочу верить, радуются этому.

Захожу в местную забегаловку и, заказав обед, обращаю внимание на музыкальный автомат. Вижу – подходят молодые люди, бросают в отверстие десять рублей и слушают свой «заказ». Пока ел, прозвучало три песни: одна – о бандитах, вторая и третья – иностранные. Не выдержал, подхожу к автомату, прошу девушку, чтобы помогла отыскать группу «Любэ». Наконец находим, и, поблагодарив девушку, бросаю монетку. Зазвучала песня «Заря», которую Николай Расторгуев исполняет вместе с Сергеем Безруковым и Дмитрием Дюжевым. Смотрю – несколько пар поднялось, стали танцевать и петь эту песню. Когда же она закончилась, какой-то парень подошёл к автомату и заказал песню «Ты неси меня, река». Настроение немного «пошло в гору» от мысли, что, может быть, однажды из проезжающего мимо автомобиля услышу не безликую иностранщину, а великую русскую певицу Людмилу Георгиевну Зыкину, и ту вечную песню «Течёт река Волга». Наивный я человек...

Одигитрия

«Пока живём – трепыхаемся чего-то, а уж ежели радостные моменты бывают, тут уж и вовсе гоже», – так говаривала моя бабушка, Татьяна Ивановна Куванова. Именно – «гоже».

Позвонил мне молодой журналист Николай Полехин, и всегда, когда его слышу, радостно бывает, ибо сильный духом этот парень! Ездил он, сердешный, два года назад в Иркутск, долго лежал в больнице. Мама на ту дорогу у кого только денег не занимала. Троих она подняла, ибо отец Николая давно умер.

Сколько раз я в больницу к нему приходил, а попадал он туда так: отказывало всё тело враз, вот врачи и посоветовали съездить в Иркутск. Обнаружили у него четыре тромба в венах ноги и множество разных болезней. Иркутские врачи и даже профессор определили, что он пенсию по таким заболеваниям должен получать.

Приехал он в Братск, сразу же к нашим врачам подался со всеми многочисленными обследованиями, снимками и документами. Не дали наши врачи ему пенсию, да это ещё полбеды. Унизили его словами жестокими. И сколько бы мы его после не уговаривали съездить снова в Иркутск, отказывается, помру - так помру, говорит.

Так и живёт этот замечательный молодой человек, очень многим жителям нашего города ремонтирует компьютеры, а большинству даже и не за деньги, а просто так, для души.

Так вот, позвонил как-то Коля и говорит: «Я на два сезона в детский Православный лагерь «Одигитрия» вожатым устроился. Приезжайте, Анатолий Владимирович, посмотрите». Я за извечной суетностью жизни всё откладывал, но знал, что 23 июня – последний день заезда. И солнечным утром, действительно, отбросив все дела, выехал. Жена Ирина, правда, негодовала: «Ну, куда тебя вечно несёт, другие на дачах трудятся». Но, слава Богу, жена понимает мою многогрешную душу, и, поворчав для порядку, отпускает в дорогу.

Доехав на «десятке» до кафе с названием «Фараон», вышел из автобуса, а на душе непонятно чего такое творится. Идти надо, а в голове мысли бурлят: ну, почему мы всё на чужой манер называем?! Почему бы, к примеру, не назвать это придорожное кафе «Пересвет». Ведь лучше же! Да и наша многовековая история сразу вспоминается. И сразу же себе даю укорот: не научили мы молодёжь этому. Нам же, взрослым незамечайкам, всё некогда, на хлеб насущный зарабатываем. Только какой тут хлеб, когда каждому приходилось видеть, что и хлеб валяется выброшенным, даже колбасу разных сортов выбрасывают. Я ведь дворником работал, и видел, чего только не выбрасывают. А стало быть, лжём самим себе: не в хлебе насущном ведь только дело.

Мало мы уделяем времени и сил своих душевных, чтобы наши дети любили нашу Отчизну. Какая бы западная во все века насквозь лживая бездуховная пропаганда ни обрушивалась на Русь-матушку, мы же – русские! И каждый приходит

на русский, именно русский погост, и мыслями, и душой. А что в душе этой? Что мы сделали, чтобы дети наши любили нашу Родину? Знаю, чую своим грешным нутром, что любим, несмотря ни на что, землю нашу, поэтому даю себе очередной укорот и отправляюсь в путь-дорогу.

Иду себе солнышком, природой любуюсь, а тут втемяшилось в мою дурную голову: подхожу к осинке – и за ветку, словно за руку, здороваюсь с деревцем. Улыбаюсь и радуюсь, что никто не видит. Иначе психбольницы не избежать.

Шёл я так, шёл, и пришёл в музей «Ангарская деревня». Не нашёл я лагеря с чудным названием «Одигитрия». Разумеется, расстроился: ведь только такой, как я, и мог здесь заблудиться. И появляется мысль: а знают ли работники, что у основателя этого замечательного, действительно очень редкого в нашей стране музея под открытым небом, Октября Леонова, вышла в свет книга «Полторы тысячи километров раздумий»?

Когда этот легендарный человек умер, администрация нашего города Братска обещала вдове, Эмме Петровне Зачиняевой, поставить памятник прямо перед входом в музей. Но слова своего во все века не держали вороватые чиновники. И Эмма Петровна не раз говорила мне: «Ну, зачем же тогда обещать…» Вот и выпустила она за свой счёт эту книгу к девяностолетию мужа.

Подошёл к работнику музея человек с чудным именем Мира и поведал свои размышления. Оказалось, что этой книги в музее нет, и о книге, разумеется, не знали. Дал он работникам музея телефон Эммы Петровны. Они же, узнав, что я заблудился и поулыбавшись над моей растерянностью, сказали, указали самую короткую дорогу до «Одигитрии».

Иду, любуюсь красотами нашего Братского моря, и кажется мне, что уже довольно долго иду. Неужели опять заблудился я, бедовая голова? Вижу – в лесу стоит палатка, кричу: «Есть ли кто живой?» Вышла женщина и сказала, что иду я в правильном направлении, и даже немного меня проводила.

Прямо на берегу Братского моря в лесу стояли домики – это и был бывший лагерь «Жарок», ставший ныне «Одигитрией». День выдался чудесный. Я смотрел на детей, занимающихся различной работой: кто таскал доски, кто мыл полы в домиках – словом, все были чем-то заняты. Попросил одного парня помочь, и он быстро отыскал мне Николая. Обнялись, и Николай ушёл к заместителю лагеря Ольге Владимировне Прониной, чтобы попросить разрешения о моём нахождении на территории. А тем временем я разглядывал окрестности.

Было здесь, кстати, всё: и большая столовая, и медпункт, и клуб, и душевая, и множество показавшихся мне сказочными домиков, в которых жили дети. Обратил внимание и на то, что плотники возводят новое помещение.

Дети, занимающиеся вокруг различной работой, обсуждали одну новость: сегодня в полночь состоится бал. Всегда бывает трепетно на душе, когда всё вокруг происходит как в сказке, в которую, оказывается, не так уж трудно попасть.

Немного погодя я разговаривал со священником, отцом Антонием Васильевым. Улыбка не сходила с лица молодого батюшки, но в этой улыбке, меж тем, ясно виделась мне и простая человеческая усталость, чувствовалась и огромная ответственность за детей.

Отец Антоний рассказал мне, что идея создания в Братске православных лагерей принадлежит епископу Братскому и Усть-Илимскому Максимилиану. В те времена, когда владыка ещё служил в Иркутске, он являлся основателем таких детских лагерей. Это же доброе начинание епископ продолжил и в нашем городе.

Много пришлось потрудиться: сначала Братская епархия обратилась к администрации города, чтобы организовать работу в одном из пустующих детских лагерей. «Жарок» к тому моменту не был похож на детский лагерь. «Приняли мы его в ужасающем состоянии, – рассказывает отец Антоний, – представьте только: в прошлом году вывезли шестьдесят пять грузовиков мусора, в этом – около пятидесяти. Всё вокруг было

заросшим и заброшенным, здания пищеблока и клуба поначалу даже видно не было – кругом рос двухметровый сосняк. Лагерь не слышал детских голосов более двадцати лет! И вот, с Божией помощью мы работаем здесь уже второй сезон».

Православная церковь живёт на пожертвования прихожан. Слава Богу, нашлась организация, которая оснастила пищеблока. Это и плиты, и холодильники, – словом, всё оборудование. «Господь помогает, – продолжает отец Антоний. – В этом году в трёх корпусах мы произвели капитальный ремонт. Сейчас планируем на других заменить крышу, материал уже закуплен. Хотим, конечно, и баню построить: как русскому-то человеку без баньки?! Хотя кто желает душ – пожалуйста!»

Слушая священника, я невольно вспоминал былые годы. Всё рушилось, и действительно не верилось, что когда-то начнётся восстановление порушенного, когда мерзость запустения сменит порядок и красота. Многое, очень многое придётся перестраивать, а то и делать заново, но, слава Богу, положено начало.

Отец Антоний радовался, ведь в прошлом году здесь отдохнуло сто детей, а в этом году в июле и августе детишек будет двести.

Батюшка тем временем продолжал: «Мы хотим, чтобы дети получили в нашем лагере духовно-нравственную «прививку» от тех «вирусов», что бродят в нашем обществе. Нужно детям объяснить, что выбор всегда стоит перед каждым человеком. Мы хотим, чтобы дети общались друг с другом, они ведь нынче все под компьютерным игом, а живое общение становится редкостью. Специально разработанные игры помогают почувствовать ребятам, что они – команда, они вместе. И что одному, попросту говоря, жить очень грустно. Наш лагерь мы называем православно ориентированным, а это значит, что здесь не садятся есть без молитвы, посещают богослужения, которые проводятся в деревянном храме в Ангарской деревне. Мы идём туда пешком по побережью Братского моря. Всегда так было и будет: как бы это баналь-

но ни звучало, соприкасаясь с природой, дети действительно приобщаются к прекрасному. Вчера я окрестил здесь тринадцать детей. Знаете, частенько некрещёные дети сами просят своих родителей, чтобы их окрестили. Мы принимаем детей из многодетных и одиноких семей, из детских домов. Мы принимаем всех, кто этого желает. Невольно наблюдаешь, что дети невоцерковлённые поначалу не хотят молиться перед едой. И диву даёшься, когда мальчишки с очень непростыми судьбами к концу сезона наизусть читают молитвы, и делают это не из-под палки, а сами – понимаете, сами!»

Поговорив с батюшкой, брожу среди домиков, захожу внутрь: всё чисто и прибрано. Не так, конечно, как было бы у взрослых, но ведь некоторые здесь и полы-то впервые в жизни помыли. Кормят детишек пять раз в день. Перед едой и после – молитва. Правда, поначалу многие не молились. Удивительное, даже волшебное это дело – молитва. Дети приобщаются к ней, и в большой столовой к концу сезона я вижу, как молятся все, и я, грешный дядька с ними, с превеликим удовольствием.

Трапезничаю я, ем наивкуснейшие щи, уплетаю второе, запивая компотом из спелых ягод, а после еды – тихий час.

Я шёл по лагерю с преподавателем физкультуры Дмитрием Коневым, как вдруг к нам подбегает девочка и плачет. Оказалось, что у неё сломалась серёжка, а она хотела надеть свои украшения на предстоящий сегодняшней ночью бал. Серёжка была дешёвенькая, скорее всего – китайский «ширпотреб». Отправив девочку спать, мы с Дмитрием отправились в плотницкую, попросили плоскогубцы и тоненькую проволочку. Пока шла ювелирная работа, разговорились.

Дмитрий работает преподавателем в Православной гимназии. «Уже второй сезон мы с женой Аней здесь трудимся. В гимназии получаем зарплату, а здесь для души работаем, не за деньги. Здесь разные дети – и из православных семей, и те, которые только на пути к храму. Есть и детдомовские дети из Усть-Кута».

И вдруг Дмитрий заметно оживился: «Понимаешь, какое дело: кому-то Коля Полехин стихами да прозой сможет душу согреть, а эти ребята из Усть-Кута столько в жизни натерпелись... Словом, далеки они от литературы, а вот заниматься уроками борьбы все дружно ко мне пожаловали. А как контакт наладить? Это же самое что ни на есть трудное. Говорю: отожмусь сто раз! Не поверили. Отжался, смотрю – другими глазами смотрят. Оказалось, у них в детдоме тоже преподают борьбу. Я – бывший спортсмен, физкультурный окончил, и давно приметил, что таких отчаянных парней только физкультурой увлечь можно. Ну, а те, у кого характер помягче, Николай поможет: он мастер по части литературы».

Идём с Дмитрием по лагерю, он показывает мне футбольное поле, где тренирует ребят, бассейн, который они в будущем планируют отремонтировать. Незаметно за беседой и делом пролетели два часа, отпущенные на тихий час, и по оживившемуся после сна лагерю зазвенел радостный детский голос: «Ой, а дядя Дима мне серёжку сделал!»

Николай даёт задание своей группе разобрать домик, сколоченный из досок и фанеры. Дети поначалу протестуют: «Но мы ведь его так долго его строили!» А потом сами берут инструмент и с неохотой начинают разбирать: делать нечего, сезон окончен.

Такое же задание было дано каждой группе. Дети шушукаются в мой адрес: а это, дескать, что ещё за дядька? Им серьёзно отвечают: «Это внештатный корреспондент газеты «Сибирский характер». Одна девчушка улыбнулась: «Мой папа её читает».

И вот из-за этого-то обстоятельства – принадлежности моей к журналистской братии – я попал в неловкое положение: в столовой на меня надели белый халат и стали показывать новое оборудование и даже санитарные книжки. Сколько бы я ни пытался убеждать поваров, что всё здесь замечательно и чисто, они всё равно беспокоились.

А когда вышел из столовой, на глаза, почему-то, навернулись слёзы, а в голове звучали слова: «Вот он, наш соборный русский народ. Все страны во главе с Америкой ополчились на него за Севастополь, за Крым, за лучшую в мире Олимпиаду и Паралимпиаду... Знамо дело, гложет злых людей всё это. И Донбассу поможет наш народ, и никогда не поймут его западные политики...

Вскоре Николай познакомил меня с Ольгой Викторовной Лакиной. Она работает на телевидении в программе «Вести – Иркутск». Мы идём с ней, беседуя. Вдруг к нам подбегает девочка и дарит ей бумажный цветочек. Она же в ответ, зайдя в свой домик, вынесла ей белую косыночку и, улыбнувшись, добавила: «Уже все раздарила – из монастыря привезла, вот и пригодились».

В лагере действовала игра «Тайный друг». Смысл игры заключается в том, чтобы просто подружить детей. Каждый выбирает себе того, кому он хочет подарить подарок. Передаёт же подарок другой человек. Воспитатели следят, чтобы в игре были задействованы все. Роль подарков чаще всего играют рисунки, бумажные поделки или собранные тут же в лесу цветы.

Я уже успел обратить внимание, как один мальчишка спрашивал у другого: «Как ты думаешь, ведь это же Светка мне подарила?» Ольга Викторовна снова объясняет: «В современном мире дети перестали общаться, это огромная проблема нынешнего общества. В нашем детстве такое даже во сне было бы не увидеть. Взять хотя бы этот сезон: приехали «нелюдимы» какие-то, и как объяснить им, что мы теперь одна команда? И вот эта, казалось бы, на первый взгляд простая игра, действительно объединяет детей. Перед заездом мы предупреждаем родителей, что здесь не будет компьютеров, планшетов и даже сотовые телефоны мы выдаём вечером на час. Кто-то из родителей ахает. Но по-другому с детьми просто невозможно работать. Мы не только детей лишаем техники, но и сами ею во время сезона не пользуемся, чтобы дети

видели, что здесь всё по-честному. Здесь у каждого трудовые обязанности, и это воспитывает, происходит настоящее преображение. На противоположном берегу стоит дом отдыха, и по вечерам, когда мы стоим с детьми на молитве перед иконой Божией Матери, оттуда очень громко слышится бессмысленная, пошловатая музыка. Получается некий контраст, который показывает разные стороны жизни».

На следующий день Ольга Викторовна уезжала, и, зная об этом, к нам в домик зашёл юноша, вручил подарок и сказал: «Спасибо вам за всё». Когда парень вышел, женщина уставшим голосом добавила: «Первые четыре дня особенно трудными были, а этот парень, что сейчас заходил, знаешь, каким был? Ух!»

Оставив Ольгу Викторовну, я бродил по лагерю с чувством неловкости: хожу, выпытываю, а люди меж тем работают. Вот Николай так Николай! Надо же, уговорил приехать! Что же меня ещё здесь ждёт? А Николай будто подслушивает мои мысли, и знакомит с заместителем лагеря Ольгой Владимировной Прониной. Девушка немного смутилась от такой нежданной Колиной и моей деятельности, и видеть это действительно удивительно, ведь человек этот работает с детьми уже около десяти лет. Преподаёт в православной гимназии – это я уже успел узнать от Николая. Меж тем шла усиленная подготовка к балу и, понимая занятость, попросил Ольгу Владимировну хотя бы в нескольких словах рассказать, что душа её пожелает: «Вся наша программа рассчитана на некое понимание жизни. То есть, мы не играем с детьми, мы с ними живём. Существует мнение, что православный человек – это ограниченный человек, мы же стараемся показать детям, что мы свободные люди, что можем выбирать. У нас здесь нет дискотек, и мы задумали учить детей бальным танцам. В современном мире мы не найдём рыцарей в доспехах, и мы учим детей, что Дон Кихоты всё ещё живут среди нас. Немного поведаю о вожатых. У нас в Братске есть специальная школа вожатых, которая начинает функционировать с октября каждого года. В

школе идёт подготовка к сезону, чтобы вожатые были готовы к различным жизненным ситуациям, и мы принимаем с восемнадцати лет тех, у кого есть желание работать с детьми. Но сразу предупреждаю будущих вожатых, что работаем мы в лагере не за деньги».

Подбежали дети: кому-то понадобилось включить микрофон, кому-то посоветовать, какое платье лучше надеть на бал, и я опять с чувством неловкости отпустил замечательную девушку.

После ужина вся атмосфера в лагере была пропитана подготовкой к балу. Девочки радостно о чём-то перешёптывались, мальчишки с волнением суетились. Словом, в воздухе уже витало предвкушение праздника.

Я пошёл к морю – оно совсем недалеко от лагеря. Здесь же, возле берега, предполагалось разжечь прощальный ночной костёр. Посмотрев на море и погрустив почему-то, я обернулся и увидел высокого парня, подносящего дрова к будущему костру. Назвался он Вовкой: «Я детдомовский, - сказал он, - вчера вот святое крещение принял, нас тринадцать мальчишек и девчонок отец Антоний окрестил, чудно всё это. Совсем по-другому как-то в жизни стало. Мы по берегу до Ангарской деревни ходили, там храм».

Вовка снова убежал за дровами, а Николай вскоре отправил на помощь Вовке всю большую группу ребят, и прямо на глазах был построен бревенчатый колодец, которому вскоре предстояло стать прощальным ночным костром лагеря с чудным названием «Одигитрия».

Отпустив ребят в лагерь, мы с Николаем присели возле колодца, я, конечно же, спросил о Вовке, а Коля улыбнулся: «Он ведь совсем другим сюда приехал – резким, грубым был. Первые четыре дня нам с ними туго приходилось. Все - и отец Антоний, и Ольга Владимировна, и Ольга Викторовна, и Дмитрий Конев, и его жена Аня - словно на битве были, и тогда я бы не поверил, что Вовка примет святое крещение».

Время, казалось, притормозило... Нет, жизнь, продолжалась, и, конечно, делала свой извечный во все века суетный круг, но всё же что-то воистину волшебное витало в воздухе. Одигитрия словно нашёптывала всем нам: «Подождите ещё совсем немного, ведь это ожидание праздника и есть простая человеческая радость». И вот, наконец, ближе к двенадцати часам дети потянулись к клубу. И ровно в полночь добрая фея Ольга Владимировна объявила о начале бала.

Я смотрел на нарядных детей, как они приглашают друг друга на танец, и, любуясь сказочным действом, спросил у Дмитрия Конева: «А как дети за две с половиной недели танцам обучились?» Дмитрия я не видел весь вечер и снова пожалел, что надоедаю ему, ибо вид у Димы был действительно уставший, но он, улыбнувшись, сказал: «Они знаешь, как готовились! Даже моим, детдомовским, и то интересно стало. Многие ведь такого слова – «бал» – и слыхом не слыхивали. А тут танцуют… Когда завтра сезон закончится, два дня кряду спать буду».

Так прошло более часа, и детей после бала пригласили в столовую, подкрепив их бананами, соком, пирожными. Затем все дружно направились к берегу Братского моря, и был торжественно зажжён прощальный, но такой долгожданный костёр. Дети и вожатые сгрудились возле костра. Ольга Владимировна и мальчишка по фамилии Горшенин замечательно заиграли в гитарном дуэте. Все дружно пели песни Юрия Шевчука, Олега Митяева, группы «Сплин» и, конечно же, легендарного Виктора Цоя.

Я наивно спросил у отца Антония: «Почему дети так любят наш рок?» И опять увидел улыбку батюшки: «Так ведь многие наши рок-музыканты – православные». Поведал батюшка мне и то, что слово «Одигитрия» - это путеводительница, один из наиболее распространённых типов изображения Богоматери с Младенцем Иисусом Христом.

Поднявшись в шесть утра, я потихоньку вышел из домика, где так мирно сопело будущее нашей России. Подошёл к

общественному умывальнику и, окатившись холодной водой, с удивлением увидел повара лагеря: «Как?! Вы уже уезжаете? Ну, хоть позавтракайте...»

Поблагодарив добрую женщину, иду на трассу с надеждой ещё раз так счастливо заблудиться...

Бабушка Таня

Пожалуй, не удивишь нисколько этим рассказом читателя. В обыденной жизни таких историй происходит очень много. Но рассказы пишутся, потому что есть что-то у тебя внутри, и не написать об этом ты просто не можешь.

И заранее готовясь к тому, что разные будут толки, я всё-таки начну…

Бабушке Тане было 43 года. Совсем молодая бабушка. Внуки её очень любили, да и как не любить? Зашел я к ней в сторожевой дом, чтобы позвонить домой и узнать, как здоровье сына. Уходя на работу, пощупал его лобик и понял, что он крепко заболел. Жена ответила на звонок, успокоила, что ему стало полегче, и на душе немного отлегло. У бабушки Тани тоже было горе. Внуку Руслану упала на живот тарелка с горячей лапшой «Ролтон». Бабушка очень переживала. «Что ж эти молодые, совсем за детьми не глядят», - сокрушалась. Я попытался её успокоить. Не знаю, почему, может, настроение у неё такое было, или ещё что… Но она рассказала мне один случай, потому и пишу этот рассказ.

Жили они в восьмиквартирном доме. Соседи были хорошие, вспоминает баба Таня. В основном, пожилые, у всех за плечами нелёгкая, но по-настоящему интересная жизнь. Постепенно старики уходили из жизни и вселялись в дом разные другие жильцы. Однажды к соседке сынок Паша вернулся. Он отбывал срок в тюрьме. С этого дня спокойная жизнь в доме окончилась. Пашка стал торговать наркотиками, появились у него торговые «точки». Жильцы обратились в милицию. Но худо от этого стало только им самим. Пожаловали «гости»,

кого напугали до смерти, кого избили. Все узнали, что и милиция с Пашкой заодно. А однажды, то был уже «высший пилотаж», Пашка подошел к старичкам, что сидели на лавочке, достал магнитофончик, включил, и все узнали записанные на нём их жалобы в милицию. Стоял и ухмылялся. Купил Паша себе иномарку, а ночью кто-то её поджёг. Машина стояла рядом с домом, дом-то деревянный, так муж бабы Тани, Володя, выскочив из дома, накинул на машину новое своё одеяло. Пожар потушил, машина почти не пострадала. Только Паша ему и спасибо не сказал. Как-то нанял Паша бригаду мастеров евроремонт в квартире делать и привёл к бабе Тане свою пьяную мать: дескать, чтоб там не мешалась, пусть побудет. Баба Таня, добрая женщина, ей бы выгнать таких гостей. А она усадила соседку за стол. Та потребовала выпивки и сигарет. Пожалев о том, что пустила в дом, баба Таня направилась в их квартиру за сигаретами, оставив соседку одну. Была ещё в доме любимая овчарка Джек. Возвратившись, баба Таня обмерла: пьяная соседка по-дикому орала нечеловеческим голосом. У неё был откушен нос.

Джек был умной собакой и весь двор его любил. Но непрошеная гостья возомнила о себе невесть что, пнула грубо чужую собаку. Нос соседке пришили, да криво. Паша подал в суд на бабу Таню. Любимую собаку пришлось пристрелить и выплатить 30 тысяч за нанесённый ущерб здоровью соседки. Паша грозил, что будут платить 100 тысяч, но суд присудил 30. Мать торговца наркотиками всё ходила и грозила смертью всему роду бабы Тани. Но вскоре сама ушла на тот свет, отравившись спиртным.

- Господи, как же трудно жить, когда в мире нет справедливости, - говорит баба Таня. - А Паша купил «всем назло» новую иномарку.

Баба Таня замолчала, было видно, что, вспоминая, она переживает минувшее. Хотя, что это я, это же и есть настоящее. А вспоминать надо бы только об ином, хорошем. И мы с бабой Таней вспомнили, что зарплата у всех была, её не задер-

живали, квартиры давали, и, как оказалось, общий любимый фильм был - «Весна на Заречной улице»…

Выйдя от бабы Тани, подумал: а ведь я моложе её только на два года, только что пока не дед, сыновья подрастут, дай Бог, ещё стану и дедом. Сколько всего отвратительного в нашей жизни! Жаль бабу Таню, что получает за труд всего две тысячи, не более, да ещё помогает своим внукам. Дочери полгода как зарплату задерживают, зять не работает, пьёт, да ещё фортели выкидывает. К примеру, телевизор с балкона выбросил.

Хорошо ещё, что дед Володя плотник и работает. Вот и тянут бабка с дедом дочку, зятя и двух внуков. Что ж, это в России в порядке вещей.

Но что бы ни было там, впереди, я желаю тебе, баба Таня, чтобы всё было хорошо. Я пишу эти строки, а на бумагу капают слезы...

Уверуй, что всё было не зря...

«Уверуй, что всё было не зря: наши песни, наши сказки, наши неимоверной тяжести победы, наши страдания, - не отдавай всего этого за понюх табаку... Мы умели жить. Помни это. Будь человеком». Такой наказ оставил нам великий русский писатель Василий Макарович Шукшин.

А нам, ныне живущим, надобно всем нутром помнить об этом, ведь в каждом слове этого послания столько всего, что ежели тебе уже за сорок, то без слезы тут не обойдёшься. Накануне, после приезда с Алтая, втемяшилось мне съездить на могилку к писательнице Женни Ивановне Ковалёвой. Братский погост огромен, да и похоронили Женни Ивановну уже почти два года назад. Поэтому сомнения, найдём ли, конечно же было. Позвонил дочери Наташе, она и сказала, что нужно искать в девятом, десятом секторе. Дочь Женни Ивановны больна раком, ещё и поэтому мы с журналистом Николаем Полехиным решили съездить на погост. Знали, что похоро-

нена Женни Ивановна возле дороги, и это, конечно, многое облегчало в поиске, и мы, слава Богу, быстро нашли могилку. Как это всегда и бывает, земля после захоронения даёт усадку. И поэтому я не удивился, что бугорка не было, а была провалившаяся земля, но, слава Богу, памятник стоял ровно, ибо под ним был металл. Сначала попросил у рядом находившихся мужиков лопату, и немного поработали с Николаем, но мужики вскоре уехали. Нашёл старую, ржавую, нечто напоминающее лопату, железяку. Коля тем временем отыскал где-то мешок. Так, правдами и неправдами, устроили всё как надо. Тут же позвонили Наташе, сказали, что всё в порядке. Уселись на лавочку и Коля, потрогав памятник, сказал: « Тёплый. Вот так и Женни Ивановна всегда ко всем с теплом и только с теплом относилась». Сидим на лавочке, два глубоко наивных человека, и вспоминаем писательницу из легендарного Братска, и те её слова, которые начертаны на памятнике Геннадия Павловича Михасенко: «Он не умер, он ушёл в зарю».

Солнечным днём четвёртого июня 1994 года не стало детского писателя Геннадия Павловича Михасенко. Не верится, но с той поры прошло двадцать лет. И нынешний приезд вдовы писателя Галины Васильевны Михасенко в Братск и установка памятной доски на библиотеке, которая носит его имя. А я в это время на Алтае и, конечно же, там всегда замечательно, но душа рвалась в Братск. Вспоминались и былые приезды Галины Васильевны на годовщины мужа. В тот приезд у неё очень болели ноги, и она вылезала из «четвёрки» с двумя палочками. Отчаянная женщина, подумал я, и поблагодарил жизнь за такую встречу. Тогда встретились мы впервые, вот так, запросто, одни шли мы по пути в библиотеку и, взяв её под ручку, поговорили о жизни. Она сетовала на то, что Геннадий Павлович хотел объединить литераторов города, и что это очень тяжело ему давалось. В следующий её приезд на открытие музея памяти о муже прямо при библиотеке, к нашей огромной радости, ей сделали операцию, и она передвигалась совершенно отлично. И всегда очень яр-

кие, ослепительно волшебные запоминающиеся её выступления. И как однажды братчан пригласили в ДК «Энергетик», и там для Галины Васильевны и всех нас был дан спектакль по произведению нашего прославленного земляка. Помню, после спектакля, когда зажгли в зале свет, Галина Васильевна, сидевшая в середине концертного зала, встала и с заплаканными глазами благодарила молодых артистов. Вернувшись с Алтая, я и не думал, что Галина Васильевна ещё в Братске, но что-то саднило внутри. И, набрав телефон библиотеки имени Г.П. Михасенко, услышал очень добрый голос заведующей библиотеки Виктории Юрьевны Нахман: «Приезжайте, сегодня Галина Васильевна целый день пробудет у нас в музее». Чудны дела твои, Господи! Сразу вспомнилось, как уже много лет назад, шёл я убираться на могилке Геннадия Павловича, как выскочили на дорогу из коттеджей огромные собаки. Думал, что не дойду, но собаки не тронули и почему-то отступили. Как выглянул лучик солнца среди беспробудных облаков, когда прибрал на могилке. И что же? Сейчас, совсем скоро увижусь с Галиной Васильевной – это ли не чудо! Чудо оно и есть, и мне всерьёз жаль тех людей которые перестали замечать, как первозданно светит солнышко. А как божественно приятно видеть поутру, как молодые мамы и бабушки ведут малых детишек в детский садик. Кто-то идёт совсем сонный и хнычет, то и дело теребя родителей: ну, зачем меня в такую рань подняли... А кто-то и спокойно идёт, но видеть это действо действительно чудно. Потом, когда эти дети подрастут, многое им придётся узнать, в том числе и то, что их город знаменит ещё и детским писателем Геннадием Павловичем Михасенко. Быстро тороплю мыслями «четвёрку», чтобы быстрее ехала. Захожу в библиотеку, поднимаюсь на второй этаж и вижу Галину Васильевну, сидящую за столом и рассматривающую, видимо, очередную книгу; рядом сидит заведующая Виктория Юрьевна Нахман. Здороваюсь, обнимаю и целую Галину Васильевну. Этот день, как выяснилось, Галина Васильевна целиком посвятила библиотеке. Не выступлениям, а

просто ознакомлению с материалами, накопленными работниками библиотеки, и, конечно же, самому музею. Виктория Юрьевна доставала новые и новые работы детей. Это были и рисунки, и стихи, и поделки, и много чего другого. И всё это связано незыблемой нитью с именем Геннадия Павловича. Всерьёз ощущалась связь времён, и это радовало душу. Рассказал Галине Васильевне, как возил к Женни Ивановне журналиста газеты «Сибирский характер» Сергея Маслакова, и как он, беря интервью у писательницы, плакал над словами стихотворения «Позвольте вам не верить. Даже дети в колыбели знают: сказки не когда не умирают. Вот и я упрямо повторю: он не умер, он ушёл в зарю». И от слёз тут было действительно не удержаться, ведь читал стихотворение человек с ампутированными ногами, с сахарным диабетом последней стадии, вдобавок и с заболеванием страшным - рак. У Сергея в этот момент было давление за двести, я смотрел на писательницу и журналиста и хотел плакать. Глядя на нынешних, порой безнравственных, журналистов был в то же время рад, что привёл именно Сергея. До сих пор стоит перед глазами, как эти два замечательных и таких больных человека смотрят друг на друга. Галина Васильевна, тяжело вздохнув, только и вымолвила: «Вы не представляете, какого необыкновенного, наикрепчайшего нравственного духа был этот человек». Потом, немного смутившись, посетовала, что один глаз уже давно не видит, предстоит операция на другой глаз, и всерьёз опасалась доведётся ли ещё приехать. Добиралась до Братска двое суток, с Нижнего Тагила до Новосибирска сутки и с Новосибирска до Братска сутки. Спрашиваю, устали, наверно. В ответ: «Да разве лежать устанешь?» И улыбается. Конечно же, рассказал о вчерашней поездке на погост. Поговорив и вспомнив добрым словом Женни Ивановну, Галина Васильевна посетовала на то, что многое из архивов Геннадия Павловича осталось не изданным. И что, может быть, администрация города Братска обратит на это внимание, ведь муж мой писал для детей, и именно в Братске появились его зна-

менитые на всю страну произведения. Её глаза погрустнели от этих мыслей. Мне оставалось утешить её словами, что, может быть, наша администрация возьмёт пример с губернатора Кемеровского края Амана Гумировича Тулеева, который выделяет немалые средства на издание книг местных авторов. Прозвучала ещё и отличная идея записать диски с детскими произведениями Геннадия Павловича, а озвучить их могли бы и артисты братского театра. Галина Васильевна от такого разговора немного приободрилась и вспомнила, как Геннадий Павлович ещё в студенчестве возил её на свою малую родину Алтай и показывал реликтовые леса. Вспомнила и тётю Фиктю, и деревенский дом. «Его всегда тянуло в деревню, - с искренним упоением в душе рассказывала Галина Васильевна. - Ведь именно оттуда явились на свет прославившие его на всю страну «Кандаурские мальчишки». Тяга к Алтаю не оставляла его всю жизнь». Я не удержался и напомнил Галине Васильевне о Шукшине, Пырьеве, Евдокимове, Золотухине, Нине Усатовой, Панкратове-Чёрном и других. Она только и вымолвила: «Благодатный край».

Ещё до моего прихода Галину Васильевну прямо в музее окружили дети, расспрашивали, интересовались историей создания «Тирлямов», и учитель города Братска, прекрасно понимая детскую натуру, грамотно и весело умиротворяла их здоровое любопытство. Виктория Юрьевна Нахман принесла изданную недавно, прекрасно оформленную книгу детского поэта города Братска Юрия Черных с его знаменитым стихотворением: «На лугу пасутся ко». И это тоже обрадовало Галину Васильевну, но тут же, как это и бывает в жизни, загрустила, сказав: «Жаль Юру... мало сейчас читает молодёжь, выйдешь во двор, а на улице никого нет, все за компьютером сидят». И на эту реплику Галины Васильевны Виктория Юрьевна мечтательно сказала: «Сейчас на планшете многие читают. Вот бы и Геннадия Павловича туда разместить, но на всё нужны деньги, как бы это банально не звучало. А какие деньги у библиотеки - смех сквозь слёзы». Подарил Галине

Васильевне и Виктории Юрьевне несколько выпусков газеты «Сибирский характер» с замечательной статьёй Юрия Розовского «Здравствуй, ангел!» о Женни Ивановне Ковалёвой и статьями Серёжи Маслакова о её муже. А книжку моих сказок Галина Васильевна обещала почитать внуку. Сейчас я иногда звоню ей, задаю самые обыкновенные вопросы о самочувствии, о жизни. Уговорил Галину Васильевну написать о себе, об их жизни с Геннадием Павловичем, как они познакомились. Убеждён: всё это необходимо для истории нашего овеянного легендами замечательного города Братска.

Катерина Сизова

В жизни нашей с её извечными разностями, известно каждому, всякое бывает. Бывает, что и остаёмся после репетиции, у кого день рождения, у кого поминки. И вот в один из таких дней, а было день рождения, загуляли тут бабы, и Катя Сизова встрепенулась:

- А у нас до затопления в лесу на речке большой самогонный аппарат стоял - мужики устроили. Охлаждение отменное - речка уж больно холодна была. Так очередь занимали на это дело. Самогон, помню, получался некрепким - градусов двадцать пять. У всех были бутылки - четверть назывались. Но, что характерно, не помню, чтобы пьяницы на деревне были. Только Троицу да Покров праздновали, а в остальные дни всё работали…

У Екатерины Андреевны голос очень похож на зыкинский – я даже письмо по этому поводу великой певице писал: простая, мол, женщина, неизвестная, а голос – как речка. Больше сорока лет радует своим Божьим даром жителей нашего города. Какая бы на дворе ни стояла погода, спешит в ДК «Транспортный строитель», и участники хора, завидев её, облегчённо вздыхают - третьи голоса только на неё и ориентируются. Да и жизнь у нее – как ориентир.

Родилась Катерина в Кежма Братского района, что находи-

лась в пятидесяти километрах вниз от Братска Острожного. От Заярска - двадцать пять километров вверх по Ангаре.

- Мой земляк, ветеран Великой Отечественной войны Михаил Афанасьевич Рыбкин, живший в деревне Степново, что в трёх с половиной километрах от Кежмы, написал книгу о наших местах, - рассказывала как-то Катерина Андреевна. - Он в Кежме учился. И я многое узнала из его книги. Например, село Кежемское раньше звалось Волоковое, так как через него шёл водный путь с Ангары на Илим - волоком от речки Кежма до речки Турина. Место было по тем временам бойкое. В то время в Кежме было уже шесть дворов, а первые упоминания о Кежемском погосте относятся аж к тысяча шестьсот шестьдесят седьмому году. Основателями Кежемской слободы являются братья Брюхановы, Савва и Иван, и Панов Василий с братьями. Исаков Григорий, служилый, в 1723 году основал деревню Исаково – так гласит летопись. В семнадцатом веке в Кежемской слободе была возведена часовня…

Все эти, казалось бы, незначительные детали для Екатерины Андреевны очень важны. Она даже где-то раздобыла старую карту и с не скрываемым волнением показывала мне на ней уже затопленную родную местность.

- Мой прапрадедушка Андриян пришёл в Кежму в кандалах, - рассказывала она. - По дороге в ссылку жена померла, а сыну их, то бишь, деду моему, на ту пору было двенадцать лет. Хоть и были мы Дорофеевы, а звали нас Андрияновы. Мама в девичестве была Усова Вера Ивановна, тятя Дорофеев Андрей Григорьевич. В тысяча девятьсот сорок седьмом году они поженились, а в 1954-ом мама умирает от заболевания лёгких. Мне было четыре года всего, брату Коле три, Грише два, младшенькой Насте десять месяцев. Отец да бабушка Варвара Афанасьевна Дорофеева стали поднимать нас. Отец работал лесником в Кежме. Ох, и сила в нём была, по шестьдесят километров в день по тайге проходил. Дали отцу в лесхозе поляну большую под сенокос – неподалеку от Каймоново. Рядом Мельничный ручей. Подойдёшь к бережку от-

дохнуть, посмотришь в речку, а там хариусы плавают - чёрные, большие. Нашу поляну люди до сих пор Дорофеевской зовут…

Земля у нас, помню, плодородной была – огурцы, как поросята. Картошка, брюква, репа, капуста - всё хорошо росло. На горе было кладбище, вокруг пшеница посажена - и стебли мощные. Косили сено и на острове Луково. Папа, помню, даст мне деляну, а другим говорил: «Она у меня всё выкосит». За задами сеяли коноплю, делали с неё тряпки, мочили снопы, делали нити на верёвки, мешки, вожжи, и были у нас, чтобы это всё изготовить станки. За коноплёй стоял ельник, в нём росла кислица (красная смородина). Снег упадёт осенью, а из-под снега красненькие ягодки виднеются, и никто не собирал - сахара много надо. Маслят не признавали – рыжик и грузди. Из рыбы - таймень, осётр. Бруснику и клюкву заготавливали бочками.

- Помню, тятя не разрешал цветы рвать. Говорил, что потом не вырастут. Очень злился, что ёлки вырубают. Совестливый был и строгий. Всё следил, чтобы пожара в тайге не было. Придёт, бывало, с тайги, поставит меня на табуретку, а сам от усталости с ног валится, а всё одно говорит: «Пой». И я пела: «Сронила колечко со правой руки». Зимой к нам с Наратая на санях через Ангару приезжали на концерт, песни пели: «Лётчик соколом кружил», про молодого моряка…

- Очень я жалею свою деревню, и все жалеют. Началось затопление. Папа хотел в Калтук, бабушка в Каймоново, но бабушка не вынесла всего этого умерла, и отец сказал: «Раз мама хотела в Каймоново, туда и поедем». И стали земляки разъезжаться кто в Кежемскую, кто в Кузнецовку, Вихоревку. Вот и живут теперь наши Усовы, Мокровицкие, Пановы, Жидовкины, Дорофеевы, Антоновы, Храмовские, Климовы, Семенюки, Немомнящие по всей округе. А Кежемская, я думаю, от нашей Кежмы пошла. Некоторые дома, что были поновее увозили. Наш дом, шестистенок (на ту и на другую сторону окна смотрели) оценили в три тысячи восемьсот рублей (до

реформы). Добивался отец, добивался - нас ведь четверо на его шее - а восемьсот рублей так и не выплатили. У тяти слёзы с горошину с глаз катились, когда он свой родимый дом со всех сторон сеном обкладывал. Школу уже разобрали, сидим мы, смотрим, как дом наш горит. Мне десять лет на ту пору было. Помню, котят забрали, а кошка по карнизу ходит, ищет их, а всё горит, увидела нас и спрыгнула. Отец рядышком с нами стоит и плачет. До сих пор эта страшная картина перед глазами стоит. Когда дом сгорел, поселились мы у Юшковых. Вышла я как-то под вечер к реке, смотрю тётя Пана на берегу стоит и плачет. Потом вытерла глаза цветастым платком и с надрывом так запела: «Прощайте, кустики талины. Прощай, отцовский дом родной». У меня внутри все перевернулось, и я, чтобы она не слышала, тихонько стала подпевать ей…

В четырнадцать лет на конкурсе в Заярске я пела песню: «В жизни раз бывает восемнадцать лет» и заняла первое место. Подарили мне тогда книгу «Города и годы». Я очень обрадовалась, прибежала домой, а тятя эту книгу к порогу швырнул и говорит: «Дрова надо пилить, воду носить, ограду прибирать, а ты поёшь». И не стала я ходить в хор. Да и то сказать, в доме нас четверо и каково отцу с нами. Но как-то приходит к нам начальник леспромхоза Осадчий и говорит отцу: «Что ж не пускаешь-то её? Мы хотим отправить Катю учиться на певицу». (Екатерина Андреевна смущается – авт.). Не стала я на певицу учиться - как без меня отец? И пошла я работать. Кругом леспромхозы стояли - Таджикский, Киргизский, Кустанайский. В местном леспромхозе платили меньше, и люди шли работать в Киргизский. Там давали продукты, одежду хорошую привозили. В 1966 году переехала в Братск. В семнадцать лет устроилась в УСД (управление строительства дорог) и строила Усть-Илимскую трассу до семьдесят второго километра. Потом был аэропорт, завод отопительного оборудования, БРАЗ, БЛПК - весь город в асфальт закатали. Тридцать шесть лет в одной организации лопатой махала. Теперь вот ноги болят…

Катерина Андреевна ушла на кухню, а я вспомнил: однажды в городе проходил песенный конкурс, и Екатерина Андреевна пела в дуэте с Ниной Колбосовой. На второй тур приехали с опозданием, и представители жюри решили не допускать их к дальнейшему участию в конкурсе. Женщины, сильно расстроившись, хотели было уже домой уезжать, но тут к ним подошла председатель жюри Е. Кузьмина, народная артистка России, обняла и говорит: «Дорогие мои женщины, вы святое зерно нашей Отчизны». Катя с Ниной исполнили песню «Алёша» и получили диплом. Уж который год, когда наступает осень, веду я под ручку нашу Катерину в клуб на репетицию. Одного она боится, чтобы совсем не отказали ноги...

Колино угощение

Как всегда об эту пору, то бишь осенью, в аккурат, когда сентябрь заканчивает свой картофельно-морковно-свекольный рыжий листопад, взяв большое ведро, иду я к дому, где живёт баба Аня. Захожу в её огородик и, вначале досыта налюбовавшись спелыми ягодами рябины, начинаю потихоньку их собирать. Смотрю на лестницу, которую делал Колин отец: «Целый год ждала ты меня, вот и пристало время, послужи, не откажи уж мне, многогрешному». Бережно поднимаю её и возвожу над прекрасным древом зачарованно-кустистой рябины. Ох, недаром у нас в Сибири её зовут сибирским виноградом, и объяснения, по моему разумению, тут неуместны. Сначала беру красненьку радованицу снизу, тут и лестница не нужна, птицы наверху затревожились, но, ей Богу, понапрасну, много её, рябины- то, ей-ей много. Выходит баба Аня, привычно радуется моему приходу: «Опять, сынок, на винишко сподобился?». И всамделишно радуется. «Да как, баб Ань, не сподобиться-то. В магазине дорого всё, да и поддельного несусветно много продают и не стыдятся вовсе». Замечаю, как глаза пожилого сибирского человека едва сузились, и в облике этом не так–то всё просто проступает. Из сибирских кондовых

деревень баба Аня родом, а в Сибирь-матушку Царь-батюшка всегда разбойный люд ссылал. Так вот и заселялась наша Сибирь. Всякого повидала на своём веку баба Аня, риску разного вдоволь спознала, и такого человека действительно трудно чем–то напугать. Это я и уловил в её глазах, она же спокойно продолжала беседу: «Коля, сынок, с мужем моим садили эту рябину». И о чём–то глубоко задумавшись, замолчала. Стою, молча смотрю на щедро обсыпанное ягодой дерево и перевожу взгляд на большую, потрясающе ровную берёзу. И это не ускользнуло от бабы Аниных глаз: «И берёзу они садили». «А я, баба Аня, и не знал, что Коля это посадил, вот, стало быть, через сколько лет Николай меня вином угощает». Глаза дорогого для меня человека заметно потеплели: «А помнишь, Толик, как вы музыку–то всё записывали? И вспомнив о чём-то своём, пошла, сказав на прощанье: «И петрушки нарви, я её не ем, а твои робяты съедят в супу, да в салатах, оне молодые, им надо исть».

Рву потихоньку красненьку и диву даюсь: сколько лет минуло, а берёза-то уж какая с рябиной выросли. А в душе–то вроде бы вчера это всё было: был радиохулиганом, выходил в эфир на средних волнах с позывным «Лабиринт». Ох, и повальное это дело у нас в Братске было. Делали свои радиостанции, используя лампы «6п6с» или «6п3с», особо рискованные ребята мастерили передатчики, достав лампу «гу50». Крутили музыку для молодёжи, но и ловили нас, конечно, правоохранительные органы. В нашем училище только в нашей 33 группе (а учились мы на сварщиков), было более десяти радиохулиганов. У одногруппника Андрея был позывной «Бармалейкин». Ловит его милиция, проходят в его комнату и спрашивают: «Это ты Бармалейкин?». «Нет». Глядят, работает радио-приставка с магнитофоном «Маяк», а на этой самой приставке написано большими буквами «Бармалейкин». Посмеялись милиционеры и конфисковали магнитофон с приставкой, штраф, да на учёт в милиции поставили. Был, помню, парень, я его не знал, но выходил он под позывным

«Колокольчик»; ехал с дачи и разбился на «Ижаке», у мотоцикла оторвался руль. Мне нравилась его радиостанция, весёлый парень, и мне до сих пор его очень жаль. Приезжала милиция и ко мне, помню, стучатся: открывай, говорят, «Лабиринт». Я выключил приставку и прямо ещё горячую спрятал в шифоньер. Лёг в кровать, будто сплю, милиция стучит в дверь, а я не открываю. Так продолжалось около получаса, за это время, думал, и сердце–то из груди выскочит. Но они, к моему немалому удивлению, ушли. Выждал часа четыре. Вышел во двор к ребятам с девчатами, а те так весело мне: «Что ж ты, Толян, выключился? Кузьмина, Барыкина, Сарычева, «Синюю птицу» крутил и вдруг погас». Помню, на все их расспросы только молчал, но потом, придя в себя, сказал, что чуть не попался. А парни и девчата только и хохотали надо мной, молодость есть молодость.

Так как выходил в эфир, надо было обновлять записи, ездил в центральный Братск, словом, разными путями добывал музыку. Коля Самолов с моим двоюродным братом Володей дружили. И хоть они были заметно старше меня, Володя аж на семь лет, зная, что я выхожу в эфир, то и дело забирали меня с моим «Маяком», и мы ехали к Николаю записывать музыку друг у друга. Подключали записывающие шнуры, музыка пишется; я, глядя, как Николай, покурив в форточку, достаю то ли «Любительские», то ли «Беломор» или «Север», и, высунув свою башку в форточку, жадно затягиваясь, курю. Вот на эту форточку и глядел я сейчас, спустя тридцать с лишком лет. В груди саднило, но воспоминания - они в тебе, и ты с ними, и это наша жизнь. Весёлым был Николай, сколько рыбалок совместных. Раз на берегу, поставив сети, играли в дурака. Коля говорит: «Кто проиграет, тому стальной ложкой заднее место погладим». Помню, повезло мне: и Володе, и Николаю ложкой этой самой долбил я изо всей силы по их мягким местам, так что они вскоре игру прекратили. Разница в возрасте у нас была существенная, Коля лет на пять меня постарше был. Я от солнышка на рыбалке этой уморился. Сплю и чувствую,

сладко что–то на губах. Просыпаюсь, а Николай мне ложку варенья в рот пихает. Ну, старшаки, понятное дело, смеются, но я постоянно ощущал на себе их защиту. Танцы, танцы, танцы и в каждом городе, и в деревне, и в нашем посёлке Гидростроитель, ну и, конечно, драки. Любил Николай подраться, и если пропускал танцы по разным причинам, то постоянно интересовался у брата, была ли драка. Спустя годы, сравнивая ту жизнь с нынешней, мне всерьёз кажется, что раньше дрались беззлобнее, чем нынче. Но, зная Николая близко, знал я доподлинно, что и заступался он за многих. Это как раз в характере русского человека такое бывает, и человек с этим просто живёт. Крепкая любовь была у Коли с Ольгой, и он уже купил фату и белые перчатки для своей любимой. Но родители настояли, чтобы она не выходила за него. Хороший он был, добрый, все его любили за его необыкновенную доброту. Но этот Ольгин отказ сразил парня, Николай крепко запил. Днём он работал на заводе слесарем, и руки у него были действительно золотые, и в футбол в командном первенстве отлично выступал. Но вечерами от тоски напивался. Понимая, что самостоятельно не сможет бросить пить, закодировался. А друзья, что им, молодость, опять эта молодость. Пригласили Николая на острова покупаться; там Николай выпил, зашёл в воду искупаться и потерял сознание. Когда его вытащили из воды, он уже был синий, но друзья пытались делать ему искусственное дыхание, сильно от своей бестолковости давили ему на грудь. В это время мой брат Володя с Сашей Виноградовым поехали на мотоцикле покидать спиннинги: глядят, много народу и скорая уже отъезжает, и хотя им сказали, что Коля умер, они упрямо ехали за «скорой помощью», плача и думая об одном - чтобы эта машина не свернула в сторону морга. Прошло с тех пор много лет, но мой брат Володя Куванов, Сергей Зиза, я и многие другие приходим на родительский день на погост, и Николай смотрит с фотографии на нас вечно молодым улыбчивым взглядом. Много позже узнал я, что и Ольга навещает Колину могилку. Набираю полное ведро

спелых красненьких сибирских виноградин, ставлю на место лестницу. И вижу, что вышла опять из дома баба Аня: «Толик, а Коля-то мой, знаешь, что ещё выделывал? Встанет на табуретку и песни про любовь поёт и, главное дело, старинные русские песни пел. И я, бывало, пела; ты вот, знаю, в хоре поёшь, вот и пой и не слушай насмешников разных. Кабы я помоложе была, к вам бы может в хор пришла, я ведь, знашь, кака певунья была». И спохватившись, видя моё полное ведро, тут же и спросила: «А ты петрушки-то нарвал?» Отвечаю, что потом приду, сейчас не во что. Она несётся домой, тащит пакет, и мы ещё какое–то время вспоминаем былое, и я чую своим грешным нутром, что ей этот разговор жизненно необходим. Приношу домой ягоду и петрушку, жена Ирина, привычно улыбнувшись: «Опять к бабе Ане ходил? Что ж она петрушку-то не ест, ведь полезная она очень». Моем вместе ягоду, засыпаю в тридцативосьмилитровую флягу, туда же восемь килограммов сахару, и заливаю это дело холодной ангарской водой из-под крана. Беру культяпку, размешиваю, и стоит эта родимая фляга месяца три. Ежели литр-полтора такого вина осилить на одного, то пьяным делаешься всамделишно. Много уж лет Колино угощенье радует моих гостей...

Русское знамение

«Мы должны вновь стать нацией, возлюбить братию свою во Христе, отважиться на соборные деяния, а не грабить Россию и друг друга да вывозить капиталы за рубеж»

Д. М. Балашов

Она стояла на своих натруженных коленях и вымаливала у Господа Бога одного: только бы был жив её кровинушка, сокол ясный, сын Николай. В покосившейся от времени церкви приход был настолько мал, что порою люди диву давались, как это ещё церквушка стоит. Прихожане, что являлись на службу, не переставали удивляться непоколебимой, прямо-таки святой настойчивости этой женщины.

В тот момент, когда она сосредоточенно молилась, у всех, находящихся в храме, возникало ощущение того, что образа слышат и всецело понимают её. Но никто не ведал, да и не мог знать, что в этой, казалось бы, почти высохшей от ожидания встречи с сыном женщине, жил на первый взгляд неприметный, но такой воистину великий дух.

Дарья, приходившая в районный центр помолиться, вновь и вновь прикасалась к святым иконам огрубевшими от бесконечной работы руками, сознавая одно: что жив выношенный ею и рождённый, родная на всем белом свете былинка, – её единственный сын Коля. Только, пожалуй, эта вера до сих пор и держала её на обильно политой потом земле. В такие минуты Дарье казалось, что Матерь Божия, державшая Сына на руках, и по сей день говорившая людям о святой любви, высветляла души жителей земли от едучей язвенной черноты.

Деревня с нехитрым названием Луговка находилась в пяти километрах от районного центра. Когда наступало воскресенье, деревенский люд, набирая полные корзины разной снеди – наисвежайших яиц, молока, творогу и сметаны –отправлялся скопом в район. Вот так и Дарья, наложив почти полную корзину яиц и разложив по трехлитровым банкам творог, увивалась за односельчанами.

Переходя по отмели речку, люди, уставшие за трудовую неделю, как будто оживали: тут и залихватская весёлость, и шутки, и прибаутки. А кто и о неладах в семейной жизни поговорит. Ведь без этого тоже человеческая жизнь не обходится. Вот так и шествует сельско-деревенская делегация ранним утром все пять километров, чтобы успеть занять пораньше торговые места.

Некоторых подвозили попутные машины. Но всех ведь не заберешь. Поэтому и надеялись на свои ноженьки. В районном центре деревенскую еду покупатели разбирали живо. Многие, став городскими жителями, как никто другой знали толк в настоящей русской пище. Манит она настоянной на домашнем тепле воспоминаний трепетного детства вселенской

силой, ещё как манит. А у деревенских жителей такой необходимый для жизни приработок образовывался.

Ещё молодой девушкой выучившись на агронома, Дарья вернулась в родную, навеки любимую деревню, да так и осталась на всю жизнь. Пока училась в городе, кто-то из молодых людей и вскружил голову веснушчатой девчушке. Вернулась, как говорят, с приплодом. Да сколько таких историй случается в России, едва ли сочтёшь. Её и не осуждали, потому как знали, что многие женщины в деревне одни живут. И одиночество это ох, как угнетает душу.

Обходя необъятные поля и выполняя свою работу агронома, Дарья от односельчан при разговорах часто слышала слово «тижало». Именно так, меняя буквы, и говорили, передавая из поколения в поколение это вполне понятное и такое близкое для разума слово. А Дарьино сердце в этот момент как будто обрывалось и уносилось в неминучую пропасть. И все думы, подчас невыносимые, были о сыне Николае.

«Ему ведь тоже, небось, сейчас «тижало», ещё как «тижало!» – вздыхала про себя Дарья. Эта вечная тоска матери о сыне делала её отрешённой от всего.

В деревне Дарья слыла агрономом от Бога. В любую непогоду, одевшись потеплее, обходила она свои обширные владения. На маленький дождик уже давно не обращала внимания, продолжая заниматься своими исследованиями, и, когда настигал проливной ливень или крупный град, старалась укрыться в лесополосе. Тихим голосом просила у берёзок и елей защиты, приговаривая: «Защитите меня непослушную, ведь говорили люди, что ненастье вот-вот будет. Укройте, не дайте сгинуть». Израбатывала себя до одури, тем самым спасалась от тоски по сыну. И кто знает, может, оттого и были урожаи в «Луговке» рекордные.

Зная о такой настойчивой агрономше, другие председатели колхозов старались всячески переманить Дарью к себе. Но все попытки оказывались тщетными. Эта необычная женщина была верна своей деревне. При встрече земляки называли

её часто Дарьюшкой. Верили люди, что урожаи хорошие от неё зависели, и просто любили этого неугомонного человека.

Сын Николай рос, как и все мальчишки, ничем не отличаясь от тех, у кого были отцы. А когда случались потасовки, стоял за друзей отчаянно.

Однажды, когда Коля с другом находился по каким-то мальчишеским делам в районе, к ним привязались подвыпившие ребята. Работали те по давно отработанной схеме – семеро одного не боятся. И вышла драка… Потом все пять километров по напрочь промокшей суглинистой дороге, много раз падая, Колька изо всех сил помогал передвигаться сильно побитому другу Серёге. Хоть у самого от синяков и ссадин болело всё тело. «Эх, вот если бы один на один…» – вздыхая, думал Колька.

И эта обида за несправедливость, равнодушные ухмылки прохожих, видевших драку и не оказавших помощь, может быть, и давала силы хоть как-то передвигаться. Шёл проливной осенний дождь, и два друга, завидев родную деревню, такие милые сердцу долгожданные огоньки в избах, сразу заметно воодушевились и оставшийся путь им показался уже гораздо легче.

Обмывая и бережно перевязывая раны сыну, в глубине души Дарья очень уважала свою кровинушку за его геройский поступок. А герою на ту пору едва исполнилось тринадцать лет. Покормив сына горячими щами и напоив парным молоком, она уложила своего подрастающего мужичка спать. Сама пошла на кухню, тихонько села возле окна, которое было со всех сторон по углам залеплено мастикой и разноцветным школьным Колькиным пластилином. Сразу вспомнилось о том, когда сынок был помладше, то любил лепить из него разных зверушек, а после всем этим творчеством залепил окна. Когда в избе стало теплее, то радовались даже такому маленькому чуду.

За окном, в проулке, дед по прозвищу Додон тащил на плечах огромную вязанку сена, и Дарья, глядя то на деда, то на

его сродников, тоже нёсших за ним вязанки, вдруг подумала: «Вот уж действительно люди живут, трудятся, извечный вопрос – кормиться-то надо. Подумать только, миллионы отцов и матерей растят своих сыновей и дочерей. В простых и сложных разностях проходят ниточки человеческой жизни. И вполне понятно, что в любую секунду может оборваться она, и ничего с этим не поделаешь – так создан мир.

Но иногда кажется, что мироздание радуется вместе с человечеством, когда ему хорошо. И особенно как-то грустит, когда людям плохо. Да только далеко не каждому дано увидеть это. Многие лишь сытостью определяют хорошую жизнь, но не надо их осуждать. Только всегда и во все времена неумолимо хочется, чтобы люди были неравнодушны друг к другу, добры и всецело радовались солнышку и всегда удивляющей многоцветьем первозданно-святой природе.

В тот вечер думала и переживала Дарья много. От этого сильно разболелась голова, да и ноги от повседневной ходьбы по полям просили передыху. Угомонилась и заснула только к полуночи.

Шло время, у деда Додона работы нынче было много. Его машинка, привезённая ещё с войны, строчила и строчила наголо молодые головушки деревенских парней. И оприходовавший два ковша ядрёной браги пожилой фронтовик напутствовал ребят: «В армии главное – не зевать, то бишь рот широко не открывать, слушать командиров. А так-то там ничего, жить можно. На полном государственном обеспечении будете».

Провожают в сельской вотчине ребят в армию весело, почитай в каждом доме обсуждают то одного призывника, то другого. Дарья загодя готовилась к проводинам сына в армию. И мудрёного тут ничего не было. Все матери земли русской, когда наступает такая беспокойная пора, собирают народ и непременно самое лучшее из еды ставят на стол. В этом наши старинные традиции обозначены, и слава Богу, что по сей день нерушимы они.

Не приглядел Николай на деревне девушку, и об этом тоже печалилась мать: «Других-то ждать будут, а моего…» Но тут же сама себя и успокаивала: «Значит не нашёл ещё такую, чтобы душу встрепенула».

Деревенская гульба – такая, чтобы всё в тебе запело, расшевелилось, чтобы защемило в груди и отпустило одновременно, чтобы естество вырвалась на волю! Николай сидел на поскрипывающей табуретке и, играя на старенькой гармони, пел известную по тем временам песню:

Город солнечный, ласковый,
Где мы встретились вновь,
Где прошла наша первая
И большая любовь.
Ты не та и не та уже,
Почему, не пойму.
Почему же ты замужем?
Ну, скажи, почему?
Когда мне делать нечего,
Да и климат не тот.
Завтра утром от берега
Улетит самолет.
Я на всякий пожарный
Два билета возьму.
Почему же ты замужем?
Ну, скажи, почему?

Молоденький парень Володька, слушая песню, так разволновался и даже разрыдался, что его вывели на свежий воздух, а в избе, кто подпевал, кто плакал, но никто в этот момент не думал о плохом. Наоборот, всем хотелось показать только лучшие, глубинные струны своей души, а Николай, глядя на своих земляков, широко, по-молодецки улыбаясь, запоминал каждый миг происходящего. Ибо понимал, что в армии такие воспоминания о доме дороже всего на свете могут оказаться.

Дед Додон пошёл в присядку, сапоги его новёхонькие скрипели в такт баяну. Дед всех ребят жалел и любил. Когда

парни за стрижку что-нибудь предлагали, ругал их несусветно и твердил: «У меня чего, своей браги, что ли, нету?! Вас, окаянных, сколько уж остриг. У кого чего брал когда?» И сам же отвечал на свой вопрос: «Да ни в жисть!»

Вдоволь наплясавшись, дед всё бубнил Дарье, что, дескать, хорошего парня вырастила, и припоминал тот случай, когда Николай его избитого внука Серёгу на себе в такое ненастье из района донёс. «Мы теперь вам, Дарьюшка, по гроб жизни обязаны будем». И из глаз захмелевшего деда лились огромные благодарные слёзы.

По родимой округе, в этих неброских, но таких родных деревенских избушках, в эту ночь свет не гас до утра. Сродни чуду, светопреставлению какому-то, перед людьми предстают такие моменты. Родимые кровинушки-сыночки покидают дорогие сердцу места. Ещё миг – и унесёт их в дальнюю путь-дороженьку. И матери с полными глазами слёз будут молить святых угодников о возвращении сыновей, чтобы святая русская земля берегла их.

Утром мать с сыном уже ехали в автобусе к райвоенкомату. Дарья, не отрываясь, глядела на своего сыночка, а Николай смущался от такой материнской заботы. Сколько похожего происходит на планете Земля, но всегда, глядя на это, невольно восхищаешься мудростью отцовской земли, и в который раз неизменно убеждаешься в том, что нет, не зря, совсем не зря на иконах Матерь Божья держит Своего Сыночка на руках.

Возле военкомата дед Додон всё норовил налить Николаю стакан первача, но только пить Дарьиному сыну совсем не хотелось. Он робко смотрел на своих земляков-ребят, которых провожали не только родные, но и подруги, и думал: а его-то будет ждать только мать. На тот момент не мог понять он, что преданней материнской любви нет ничего на всём земном шаре. На прощание Николай, крепко обняв, поцеловал мать. Дарья, вся в слезах, ничего не могла говорить; постоянно глотая слезы, она лишь пыталась что-то прошептать сыну, но из этого ничего не получалось.

И вот уже улеглась дорожная пыль от уехавшего вместе с призывниками автобуса. Дед Додон, уставший окликать Дарью и махнувший в сердцах рукой, всё же терпеливо дожидался эту одиноко стоящую и вмиг постаревшую женщину.

Так как нужна была воинская специальность, полгода Николай проходил службу в учебной части, поэтому письма шли матери регулярно. Дарья, угощая подружек клубничным вареньем, с великой радостью в сердце читала им долгожданные, самые родные на свете строчки сына. А затем уже каждому жителю деревни было известно о службе их земляка. Так устроена деревня.

Когда перестали приходить письма, Дарья успокаивала себя тем, что, как сообщал Коля в последнем письме, его должны были перевести в боевую часть, а стало быть, ему пока некогда писать. Но прошло уже три месяца, а писем не было. Деревенские как только ни пытались отвлечь Дарью от грустных мыслей: кто в баню позовёт попариться, кто – в район съездить. А дед Додон, забив поросёнка и позвав Дарью на свеженину, на потеху всей деревне в шутку звал её в жёны. Люди тогда посмеялись вдоволь. А дед всё пытался ещё чего-нибудь придумать, лишь бы хоть как-то развеселить агрономшу. Когда Дарья уходила домой, говорил бабам: «Её ведь сейчас рази утешишь?» А потом, горестно вздыхая, набивал свою старую фронтовую трубку крепким самосадом. И когда по избе медленно расплывался едучий дым табака, выражение Додонова лица становилось задумчивым и тревожным.

Николая и его внука Серёгу призвали в одно время. Только Серёга теперь служил на границе и писал родному деду. Крепко затянувшись, пожилой человек, глядя на свои старые, как и он сам, калоши, прошептал: «Храни вас, робяты, Христос!»

Афганистан. 1984 год. Весна. Горное ущелье. Перед глазами только белые камни.

«Как же они надоели! Где ты, весело журчащая водица родимой реки? Где ты, многовековая, старая, родная моя и далекая Луговка? Где ты, мама?»

Отряд, состоящий из двадцати бойцов, окружили душманы. Была возможность спастись – выйти из окружения, но надо было кому-то взять огонь на себя и таким отвлекающим манёвром уберечь всех остальных ребят от гибели. Совсем не напрасно дед Додон вспоминал тот случай о спасении внука. Николай и здесь вызвался первым, и, получив одобрение своего командира, стал выбирать удобную позицию для боя.

Командир отряда Степан Андреевич принял решение остаться с Николаем для того, чтобы убедительнее заманить «духов». Уходить никто не хотел, но приказ есть приказ. Дело ещё осложнялось и тем, что в недавней схватке были выведены из строя все средства связи. Оставалась одна надежда, что, добравшись до советских войск, можно было вызвать подкрепление.

Немного проводив вверенных ему солдат и мысленно уже прощаясь с ними навсегда, командир назначил старшего и вернулся к Николаю.

С великой горечью в душе оставляли солдаты своего командира и Николая. Состояние это невозможно описать. За рубежом нас не понимают: твердят, что мы думаем душой и сердцем. А как иначе? Николаю и его командиру в этот час хотелось верить, что ребята, дай-то Бог, уцелеют и доберутся до своих. Израсходовав весь боевой запас и положив немало «духов», Николай был контужен и потерял сознание. Командир же, благодаря боевому опыту, продержался дольше. Его замысел удался – отряд вырвался из кольца окружения. И вовремя подоспевшие «вертушки» подобрали раненого Николая и убитого командира.

В госпитале ночью, мучаясь в бреду, Николай на всю палату прокричал: «Это ведь ты меня спасла, маманя!» А забегавшие вокруг медсёстры плакали и молили Бога о спасении так сильно любящего свою мать бойца.

Через три с половиной месяца почтальонша, бросив впопыхах за оградой велосипед «Урал», вбежала в избу и, вручив Дарье солдатское письмо, с наслаждением выпила из ковша

ядрёный хозяйский квас. А потом ещё раз, зачерпнув из кадушки такой освежающий русский напиток, уже не торопясь, а скорее ради продолжения удовольствия, допивая второй ковшик, проговорила: «Вот и слава Богу, дождалась, Дарьюшка».

В этот воскресный день много землячек побывало в Дарьином доме, а по селу неслась, передаваемая из дома в дом, такая долгожданная хорошая новость.

Вот уже десять немыслимо долгих лет не было Николая на родимой сторонушке. После армии, всего-то с неделю побыл дома, нежданно-негаданно сообщил матери, что едет с армейскими друзьями на север, на заработки. Да так и остался на промерзающей земле необъятных просторов Крайнего Севера.

Много чего повидавшему на войне Дарьиному сыну было легко и весело работать в суровых условиях, и общий язык с людьми находил быстро. Долгими суровыми вечерами писал матери письма и отправлял деньги. В одном из северных городков встретил, наконец, Николай спутницу жизни. Быстро, как это часто и бывает, расписались в ЗАГСе, прибежали в Зоину «общагу», раскрыли бутылку шампанского и долго и ненасытно смотрели в глаза друг другу, любовались своим счастьем. Словно звенящими колокольчиками пульсировала в венах их молодая кровь. Величайший поклон Создателю за такие простые, но важные для человеческого сердца моменты! Вечером в заводской столовой собрались все, кто хотел поздравить новую молодую семью.

Хоть и пришло Дарье вовремя приглашение на свадьбу сына, но решила она сразу – не поедет: ехать на далёкий север было ей боязно. Многие из деревенских, уехавших на далёкие стройки, обзаводились семьями и звали родителей к себе: кто – на свадьбу, кто – в гости. Да только, почему-то, приезжали к детям далеко не все. Вековая оседлость – это вовсе не какая-то прихоть старшего поколения. Ведь в деревенской местности извечно живет постоянное беспокойство за свою дорогую живность. И оставить её кому-то хоть на время решается не

каждый. Ну, а ещё причиной тому – вера и ожидание стариков, что молодые навестят их…

Зоя как будто специально была создана для Николая: во всём его понимала и поддерживала. Муж работает, деньги зарабатывает, жена обихаживает дом. Своего жилья у них не было: то снимали, то ещё как договаривались. Но, где бы они ни жили, Николай, уставший, придя с работы, замечал то новенькие шторы, то посуду или скатерть, и радовался своей жёнушке. Придя как-то домой и не найдя привычного уюта, нашел записку жены… По-армейски живо передвигаясь по направлению к роддому, Николай думал об одном и шептал: «Зоинька, моя милая».

Из роддома, гордо неся сына на руках, которого сразу решили назвать Василием, Николай всё любовался женой. А Зоя, выросшая в детдоме, даже стеснялась такой заботы мужа, и нежным голосом, улыбаясь смущённо, говорила : «Ну чего ты, Коля?»

Она, хрустя по снегу новенькими ярко-красными сапожками, еле успевала за мужем. Николай шёл быстро, переживая о том, чтобы не переохладить ребёнка. Безмерно благодарный жене, его душа понемногу привыкала к мирной жизни.

Вдруг Зоя произнесла: «Вот так и после Отечественной войны люди возвращались, рожали детей, и в этом какое-то людское величие есть, не объяснить словами, Коля. Но ведь каждый, наверное, это чувствует».

Уложив сына спать, долго сидели на кухне, пили чай с шоколадными конфетами. Николай спиртного не употреблял, знал: когда попадала в организм эта горькая жидкость, то в голове появлялись дурные мысли, и расшатавшимся нервам не было удержу. Вот и решил он, что пить ему совсем ни к чему.

Переход от социализма к демократии у всех оказался разным: кто-то богател, но большинство людей оказалось на грани выживания. Удивляло одно: как в богатейшей стране, с обилием полезных ископаемых, с благодатной плодородной землёй, люди под руководством новых правителей жили нищенски. Не обошло это и семью Николая. Забастовки по не-

выплате денег стали обыденным делом. Многие остались без работы, на всю страну обрушилось страшное безвременье.

Николай уже более года не получал зарплату, живя жалкими авансами. Однажды, вернувшись домой, увидел, как Зоя, плача от безысходности, считала копейки – на булку хлеба не хватало.

«Всё, Зоя, – сказал он жене. – Надоели эти съёмные углы. Продадим машину и поедем к матери. Хватит, помотала судьбинушка».

Зоя, посмотрев на мужа заплаканными глазами, согласилась: «Ну что ж, Николай, знать, так тому и быть».

Дарья в этот обычный, ничем не приметный день получила пенсию, сходила в магазин, купила всего понемногу и, вернувшись домой, села у окна, по-прежнему отделанное разноцветным Колиным пластилином. Она перечитывала письма сына. «Ах, дети, дети, – думала она. – Несёт вас колесница суетной жизни по бескрайним просторам матушки России… И слишком часто забываете своих стариков, занимаясь своими делами. А матери ходят в храмы, молятся за вас денно и нощно. И, слава Богу, что есть на земле эти храмы».

Ещё издали до Дарьиного слуха донёсся какой-то шум, и она, по обыкновению распахнув створки окна, выглянула на улицу. Соседская детвора неслась к её дому, перекрикивая друг друга: «Тётя Дарья, тётя Дарья, сын к Вам идёт, да не один!» Ноги в раз отяжелели и, не помня себя, она выбежала из дома, босая, в глазах – туман, только и шептала: «Коленька – сокол мой ясненький».

Николай подошёл к матери, обнял и долго не опускал своих рук с натруженных плеч самого дорогого человека на земле. Зоя с сыном Васей были смущены и растроганы. Деревенский люд одним мигом обступил Дарьин дом. Кто любопытно смотрел, а кто и ронял слёзы: «Дождалась Дарьюшка… Слава Те Господи, дождалась…»

Вечером Дарья с сыном и невесткой обо всём поговорили. «И чего вы там, в городе-то? – сокрушалась мать. – Тут-то, в родимой деревеньке, голодным сроду не будешь. Это пра-

вители пускай живут в своих холодных городах». И чуть поостынув, притихшим голосом добавила: «Знамо дело, простому да честному человеку завсегда тяжельше прожить, потому как он не только за себя думает, а и за людей. Ну, а злые люди во все века и времена этим пользовались. А вот если изведут добрых людей, что тогда делать будут?»

Николай не переставал удивляться мудрости своей матери, и как всё же она права! Ведь, действительно, в деревне одна корова чего стоит! А главное – не надо унижаться перед вороватым начальством.

«Мам, а мне знамение во сне было. Приснилась речка наша, луга хлебные и, сквозь синеву, радуга во всё небо, и будто лик Пресвятой Богородицы – будто указывает Она мне, куда идти. Вот и пришёл…»

До утра разговаривал.

Зоя включилась в деревенский быт сразу: и корову быстро научилась доить, и в избе как-то всё преобразилось, будто помолодело. Дарью называла мамой, объясняя: «Я ведь – детдомовская, родителей не помню. Можно, я Вас мамой называть буду?» По долгому бабьему опыту Дарья понимала, что невестка её не из избалованных жизнью людей, а стало быть, дай-то Бог, толк будет.

У внука – долгожданного Василька – и друзей в деревне появилось великое множество. Да и с бабушкой сдружился: стар и мал – не разлей вода. И теперь Дарья молила Бога о том, чтобы дал ей подольше пожить, так уж мило и пригоже было ей на свете.

Смочит промозглым дождём озимь на полях, и снова после долгой зимы будет набирать силу сочная зелёная трава, и снова подрастать младому племени, а старикам – заканчивать свой век.

Вот так и Николай постепенно, не сразу и не вдруг, живя среди дорогих земляков, излечивал свою душу русским знамением.

18.08.2009 г.

Барачное детство

Вечером, когда мама Настя привела Толика из детского садика и накормила купленными в ларьке «Берёзка» голубцами и сделанным ею ещё вчера винегретом с зелёным горошком, они улеглись на большущую старинную железную кровать. И, уставшая после работы на железобетонном заводе мама, хоть и из последних сил, всё же прочитала сынишке добрую сказку. Жили они в бараке, и было здесь шестнадцать комнат, и в каждой комнате жила семья, а значит, жили и дети.

На следующий день наступило всегда такое долгожданное воскресенье. Сколько мама Настя ни уговаривала съесть хоть что-нибудь, сын отказывался. Не хотел он есть по утрам, и мама сильно обижалась на него за это. Отпросившись погулять, Толик первым делом побежал к другу Эдику. Едва он переступил порог, как вдруг его обдало духом только что сваренной картошки. За столом сидели тётя Нина, дядя Володя, Эдик и его совсем маленькая сестра Оксана. Тётя Нина сразу пригласила Толика к столу, и он с аппетитом съел большущую картофелину. Пока ели, прибежала за мальчишками соседка Светка и тут же выпалила: «Я дойго-дойго спая, я яно-яно встая».

Пока родители Эдика почему-то смеялись, дружная троица отправилась погулять по барачным владениям. Надо было срочно обмерить всю огромную лужу и, не раз искупавшись в ней, идти сушиться к широкому пню. Затем начинались игры в прятки и ножички, а потом, выстроив пустые консервные банки друг на дружке, отходили подальше и сбивали их занозистой палкой. Поблизости бегали ребята постарше, они наделали себе шпаги и играли в какого-то Д`Артаньяна. Рядом ломали бараки, а тех, кто там жил, переселяли в какие-то большие квадратики – вот в этих опустевших бараках и играли «старшаки». Но вскоре их старший мушкетёр всех построил и куда-то увёл. День пролетел так быстро, что Толику казалось, что он всего несколько раз и вздохнуть-то успел. Мама

Настя, попросив тётю Нину приглядеть за сыночком, пошла с подругой в кино. Дети щебетали и галдели возле родного барака, как вдруг, откуда ни возьмись, прямо на них, одетый во всё чёрное, с клюкой, стал надвигаться кто-то жутко горбатый. На нём были видны железные кресты и он страшно-престрашно ворчал. Эдик со Светкой сразу же убежали, а Толик, непонятно почему, всё ещё стоял на месте. И когда чудище подошло к нему совсем близко, он, наконец, побежал в спасительный барак. Подбежав к двери, где жил Эдик, он не зашёл в комнату, а сел возле двери на корточки, и весь затрясся от страха. Он боялся одного: что это страшное чёрное сейчас войдёт в барак. Когда Эдик прибежал домой, он тоже был сильно напуган, и у него даже отнялась речь. А его мама в это время готовила суп и не сразу поняла, почему это её сыночек молчит. Но всё же, о чём-то догадавшись, выскочила из комнаты и обнаружила сидящего на корточках Толика. Лицо у него было настолько бледным, что тётя Нина взяла его на руки и, плача, стала спрашивать, почему он весь дрожит. В это самое время мама Настя вернулась из кино и, увидев Толика на руках тёти Нины, чуть не потеряла сознание. Затем две мамы стали наперебой расспрашивать Толика, но он молчал. Дар речи вернулся к нему лишь тогда, когда прибежал Эдик. «Толик-то, Толик-то не напугался, а мы со Светкой сразу убегли», – объявил он и с восхищением посмотрел на друга. Мамы к тому времени только и успевали переводить взгляд с одного приятеля на другого. Но и Толику к этому моменту захотелось что-то добавить, и он сказал: «Да не напугался я, а тронуться с места почему-то не мог». Мамы обошли всю окрестность, но «чёрного горбуна» нигде не было. Вид у них при этом был такой, что Толик с Эдиком уже и не хотели вовсе, чтобы мамы его нашли. Приятели не забыли, как однажды, когда пробовали курить за сарайками, мальчишка из соседнего барака, которого все звали Виталист, всё доложил их мамам, и мама Настя всыпала Толику берёзовым поленом по заднему месту. У Эдика же был отец и ему было намного труднее: наказание бывало куда более суровым. Случалось

так, что у Толика и Эдика вдруг ни с того, ни с сего пропадал аппетит. В такие непростые для мам дни тётя Нина приносила тарелку супа Толику, а мама Настя – тарелку домашних пельменей Эдику, и аппетит почему-то к друзьям возвращался.

Деревянный детский сад стоял совсем рядом с бараком. И однажды Эдик решил, что он стал совсем взрослым, хотя он был младше Толика на год, но в этот раз родители забрали его пораньше. Скучно ему стало, и он сам отправился забирать Толика из садика. Подойдя к воспитательнице, он смело сказал: «Мне не с кем играть. Можно я Толика заберу?» Воспитательница позвала Толика и строго сказала: «За тобой пришли». Довольные друзья отправились сооружать шалаш из привезённой кем-то на дрова целой кучи дощечек. А мамы, стоявшие неподалёку, улыбались, и тётя Нина говорила тёте Насте: «Мой-то совсем взрослый стал!» За это время шалаш успел построиться, и Эдик залез в него первый, но когда полез Толик, их шалаш почему-то развалился. И Эдик, почему-то обидевшись на своего друга, назвал его «пузырём».

У Толика лишь однажды был щенок, но мама вскоре его отдала кому-то. Сын долго плакал, и тогда мама взяла котёнка. Так у Толика появился кот, но когда ему исполнился год, он куда-то ушёл и не вернулся. Толик загрустил, и мама взяла трёхцветного котёнка с голубыми глазками, но они с Эдиком успели поиграть с ним всего несколько денёчков. Однажды пришла тётя Маша, сестра мамы Насти, и, закрывая дверь, придавила бедного котёнка. В этот день Толику и Эдику, обливающимся от горя слезами, мама Настя давала какую-то валерианку.

Пришло время, и Толик пошёл в первый класс. Скучно ему было сидеть за партой и однажды, посреди урока, он решительно поднялся и сказал учителю: «Отпустите меня, сегодня у моего котёнка годовщина, и мне надо сходить на его могилку». Весь класс – а это были мальчики и девочки, и кроме них и учителя больше никого в классе не было, – громко

смеялись над Толиком. Но учитель отпустил ученика, и они с Эдиком сходили на могилку котёнка. Эдик ещё не учился, потому что был младше на год, и Толик сильно завидовал ему, ведь ему совсем не хотелось учить уроки. И вот как-то осенью пошли друзья в павильон «Берёзка» и нашли там валяющиеся на полу пять рублей. Продавщица почему-то сильно загрустила, когда они рассказали ей об этом. Купили они себе два огромных пряника, на которых были изображены большие кони, и трёхлитровую банку томатного сока. Пришли домой и заспорили: Толик хотел томатный сок, а Эдик – яблочный. Пришлось купить и яблочного сока. А потом много-много раз ходили в детский кинотеатр «Октябрь», потому что им дали просто целую гору сдачи, а билетик в кино стоил всего-то десять копеек! Как-то раз, зимой, прибежал из соседнего барака Серёжка и поведал приятелям, что знает, где старшие ребята спрятали клад. Толик с Эдиком совсем не хотели идти с Серёжкой, но тот был старше и хитрее их. Оказалось, за ними уже следили. Кончилось тем, что у Толика и Эдика под глазами появились очень некрасивые синяки.

Пришла весна, и, конечно же, появилось много луж – глубоких и не очень. Толик, Эдик и Вадик решили, что их просто необходимо измерить. Толик зашёл в воду первым, да сразу и шлёпнулся в неё. Эдик с Вадиком захохотали, и пока Толик сушил возле печки свою одежду, друзья успели в барачном коридоре намалевать мелом карикатуру под названием «Толян упал в лужу». И когда Толик, высушив одежду, вышел погулять, он, конечно, увидел эту карикатуру. Так между закадычными друзьями случилась первая ссора. Они не ругались, нет – они просто перестали разговаривать. В бараках мальчишки постоянно играли в хоккей и в футбол. И даже если на улице была пурга, это их не останавливало: прямо в широком барачном коридоре они устраивали игру. И когда команда, в которой играл Эдик, стала проигрывать, мальчишки вспомнили, что не хватает защитника Толика. И даже противники сказали: «Да, вот Тольку – его не прошибёшь!»

И все попросили Эдика, чтобы он зашёл за Толиком. Толик вышел и стал так играть, что их команда победила. И друзья снова помирились. А ещё любили мальчишки забираться зимой на крыши сараек и скатываться в сугробы. И после такой забавы у мальчишек на заднем месте появлялись синяки. А девочки во главе со Светкой называли их дурачками. Эта же неугомонная Светка собрала всех девчонок, и они устроили настоящее представление. На концерт, который шёл прямо в барачном коридоре, были приглашены все мальчишки, живущие в двух бараках. Каждый принёс из дома стул и ждал, что же будет. Ждали и Толик с Эдиком. На барачную сцену вышла Светка и запела: «На французской стороне, на чужой планете предстоит учиться мне в университете…» А затем вышли все остальные девочки и спели: «Письма, письма сам я на почту ношу…», и Эдик вдруг поднялся и сказал, что это песня, где есть слово Вологда. А когда мальчишки спросили, откуда он это знает, Эдик ответил, что слышал её по радио, и по телевизору видел, как её поёт какой-то дяденька. А когда концерт закончился и мальчишки, похлопав в ладоши, стали расходиться, то с удивлением увидели, что за их спинами стояли их мамы и папы. Бараки были холодные, тепло было только тогда, когда топилась печь, но если вздумаешь подойти к окну, то было так же холодно, как на улице. Поэтому мама Настя топила печку и ночью. Родители Толика и Эдика трудились на огромном заводе, где делали панели, из которых и построен весь город Братск. А пока родители работали, мальчишки таскали воду из колонки, но силёнок, чтобы нести десятилитровое ведро, доверху наполненное водой, у них не хватало. Поэтому они по нескольку раз отдыхали, а затем, принеся воды, отправлялись колоть дрова. Но тут опять незадача, ибо силы опять просили помощи. Расколов две чурки дров на свежем морозце, все в поту, ребята везли на санках дрова в барак. Друзьям после такой работы хотелось гулять, и тогда они забирались на крышу барака и почему-то мечтали о празднике под названием Новый год. А когда наступал предпраздник-

ный день, все люди, живущие в бараках, становились очень добрыми. И мама всегда вспоминала и говорила Толику, что когда он был совсем маленьким, то, любуясь нарядной ёлкой, громко восклицал: «О, какая ёка!». В их с мамой барачной комнатке был чёрно-белый телевизор «Берёзка». По нему показывали много детских передач и фильмов. Но он часто ломался, и когда приходил мастер, то говорил, что ломается телевизор оттого, что в комнате то тепло, то холодно, а ламповые телевизоры этого не любят. В такие дни, когда ломался телевизор, Толик убегал к Эдику: его другу очень повезло, ведь его родители купили новый цветной телевизор. А ещё родителям Эдика из какой-то Брянщины их дедушки и бабушки присылали домашнюю колбасу. И когда Толик её ел, ему казалось, что ничего на свете нет вкуснее. Но наступала ночь, и Толик уходил к себе в комнатку. Мама его работала в три смены, поэтому ему приходилось ночевать одному, и тогда он подходил к окну и любовался узором, который нарисовал дедушка Мороз. Но бывали дни, когда родители Эдика отпускали его ночевать к другу. И Толик с Эдиком, лёжа на большущей железной кровати, мечтали о лете. А ещё они вместе пели песню под названием «Коломбина».

Однажды мама Настя, зайдя в гости к тёте Нине, увидела, что их железные кровати стоят на трёхлитровых банках. Дядя Володя, отец Эдика, объяснил маме Насте, что чем ближе к потолку, тем теплее. Мама Настя сделала так же. Так вот и спасали своих детей от холода их дорогие, навеки любимые родители. Зимнее утро обычно начиналось с того, что мама, затопив печку, уходила на работу – их с тётей Ниной и дядей Володей увозил в посёлок Энергетик служебный автобус. Толик, хоть ещё не было семи часов утра, уже не спал. Подойдя к ведру с водой и взяв молоток, разбил им лёд в ведре. Набрав воды в чайник и поставив его на печь, всё смотрел на льдинки, плавающие в чайнике, и ждал, когда они растают. Посмотрел на свою кроватку и вспомнил годы, когда он был ещё в детском саду. Разбудив Эдика, мама одевала его, а в это время

на него светила большая лампа с металлическим ободком. И от этого было теплее.

Однажды, учась уже в пятом классе, Толик, придя в школу, удивился: в классе почему-то никого не было. Потом вошла учительница и сказала, что на улице минус пятьдесят градусов. Бараки стояли недалеко от школы, и Толик весь день топил печку. Мама даже в такой день была на работе. Мама Настя, зная, что сыну очень грустно оставаться одному, брала его с собой на работу. Залезали они в кабину крана, и Толик с огромным интересом наблюдал, как мама управляет большим механизмом, перевозя железобетонные панели. А ближе к ночи мама прямо в кабине крана стелила сыну телогрейку, и он под шум большого цеха быстро засыпал. Тётя Нина и мама Настя взяли на своём заводе путёвки в детский лагерь «Варяг». Весь вечер перед отправкой в лагерь Эдик и Толик представляли, как на них наденут матросскую форму, как станут настоящими матросами. На следующий день Эдик поехал в « Варяг» и стал матросом. А Толик не стал матросом – его увезли в инфекционную больницу. Через неделю Эдик приехал в больницу навестить друга. На нём были широкие штаны «клёш», бескозырка и тельняшка. И когда друг поехал служить дальше, Толик тихо плакал, лёжа в такой некрасивой жёлтой больнице.

Однажды, возвращаясь с мамой на служебном автобусе, Толик увидел впереди огромные клубы дыма. Женщины вскочили с мест и в один голос с большой тревогой предположили, что это горят бараки. Водитель автобуса нерадостно пошутил: «Пусть горят, быстрее квартиры получите». Тогда тётя Нина назвала водителя дураком, но это ещё ничего. Другие женщины, тоже живущие в бараках, обложили шофёра такой гневной руганью, что у того даже уши покраснели, а кто-то обещал его даже побить. Оказалось, горели сарайки, которых было очень много. В них люди хранили дрова, велосипеды, мотоциклы – словом, у кого что было, то и хранили. Пожар был огромен, и все боялись, как бы пламя не перекинулось на

бараки. Все жители стали выносить из своих комнат вещи. Толик с Эдиком тоже помогали родителям, и мама Настя, устав выносить, сказала: «Всё, не могу больше, сил нет». И, обессиленная, села на завязанные в простыню тряпки. Дядя Володя с тётей Ниной пожалели маму Настю и помогли вытащить железную кровать с холодильником и телевизором «Берёзка». Тушить пожар приехали все пожарные машины города. Жил в бараке дядя по прозвищу «пан Величинский», который держал в сарайке несколько свиней. И люди, видя, что свиньи могут погибнуть, стали выгонять их из сарайки. Но те, бегая и сильно визжа, снова вернулись в свой дом. В этот момент крыша сарая рухнула и несчастные животные погибли. Пожарных машин к тому времени было много, и сильный огонь потушили. Бараки были спасены, люди разносили вещи по своим комнаткам. Когда пан Величинский с дядей Володей разгребли крышу, то оказалось, что опаливать свиней было уже не надо. И люди из двух соседних бараков, пережившие столько потрясений в этот вечер, жарили на сковородках свинину. Все жалели пана Величинского и купили у него мясо. А к мясу разобрали всю водку в павильоне «Берёзка». Эдик с Толиком смотрели на обуглившиеся рамы своих велосипедов и им было грустно.

Жила в их бараке большая семья по фамилии Бутылкины. И когда четыре парня выросли и отслужили в армии, решили жениться. Да вот беда: будущие жёны ни за что не соглашались носить такую фамилию. Тогда парни пошли к бабушке в надежде взять её фамилию. Но та носила фамилию Чекушкина. Пришлось ребятам брать фамилии жён. Детская дружба Толика и Эдика не закончилась. Сейчас Толику сорок восемь лет, а Эдику сорок семь. У Толика старший сын окончил университет, стал инженером-строителем и теперь строит дороги в Читинской области. Младший, Сергей, учится в школе. У Эдика сын отслужил в армии и сейчас работает. Совсем недавно жена Толика Ирина говорит мужу: «У нас закончилась картошка». Был конец июля, а картошку в Сибири, как из-

вестно, начинают копать в сентябре. Толик позвонил Эдику, и через час друзья принесли из гаража друга огромную сумку прошлогодней картошки. Выглядела она, как только что выкопанная из земли.

Живут в городе Братске Толик с Эдиком и всегда при встрече вспоминают своё барачное детство.

Ангарская экспедиция

На этот раз поставили меня охранять организацию «Ангарская экспедиция». Это одноэтажное деревянное здание, напоминающее барак, в котором я родился. Барачное детство, особенно в Сибири, было шибко распространено, ибо жить-то где-то надобно человеку. Трудились на этом предприятии действительно очень талантливые люди. Они занимались исследованием Севера.

Но об этом я узнал позже, а пока начальник караула отвёл меня в бывший «Красный уголок», что располагался напротив здания экспедиции. Показал место моей дислокации и уехал расставлять другие посты. Стулья по-прежнему рядами были аккуратно расставлены и одиноко теперь стояли, напоминая заходящим сюда людям о былых собраниях. Посреди большого двора, где располагались гаражи, склады и прочее, стояла пожилая женщина и разбрасывала хлеб скопившемуся возле неё множеству собак. Она внимательно следила, чтобы обязательно поела каждая, и ругала ту, которая отбирала пайку у более слабой и нерешительной. Затем она зашла в, где теперь располагался я. Здесь имелась небольшая комнатка, в которой она и работала. Познакомились, звали женщину Галиной Васильевной. По многочисленным морщинам можно было понять, что человек этот пережил на своём веку немало. Она совсем не пользовалась женскими принадлежностями, даже губы у неё не были подкрашены. Другое дело, если бы я встретил её в церкви, тут и удивляться было бы нечему, а тут люди кругом и, как правило, женщины в таких случаях вовсю

пользуются макияжем. Она же не пользовалась совсем и, несмотря на годы, показалась мне довольно привлекательной.

По моему пытливому взгляду Галина Васильевна сразу догадалась, о чём я её хочу спросить и заговорила таким тоном, будто мы много лет знаем друг друга. Так бывает у людей, когда внутри, что называется, накапливается, но почему-то не каждому и выскажешься, но вдруг срабатывает в тебе что-то: «Да жалко мне их - бездомные они, а кого и люди выбросили». И, глубоко вздохнув, добавила: «Давно я их кормлю. Люди страшное дело, что творят. Некоторые для охраны дачи возьмут на летний период, или для детской прихоти. А как урожай снимут, выбрасывают. От уж они, милые, после бегают к этим дачам, вот скулят, вот страдают - ещё шибче, чем люди... У меня сосед по даче каждый год новую собаку где–то отыскивает, потом прогоняет. Подходит ко мне этой весной говорит, что слыхал, мол, что я собак кормлю и просил, чтобы привела одну. Я ему говорю: «Не стыдно тебе, они ведь, знаешь, потом как плачут, когда ты дома брюхо своё греешь». Он мне в лицо рассмеялся, а я набрала полный рот слюней и в его рожу плюнула: веришь, не смогла удержать себя, всяко в жизни бывало, и погибала не раз, а выживала почему-то, а тут решительно харкнула. Ходил всё после, судом пугал».

Вот так потихоньку и разговорились мы с этим чудным человеком. После окончания института всю последующую жизнь посвятила Галина Васильевна Ангарской экспедиции. Постоянные командировки на север, многолетние поездки то на оленях, то на собачьих упряжках. Занимались они изучением таких злободневных вопросов, как хватит ли ягеля оленям, ибо это единственный корм, спасающий многочисленные стада. А стада оленей, так как росло благосостояние оленеводов, становились всё больше, страна вкладывала в то время в это нужное дело большие средства. Я живо представил её молодой, мчащейся в оленьей упряжке, где кругом страшный холод, никаких удобств, а ведь это женщина. В книге Октября Леонова «Полторы тысячи километров раздумий»

я читал, как они, тогда молодые журналисты, ездили по посёлкам Севера, проехали всю Чукотку, и это далось им очень непросто. Мужики выматывались на полную катушку, а тут женщина, и я невольно проникся уважением к этому ещё час назад совсем не известному мне человеку. Галина Васильевна показывала мне фотографии жителей Севера. На одной из них была изображена очень красивая девушка. Вся одежда её состояла из оленьей шкуры. На ней было одето много самодельных украшений. Как оказалось, Галина Васильевна сама фотографировала, и снимки были очень качественными. «Коренного населения на Севере очень мало, - рассказывала эта удивительная женщина. - Бывало, едешь в оленьей упряжке целый день, а то и два, три, и никого не встретишь. А ведь олени-то быстро несутся, и страшно бывает лишь от одиночества. Но люди там доброты необыкновенной, суровая жизнь к этому обязывает, как бы это банально не звучало. Я очень любила рыбу, и на Севере, как нигде, её наелась. Этот отважный народ, когда не было соли, просто вывешивал рыбу, и она без соли на ветру высыхала. Есть её не солёную, конечно, не вкусно, но ведь они так выживали, и я очень полюбила этот поистине смелый народ. Север до сих пор мало изучен, но это даже к лучшему». И Галина Васильевна вдруг замолчала, затем, о чём–то вспомнив, засобиралась. Ровно в пять автобус их предприятия остановился посреди двора, как раз неподалёку от того места, где она совсем недавно кормила армию собак, и стал сигналить. И, чтобы не опоздать на него, Галина Васильевна, наскоро схватив сумку, сказала мне: «Дверь к себе запирать не буду, охраняй».

Я охранял этот объект несколько месяцев и с величайшим удовольствием наблюдал, как Галина Васильевна кормит собачек. А происходило это так: как только утром автобус въезжал во двор, она, сердешная, с тяжелеными сумками вылезала и шла к своему кабинетику. На мои просьбы помочь ей донести сумки упрямо отвечала отказом. Доставала разных

круп, костей, рыбу. Брала большущую кастрюлю, ставила на старую плитку и варила собакам хлёбово. А за эти месяцы произошли с Ангарской экспедицией немалые перемены. Старое руководство, а это, как я успел убедиться, умнейшие специалисты своего дела, ушли на пенсию. То, что им «помогли уйти», не надо было иметь семь пядей во лбу. Да нынешние молодые и дерзкие руководители этого и не скрывали. Людей, которые отдали предприятию много лет жизни, стали сокращать, а неугодных выгоняли без выходного пособия. Невольно думалось, откуда у молодых людей столько жестокости. Ведь не бандитами росли, у всех были родители, и тепло, и ласку имели. Но выросли детки и захотелось им всего и сразу, и было это по всей нашей стране... Предприятие, много лет работавшее очень успешно, и это доказывали множество документов, которые я видел у Галины Васильевны, стало разваливаться на глазах. Больно мне было видеть в эти дни Галину Васильевну: она стала бледной, сгорбилась и уже не выходила на середину двора, а кормила собак на улице, но рядом со своим кабинетом. Пока было старое руководство, Галину Васильевну все очень любили, но пришли какие-то молодые, но уже пузатые дяди. И кому-то не понравилась «собачья столовая», хотя Галина Васильевна всё вокруг тщательно убирала, но и это не помогло. Новое руководство отдало распоряжение перестрелять собак. Взялся за это дело милиционер, державший здесь же в вольере своих лаек для охоты. Ему поставили условие: либо он убивает бездомных собак, либо уводит своих лаек. Каждый вечер он приезжал и убивал по одной или две собаки, да это было вовсе и немудрено: ведь стрелял матёрый охотник. До этого я очень долго искал работу, надо было поднимать своих мальчишек, и вот, наконец, нашёл, стал охранником вневедомственной охраны. Работали мы через двое суток, и мне не хотелось идти на работу в эти дни. Милиционер, видя моё лицо, как-то даже подошёл ко мне и, опустив голову, сказал: «Галину Васильевну со дня на день выгонят, а лаек держать мне больше негде». Затем долго

курил и опять стрелял. Я чувствовал себя последним ничтожеством, ведь я ему не помешал. Конечно, твердил себе, ну что ты так убиваешься, ведь твои сыновья несколько месяцев сидели на одной картошке с капустой. Теперь питаются более-менее нормально, с получки даже килограмм яблок с конфетами покупаю, но срывался, терзал себя, отматеришь этих подонков - и вылетишь с работы. Нет, я себя не оправдываю, я знаю, что виноват, ведь не помешал же я убийству. На следующее дежурство жена еле-еле уговорила выйти на работу. Саднило в груди с бешеной силой, думалось, что опять придёт милиционер, но он не пришёл, куда-то исчез. Примерно с неделю он вёл отстрел собак, и мне рассказывали работники, как днём, когда уцелевшие собаки шли к Галине Васильевне, она гнала их палкой и кричала: «Уходите, эти нелюди вас всех перебьют», но у неё ничего не получалось. Оставшиеся в живых собаки облепляли её, словно дети мамочку, и доверчиво смотрели ей в глаза. Тогда она убегала в свой кабинетик и уже не выходила на улицу, всё плакала и плакала. А вскоре, так и не написав заявления об увольнении, ушла. Приближался юбилей Ангарской экспедиции. Все здания вокруг были покрашены, пока шла подготовка к дате, часть автопарка была продана. И в назначенный час был накрыт шикарный праздничный стол, изготовлены юбилейные значки. Моя смена выпала на следующий день, после празднования. В «Красном уголке», где и проходил банкет, стоял огромный стол с недопитой водкой и уже начинающей прокисать закуской. За столом спал один парень. Я знал его, это был весёлый парень, по его же рассказам он уже лет десять проработал здесь. Так я и принял пост. По всему зданию Ангарской экспедиции стояли компьютеры, и я долго ходил по территории. Было ощущение, что надо усилить бдительность, и только спустя три часа зашёл в «Красный уголок». Этот парень, что мирно спал в начале моего дежурства, теперь ползал по полу и искал свой юбилейный значок, а когда нашёл, очень обрадовался и стал показывать мне фотографии различных экспедиций по

Северу, в которых участвовал и он. Я спросил его, была ли на юбилее Галина Васильевна. Он, как мне показалось, даже немного протрезвел от моего вопроса, и, широко открыв глаза, выпалил: «Уговаривали мы её, ох как уговаривали, она ведь самый старый работник здесь была, и человек добрый, всем нам, начинающим молокососам, помогала». Затем подошёл к столу налил себе водки, выпил, но закусывать не стал и, о чём–то задумавшись, добавил: «И правильно сделала, что не пошла. Когда старый руководитель узнал, что собак перестреляли, у него сердечный приступ был. Эти новые руководители на разработках Галины Васильевны ещё поживут».

Где-то с месяц был я ещё на этом посту, и каждый раз в обед прибегали на означенное место две оставшиеся в живых собаки. У одной была перебита лапа. Когда кто- либо не выдерживал и выходил с куском хлеба, они сразу же убегали.

Сердешные фигурки

В декабре, восьмого числа тысяча девятьсот девяностого года, расписались мы с Ириной. Непросто всё, конечно, было – это ведь у всех так. Тётки родные отговаривали: «Не женись на ней, она бедная, мало зарабатывает, а ты сварщиком на заводе отопительного оборудования работаешь. Зарплата у тебя шестьсот рублей. С такими деньжищами надо тоже богатую искать». Давили они на меня сильно, но не это саднило мою душу. Мама моя их слушала, а я-то знал, что мама моя не того поля ягода. Но ведь зло–то не дремлет, на осуждении зиждется. Говорили маме, что родители Ирины выпивают и так далее. Я же видел другое: редко кто не выпивал вообще, но ведь работали они, Ирины родители. Мама Александра Фёдоровна в больнице, отец Борис Семёнович в леспромхозе, да и простые, душевные люди они были, к тому же с чудной фамилией Вяльмискины. Ира моя мастером по пошиву верхней женской одежды работала. Помню, принёс ей на работу цветы. Попросил позвать кого–то, чтобы вышла из цеха. Сто-

ит, смотрит то на меня, то на них, смущается, а у меня, знамо дело, душа радуется. И вдруг, улыбнувшись, говорит: «Заходит наш работник и говорит, что зовут Валю Мискину. Весь цех тогда смеялся, и, конечно же, догадались, кого зовут». А тут вскорости друг Сергей Козлов на свадьбу пригласил. Пришёл к Ирине, смотрю сидит, на меня глядит, да как глядит-то! В такие минуты и понимаешь, что Бог есть Любовь. И что именно для нас, многогрешных людей, есть любовь, которая всю жизнь до самой смертушки нас спасает. Я и про свадьбу–то Серёгину забыл, и песня вскорости вот какая придумалась: «Года нашей жизни бегут мимо нас. Я с чистой душою влюбился сейчас. Я всё своё сердце тебе подарил. Тобою я грезил. Нескладно так жил. Пусть злые людишки пророчат беду. Ведь злым языкам не понять, почему. Как люди влюбляются, вместе идут. Гонимые часто, встают и живут. Хочу я всю нежность тебе подарить. Хрустальную верность в бокале испить. Наш путь, он по жизни нелёгкий, пойми. Ты, счастье моё, посвети мне в пути. Мы вместе с тобою невзгодам назло. Кольцо золотое не зря нам дано. Моя дорогая, признаюсь тебе: Мы вместе как птицы парим в синеве. Я вот размечтался, хочу, чтобы все. Вот так же любили, поверив мечте. В любую погоду, в любые года. Пускай не оставит вас песня моя». Так вот и поженились мы с Ирой зимой. И отпуск у обоих выпал на начало мая. Многие, знамо дело, на юга, а мы по деревням. Теперь, спустя двадцать пять лет, ох, как понимаю, почему именно так поступили. Ведь кажинный год летом всё детство и юность возили наши родители нас по милым матушкам-деревням. Невольно думаешь ныне, что так же на протяжении многих и многих лет было у миллионов русских и нерусских людей, живших в нашей многонациональной дружной стране. Взяли билеты на самолёт, и «ТУ-134» через пять часов произвёл посадку в городе Горьком. Хорошо запомнил, что когда подлетали, то в самолёте крутили песню: «Под городом Горьким, где ясные зорьки, в рабочем посёлке подруга живёт». Сели в автобус и докатили нас до районного

центра Ардатов. Там пересели на другой автобус и, проехав пять километров, оказались в дорогом моему сердцу селе Леметь. Спускаемся с горы, переходим мосток. Любуемся на речку, на солнечные зайчики. Слушаем кваканье лягушек. Под белыми камнями полным-полно лежат они возле реки, укрываясь от жары. Умываем лица прохладной водицей. Великое это людское удовольствие - набирать в ладони водицу из речки и умываться. И нет её, усталости–то после эдакой процедуры, потому как всё это дело волшебное. Поднимаемся на обширный взгорок, проходим многовековой тропкой проулок и окунаемся в кондовую Русь-матушку. У каждого дома свой особенный узор, даже одинакового крыльца и то не сыщешь. Каждый хозяин что–то своё эдакое затейливое добавлял. Под козырьком каждого дома свито ласточкино гнездо, и брёвнышки, и ставеньки, и детские воспоминания. И самое удивительное, что всё увиденное тобою, не только снаружи, это внутри тебя. И опять же это у всех так, кто жил, живёт или просто любит деревню. Возле каждого дома множество кур, да каких! Разноцветные куры–то: и белые, и серые, и чёрненьки, и серо–буро-малиновые. Чего только мать-природа не родит. Всё на радость людям, гляди человече, любуйся миром всамделишным. Удивителен он кажинный день. А ежели засомневаешься в этом, гони её, печаль эту, подале от себя, ибо жизнь Богом дадена. И лучше чем то, что есть на земле- матушке, вряд ли ты сыщешь, человек, даже не трепыхайся. Идём по многовековой деревенской улице, Богом хранимые старухи высыпали гурьбой, обсуждают новость: «Видать, к Данилиным кто-то приехал». Затем добавляют: «С Братска». И, здороваясь с ними, глядя на изработанные руки, старенькую одежонку, всякий раз удивляясь их прозорливости. Вспомнилось почему–то, как эти старухи, стоя у колодца в стареньких загрубевших телогрейках, всерьёз жалели премьера Черномырдина, которого к тому времени сняли с должности. Так до сих пор слышится мне голос одной такой сердешной: «Как же он теперь жить–то будет?» С годами только

понял я, что не смеялись они, а на самом деле его жалели. Подходим к дому, вижу греющую душу табличку со словами «Заречная, 20». Здравствуй, заветный дом, сердце трепыхается, хочет наружу выскочить, а в окне уж нас высмотрели и бегут, несмотря на годы, мои дорогие бабушка Татьяна Ивановна Куванова и тётя Евдокия Андреевна. Обнимаю моих натруженных жизнью, кажущихся такими худенькими, родных людей. Плачут, утирают фартуками слёзы, а те текут и текут, и они снова их вытирают. Потихоньку приходят в себя, смотрю на заробевшую жену и знакомлю, памятуя о том, что скоро окажусь в таком же, как и она, положении. Проходим в избу, которая встречает нас приятной прохладой, молимся на старинные иконы, рассматриваем старые фотографии на стенах родных и близких. Опускаемся на широченные избяные лавочки и переводим дух. А мои бабушка и тётя уж вовсю забегали, и по их бодрости совсем не верится, что ещё десять минут назад они плакали навзрыд. На их стареньком деревенском столе с давно облупившейся краской появляется чугунок с ещё горячим хлёбовом, второй чугунок - с лапшой на молоке. Солёные грибы разного калибра, сало да огурцы. Бабушка наставительно говорит тёте: «Дуняшка, они городские, им в тарелки надо разлаживать. Беги в амбар, принеси тарелок». Затем улыбается и обращается к нам: «Мы ведь прямо из цугунка с Дуняшкой хлебам». Усаживаемся за стол, достаю привезённый из Братска коньяк, слышу привычную реплику бабушки: «Дорогой, наверно, мне только хлебок». И все смеются. Хлебаем деревянными ложками суп, ими же молочную лапшу подцепляем. Смотрю на потрескавшуюся скатерку и вспоминаю, как маленький, сидя за этим столом, пил после бани чай с блюдечка, прикусывая наикрепчайшим квадратным куском сахара. Как и сейчас любуясь старинным тульским самоваром. На огонёк зашёл троюродный брал Слава с будущей женой. Посидели, выпили, толкуя о жизни, затем он подругу свою в Ардатов повёз. Легли спать, чувствую: ползёт по мне кто–то, гляжу огромный чёрный таракан, которых

помню ещё по детству. Бывало, встанешь ночью во двор, включишь свет, а ими, этими чёрными, аж весь пол усеян, да кошки за ними гоняются. А тут я растерялся да и вскрикнул, бабушка на это спокойно так: «Ну цо ит ты надумал орать–то. Это таракашки, у нас их коты ловют». Деревенское волшебное пробуждение бывает дважды. Первый раз, когда пастух, щёлкая кнутом, гонит по деревне стадо коров, коз и овец, но после этого быстро и засыпаешь, а через часок-другой и сам встаёшь, не спится долго в деревне. Богатырской силой природа там напитана и человека ею щедро наделяет. Потому как дух там особенный, многовековой, намоленный предками дух. Даже ноженьки Преподобного Светильника земли русской Серафима Саровского были в Лемети, всё детство об этом мне бабушка рассказывала. За завтраком бабушка смущённо так говорит: «Простите, может невкусно сготовлено. Ведь не так как в городе-то поди». Это она скорее перед Ириной робела. А на столе меж тем стоял чугунок с пшённой кашей на молоке, томившейся в русской печи, яички, утром вынутые ею из гнезда и сваренные вкрутую. Ещё один чугунок с пюре, сверху которого золотилась аппетитная корочка. Улыбаюсь, целую бабушку: «Ну что ты, всё очень вкусно», и, видя её не решительность, продолжаю: «Бабушка, Ира моя из рабоче-крестьянской семьи, чего ты». Смотрю, потеплела, и, как всегда, прозвучало её любимое выражение: « Съешьте яицко–то». Молодые оно и есть молодые, отправились по гостям. Едем на автобусе в Ардатов. На жене скромная шапочка, а я любуюсь, глядя на неё, и досыта не могу наглядеться. Она ведь уже моего старшего сына Виктора в себе носила. Телефонов тогда сотовых не было, был один стационарный и то в колхозной конторе, поэтому предупредить, что останемся у Сергея Козлова, к тому времени переехавшего из Братска в Ардатов, я не смог. Утром на своём новеньком «Днепре» привёз нас Сергей в деревню. Вышла навстречу бабушка и то поднимет кверху руки, то опустит: «А я думаю, что я маме твоей Насте писать стану, пропал ведь парень-то с молодой

женой». Прошло двадцать пять лет с той поры. Уже давно нет в живых моей дорогой бабулечки, но мне до сих пор стыдно, что я её не предупредил, хотя это было невозможно. Куда ни глянь на деревне – везде память и память. Самая дорогая на свете, твоя личная, отпущенная тебе и каждому человеку Богом, память. Помню, залезли мы с мальчишками по брусьям под самый купол давно не действующей старинной церкви. Сидим, любуемся окрест: кругом на великие русские дали деревень множество и поля, все засеянные, сколько зрения хватало, всё было засеяно. Теперь думаю об этом так, что это Боженька так всё чудно устроил, что мы под высоченный купол–то залезли, чтобы мы, зелёная поросль, лики святых на стенах храма лучше разглядели. В деревне нашей Лемети перед свадьбой идёт встреча родителей с той и другой стороны, но это у всех так, только называется у всех по-разному. А в нашей деревне это действо называлось «запой». Чудно, конечно, но факт. В этот раз троюродный брат Слава пригласил родителей невесты, которые жили в Ардатове, в свою деревню. Сидим с Ирой на «запое». Праздничный деревенский стол уставлен наипростейшей наивкуснейшей снедью: тут и зажаренное мясо баранины, свинины, картошка в огромном чугуне, окрошка в таком же чугуне, солёные рыжики, огурцы - это уж само собой, и, конечно, солёная селёдка и жареные караси. Из выпивки водка, тогда ещё действительно делавшаяся на зерне, самогон, брага, вино магазинное. Не было тогда западной отравы, да и китайской. Пишу же это не для таких, как я, а для молодёжи - со слабой надеждой, что прочтут. Ведь именно благодаря и нашей тогдашней еде, были многие поколения физически крепкие, прямо чудо-богатыри. Отвлёкся маленько, не утерпел, не сумел, стало быть, прыть душевную удержать, попросилась сердешная наружу. Сидим за столом, выпиваем, закусываем, о жизни толкуем. Вышли на улицу покурить, кто–то прямо на крыльце примостился, а кто и на лавочку сподобился. Потянулся папиросный да сигаретный дымок к небушку. Душа в такие моменты раскрывается, зна-

мо дело, поговорить желает. Разговаривают мужики, да и я чего–то поддакиваю, а сердце велит посмотреть через дорогу, где дом деревенского друга Вани Абрамова красуется. Отслужил парень в армии, устроился в колхозе шофёром, да вот горе: в аварию угодил, несколько лет с перебитой хребтиной в дому маялся, множество операций оказались безрезультатными. Делали их за счёт «Красного креста», мне уж после об этом рассказали. Весёлый, добрый парень был. По сю пору саднит в душе от таких дум. Но мне доподлинно известно, что семя после себя он оставил, и это хоть как–то давало оттяжку от навалившейся грусти. Так несколько раз выходили покурить, гляжу на старух, что меня встречали в старой одёжи, а тут на «запое» все в нарядных сарафанах сидят, раскраснелись, словно невестушки, запели старинные песни. Гляжу, и Ирина моя меньше робеть стала и уже вела беседу с деревенским людом. А я мыслями опять к старой одежде старух вернулся, я ведь в началето подумал, что бедно живут бабушки. А потом мою дурную голову озарило, ну не в новье же за скотиной-то догляд вести. Ведь каждая старуха на деревне - это такой уклад жизни, что тут рот шибко не разевай, а внимай, то бишь, внемли. Сижу с радостью несказанной, любуюсь на нарядных старух и вспоминаю, как первый отпуск на заводе зимой дали. После армии дело было, даже мысли для раздумий не было куда ехать, конечно, в Леметь милую. Ну и что, что зима, думаю, в деревне завсегда весело. Снова «ТУ-134» через пять часов из Братска доставил меня в Горький. И уже затемно весело съезжали мы на задницах с Серёгой Кувановым с горы и бегом бежали в деревню. На другой день иду в магазин, беру четыре «Пшеничной», а мне в нагрузку четыре килограмма селёдки взвешивают и говорят, что только так водку продадут. И стоимость селёдки, само собой, надо было оплачивать. Купил всё, а селёдку оставил. Продавщица, старательно открывшая новую деревянную бочку и убрав толстый начальный слой соли, широко открыв глаза, твердила: «Как же это, рыбу–то заберите». Я же, взяв только водку, по-

шёл к выходу. Старухи в очереди зашептали: «Богатый из Сибири приехал». А я молодой, зачем, думаю, мне эта соленющая селёдка. Прихожу в дом, а тёте Дуне уж кто–то доложил про мой оплаченный отказ от рыбы. Евдокия Андреевна, сидя на широченной избяной лавочке, спокойно рассуждала: «Взял бы, сынок, мы бы её в водицке-то отмоцили и поели ба, все ведь эдак–то делают». Но где мне тогда, городскому, эту приспособленность к деревенскому укладу жизни понять. Сварщиком работал, хорошо зарабатывал, а раз отпуск, купил себе в Ардатове командирские часы, лежу ночью на большущей железной кровати под мягким матрасом, да любуюсь светящимся фосфорным циферблатом. Не забывая глядеть в деревенское окно, через которое было видно яркое звёздное небо. Всё в молодости кажется волшебным и необычным, и действительно счастливы те люди, которые видят это действо в старости. На другой день баня у дяди Серёжи Куванова, соседа нашего. Вволю напарились, деревенские парни–то прямо железные, им ничего, а я вот, горемыка, угорел. Пошёл в дом, лёг на кровать, а немного спустя ребята уж кличут, пошли в клуб. Эх, и хотелось мне тогда в клуб, да вот беда, даже ногой не мог пошевелить - до чего плохо было. Бабушка с тётей бегают, крестятся: «Господи, уморили парня-то…» Посидели, поговорили, пора и честь знать, пошли с Ириной домой. На следующий день водил молодую жену в деревенский, бывший когда-то помещичий сад к пруду, где всё детство купались. А вспомнился почему-то Сашка Молодцов, ныне покойный. Уж больно бережно перед купанием он свои чёрные штаны укладывал. А мы, бывало, побросаем одежду как попало и в пруд. Пока жили в деревне, Ира моя платье для тёти Дуни сшила. Мы же с Евдокией Андреевной по хозяйству старались. Но пришла пора ехать теперь к Ириной бабушке Александре Фёдоровне и деду Семёну Осиповичу Вяльмискиным в Ижевск. Вышли проводить нас бабушка Татьяна Ивановна Куванова и тётя Дуня, плачут навзрыд. На этот раз нам повезло, дядя Володя Молодцов ехал на борто-

вой колхозной машине в Ардатов и нас с собой взял. Обнялись, помню, а бабушка опять за своё: «Простите, может, негоже кормили». Улыбаемся, снова плачем. И так было всегда, пока глаза видят уходящую машину с уезжающими родными, будут стоять их дорогие сердешные фигуры. А я то и дело буду высовывать свою башку и с навернувшейся слезой буду глядеть на них и твёрдо знать, что они машут вслед рукой, и махать в ответ из железной кабины, уже как пять или более минут их не видя. А в городе, спрятавшись за маской сварщика, буду вести сварочный шов и думать: «Когда же? Когда же?» По дороге поговорил с дядей Володей, крепкий он, шестерых ребятишек поднял. Было бы семеро, но однажды со старшим, самым первым сынишкой, ехали они по деревне. Дорогу всю расшабашило, а там спуск крутой в одном месте, занесло бортовуху, перевернулись. Сынишка погиб. Много лет всей деревней горевали об этом. Сидит дядя Володя, пятидесятипятилетний мужик, и говорит мне: «Дядя-то твой дядя Серёжа на пенсии уже. Мы ведь с ним погодки, но он, вишь, в Братске шоферил. А у нас здесь в шестьдесят на пенсион, но я, Толька, не жалею, что со своим друганом тогда не рванул в Братск. Да там заработки, понятно, но, думаю, куда бы я там с шестерыми–то, а тут корова, свиньи. Всех поднял, никто не в обиде». Жалел шибко дядя Ваня Сашку сына. Ибо в тюрьме из-за аварии он срок отбывал. На прощание сказал: «Передавай, Натолий, привет Серёге, другану моему. Скажи, пускай приезжает. Возьмём по бомбе и в сад, молодость вспомянем», - улыбнулся и поехал. Бомбой у нас в деревне называли большие, толстые бутылки красного вина, тогда ими были завалены все магазины. Сидим на автостанции Ардатова, ждём автобус. Да друг дружкой любуемся, на душе сказка и боль от разлуки с родными. И всё это уживается во мне, вот уж диво-дивное. Добираемся до Арзамаса, вечером сели в поезд и во второй половине дня оказываемся в славном городе Ижевске. Встречал нас родной Ирин дядя Пётр. Вяльмискиных дядей и тётей было восемь. Так что обязательно с

ночевой мы у всех и побывали. Тётя Аля, работавшая в санатории, рассказала нам, что неделю назад у них была София Ротару. «Так мы с нею ели жареную картошку со шпротами. Хорошая и добрая женщина», - говорила про знаменитую певицу Ирина тётя, которой певица подарок сделала. Но мне больше всего из её рассказа глянулось то, что именно со всеми ела картошку и шпроты. И вот, наконец, нас повезли в деревню Шабердино. Заехал за нами на «Москвиче» дядя Коля, хорошо запомнились его чёрные кучерявые волосы. Добрый, весёлый человек. Однажды, когда он возвращался домой, кто- то из встретившейся на его пути пьяной компании проломил ему голову. Убийца так и не был найден. Я же до сих пор вспоминаю, как он сильно любил своих родителей и детей. Почему–то запомнилось, как его жена, тётя Оля, когда мы ехали в деревню, везла с собою множество стеклянных бутылок сливок из магазина. И говорила, что её Коля любит сливки, да и старикам надо. А дядя Коля на это добавлял: «Вот дожили, из города в деревню молоко везём». Открыв большие ворота, встречать нас вышли высокий седой, крепко сложенный дед Семён Осипович и маленького росточка, но полненькая Александра Фёдоровна Вяльмискины. И, конечно, слёзы, но слёзы эти – слёзы радости, ибо приехала из далёкого Братска родная и навеки любимая внучка. Прошли в дом, достаю бутылку водки, привезённую из Братска, знамо дело, выпили. Врезался в память взгляд Семёна Осиповича, ибо очень зримо возникало в моей душе понимание, что такого человека, что бы я ни рассказывал о легендарном Братске, ничем не удивишь. Но водка она и есть водка, словом, разговорились. Вернулся он после ранения с Великой Отечественной и возглавил здешний колхоз, глаза пожилого человека заметно увлажнились: «Я ведь, Толик, всё одно, что на лобное место сам себя определил. Сам надрывал хребет, это ничего, да ведь и людей приходилось заставлять день и ночь работать. Обижались на меня за это земляки очень сильно. Матом меня почитай в каждом дому кастерили. Приедут власти, всё до

зёрнышка выгребут, а мы ведь неплохие урожаи зерна выращивали. Чего скрывать, боялся, что заберут да расстреляют. Мало ли такого было. Вот и приходилось зверем быть для своих же. Кто-то, конечно, и понимал мою упряжь, но большинство осуждало. Знаю, боялись меня, а я для них же зверем-то был почему, думаешь. Так как гонял шибко, то и урожаи были хорошие, ведь им и самим легше от этого жилось в плане еды. Насадим, к примеру, гороху, мальчишки полные рубахи наберут, домой тащат, похлёбку гороховую потом хлебают. Так же и со свеклой, другими посадками. Для вида я грозный-то был, иначе не удержать народ. Более пятнадцати лет я председателем был, а потом грамотного прислали. Мы вот фронту хлеб выращивали, неграмотными оказались. Обидно, Толя, мне. Сейчас как ветерану два килограмма мяса дают, зубов у меня, понятное дело, нет. Только бабка моя мясо это раз сварит, а внуков-то много, и нет его, этого дарованного мне от государства мяса. Думаешь другой раз: за что воевали? Нет, это понятно за что, за Отечество, только почему так–то всё. Я этих фильмов про войну смотреть не могу». При этих словах дед Семён мрачнел на глазах: «Дадут одну винтовку на семерых, и та без патронов, говорят: «Воюй». Конечно, отступали, попросту говоря, убегали. Когда стали вооружать, вот тогда-то и легче стало». Поговорили о жизни да спать улеглись. А утром я уже повнимательнее оглядел дедово хозяйство. В одной ограде с большими воротами стояло два дома. Один, как я позднее узнал, назывался старой избой, другой новой. Кто-то из дядек рассказал мне, что старый дом был куплен у лесника и низ его за многие лета только кое-где начал подгнивать, а вот у новой избы нижние брёвна погнили за двадцать лет. В тот уже далёкий субботний день вся огромная семья Вяльмискиных приехала садить картошку. И довелось мне впервой садить картофан не с помощью лопаты, а дедова коня породы «тяжеловес». Надел земли был большим, идёт впереди огромный конь тащит за собой плуг, управляют им то дядя Коля, то дядя Петя. Я город-

ской, мне простительно ошибаться, если что–то не так опишу, но после плуга получался ровно на пол-штыка лопаты ровный окопчик. Нам оставалось только равномерно закидывать картошку. Следующим заездом, понятное дело, появлялся новый окопчик, а другой засыпался. Помню, мне это дело шибко глянулось. Иду, картошку подкидываю, рассказываю, что у нас в Братске только лопатой и орудуешь. Ирины родственники надо мной смеются, а я и не стесняюсь. Гляжу на полянку, а там Ира моя с малыми детьми большого рода Вяльмискиных водится. И как же гоже у неё получается-то. Сидит на зелёной травке, а малые ребятишки вокруг неё ползают. Сказочная картина, но она была в моей жизни. И тут, как говорил Михаил Евдокимов, «даже не трепыхайся». Помню, прошли мы полос двадцать, а на улице жарко, с коня пот градом льёт, он, как и его хозяин, был старым. И опять же первый раз я видел, как сильно кони потеют. А ему уж по приказу деда ведро воды волокут. Наверно, меньше минуты прошло, а ведро воды уж выпито. За полдня и посадили мы всем гуртом картошку. Пока шла посадка, я то и дело глядел на Семёна Осиповича, у него была сильная одышка, передвигался с помощью клюки. Но почему–то мне казалось, что он важно, с каким–то достоинством обходит свои владения. И дядя Вася - ещё один Ирин дядя - словно чуя, о чём я думаю, заговорил: «Во, во, сейчас пока всё не обойдёт и всем задания не даст, не успокоится». Я пошёл в дом попить воды и удостоверился в правдивости слов дяди Васи. Дед Семён, как мне показалось, строго наказывал одним внукам сложить поленницу дров, другим сходить к колодцу за водой. Внучкам же велел покормить домашних уток и кур, затем подмести во дворе, да чтоб не забыли налить в корыто воды для гусей, которые лишь к вечеру приходили домой. Два внука, что складывали поленницу, говорили между собой, не скрывая ни от кого своих мыслей: «Дед-то гляди, задумался, сейчас новую работу найдёт». Дед стоял от них неподалёку и о чём–то думал. Одет он был в старенькую, давным-давно застиранную рубаху и такие

же старые штаны. Но в изработанном жизнью его организме зримо виделось и другое: его былая сила. Мне казалось, что если Семён Осипович рассердится, то он ещё в состоянии крепко отходить по заднему месту родимых внуков. Он, ещё казалось несколько секунд стоящий недвижимо, как памятник, вдруг резко встрепенулся: «Полешки закончите складывать, навоз в конюшне выгрести надо». И тут вполне понятно, почему внуки громко засмеялись. Бабушка моей любезной жены Александра Фёдоровна, как только мы закончили с картошкой, стала зазывать нас на пироги и шанежки. Уселось нас в общей сложности более двадцати только взрослых в тенёчке. Разложили деревенскую еду, гляжу: флягу тридцативосьмилитровую тащат дядьки Ирины. Поставили, а напомню это был тысяча девятьсот девяносто первый год, и с водкой было туго. Оказалось, что они поставили брагу. Едим горячие пироги с начинкой из утиных яиц, жирные они, по уголкам рта жир стекает, очень вкусно. Я впервые ел утиные яйца. За крепкой брагой родственники Ирины разговорились да перешли на удмуртский язык. Мы с Ирой сидим смотрим, чудно нам, конечно. Вдруг пришёл дядя Коля и громко так воскликнул: «Вы чего, к нам же Ира с Толиком приехали»? И вот диво так диво, как ни в чём не бывало все перешли на русский язык, и что самое главное - никто не обиделся на дядю Колю. Я грешным делом подумал: «Наверное, дяде Коле потом достанется, что он запрещает разговаривать на родном языке». И подошёл к тёте Ольге с этим вопросом, вторя, что, мол, разговаривайте на своём, а то дядя Коля из-за нас пострадает. Тётя Оля громко рассмеялась: «Да ты что, Толик, мы ведь Колю-то знаешь, как все любим. Да и прав он к тому же». Брага оказалась наикрепчайшей, и, съев три пирога с утиными яйцами, захотелось мне это дело утрамбовать, то бишь, размяться, пошёл походить по двору, смотрю - к забору приткнут мотоцикл «ИЖ», да как–то так заброшенно стоит. Оглядел, внешне вроде всё в порядке. Подошёл дядя Вася: «Эх, Толик, беда нам с этим «Ижжаком». Резко замолчал, и глаза его на-

полнились слезами, было видно, что говорить он дальше не мог. Тут и дядя Коля появился и, видя слёзы на глазах брата, всё сразу поняв, продолжил: «На этом мотоцикле нашего младшенького брата Сашку убили. Ехал ночью свой же деревенский пьяный, конечно, вот и сбил Сашу. Повезли в больницу, сделали операцию, и вроде легче ему стало, дали бульон ему там, а у него всё заново загнило. Оказалось, что в одном месте где–то кишки не зашили. Помню, пришли мы к нему, а он улыбается, радостный такой, а после вскоре умер. Жена его молодая беременной уж была. Вот тогда–то отец наш пошёл к этому убивцу и забрал мотоцикл. Почему так поступил, нам не понятно, мы на него глядеть не можем. Сколько раз отговаривали отца отдать эту, как вы русские говорите, окаянную железку, но отца разве своротишь». Подошёл дядя Петя, поначалу было спросил, что стоим, и предложил пойти выпить браги. Но видя, что дяде Коле стало тяжело говорить, продолжил речь братьев: «Был суд, дали убийце мало совсем, три года, по-моему. Папка наш почернел враз, неделю кое-как выдержал, сдал так сильно, что веришь, Толик, даже до туалета не мог из дома дойти, выйдет кое-как на крыльцо и прямо с него поливает. Конечно, бабам нашим это не нравилось, подтирали крыльцо, терпели, куда деваться, все Сашку жалели. Он ведь у нас самый младший был, а последний - он самый любимый. А тут вдруг и где силы-то взял, надел пиджак с орденами, медалями, поехал в Ижевск правду искать. Неделю или больше его не было. Где жил, в каких подворотнях спал, не знаем. К нам, трём сынам и трём дочкам, всё это время не показывался, у нас у всех квартиры в Ижевске, а попробуй разыщи. Он ведь в запарке зашибёт, не лезь, скажет. Вернулся ещё чернее, чем был. Стал и молчит. Неделю молчал. В субботу в баню сходил, выпил после два стакана водки кряду, разрыдался. Мы все сидим, боимся, хоть и взрослые, у самих дети по десять- пятнадцать лет. Но никогда мы не видели, чтобы отец плакал. Глядим, не верим, переглядываемся, а как не поверить, если плачет. И вот какое дело: вроде успо-

коить отца надо, да он не из таких пород сделан, пока сам не одыбает, никакая микстура не поможет. «Что это, - говорит, - за законы такие, сына младшего убили, а они ему так дали, это и не наказание вовсе. Я ведь на самый верх пробился, приняли всё честь по чести, а когда стал я им про свою жизнь рассказывать, они говорят, что жизнь, дед, изменилась, езжай, говорят, Семён Осипович, в свою деревню». Тут и дядя Петя замолчал, и мы пошли пить брагу, оказалось, что поставлена она была не только ради посадки картошки, а ещё и предстоящего завтрашнего дня. На следующий день поехали мы на автобусе к погосту, находился он довольно далеко. Там и увидели мы с Ирой Сашину могилку, жена не раз, когда ещё дружили, рассказывала, какой весёлый был её дядя. И когда пришло известие о его кончине, Ира моя плакала навзрыд. Мне доверили вкопать широкий столб, к нему сверху прибили заранее сколоченные струганые доски, словом, получился стол. Помянули, приехали домой, а там уж стол налажен. Весь день поминали Сашу, оказалось, что прошёл ровно год с момента его гибели. Столы накрывались несколько раз, потому как помянуть Сашу пришло очень много деревенских. Кавказцы, которые строили год назад в тех местах дорогу, сильно подружились с Сашей. И когда случилось горе, помогли с похоронами. Александра Фёдоровна вспоминала: « Бывало набегается, а уж после армии был, прибежит и ляжет рядом со мной. Мне, говорит, мама, с тобой лучше спится». Смотря на плачущую Ирину бабушку, я всё думал, а как же Сашина жена–то горе перемогла. Лишь по прошествии лет узнал, что родила она сына, и парень, когда подрос, до самой смерти стариков бегал к ним. Обликом мальчишка был как две капли воды похож на отца. К вечеру все стали разъезжаться, и, проводив огромную родню, сели мы с Ирой вечером на лавочку, и она говорит: «А знаешь, мою маму зовут Александра Фёдоровна Вяльмискина и бабушку мою точно так же. Когда мама понесла на почту письмо, почтальонша ей и говорит: «Вы что, женщина, ненормальная, сами себе письма пишете». По-

веселели немного с женой, именно это вдруг нечаянно вспомнившееся, что–то доброе, и спасает нас. А наутро подводит Семён Осипович ко мне своего огромного коня. Конь был и вправду большущим, стоит всхрапывает. Такой широкой кости в ногах мне и видеть–то никогда не доводилось. Стоит дед с Ирой моей, да так хитро на меня глядят, осталось подождать, когда Семён Осипович скажет: «Ну, сможешь запрыгнуть на него?» Я понимал, что не запрыгну, но понимал и другое, как же перед женою–то спасую. Набираю полную грудь воздуха, подгибаю ноги, напрягаюсь и прыгаю. Попытка моя была таковою, что даже до седла коня не допрыгнул. Разозлился я и делаю вторую попытку, оказалось ещё смешнее, я прыгнул, а конь быстро отошёл, и растянувшись во весь рост слышу, как хохочет дед с внучкой. Вскоре и дед с бабкой заспорили, Александра Фёдоровна советовала, на сколько поднять ворота, чтобы гусям было сподручней заходить во двор. Дед на это парировал так: «Я же не учу тебя, как кашу варить». Настал день отъезда. Семён Осипович и Александра Фёдоровна сели на лавочку и плачут, а моя Ирина говорит: «Вот всегда так, Толик», - и вздыхает. И опять эти сердешные фигуры будут махать нам вслед рукой, уже не видя нас. А мы, тогда ещё молодые, будем дольше видеть их... Много позже моя мама два раза возила моего сына Виктора в Леметь. У неё хоть пенсия была, вот и скопила. Нам тогда зарплату не платили. И спасибо огромное маме, что возила. Рассказывали спустя много лет мне деревенские старухи: «Ох, и сын у тебя, всё вызнавал, где яблоки в саду растут, где рыба ловится». Любил бегать в деревенский магазин за хлебом, ведь помимо хлеба ему давали на лимонад. Так что сын мой видел мою бабушку Татьяну Ивановну. Всё удивлялся их простоте, когда приезжал из деревни, оживленно рассказывал мне: «Папа, бабушка наша с тётей Дуней такие простые, деньги прямо в стол кладут и называют стол столешницей почему–то, ведь зайдёт кто-нибудь и украсть может деньги–то». Отвечаю сыну, что когда я был маленький, было то же самое. А млад-

шего моего Серёжку возила в Ижевск Ирина тоже много позже, когда стали платить зарплату. Дяди Коли, дяди Пети и деда Семёна Осиповича к тому времени уже не было в живых, а вот с бабушкой Александрой Фёдоровной мой сын картошку копал, о чём имеется фото. В селе Лемети, когда началось строительство Братской ГЭС, многие уехали на строительство, и в Братске живёт много леметских, и они правда замечательные люди. Сколько уж поумирало, но, слава Богу, их дети, внуки живут. Я всегда - и раньше и сейчас - радуюсь, что у нас с женой было деревенское детство - это очень меняет характер человека. По сей день греет меня, грешного человека, мысль о том, что не на юга, хоть и были деньги, мы поехали с женой, а в деревеньки наши родненькие. Знаю, что у многих такое было, и это всё есть великая человеческая радость...

Ангел ручной работы

На днях зайдя в храм Преображения Господня, я попал на представление – спектакль, поставленный детьми воскресной школы. Школа эта при храме существует уже восемнадцатый год, и к серьезному театральному действу здесь обратились не впервые. Но отличие нынешней премьеры - «Сказка о солнечном лучике и добрых насекомых» - состояло в том, что спектакль сначала был представлен в Иркутске на Пасхальном театральном фестивале. Как это происходило, рассказала Нина Николаевна Терентьева, учитель, работающая с детьми воскресной школы более десяти лет:

- Поездка в Иркутск со своим спектаклем - это, конечно же, результат многолетней работы. Сначала были отправлены работы на электронных носителях, и в Иркутске они очень понравилась. Но когда нас пригласили на Пасхальный фестиваль, мы не знали радоваться или плакать. Дело в том, что поездка в Иркутск требовала немалых денежных средств, и как мы, взрослые, ни старались собрать их (давали объявления, беседовали с людьми), денег не хватало…

Сбором средств занималась педагог воскресной школы Елена Никандровна Григорьева. Последний взнос внесли бывшие воспитанники воскресной школы, которым уже за тридцать. Но и этого не хватало. Тогда, попросив за нее молиться, Елена Никандровна пошла в приемную депутата Заксобрания Андрея Чернышёва в Осиновке. Она договаривалась на встречу с помощником депутата, и каково же было её удивление, когда навстречу вышел сам Андрей Владимирович. Выслушал её и тут же распорядился помочь…

Ну, а дальше началась сказка, о которой так долго грезили наши детишки.

На участие в фестивале поступили заявки от 15 театральных коллективов. Отобрано было десять. Главным критерием в отборе было качество. Коллективы, которые не вошли в программу фестиваля, были приглашены на него как зрители, и к ним отнеслись с должным вниманием и заботой. Так, Российский Детский фонд организовал для них питание и подарки.

Если раньше в основе репертуара Пасхального театрального фестиваля были библейские сюжеты, то теперь акцент был смещен в сторону общечеловеческих ценностей – таких, как доброта, преданность, верность, честность. И только благодаря этому спектакль «Сказка о солнечном лучике и добрых насекомых» вошел в репертуар фестиваля.

Отправляясь в Иркутск, педагоги воскресной школы ставили перед собой несколько целей, и одна из них, может быть, главная - паломничество к мощам Иннокентия Иркутского, покровителя правобережной воскресной школы. И педагоги, и дети каждую секунду чувствовали его защиту и заботу.

В поездке учащихся воскресной школы сопровождал прихожанин храма Преображения Господня Сергей Петрович Нефёдов – его дети участвовали в спектакле. На протяжении многих лет этот человек работает пожарным по тушению лесов, и совсем не случайно Нина Николаевна в дороге заметила: «С таким можно ехать хоть куда, настоящий мужик». Закупка продуктов, тяжеленые рюкзаки, дисциплина и от-

ветственность за шестнадцать человек - всё это легло на плечи Сергея Петровича и дьякона Александра Ступина. Всё было организовано по-деловому. Дети удивительным образом почувствовали, что такое коллектив, и оказывали особое внимание друг другу, проявляя простую человеческую доброту. У каждого свой характер, но это путешествие, по признанию педагогов, сделало их более уживчивыми и способствовало творческому росту. Исполнительница роли Лучика – Света Шамова весь спектакль держала на себе. Жука играл Андрей Кривец, его сестрёнка Ира играла Тучку. Юля Нефёдова – Пчелку, Настя Слепнёва – Муравья. Пьеса Светланы Рыбаковой написана в прозе, но педагог воскресной школы Людмила Семёновна Московских на этой основе написала стихотворный спектакль, придав ему своё видение и направление. Все восемнадцать лет, что существует школа, Людмила Семёновна пишет стихи, и каждый год получается новый спектакль. Музыкальную часть спектакля обеспечили Нина Николаевна Терентьева с сыном Егором, а старший её сын Илья снимал всё на видео и отсылал отснятое в Иркутск.

Зрителями спектакля на Пасхальном фестивале стали более двухсот детей-инвалидов и брошенных детей. Спектакль всем понравился, и артистам из Братска подарили Ангела ручной работы.

Фестиваль продолжался три дня. Юные артисты и педагоги посетили храмы, отстояли литургию, и специально для них была открыта рака с мощами Иннокентия Иркутского. Чтобы искупаться в святом источнике, потребовалась определенная храбрость. По признанию детей, вода была очень холодной, но почему- то было совсем не страшно. А вот педагог воскресной школы Лариса Ильинична Свириденко под впечатлением от всего увиденного и пережитого заговорила стихами: «Если это всё собрать, то будет Божья благодать». И почти всем на ум приходили следующие слова: «Да не оскудеет рука дающего». Тем более что с благословения митрополита

Иркутского и Ангарского Вадима такие Пасхальные фестивали станут теперь ежегодными.

Не знаю, есть ли в том заслуга воспитанников воскресной школы храма Преображения Господня, только «Эхо Пасхального фестиваля» по инициативе Братской епархии в этом году пройдет в Братске. Будем ждать.

ОДИНОКИЕ ГВОЗДИКИ

Передо мной лежат две книги ветеранов Великой Отечественной войны Михаила Афанасьевича Рыбкина «Не забыть, не разлюбить» и Александра Ивановича Сальникова «Друг мой песня». Всякий раз, когда открываю эти книжки, невольно думаю: как же мне повезло, что я знал этих людей, дружил с ними. Михаил Афанасьевич Рыбкин был участником народного хора «Русское поле», в котором и я пою, и мы так часто виделись, говорили, что когда его не стало, я просто не поверил в это. В смерть трудно поверить. Как это возможно: вчера человек ходил, смеялся, переживал за что-то, а сегодня его нет – ни его шагов, ни смеха, ни чувств? И слава Богу, что один человек придумал такую штуку, как книга, а другой не поленился и написал её, обессмертив свои шаги, смех и переживания.

Михаил Афанасьевич

Вспоминаю такой случай: на одном из наших выступлений работники клуба «Транспортный строитель» дают нам, участникам хора, задание свернуть шинель, как это делали летом солдаты на войне. Многие, конечно же, видели в старых фильмах: идёт солдат, а на нём наискосок словно спасательный круг надет. Так вот, стоит нас несколько мужиков, и никто не знает, что делать. Смущаемся, конечно. Что же мы не защитники, что ли? Михаил Афанасьевич и тот не с первой попытки вспомнил этот солдатский навык. Покрутив шинель так и сяк, признался:

- Я и на войне-то это делать не любил…

Человек он был очень совестливый. Хоть и прошёл горнило адской войны, никогда ни на кого не повышал голос. Сейчас я думаю: он лечил нас своею добротой, своей искренностью. И книга его как бы подтверждает мои догадки. «Я столько раз спрашивал себя – а надо ли об этом писать? И – зачем? Ведь это личное, - обращается он к читателю в предисловии. - Но... разве не из таких же, как моя, жизней соткана наша родина? И не в них ли содержится ответ на волнующий человечество вопрос: почему мы победили во второй мировой войне»?

Михаил Афанасьевич описывает своё детство, войну и послевоенную жизнь: «Деревня моя Степново, как и многие сибирские островные, была небольшой – 35-38 дворов. От дедушки, Алексея Григорьевича, тяти, досталось мне в наследство два дробовых ружья восьмого калибра и тридцать второго (заряжались через ствол, шомполами уплотнялись пыжи в стволе, были они с наружным бойком под пистон, по которому при спуске курка бил во время стрельбы затвор). Порох в стволе воспламенялся и затем, следом мгновенный выстрел по цели».

Такие познания были у Михаила Афанасьевича в десятилетнем возрасте. Я помню, задал ему вопрос: «Не потому ли немец проиграл сражение под Москвой, что такие вот сибирские молодцы там сражались?». Он, лишь слегка улыбнувшись, ответил: « Страшно там было, когда вернулся весной домой, Ангара уж трогалась. Бегу по ней, маму хотел обнять. А ведь запросто и погибнуть мог».

Прошло несколько лет, как ушёл из земной жизни солдат. Но захожу в правобережный совет ветеранов, вижу на почётном месте книгу Михаила Афанасьевича и радуюсь, что люди её читают.

Александр Иванович

Рядом другая книга – «Друг мой песня» Александра Ивановича Сальникова. Познакомились мы с ним на одном из смотров художественной самодеятельности завода отопи-

тельного оборудования и как-то сразу сдружились. Наверное, по-другому и быть не могло - он всем был открыт. Десятки совместных концертов. Он подыгрывал на аккордеоне заводским артистам, сочинял свои песни и замечательно пел их под гитару. Выступал на различных городских песенных конкурсах, много раз был их победителем.

Александр Иванович частенько зазывал меня попить чаюку, а то и сто граммов наливал. Рассказать ему было что. Вот лишь один из эпизодов его военной биографии. 1943 год. Александр, только что окончив водительские курсы, пригнал две полуторки из Горького в Москву и был направлен в 309-й минометный полк «Катюш», сформированный на базе 302-го полка, почти полностью разбитого на Калининском направлении, - осталась одна машина и несколько солдат. Новоиспеченный полк бросили в самое пекло – под Прохоровку, и все бы обошлось, если бы после кратковременного отхода советских войск, на территории, оккупированной врагом, не оказался по какой-то нелепости склад с боеприпасами для «Катюш». Поднялась паника: секретное оружие в тылу врага! Вывести боеприпасы из-под носа у немцев поручили водителям-комсомольцам, среди которых оказался и Сальников. Дорога была знакомой – по ней отступали. Но это была уже другая дорога: из-за трупов невозможно было проехать, и приходилось оттаскивать мертвых к обочине. Немцы, русские. Лошади. То тут, то там встречались предупредительные надписи «Minen», и другой дороги не было. До склада, тем не менее, доехали незаметно, без приключений и приступили к погрузке. Обратный путь, как ни странно, был не менее тернист – дорога снова была усыпана трупами и железом, будто убиенные, очнувшись, сползлись с обочин…

Но рассказывал он мне не только о войне. На одной из наших посиделок Александр Иванович вспомнил, как однажды ехал в автобусе и услышал разговор молодых людей, что, дескать, если бы фашисты нас победили, то мы бы давно настоящее баварское пиво пили и ели сосиски. Он, старый солдат,

заплакал и вышел на первой же остановке, чтобы не слышать этих парней, не видеть их, а когда пришёл домой, написал песню «Ветераны». И были в ней такие строчки: «Пусть заглохнут горлопаны. Ведь заслуженно награды нам даны». От расстроенных чувств, конечно, написал, но поскольку человек он был отходчивый, то вскорости смягчился и убрал эти слова из песни. Я долго уговаривал его не переделывать песню: пусть, мол, правда-матка торжествует, и в памяти почему-то всплывал фильм Михаила Рома «Обыкновенный фашизм», - фильм начинается с того, как из человеческой кожи делали перчатки.

Не уговорил. И сейчас понимаю: правильно он сделал. Александр Иванович, как человек мудрый, прошедший войну, даже в мелочах не хотел никаких раздоров. Жестокость порождает жестокость, нападки – встречную агрессию. Да и в конце-то концов, песня-то не о «горлопанах», а о людях совсем другой пробы. Вот послушайте, как ладно получилось:

Ветераны, ветераны,
Пусть не ноют ваши раны,
Иногда чтоб вместе встретиться могли.
Удостоенные славы
Живут скромно ветераны,
И заслуженно награды вам даны.
Удостоенные славы,
Чем гордятся ветераны?
Вы от ига нашу Родину спасли.

Чуть позже появилась книга песен Александра Ивановича, и, читая её, я вновь отметил про себя её миролюбивый тон. Александр Иванович находит что-то положительное даже там, где всё плохо. Вот, к примеру, он пишет о заводе отопительного оборудования, где мы оба работали. Чуть ли не послевоенная разруха (все продали и растащили), но: «И пусть знают деловые, Всем смертям назло мы поживём». А ещё есть рыбалка, дача, любовь – и ради этого тоже стоит жить…

Восемнадцатого апреля нынешнего года в центральной го-

родской библиотеке проходил конкурс авторской песни «Братская лира». Были представлены различные направления – от афганской темы до Бориса Гребенщикова - но победила песня Александра Ивановича «Ветераны». Дорогого мне человека не стало осенью прошлого года, но присутствуя на этом конкурсе, я шептал: « Вот и ещё одна твоя победа, друг»…

Герман Тимофеевич

Ни у каждого из тех, кто ушел, осталась своя книга, но те ветераны, кого я знал, были настолько замечательные люди, что мне до сих пор кажется: они живы. Захожу в совет ветеранов и удивляюсь, почему мне навстречу не выходит немного сутуловатый, но с крепким рукопожатием Герман Тимофеевич Иванов, всегда одетый так словно через минуту ему выступать за концертным роялем. Ему было 84, а он заведовал в Центре ветеранов жилищно-бытовой комиссией и, не получая за это ни копейки, с утра до вечера был занят дележкой тех малых материальных благ, что иногда доставались старикам от власти. Иногда он жаловался мне, что устал от человеческих слабостей - жадности, скаредности, лжи. Всю жизнь обучал детей музыке, а на старость лет пришлось делить, кроить, выгадывать. Не для себя – для других, но от этого нелегче.

- Зачем людям золото? – сам себя спрашивал Герман Тимофеевич. – Мне вот даром не надо. Никогда ничего не просил. Работал в музыкальной школе - дали квартиру в деревянном двухэтажном доме, и был рад. Потом директор говорит: «Пиши заявление на новую квартиру». – «Зачем?». Но заставил-таки написать - дали квартиру в девятиэтажном доме. Сейчас меня снова заставляют писать заявление – на расширение жилплощади…

Однажды накануне 9-го мая наших ветеранов пригласили выступить в концертном зале Братск- арта. Герман Тимофеевич тогда сетовал:

- Руки уже не те… Память еще хорошая, по нотам, как прежде, могу играть, хоть и плохо вижу, а вот пальцы не бегают.

Один раз придавило их дверью в гараже, второй раз шел на дачу, упал – и снова повредил их…

Промолчал, что во время войны был механиком-водителем танка Т-34, а его рычагам требовались крепкие пальцы. Василий Александрович Скробот, тогда председатель Правобережного Совета ветеранов и инициатор всех «песенных» начинаний, посмотрел перед началом конкурса на руки Германа Тимофеевича и засомневался: да разве можно с такими руками играть?

Но, как говорится, назвался груздем - полезай в кузов. И вот Герман Тимофеевич, профессиональный музыкант в прошлом, немного шаркая туфлями, подходит к пианино, вытягивает свои побитые пальцы и происходит чудо – «Чардаш» Монти. Когда Герман Тимофеевич спустился со сцены (зал рукоплескал), то заметил, что Скробот, сидевший в первых рядах, вытирает глаза платочком: «Я подхожу, а он плачет».

- Я и не представлял, что ты так играешь. Так…

Скробот не нашел нужных слов.

Иван Иванович

Следующим вышел на сцену Иван Иванович Исаков, тогда самый старый из «действующих» ветеранов Правобережья (ему 87 стукнуло), и хоть об этом не было заявлено в программе концерта, выразительно, с душой прочитал несколько глав из «Василия Тёркина». Зал долго аплодировал.

Иван Иванович только что вышел из больницы, на ногах неуверенно держался, но как читал! Да и пел он замечательно – в ветеранском хоре его голос звучал особой мощью. Иван Иванович, учитель от Бога (на протяжении многих лет он был директором школы № 15), но мало кто знал о его фронтовых подвигах. Помню его рассказы (будто анекдот травил) о том, как брали «языка»:

- Уже вечерело, когда меня и еще трех сослуживцев вызвали в землянку начальника разведки. «Знакомьтесь, товарищи, - разведчик кивнул на человека в штатском (плащ, в руке

кепка). – Ваша задача – проводить его за линию фронта». За полночь выдвинулись. Я знал только один участок, не пристреленный немцами, - низинка, ручеёк. Там и прошли не замечено, а на обратном пути столкнулись с немцами – около 11 отрядов, человек по тридцать в каждом. Залегли, едва сдерживая дыхание, и вдруг – вот удача: двое на шоссе – санинструктор и бедолага-фриц, стёрший ногу. Берём их. Ротный на радостях, что привели двух «языков», пообещал всех четверых представить к ордену «Красной звезды», но получили медали. «Нет, ребята, я не гордый, не заглядывая вдаль, так скажу: «Зачем мне орден – я согласен на медаль»…

Орден «Красной звезды» Исаков получит в мае 1945-го в Померании, когда один возьмет сразу трех «языков»…

В Братске Ивана Ивановича любили за совестливую душу. Как-то его спросили: «Где работаешь»?

- На БАМе, - не задумываясь, ответил ветеран.

- Как на БАМЕ, ведь он уже построен?

- Для кого-то построен, а для нас всё строится. БАМ – это больница, аптека, магазин. Всё то, чем занимается совет ветеранов. Хоть как-то, но надо помогать людям…

Однажды на встрече с председателем Совета ветеранов города Александром Елохиным Иван Иванович с волнением в голосе спросил:

- Почему и до каких пор будет такой бардак? Мы идём на день Великой победы, а знамён с изображением Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова нет?

На этот вопрос Иван Иванович так и не получит ясного ответа.

Екатерина Александровна

Иван Иванович Исаков, Александр Иванович Сальников, Герман Тимофеевич Иванов пели в хоре «Ветеран», и было это всего-то четыре года назад. Как-то после выступления в городе ветеранам подарили по гвоздичке. Едем мы в автобусе,

а они бережно держат по цветку в руках и совсем не шуточно переживают, что до Правого ещё далеко, а их цветку нужна вода. Для них, ветеранов, такой «водой» было общение, внимание людей…

Совсем недавно ушел из жизни еще один участник ветеранского хора – Екатерина Александровна Батманова. В 2010 году в газете «Сибирский характер» вышла большая статья о ней, где говорилось, что за три года войны медсестра Екатерина Утюпина (Батманова) спасла десятки раненных бойцов: «Раненые на подвесных койках стонут, корчатся. Под Киевом, Дарницу еще не проехали, шесть «Мессершмиттов» налетели. Хочется бежать, но куда – раненых не бросишь, с ними погибай – таков закон. Бомбы словно в ушах взрываются, выкинули «зажигалки» - иголки собирай, светло, как в аду. Паровоз потянул куда-то на запасные пути. Полковник – взяли под Киевом - с полки ноги свесил и что-то орет. Катя, Маша и санитар (пятидесятилетний мужик) ухватили его под ручки – хоть привязывай. У полковника полчерепа нет, ближе к темени – пластиглазовая вставка, видно, как мозг шевелится, и «водичка» бежит по нему…

В обычное время полковник спокойный, но нет-нет и накатит. В 13-ом вагоне – это её вагон – лежит Нина-летчица. Без ног. Отец у нее генерал, мама – полковник медицинской службы, но Нинка домой не хочет:

- Зачем? Разве я встречу парня?

Катя ночью проснулась – летчицы нет. Побежала в тамбур. Нинка уже дверь открыла и вот-вот выбросится в степь. Катя ее схватила:

- Дура, что ты делаешь!.. И парня, может, найдешь, и дети будут. Знаешь, сколько таких, – полфронта».

А вот выписка из служебной характеристики Екатерины Александровны: «За время нахождения на службе в ВСП (военно-санитарный поезд – авт.) № 338 вполне оправдала доверие… Вагон с тяжелоранеными, обслуживаемый ею, всегда

находился в образцовом порядке… Отличалась исключительно чутким, умелым подходом к раненым. За отличную работу девять раз отмечалась благодарностью в приказе… Имела тяжелую контузию и легкое ранение…».

Но до чего же это был скромный человек. В хоре она почему-то всем дарила шоколадки. Или принесет с собою большую кастрюлю горячих домашних пельменей и созывает всех отобедать. Мне, кажется, тем самым хотела хоть немного, но поднять настроение человеку, порадовать его. После публикации в газете, в аккурат на день Победы, идем мы с ней возложить цветы к обелиску. Вдруг к нам подходит женщина средних лет с внучкой и говорит, что читала о ней, и внучка дарит ветерану огромного размера шар. Екатерина Александровна сунула руку в карман, видимо, за шоколадкой, но её там не оказалось – всё раздала. Смутившись, сказала мне:

- Пойдем, выпьем сто грамм фронтовых…

Я пошёл с ней и, провожая после солдатской каши и фронтовых ста грамм, запомнил её улыбку и шарик в руках…

* * *

Хора «Ветеран» сегодня нет. Но мы, те, кто живы, часто вспоминаем его. Звоню в Иркутск Василию Александровичу Скроботу - и он непременно спрашивает, как поживают Нина Ивановна Зиновченко, Владимир Георгиевич Гусев, Владимир Павлович Дерюга, Галина Ивановна Романова, Зинаида Ивановна Донина, Зоя Михайловна Хомич, Людмила Сергеевна Колоколова и другие участники хора. А иногда, когда выбираюсь на рынок, встречаю там двух друзей-ветеранов Великой Отечественной - Александра Ильича Торченюка и Дмитрия АксентьевичаЯщука, тоже участников нашего хора. Забавно наблюдать, как они подшучивают друг над другом. Даже у торговцев поднимается настроение...

Жизнь не понарошку

«Жили понарошку», – сказали мне одни древние старики, прожившие вместе почти шестьдесят лет. У них до глубокой старости сохранилось в душе весёлое отношение к жизни. Они и выдержали своей непростой жизнью одну из главных заповедей Христовых: «неунывай».

Но мысли снова и снова уносили в прошлое. А что мы без прошлого? Труха. Только прошлое даёт силы как-то сопротивляться. Но, слава Богу, и в настоящем есть много хорошего, и спаси нас всех, Создатель, и сохрани.

Пожалуй, надо начинать писать о своём посёлке Гидростроитель. А если что не так, простите, ибо именно так сказывали старые русские люди....

По заснеженной улице брела пожилая женщина, её старенькое пальтишко было расстёгнутым, потому как пуговицы выдрал с корнем внук Егор. Идя по этим казавшимся ранее таким дорогим улицам, где в прошлом шли колонны рабочих и служащих, она видела совершенно отчётливую картину. Огромные транспаранты, слышала весёлые разговоры. Анна Петровна Верхоглядова на ту пору бывшая совсем молодой, не ведала ни о чём плохом. Теперь муж Иван Севастьянович лежит вместе с дочерью на погосте. Кладбища в девяностые годы росли как на дрожжах. Хотя такое сравнение совершенно и не к месту, но что поделаешь, ежели втемяшилась в голову такая мысль. Их родной завод отопительного оборудования остановился, и сколько бы об этом ни говорили хитрые и изворотливые чинуши о том, что это не причина, чтобы пить, утверждаю на собственном опыте: причина очень весомая, ибо человек, никогда даже во сне не мог представить себе, что он останется без работы. Парадоксы шли за парадоксами. Котельные установки были нужны всей стране,и отопительные радиаторы шли нарасхват. Но бюджет в нашей стране утверждали поздно. Пишу же это для того, чтобы заткнуть рот тем умникам, которые утверждают, что надо выпускать

нужную продукцию. А предприятие разваливалось, мужики спивались моментально, пили и женщины по-чёрному.

Спился её сердешный муж, спилась и дочка. Убрались на погост. Внук, не понятно от кого рожденный, имел тогда возраст два года. Всё, что нажили, вынесли из дома на пропой её родные муж и дочь. Но выручило Анну то, что в Сибири пенсию начинают платить с пятидесяти лет. Половину садиков в посёлке закрыли и разворовали. И она, купив в храме икону, молила Бога за то, что получает пенсию. После оплаты за квартиру и свет шла на рынок, покупала голые кости и из них варила внуку суп.

Из Сибири, уезжала тьма народу, дачные кооперативы теперь имели много заброшенных участков. И Анна рискнула, купила дачу, отдав за неё две пенсии. Занимая и унижаясь добыла три ведра семенной картошки, посадила. Ей повезло: осенью накопала двадцать мешков крупной и два мелкой. Радовалась, словно малое дитя, этому. Сначала чистила мелкую, её хватило на целый месяц. Рассказывала внуку сказки про «Диво-дивное» и уверенно говорила: «Теперь, Егорушка, с голоду даст Бог не помрём». Хранила картошку в дачном домике, там был вырыт прежними хозяевами большой подвал. От посёлка до кооператива было десять километров пути. Но Господь давал ей сердешной силы. Так, как Анна, в Сибири жили многие, а многие и того хуже, ибо у неё была пенсия от государства. Придя под Новый год на свою дачу, сразу опустилась на землю. Её крошечному маленькому счастью пришёл конец. В подвале воры не оставили ни одной картофелины. Поднялось давление, и она бухнулась прямо в домике и пролежала какое-то время. В этот район ходил автобус, но денег на билет не было. И Анна доплелась до дому лишь к вечеру. Егорка обрадованно обнял бабушку, а та плача только и твердила: «Вот и поели мы с тобой картошечку». На макаронах и куриных кубиках зиждилась теперь их жизнь.

Нет, не все жили, как она. Те, у кого не спились мужья, жили хорошо, ибо получали две пенсии. Да и то сказать, му-

жик в доме, если не пьёт водку, - это уже женское счастье. Предприниматели воровали лес со страшной силой, открывали шикарные магазины. Обманывали на каждом шагу молоденьких и немолоденьких продавцов. Продавались наркотики, «катаный» незаконно спирт. Духовно нравственная составляющая посёлка была ниже нуля. Люди просто выживали кто как мог. Так выживала и Анна с внуком Егоркой. Квартплата повышалась, за свет тоже немало платила, а ведь рядом стояла великая Братская ГЭС. И жители Братска хорошо помнили, что у них была плата за свет всего две копейки, по стране же четыре. Но жизнь есть жизнь, и это всё в прошлом.

Егоркина бабушка посадила картошку и в этом году, твёрдо решив, увезти весь урожай домой, всё рассчитав совершенно правильно. И по осени сумками, конечно же пешом, целый месяц перетаскивала урожай. На этот раз выросли у неё большие кабачки, крупная морковь, свекла. И она опять молила Бога, но не за себя, а за бывших хозяев дачи, ибо они до того как уехать из Братска, очень хорошо удобрили огород, вывалив на него две машины коровяка. Хозяева жили себе в тёплых краях нашей родины и не ведали, что у них есть свой молитвенник.

Анна наняла сантехника, и он в одной комнате отключил отопление. Там она и хранила свой воистину драгоценный урожай. А зимой, когда в комнате было ближе к нулю градусов, открывала дверь в тёплую комнату. В квартире становилось заметно холодней, и Анна, одев на внука пальтишко, говорила ему: «А на войне тяжельше было людям, мне тятя мой рассказывал. А мы-точё ещё ничего, терпимо. Вода изкрана наша Ангарская течёт. Мы с тобой суп с голых костей варим, чай индийский с сахаром пьём. А ведь в мире, внучек, запасы пресной воды совсем истощены». Внук обнимал свою бабушку, и одетые одна в старенькое, другой в новое пальто, родные люди продолжали беседу. Год шёл за годом, и вот Егорке исполнилось семь лет. Знакомые,видя как она изо всех сил тянется, чтобы поднять внука, давали ей свою поношенную, но

довольно добротную одежду. И к школе её сердешный внук был одет не хуже других. И большей радости в этот день для Анны не существовало. Она, глядя на солнышко и в голубое небо, закрыв лицо платком, скрывала свои слёзы. В этот день на их столе был большой торт, и давно заслуженный праздник в их маленькой семье случился.

Теперь на даче у бабушки появился настоящий помощник. На шести сотках земли копошились два человека, и это радовало соседей. Пока Егор учился в школе, бабушке, как и всем родителям, пришлось пережить многое. Здесь шустрые ребята отбирали деньги, и её внука это тоже коснулось.

На почти неработавшем ныне заводе работал спорткомплекс «Олимпия». Бабушка настояла, и внук стал заниматься греко-римской борьбой. Соревнования, награды – всё шло хорошо, но многие его одногодки рано пристрастились к спиртному, не избежал этого и Егор. И теперь, идя по занесённой снегом улице, она шла и искала свою кровиночку. Проходивши так пол – ночи, пошла домой, и измученная поисками, переступила порог своей квартиры, не разуваясь прошла на кухню и напилась воды из - под крана. И только после этого заметила висящую на вешалке кожаную куртку, на которую откладывала с пенсии целый год. Опустилась на табурет и,немного придя в себя, вошла в комнату. Егор спал в одежде, перегаром разило на всю квартиру. Анна накинула на внука верблюжье одеяло и пошла на кухню. Так на кухне и просидела до утра. Нет, она не плакала, она думала о жизни, но в её поведении едва уловимо что-то менялось. Лицо обрело уверенность, она готовилась к разговору с внуком. Боялась только одного, что перегорит решимость, и тогда она конечно же сбавит обороты. Егора разбудил будильник, который он, даже будучи пьяным, завёл. И в семь утра, зайдя на кухню и увидя бабушку, удивлённо произнёс: «Ты чё, баб, не спишь?». Сам же жадно присосался к водопроводному старому крану. Утолив жажду, пошёл было одеваться, но Анна властно велела сесть рядом. Бабушка и внук посмотрели в глаза друг другу,

и Анна спокойным, ровным уверенным голосом заговорила: «Как я тебя, Егор, растила ты знаешь, а ты вчера помнишь, что сделал, ответь». Егор, подняв на бабушку глаза, что-то пытаясь вспомнить, но так ни до чего и не додумавшись, буркнул себе под нос: «Нет, ничего не помню». Анна, не сводя глаз с внука, продолжала, и в душе даже дивилась своей уверенности: «Ты вчера вечером ввалился пьяным со своими друзьями, денег на выпивку просил. Я не дала, а ты все пуговицы на моём пальто с корнем вырвал». Слёзы покатились из глаз, но она ещё держалась и продолжала: «Помнишь, Егорка, как мы с тобою картошку-то сохраняли, обои в польтах сидим, а ты сказки слушаешь. Теперь вот пьёшь. Я тебе на жалость давить не буду, Егор, ходила я давеча в больницу, обследовали, рак у меня. Недолго мне осталось. Когда совсем недвижимой сделаюсь, подруга моя Света обещала доглядеть за мной». Анна замолчала, а Егор скатился с табурета прямо в ноги бабушки и плача шептал: «Прости, прости, прости, моя дорогая бабулечка».

Господь видит всё, ничего от него не утаишь. Видел он и жизнь Анны и Егора. И устроил так, что отслужив в морфлоте, вернулся Егор к своей дорогой навеки любимой бабушке. И Анна дождалась внука и внучку. И теперь с небес им во всём помогает, нельзя им, несмышлёнышам, без небесной Божией помощи, никак нельзя...

Я верую в добро людей...

Я верую в добро людей,
В природу снежно-озорную
И в стаи белых голубей,
В берёзку русскую родную.

Ещё я верую в Отчизну,
В сады, поля, где спеет рожь,
Где возвращался я к родимой
И веровал: меня ты ждёшь.

Бывает так...

Бывает так, что ходишь ты смурной
И кажется, что некуда деваться,
И где найти тот лучик золотой,
С которым не захочется расстаться?

А, может быть, жить нужно веселей,
Творить добро и в это свято верить,
И ждать блаженный миг венца идей,
Когда душа откроет настежь двери?!

И сразу станет радостным твой век,
И люди будут чаще улыбаться.
Ведь для того и создан человек,
Чтобы любить, и плакать, и смеяться.

Разудалая торговля

Пробивается сквозь землю травушка зелёная,
Запрягаю я коня, глядь: погода знойная.
Колокольчик под дугою зазвенит - и тронемся,
В путь-дорогу на базар торговать торопимся.

Повезу на рынок мясо: всех свиней своих забил.
Я мечтой своей увлекся и её вот полюбил.
Краше Насти нет на свете, выше солнца полечу,
Ведь деньжат на свадьбу надо - это ясно почему.

Разудалая торговля, сразу в миг богатым стал,
И друзей вдруг стало много, я не всех их даже знал.
Говорили: «Выпьем лихо и поедешь далеко!»
Вмиг напившись, помню только положили на крыльцо.

А наутро я очнулся - нету больше ничего:
Нет ни денег, ни телеги, закрутило удило.
И пешком бреду до дому, на душе темным-темно,
Понял скоро, что удачу променял я на вино.

В этой жизни сказок масса, вот и я в одну попал.
Пить с чужими, ох, опасно, счастье я своё проспал.

Совесть

Совесть железной подковою,
В дверь постучалась ко мне.
Сердце забилось тревогою -
Что же случилось в судьбе?

Или проснулась счастливая,
Надо вставать и встречать.
Что принесла величавая?
Может, кого-то спасать?

Вновь поругаю и выскажусь,
Только себя я корю.
Кажется, тошно, не выкручусь,
Но об одном я молю.

Чтобы жила, не покинула,
Душу мою храня.
И в круговерти бы выжила.
Совесть есть смысл бытия.

Давно это было...

Давно это было уж сто с лишним лет
Посажен был сад – красивей которого нет...
И яблоки, вишни в саду том росли,
А бабушки с ними пекли пироги.

И смех молодёжи, красивый закат…
Там сёстры-берёзки им сказку сулят.
Детишки весь день бултыхались в пруду,
Играли в футбол, волейбол и лапту.

Ты, память, зовёшь, не даешь мне забыть
Про детство моё. Я хочу в нём побыть.
... Давно это было, уж сто с лишним лет.
Был сад – красивее которого нет.

В этом мире...

В этом мире разны все душой,
Смысл жизни каждый ищет сам.
Но святые молятся с тобой,
Потому-то и спешим мы в храм.

Чудотворцев много на Руси -
Сергий, Серафим и Николай.
Ты скажи им просто: «Помоги!..»,
И терпенья сердцу пожелай.

В нас ведь, люди, искренность живёт,
Только мучит всех нас суета.
Но семья в любой беде спасёт,
Это, верьте, Божья правота.

Стоит деревня величаво...

Стоит деревня величаво,
И реченька внизу бежит.
Здесь простота и здесь начало.
А правда душу бередит.

Томится чугунок в избёнке русской,
Вкусней еды нигде ты не найдёшь.
Растёт рябинушка у тропки узкой,
Где с милой погулять пойдёшь.

Земля росистая проснётся,
Гармонь призывно запоёт...
Привычно время вскачь несётся,
Земля с любовью позовёт.

Я молю и хочу, чтоб Россия...

Я молю и хочу, чтоб Россия
Расцвела, как цветок на заре.
Ты полями, лесами красива,
И любовью жива на земле.

Всех ты больше страдала на свете,
Вся в слезах утопала страна.
И на этой чудесной планете,
Слишком часто ранима была.

Чистотой и сердечною лаской
Медсестрички спасали солдат.
Самой долгой была и желанной
Та победа, сквозь сотни преград.

Мы в провинции любим сердечно,
Нашу матушку, землю свою.
Пусть святое останется вечно,
И за это я твёрдо стою.

Я молю и хочу, чтоб Россия
Расцвела, как цветок на заре.
Ты полями, лесами красива,
И любовью жива на земле.

Я здесь силы для жизни черпаю свои...

Сквозь большую траву пробираюсь по полю.
Вижу церковь, погост и деревню.
Отчего-то сейчас на душе неспокойно -
Я ступил на забытую землю.

Вот колодец старинный с прохладной водою
В этот жаркий полуденный час.
Дом знакомый стоит высоко над рекою,
И не верится мне, что сейчас

Постучу и увижу родное лицо,
И без слов я пойму обо всём.
Прежде, чем я привычно миную крыльцо,
И войду в этот старенький дом.

Меня тётя обнимет, к столу позовёт:
«Слава Богу, доехал, сынок!»
А потом обязательно мне испечёт
Самый вкусный на свете пирог.

Разговоры не стихнут у нас до утра,
Буду слушать я голос родной,
Забывая, что скоро наступит пора
Мне опять возвращаться домой.

Я здесь силы для жизни черпаю свои,
В этом плавном течении дней.
Для меня нет на свете милее земли
И родней деревеньки моей.

Мелодия простая, зазвучи...

Мелодия простая, зазвучи,
А грусть-тоска ненужная, исчезни.
Мелодия простая, подскажи
Слова простой и задушевной песни.

Была бы мелодичною она,
И голос не подвёл бы, не сфальшивил,
А память нас услужливо тогда
Вернёт в наш отчий дом, туда, где жили

Мы в раннем детстве с мамой и отцом,
Счастливые в любую непогоду,
От всех проблем спешили на крыльцо
К надёжному домашнему порогу.

Мелодия напомнит обо всём:
Согреет душу песенка простая.
Давай её тихонечко споём,
Всё лучшее, что было, вспоминая.

Пусть радостью наполнятся сердца,
Доселе нам с тобою неизвестной,
И не сфальшивят наши голоса,
Неся хрустальный звон волшебной песни.

Пахнет сено травою душистою...

Пахнет сено травою душистою,
На полях поспевает зерно.
Над моею землёй небо чистое,
Всей душой полюбил я её.

Ты, земля моя, в будни и праздники
Нас накормишь, от бед сбережёшь,
Терпеливо научишь проказника
Сеять хлеб и выпалывать ложь.

Сеять доброе, славное, вечное
Учишь нас ты, родная земля,
С босоногого детства беспечного
Всей душою люблю я тебя.

Серебристой россыпью тихо падал снег...

Серебристой россыпью тихо падал снег,
На коне он едет, хлопьями одет.
Думы невесёлые крутятся, бредут,
Бедному с богатою счастья не дадут.

Повстречались души, что тут говорить,
Надобно девицу повидать, спросить.
И к крылечку милой конь летит стрелой,
Вороной, игривый - выручай, родной!

На крыльцо выходит батя под хмельком
И, увидев парня, рвётся напролом:
«Не увидишь больше дочь мою, злодей,
Не туда ты метишь, скройся с глаз скорей!

А то свору волчью на тебя спущу,
С камешком на шее в речку опущу».
Марья выбегает - прямо на коня:
«С милым не расстанусь, хоть казни меня!

Счастье не в богатстве, души чтоб слились!
Батюшка, помилуй, больше не сердись».
Долго батька думал, опустив глаза:
«Видно , дочке замуж выходить пора.
Я не знал ,что любишь. Так тому и быть».
В церкви обвенчались, дружно стали жить.

Содержание

БЛАЖЕН УВЕРОВАВШИЙ!..... 3
Переписка с женой великого русского писателя Василия Ивановича Белова, Ольгой Сергеевной..... 5
Светлой памяти великого русского писателя
Василия Ивановича Белова..... 9
Последняя книга Василия Белова..... 14
Письма Ольги Сергеевны Беловой..... 16
Прощание с Ангарой.
О фильме Сергея Мирошниченко «Река жизни»..... 28
Пьяный хозяин тайги..... 33
Медвежье лихолетье 2012..... 35
Братск-Верх-Обское
Шукшинско-Евдокимовский Алтай..... 38
Путешествие на родину Михаила Евдокимова..... 49
В дороге..... 50
Место гибели..... 52
Просто Миша..... 53
Горноалтайская мозаика..... 58
Встреча с губернатором..... 61
Остаётся в наших душах навсегда..... 63
Памяти детского писателя Геннадия Павловича Михасенко..... 66
Памяти Александра Барыкина..... 69
Размышление о книге В.А. Солоухина «Время собирать камни»..... 71
Памяти Виктора Соломоновича Сербского..... 75
Собаки ждут
(О Братском писателе Василии Александровиче Скроботе)..... 77
Грустные мысли..... 81
ПРИ ОТКРЫТЫХ ДВЕРЯХ ДИРЕКТОР
ДК «ТРАНСПОРТНЫЙ СТРОИТЕЛЬ»
СВЕТЛАНА НОВИКОВА..... 83
Хочу петь..... 83
Теплый Дед Мороз..... 84
Россия – это русская женщина..... 86

Именно в провинции 88
ТРУДНИК АФРИКАН..... 90
Детство..... 90
Наводнение 91
Учёба 92
Переезд на правый 93
Храм 93
Рассказ старосты 95
Начало службы 96
Эпилог 97
ОСТРОВИТЯНЕ БЕЗ ОСТРОВА 99
Приложение
Интервью Анатолия Казакова с Клавдией Николаевной Петровой .. 102
БОГОМОЛИЦА АННА 130
Аналой 136
Памятный день для прихожан Правобережья
Молебен в честь водружения купола 140
Вознесение золоченого купола 141
Завершение установки купола на Храме Преображения Господня .. 142
О книге архимандрита Тихона (Шевкунова)
«Несвятые святые» 144
Не погибай 148
Серафим Саровский и село Леметь..... 168
Евдокеюшка 183
Ванька-Баум..... 198
Сказки Лемети 201
Свет потухших глаз..... 203
Елизарова молитва 209
Священник Никодим..... 219
Богобоязненные они были..... 222
Пустая котомка 225
Свято-давнишняя Русь 226
«Вековечные погосты» 236
Казачий разговор 239

Напраслина 242
Совесть 245
Саднит в душе 250
Избаловалось человечество 252
Отцова телеграмма 254
Проводка 258
Евдоким 260
Спасённая 262
Дворник 266
Силуэт старика 270
Бачки 273
История простой человеческой любви 274
Сашкины ботинки 278
Блаженный Толька 281
Три сердечка 289
Рядышком 295
Разговор 297
Нечаянная радость 300
Побило сыночков-то 306
Десять банок тушёнки 307
Магазинный хлебушек 309
Нравственность мужика 314
Генерал и курочки 318
Исповедь заводчанки 320
Пластиковые окна 325
Давай за жизнь… 326
Бревно 327
Хлёбово 328
НИКИФОР И ДРУГИЕ 330
Никифор 330
Детство 332
Жизнь Тимофея 336
Поклон Боженьке 338
Сказка о маленьком мальчике 340

Млечный путь детства 342
Молоденький ангел 344
Незамечайки 345
Коник и снегурка 346
Хроменькая (сказка) 347
Богатырь Леметка 349
Интровертность, экстравертность и три березки России 352
Агапий и Агриппинушка 355
Вы не видели Чернигова? 358
ЗДРАВСТВУЙ, ЕГОРОВНА 362
В школе 362
Путь к Богу 363
Послушание 365
Рассказ Нины Колбосовой 367
Господь и старушка 370
В ОЖИДАНИИ ЧУДА 373
Юная богомолица 373
Кормушка за окном 374
Тайное крещение 375
Грехи наши 376
Возжигающая свечи 377
Наши памятные песни 378
Одигитрия 380
Бабушка Таня 391
Уверуй, что всё было не зря... 393
Катерина Сизова 398
Колино угощение 402
Русское знамение 406
Барачное детство 419
Ангарская экспедиция 427
Сердешные фигурки 432
Ангел ручной работы 448
ОДИНОКИЕ ГВОЗДИКИ 451
Михаил Афанасьевич 451

Александр Иванович..... 453
Герман Тимофеевич 455
Иван Иванович 456
Екатерина Александровна..... 458
Жизнь не понарошку 460
СТИХИ..... 465
Я верую в добро людей..... 465
Бывает так... 465
Разудалая торговля..... 466
Совесть..... 467
Давно это было... 468
В этом мире..... 468
Стоит деревня величаво... 469
Я молю и хочу, чтоб Россия... 470
Я здесь силы для жизни черпаю свои... 471
Мелодия простая, зазвучи... 472
Пахнет сено травою душистою... 473
Серебристой россыпью тихо падал снег... 474

Анатолий Казаков

Аналой

Дизайн обложки Алексей Хомченко

Технический редактор Марина Хомченко

Корректоры Эмма Зачиняева, Светлана Рудых

Редактор Василий Ирзабеков

Подписано в печать 02.10.2014 г. Формат 62х94 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Печать офсетная. Тираж 50 экз.
Отпечатано: Типография ООО «Полиграф».
г. Братск, ул. Южная, 8, стр.3.
Тел.: 8 (395 3) 41-00-04. E-mail: ps@bratsk.ru